

MIGRATION AND DEVELOPMENT

МИГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ / MIGRATION AND DEVELOPMENT

МИГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

МИГРАЦИЯ И РАЗВИТИЯ

**Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков
международной конференции
«Миграция и развитие»,
Москва, 13–15 сентября 2007 г.**

Научная серия:
*Международная миграция населения:
Россия и современный мир*

Выпуск 20

**МОСКВА
2007**

УДК 325
ББК 60.7
М43

*Серия «Международная миграция населения:
Россия и современный мир»*

Выпуск 20

Редакционная коллегия:

В.А. Ионцев (главный редактор),
И.В. Ивахнюк (ответственный секретарь), **Г.Е. Ананьева**,
А.Н. Каменский, **Е.С. Красинец**, **А.Г. Магомедова**, **И.А. Малаха**,
В.Н. Петров, **Л.Л. Рыбаковский**, **Г.В. Кумсков** (Кыргызстан)

М43 **Миграция и развития: Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сентября 2007 г.** Сборник статей/ Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: Би Эль Принт, 2007. – 255 с. (Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир; Вып. 20).
ISBN 978–5-7218-0923-1

Двадцатый выпуск серии составлен из оригинальных концептуальных статей ведущих секций и основных докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сентября 2007 г.

Публикуемые в сборнике материалы могут не отображать точку зрения редколлегии. Авторы несут ответственность за их достоверность. Материалы серии имеют как научный, так и учебный характер и, соответственно, могут быть использованы в учебном процессе.

С электронной версией настоящего и предыдущих выпусков серии можно ознакомиться на сайте кафедры народонаселения экономического факультета МГУ (www.demostudy.ru).

УДК 325
ББК 60.7

Компьютерный набор, обработка текста и подготовка макета:
И.А. Алешковский

Напечатано с готового оригинал-макета

Издательство ООО «Би Эль Принт»
Печать офсетная. Печ. л. 30,0. Тираж 500 экз.

ISBN 978–5-7218-0923-1

© В.А. Ионцев и др., 2006

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Предисловие (<i>Владимир Ионцев</i>)	4
Жан Клод Шене (<i>Франция</i>) Миграция как инструмент развития.....	7
Дэвид Коулмен (<i>Великобритания</i>) Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью — третий демографический переход в действии?	12
Пол Демени (<i>США</i>) Глобализация и международная миграция: противоречивые перспективы	49
Владимир Ионцев, Иван Алешковский (<i>Россия</i>) Международная миграция, глобализация и развитие	61
Ирина Ивахнюк (<i>Россия</i>) Евразийская миграционная система: теория и практика	95
Янеш Малачич (<i>Словения</i>) Роль миграции в современном демографическом режиме	115
Филип Мартин (<i>США</i>) Временные трудовые мигранты с низким и средним уровнем квалификации	131
Дуглас С. Массей (<i>США</i>) На пути к всеобъемлющей модели международной миграции.....	146
Ирина Прибыткова (<i>Украина</i>) Миграция и демографическое развитие Украины	172
Леонид Рыбаковский (<i>Россия</i>) Механизмы формирования миграционных потоков.....	183
Елена Садовская (<i>Казахстан</i>) Международные трудовые миграции, денежные переводы и развитие в республиках Центральной Азии: процесс регионализации или глобализации?	188
Ума Сегал (<i>США</i>) Иммиграция в США	212
Рональд Скелдон (<i>Великобритания</i>) Социальные и экономические аспекты миграции: дискуссии о взаимосвязи миграции и развития	232
Сведения об авторах	247
Информация о серии	248

¹ Статьи настоящего сборника расположены в алфавитном порядке в соответствии с английской транслитерацией фамилий авторов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пять лет назад, в 2002 году, в нашей научной серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» вышел 10-й выпуск, авторами которого стали ведущие ученые в области миграции, такие как Р. Эпплеярд, Д. Массей, Д. ван де Каа, М. Окольский, Я. Малачич и др. Это был первый выпуск, подготовленный на русском и английском языках. Выход этого сборника позволил многим российским и зарубежным исследователям миграции (в первую очередь из стран ближнего зарубежья и Восточной Европы) познакомиться с ведущими теоретическими разработками в области миграционных исследований. Эта книга стала важным шагом для более глубокого понимания современных закономерностей международной миграции и их теоретического осмысления.

Впоследствии было подготовлено еще несколько двуязычных выпусков (12, 14, 15–16 и 18), авторами которых стали многие известные зарубежные ученые.

И вот достигнут новый рубеж — подготовлен 20-й юбилейный выпуск, выход которого приурочен к началу работы Международной конференции «Миграция и развитие» (Пятые Валентеевские чтения), которая пройдет в МГУ имени М.В. Ломоносова 13–15 сентября 2007 года.

Именно так и озаглавлен 20-й выпуск — «Миграция и развитие. Он посвящен 10-летию нашей научной серии и включает доклады руководителей рабочих секций конференции и ряда наиболее авторитетных зарубежных ученых, таких как Пол Демени (США), Ума Сегал (США), Жан-Клод Шенэ (Франция) и др.

Открывает выпуск доклад Ж.-К. Шенэ «Миграция как инструмент развития», основная идея которого заключается в том, что миграция затрагивает не просто те или иные стороны развития общества, но и может выступать эффективным инструментом положительного воздействия на это развитие.

Эта же идея красной нитью проходит в докладе Р. Скелдона, который, говоря о тесной взаимосвязи между миграцией и развитием, раскрывает ее противоречивые моменты и соответственно связанную с этим научную дискуссию.

Научная дискуссия о закономерностях международной миграции находит еще более полное отражение в докладе Д. Массея, который продолжил обоснование своей идеи о необходимости разработки универсальной, обобщающей теории миграции (см. выпуск 10). В новом материале он, по сути, показывает, на какой стадии исследования находится миграционная наука с точки зрения формирующейся всеобъемлющей модели международной миграции.

Хотелось бы обратить особое внимание читателей на два доклада, которые, на мой взгляд, имеют принципиальное значение с точки зрения будущего развития мира, его отдельных регионов и стран.

П. Демени в своем докладе, посвященном роли международной миграции в процессе современной глобализации мира и ее противоречивым перспективам, приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу, что, может, есть смысл отказаться от попыток управлять миграцией, поскольку весь предыдущий опыт показывает их полную несостоятельность.

В этом, видимо, и заключается «противоречивость перспектив» развития международной миграции на этапе глобализации современного мира. Но тогда неизбежно возникает вопрос: «Что тогда делать? Как регулировать мировые миграционные потоки, исходя как из интересов мирового сообщества в целом, так и из интересов отдельных регионов и государств». Вопросы не простые. Видимо, если исходить только из интересов капитала, ответить на них не представляется возможным.

Эту же противоречивость мы находим и в статье Д. Коулмэна, которая представляет переработанный автором вариант статьи, опубликованной в журнале “Population and Development Review“ (№3, 2006). В этих статьях он пытается обосновать концепцию «третьего демографического перехода», суть которого заключается в «замещении» коренного населения Западной Европы населением, формирующимся из различных групп иммигрантов, этническая принадлежность которых коренным образом отличается от «западного населения». По существу, речь идет о замене европейской цивилизации новой, скорее всего, азиатской цивилизацией при условии сохранения современных демографических тенденций, о чем мы писали уже в 1999–2002 гг. По мнению Д. Коулмэна, чтобы не допустить подобного варианта развития, следует «приостановить или запретить иммиграцию».

Возможно ли это в условиях той же глобализации мирового хозяйства, в условиях, когда «маховик» миграционного движения получил мощный импульс ускорения и когда экономика развитых стран стала настолько зависима от черного, неквалифицированного труда пришлых рабочих? Думается, что нет! Более того, возникает предположение – а, может быть, ход истории с целью сохранения человечества предусматривает замену дряхлеющего, вымирающего европейского населения более жизнеспособным и многочисленным азиатским населением?

В связи с последним надо сказать о роли России, которая стала в последние 15 лет важнейшим транзитным перевалочным пунктом для переселения больших масс населения из Азии в Европу. Думаю, что эта роль недооценивается Западной Европой, как и роль России в Евразийской миграционной системе, особенности формирования и функционирования которой подробно рассмотрены в статье И. Ивахнюк. Хотелось бы подчеркнуть, что идея формирования этой миграционной системы, стержнем которой является Россия, находит последовательное доказательство и в других работах этого автора.

Каковы механизмы формирования миграционных потоков в Евразийской миграционной системе, как, собственно, и в других миграционных системах, блестяще показал в своих тезисах один из ведущих специалистов в области

миграции Л. Рыбаковский, который успешно развивает теорию факторов миграции, как и концепцию трехстадийной модели миграции.

Другие доклады, представленные в этом выпуске, не менее интересны. Они представляют авторские концепции и взгляды на роль миграции в демографическом и экономическом развитии мира и его отдельных регионов, роль миграции в интеграционных процессах на региональном уровне, перспективы миграционной политики и т.д.

Издание настоящего выпуска стало возможным благодаря финансовой поддержке московского представительства Международной Организации Труда и Совета Европы.

*Профессор В.А. Ионцев,
Главный редактор*

МИГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗИТИЯ

В классических работах по демографическому анализу миграция не рассматривается, как если бы это было неким «грязным» явлением. Она учитывается экономистами, но ее значение неоднозначно. Чаще всего обзор ограничен, с одной стороны, близорукостью, с другой стороны, незнанием исторических фактов.

Международная миграция призвана смягчать демографические диспропорции, а также неравновесия в экономике.

В отличие от упрощенного подхода, доставшегося в наследство от марксизма и базирующегося на категориях «доминирующий / доминантный», миграция — это игра с положительным исходом для трех участников: иммигранта, страны прибытия и страны выбытия. Перейдем к обзору основных составляющих аргументации, особенно тщательно анализируя ситуацию в стране выбытия, которая плохо изучена и просматривается, как правило, сквозь призму благонамеренной идеологии, имеющей мало общего с реальностью.

– У *иммигранта*, который пересекает границу часто с риском для собственной жизни, есть ясная мотивировка: это вопрос выживания *для него и для его семьи*; чтобы забыть безработицу и нищету своей страны, он стремится достигнуть Эльдorado, где зарплата часто в 10–20 раз превышает средний заработок той страны, которую он покидает. Он часто подвергается эксплуатации в плане режима труда, зарплаты, трудоотдачи, но он сравнивает свои условия не с условиями страны прибытия, а с условиями своих соотечественников, оставшихся на родине, с траекторией, по которой он мог бы пойти, оставаясь дома. Иммигрант соглашается на работы типа 3D (грязная, трудная, опасная), отвергаемые коренным населением, для которого переезд из деревни в город обеспечивает более комфортные условия жизни. Для мигранта это личный выбор, который возвышает его в глазах земляков и который дает ему опыт, профессию и шанс на достойную жизнь. Наглядное подтверждение этого – крах политики выплаты *помощи на возвращение*, т.е. пособий иностранным рабочим, согласившимся вернуться на родину, практиковавшейся основными странами назначения Западной Европы (Германией, Францией, Швейцарией и т.д.) в 1973–1974 гг., когда разразился нефтяной кризис, чреватый замедлением экономического роста, увеличением безработицы и опасностью приступов ксенофобии. Даже достаточно высокие финансовые стимулы к возврату остались безрезультатными, так как иммиграция является частью *семейной стратегии* (повышение социального статуса, отправка денег близким, живущим в нищете, стремление накопить капитал, чтобы построить дом или создать семейное предприятие и т.д.). Среди мигрантов наблюдается более низкий уровень безработицы и более сильное

рвение к работе, чем среди коренных жителей, поскольку на мигрантов давит нужда, необходимость заработка, они должны зарекомендовать себя.

– Для *страны прибытия* важным является повышение конкурентоспособности в различных сферах экономики. Безусловно, это касается некоторых секторов с квалифицированной рабочей силой (инженеры, работники здравоохранения и т.д.), но также это касается сферы ручного труда или специальностей, непривлекательных для нового, более образованного поколения страны-хозяйки: это услуги уборщицы, прислуги, присмотр за детьми или пожилыми людьми, садовые работы, работы в строительном секторе и общественные работы, также «сфера гостеприимства» (отели, рестораны, кафе) или профессия таксиста (ночное расписание и т.д.); это также услуги консьержа и т.д. Список на этом не заканчивается. Нанимая иностранных работников, многие предприятия избегают банкротства, увольнений, а глобальная экономика приобретает большую эластичность. Что касается потребителя, из-за различия в уровне почасовой заработной платы выполняющих работу мигрантов он выигрывает с финансовой точки зрения: сделанные им сбережения вновь инвестируются в экономику.

Страх «утраты статуса» среди коренного населения (А. Сови) является причиной дискриминации; большие предприятия по уборке министерств, больниц, общественных и административных зданий, предприятий и т.д. ищут только чернокожих, т.к. белые отказываются выполнять задания, которые они считают недостойными себя, и предпочитают жить на пособия (пытаясь совместить получаемый доход с незарегистрированной деятельностью). Хорошо известно, что пособия могут превышать фактические расходы, особенно среди мигрантов тех национальностей, которые практикуют полигамию (муж стремится присвоить пособия, предназначенные его женам).

В целом, иммиграция способствует увеличению покупательной способности (иностранная рабочая сила производит менее дорогие продукты и услуги) и благоприятствует социальной мобильности населения внутри принимающей страны. Здесь речь идет не о ликвидации социального напряжения, преступности, издержек интеграции, а о наличии некоторых экономических фактов, обычно не упоминающихся в средствах массовой информации из-за своей незаметности. Иначе говоря, иммиграция приводит к росту производительности, так как обычно самые лучшие, самые умные, самые квалифицированные работники готовы пойти на риск и, бросив все, уехать из своей страны. Это также те, кто стремятся создать свои предприятия («family/community-business»).

– Что касается *страны выбытия*, результаты анализа банковской статистики и объема денежных переводов, сделанного через интернет, можно однозначно утверждать, что деньги иммигрантов питают экономику бедных стран. По подсчетам Мирового Банка, суммы, переведенные мигрантами в 2004 году (без учета переправленных неофициальным путем

сумм, оцениваемых в 300 млрд. долларов), доходили до 100 млрд. долларов, в сумме же составляли 400 млрд. Общая сумма намного превышает размер официальной помощи развитию или прямые иностранные инвестиции в заинтересованные страны. Преимущество переводов мигрантов заключается в адресном получении средств, не растрачиваясь на наиболее беспомощных и в то же время увеличивая их доход. Во многих странах денежные переводы рабочих-мигрантов являются первым или вторым источником иностранной валюты, позволяющим финансировать импортные закупки, реализацию проектов по созданию инфраструктуры (постройка дорог, больниц, школ и т.д.), выдачу небольших кредитов местному населению, создание частных предприятий. В конечном итоге это обеспечивает рабочие места для молодых людей или школьное обучение для подростков. Если для богатой экономики мигранты — это «помощники кочегара», то для бедной экономики они являются благодетелями, так как регулярно осуществляют увеличивающийся вклад в реализацию Цели тысячелетия по развитию (сокращение бедности наполовину к 2015 году). Причем это происходит более стабильно, более незаметно, чем через официальные каналы, и без резких изменений на рынке ценных бумаг. Согласно данным Международной организации по миграции (МОМ) каждый год приблизительно 250 тыс. бангладешцев покидают свою страну в надежде найти работу за границей. Предположим, что каждый отправляет на родину часть своего заработка, что позволяет десятку человек, оставшихся дома, избавиться от нищеты, таким образом оценивается эффект рычага для наиболее нищенского класса. Этот тип частного перераспределения финансовых ресурсов представляется более эффективным, более стабильным, более целевым, чем все официальные механизмы финансовой помощи.

Таким образом, миграция способствует обогащению страны выбытия; она является средством борьбы против бедности; в большинстве случаев деньги, отправляемые семье, оставшейся на родине, могут составлять пятую или четвертую часть от зарплаты рабочего. Но, учитывая различия в уровне жизни, которые могут составлять, скажем, 1 : 5, деньги мигрантов могут достигать половины дохода семьи, оставшейся в стране выбытия. В результате возникает дополнительный эффект рычага.

В странах Латинской Америки очевидно приходят к пониманию этого. В Европе перераспределительный эффект денежных переводов мигрантов давно хорошо известен; его испытали на себе такие страны как Италия, Португалия и Испания во времена массовой эмиграции. Однако Межамериканский Банк Развития до сегодняшнего дня почти не интересовался этими финансовыми потоками, так как они казались второстепенными, неформальными, незначительными; сегодня же, наблюдая увеличивающийся приток мексиканцев в США и их социальный рост, Банк признает, что данное явление широко распространено. С рекордным числом в 16,6 млрд. долларов «remesas» (денежный перевод) в

2004 г., Мексика является основным получателем мигрантских переводов в регионе Латинской Америки и занимает второе место в мире после Индии. Президент Мексики признает, что эти переводы превышают сумму социальных инвестиций в деревни и ощутимо способствуют борьбе против бедности, сельскому развитию и уменьшению внешнего долга. Этому признанию способствовал быстрый рост официальных банковских операций и прямых переводов с одного счета на другой через интернет; по оценкам, если бы денежные переводы прекратилась, в Мексике уровень бедности возрос бы как минимум на 10% (американцы мексиканского происхождения представляют сегодня 9% населения США, то есть 26,6 млн. человек). Другими словами, деньги диаспоры представляют собой основу экономики многих стран, в особенности более бедных, чем Мексика (Сальвадор, Гватемала, Колумбия, Куба, Доминиканская Республика и т.д.); они играют роль непрерывных «капельных вливаний».

Помимо «надводной части айсберга» миграции, необходимо рассматривать другие ее аспекты, так как миграция определяет мобильность, способствует разнообразным обменам и получению полезных знаний для модернизации, короче говоря, вступлению на путь развития.

В этой игре нет выигравших и проигравших, это игра, в которой каждый оказывается победителем. Многие политические деятели Азии утверждали это в течение долгого времени, приводя пример Шри-Ланки, Филиппин или Индии. Индира Ганди никак не показывала своего негодования из-за происходившей «утечки умов» из страны, так как она предвидела косвенные долгосрочные последствия: с одной стороны, часть эмигрантов возвращается на родину, повысив свою квалификацию и наладив связи с университетами и лабораториями за границей; с другой стороны, те, кто остаются в более процветающих странах, не рвут связи со своей родиной; они стремятся поделиться своими знаниями, приглашают студентов в свою новую страну, призывают известных иностранных профессоров передавать свои знания коллегам в Индии. Тем самым создаются научные обмены, научные мосты, межнациональные семьи, которые являются лучшей гарантией общения, обменов, отраслевых и структурных объединений, роста уровня жизни.

Итак, миграция — это динамический интерактивный процесс, обеспечивающий рост совокупных доходов, что зачастую игнорируется СМИ, недооценивается статистикой, и не замечается дихотомическими исследованиями. Экономический анализ миграции является более комплексным и более тонким, чем общественное представление о ней.

В заключение отметим два пункта: первый относится к урокам истории, второй — к ловушкам общего понятия «идентификация».

– Страны, испытывающие на себе сильное влияние миграции (США, Франция, Люксембург, Швейцария, ..., Эстония), отличаются крепкой и здоровой экономикой. В то же время страны, «разоренные» эмиграцией, например, Англия и Ирландия, где диаспора намного превосходит коренное

население, не разрушены эмиграцией. Впрочем, если бы миграция была пагубным явлением, она бы прекратилась сама собой.

Наиболее интересный случай — современная Испания. В 1981 г. число проживающих там иностранцев оценивалось в 200 тыс. человек, в 1991 г. — в 400 тыс., в 2001 г. — порядка 1,5 млн. и в 2007 г. — около 5 млн. (включая нелегальных иммигрантов). За эти годы Испания перестала быть экономически отсталой страной; экономический рост привлекает мигрантов, которые оказывают благоприятное воздействие.

– Понятие «идентификации» обманчиво: его латинский корень (“idem” = то же) подразумевает что-то фиксированное, неизменное. Однако нет ничего изменчивее идентификации. Что есть общего между безграмотным французским крестьянином начала XX века и его городским «коллегой» начала XXI века, мобильным, сверхинформированным, прошедшим 20 лет в школе и университете? Понятие «французская идентификация», используемое для упрощения в разговорной речи, также обманчиво; колесо истории не останавливается ни на минуту. Нюансы становятся еще острее и разнообразнее, когда речь заходит о «мусульманской цивилизации». Весь вопрос состоит в том, чтобы узнать, что остается неизменным и что меняется. Всеобщего поощрения заслуживают те институты, которые поощряют дискуссию на эту тему и подчеркивают ценность общего наследия человечества.

**ИММИГРАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ СДВИГИ В СТРАНАХ
С НИЗКОЙ РОЖДАЕМОСТЬЮ:
ТРЕТИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В ДЕЙСТВИИ?**

В настоящей статье утверждается, что в Европе и США уже начался третий демографический переход. Структура некоторых наций постоянно изменяется вследствие высокого уровню иммиграции людей из отдаленных географических районов или иммиграции лиц отличного этнического и расового происхождения, в сочетании с постоянно низкой рождаемостью и возрастающим уровнем эмиграции местного населения. Оценки и прогнозы, на которых основываются эти утверждения, относятся к семи европейским странам с общей численностью населения 183 миллиона на 2005 год – это около половины населения Западной Европы. Большинство других западноевропейских стран, однако, разделяют те же самые существенные особенности: низкую рождаемость и высокую иммиграцию.

Это высказывание состоит из двух утверждений. Первое имеет две составляющие: (1) в некоторых индустриальных странах быстрое изменение в этническом происхождении, возникающее из-за прямых и косвенных эффектов иммиграции, за последние несколько десятилетий уже стало заметно в составе населения, и (2) прогноз, основанный на правдоподобном допущении, предполагает, что если такое существенное изменение состава населения сохранится, то это приведет к тому, что коренное население станет меньшинством.

Это первое утверждение сравнительно легко продемонстрировать эмпирически, учитывая явные и законные предпосылки.

Второе утверждение состоит в том, что такой процесс, будучи продолжающимся и осуществляющимся за столь короткий исторический период, имеет основание именоваться «переходом».

Предыдущие демографические переходы

Первый демографический переход характеризовал сокращение уровней рождаемости и смертности с традиционно высоких уровней до низких уровней, в настоящее время почти обыкновенных для индустриальных обществ. Безотносительно аргументов о его причинной обусловленности, немногие теперь подвергают сомнению его необратимость, его значение как меру преобразований — и усовершенствования — личного и социального благосостояния, и его беспрецедентных последствий для прироста населения, размера, и

¹ Настоящий доклад представляет собой обновленную версию статьи, опубликованной в №3 2006 года журнала “Population and Development Review”. Публикуется с разрешения журнала “Population and Development Review” и издательства Blackwell Publishers.

возможного старения. Даже в этом случае, конечная точка перехода все еще не совсем ясна, и ожидаемая стабилизация населения и конвергенции показателей рождаемости и смертности должны еще появиться (Vallin 2004). Переход, далекий от завершенного состояния в странах Юга, - одна из движущих сил миграционных процессов, обсуждаемых здесь. Второй демографический переход, следуя за первым, описывает и объясняет изменения в стандартах образа жизни и репродуктивном поведении, а также в условиях рождения ребенка. Он отображает изменения в образе жизни многих жителей западных обществ. (Lesthaeghe, Surkyn, 2004). Его новизна и его прогноз развития в направлении к довольно глобальному проявлению подвергаются сомнению только меньшинством (например, Cliquet 1991; Coleman 2004). Некоторые аналитики основательно раскритиковали предположения о такой последовательности демографических переходов (Harbison, Robinson 2002), но мы допустим сделанные предположения. Их значение ответственно в меньшей степени за демографические аспекты (автор, например, не согласен, что второй демографический переход имеет непосредственное отношение к низкой рождаемости), нежели за изменения в ценностях: возрастание толерантности и ослабление национальных чувств, которые позволили элите, которая рассматривает с хладнокровием изменения в этническом составе, являющиеся результатом миграций; эти изменения в недалеком прошлом были бы отвергнуты. Ни одна из концепций демографического перехода не учитывает в явном виде миграцию или любые последовательные изменения в составе населения, хотя Ван де Каа (van de Каа, 1999) предполагает, что увеличение иммиграции будет естественным косвенным последствием низкой рождаемости стран-получателей. С другой стороны равенства, эмиграция имеет тенденцию быть на самом высоком уровне в пик прироста населения в середине перехода, как было в Европе в девятнадцатом столетии и как происходит в развивающемся мире в настоящее время (Ortega, 2005).

Процессы, описанные и отраженные здесь, являющиеся результатом низкой рождаемости и высокой иммиграции, существенны, потому что они изменяют национальный состав населения, и, таким образом, культуру, облик, общественные события, и самоидентификацию жителей европейских стран. Жизненные нормы, прирост населения, жизненные планы — то, что было главным в концепциях первых двух демографических переходов, также находятся под влиянием иммиграции, как и возрастная структура. Но они не главное в этой статье. Если текущие тенденции сохранятся, то коренное население многих, возможно большинства, европейских стран, которое в данный момент является большинством, станет численно меньше, чем население иммигрантов или людей смешанного происхождения. Это будет окончательной «замещающей миграцией», до этого не наблюдавшейся на больших географических пространствах без применения вторжений или силы.

Первая часть этой статьи рассматривает некоторые демографические свидетельства и факты, подтверждающие эти утверждения. Вторая часть

рассматривает, имеют ли наметившиеся изменения в составе населения фактическое значение. Третья часть, представляет подробную оценку населения иностранного происхождения, сделанную в шести европейских странах (все, что известно автору), немного из которых доступно на английском языке.

Теоретическое обоснование

Только относительно недавно обратили внимание на то, какие эффекты миграция оказывает на состав населения. Интерес был сосредоточен на эффектах иммиграции на структуру и численность стабильного населения. Например, было обнаружено, что постоянно сохраняющийся уровень миграции в поселение с низкой рождаемостью и постоянной смертностью всегда приводит к стационарному населению (то есть, оно численно ни растет, ни снижается), пока, в конечном счете, рождаемость иммигрантов не сойдется к той, что характерна для коренного населения. Это заключение имеет некоторое отношение к нашему обсуждению, потому что (1) у всех рассматриваемых популяций (за исключением населения Соединенных Штатов) рождаемость ниже уровня простого воспроизводства, (2) численность иммигрантов помогает повысить общую численность, поскольку коренное население уменьшается и, в конечном счете, исчезает.

Численность конечного постоянного населения зависит от численности мигрантов. (Pollard, 1973). Например, демографические показатели США 1977 года для всех групп населения не обеспечивали и простого воспроизводства, а чистая ежегодная иммиграция 840 000 человек, в конечном счете, поддерживала бы постоянное население в 226 миллионов человек, полностью иммигрантского происхождения, независимо от численности коренного населения (Espenshade, Bouvier, and Arthur, 1982).

Здесь существенное заключение состоит в том, что любое население с показателями рождаемости, которые поддерживают постоянную или растущую численность населения посредством иммиграции, приобретет черты населения иммигрантского происхождения, а, в конечном счете, полностью станет населением иммигрантского происхождения (за исключением людей от смешанных браков). Среди любого населения со средней низкой рождаемостью любое меньшинство с более высоким темпом роста должно, в конечном счете, стать численно доминирующим (Steinmann, Jager, 2000). Коренное население преобразовывается в любом случае, сохраняется ли строгое разделение отличительных черт растущего населения или оно обладает смешанными чертами. Окончательный результат замещения населения не зависит от того, как перенимаются иммигрантами внутренние низкие коэффициенты рождаемости: быстро, медленно, или не перенимаются вовсе (Coale, 1986). Можно возразить, что эти теоретические выкладки являются неуместными, потому что заключения касаются долгосрочной перспективы, а в этой статье обсуждается более короткий масштаб времени. Это возражение, как бы то

ни было, не оказывает никакого влияния на предсказанный результат. Моделирование, используя ряды более или менее вероятных чисел, подтверждает все это, показывая, например, существенные эффекты крупномасштабной иммиграции на состав населения тогдашнего ЕС-12 и выбранных европейских городов и Голландии до 2050 г. (Lesthaeghe и Page, 1988; Surkyn; Kuijsten, 1995).

Организация Объединенных Наций в 2000 году представила полный набор примеров миграционных эффектов на примере нескольких стран, используя ту же самую методологию. Это показало возможность на протяжении с 2000 г. до 2050 г. очень большого прироста населения иммигрантского происхождения при условии поддержания уровня иммиграции, достаточного для того, чтобы сохранить общую численность населения в трудоспособном возрасте, и возрастную структуру населения в странах с низкой рождаемостью (UN 2000). Например, средняя чистая иммиграция в страны ЕС (ЕС-15) 1.4 миллиона человек ежегодно сохранила бы население в трудоспособном возрасте на уровне 1995 года вплоть до 2050 года. Цифра 1.4 миллиона близка к фактической средней чистой иммиграции с 2000 года.

Постоянная низкая рождаемость и высокая иммиграция: предпосылки для третьего демографического перехода

Низкая рождаемость

Сегодня демографическая ситуация в большинстве индустриальных стран соответствует основным характеристикам, которые обсуждалось выше. Повозрастные коэффициенты рождаемости во всех странах кроме Соединенных Штатов сейчас низки, как, впрочем, и были уже в течение нескольких десятилетий в Западной Европе, позже в Южной и Восточной Европе. Кумулятивная рождаемость, отражая репродуктивное поведение женщин, которые начали рожать детей 15–20 лет назад, упала до низкого уровня почти во всех этих странах (Frejka и Sardon, 2004). Однако в Западной Европе повозрастная рождаемость осталась неизменной с начала 1980-х гг., несмотря на непрерывное повышение среднего возраста рождения детей. Во Франции, Нидерландах и Дании повозрастная рождаемость повысилась.

В ответ на вопросы обследования женщины в большинстве европейских стран все еще утверждают, что в идеале в семье должно быть, по крайней мере, два ребенка. Это утверждение, до настоящего времени здоровое и универсальное, подорвано недавними ухудшающимися тенденциями в репродуктивных предпочтениях женщин Германии и Австрии (Goldstein, Lutz, Testa, 2003) и, что хуже, мужчин этих стран. С другой стороны, в Соединенных Штатах и идеалы, и практика остаются непоколебимыми (Hagewen, Morgan, 2005). Некоторые предположения, которые пытаются ввести поправку на откладываемое во времени рождение

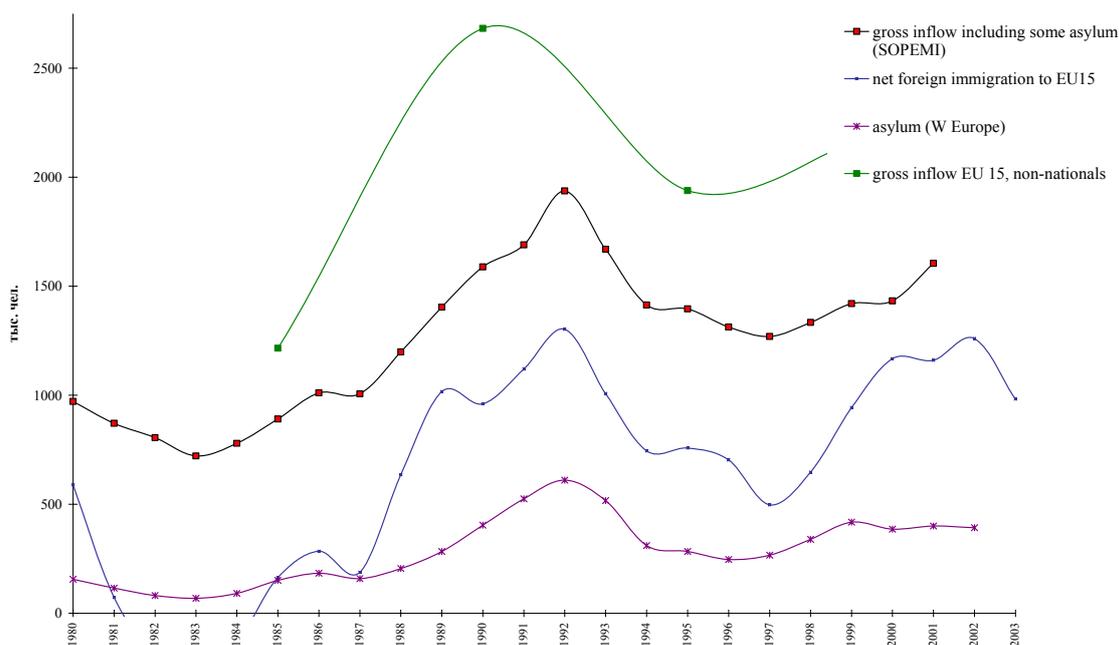
ребенка и воображаемое возможное возмещение, говорят о том, что результатом текущих тенденций, вероятно, будет рождаемость на уровне простого воспроизводства (Bongaarts and Feeney, 1998; Kohler and Ortega, 2002; Philipov and Kohler, 2001).

Среди специалистов нет единого мнения о том, как управлять процессами рождаемости (van Imhoff, 2001; Kohler and Philipov, 2001; Sobotka, 2003). Для восстановления уровня рождаемости до уровня простого воспроизводства среди нынешних младших возрастных групп в ближайшее время необходимо нереальное увеличение коэффициентов рождаемости старших возрастов (Lesthaeghe, 2001; Frejka and Sardon, 2004). Официальные прогнозы единодушны в предположении, что средний размер семьи в будущем не будет превышать 1.85 или 1.9 (UN, 2004; Eurostat, 2005). Большинство демографов (но не автор данной статьи!) поэтому полагают, что показатели рождаемости останутся по-прежнему ниже уровня воспроизводства (например, Lesthaeghe и Willems, 1999).

Стабильно высокая иммиграция

Иммиграция в Западную Европу и Соединенные Штаты сильно возросла с 1950-х гг. и сохраняется на высоком уровне (см. рис. 1). Чистая годовая иммиграция в страны ЕС-15, хотя и изменяется, но уже превышает 1 миллион за последние годы. Валовые притоки в ЕС-15, и чистая иммиграция в США нелегко поддается оценке (Mulder, Guzman, и Brittingham, 2002). Но если бы оба ряда могли бы быть выражены в валовых терминах, они, вероятно, были бы пропорциональны численности населения, по крайней мере, в отношении легальной иммиграции. Валовой приток в Западную Европу в 2001 г., основанный на анализе только 12 стран, которые отправляли отчеты о потоках в SOPEMI (OECD, 2004), был равен 1.60 миллион, по сравнению с 1.06 миллиона в США.

Рис. 1. Миграционные потоки в страны Западной Европы, 1980-2002 г., разные категории, тысяч чел.

В результате, приблизительно к 2000 году более чем 10 процентов населения некоторых западноевропейских стран — это родившиеся за границей, и в большей мере в Австрии, Германии, Люксембурге, и Швейцарии, даже в большей пропорции, чем в Соединенных Штатах (12.3 процентов в 2000 году). Эти доли непрерывно увеличиваются. В развитом мире только некоторые части Восточной Европы, Япония и Корея имеют скромный приток иммигрантов.

Естественный прирост, иммиграция и рост населения

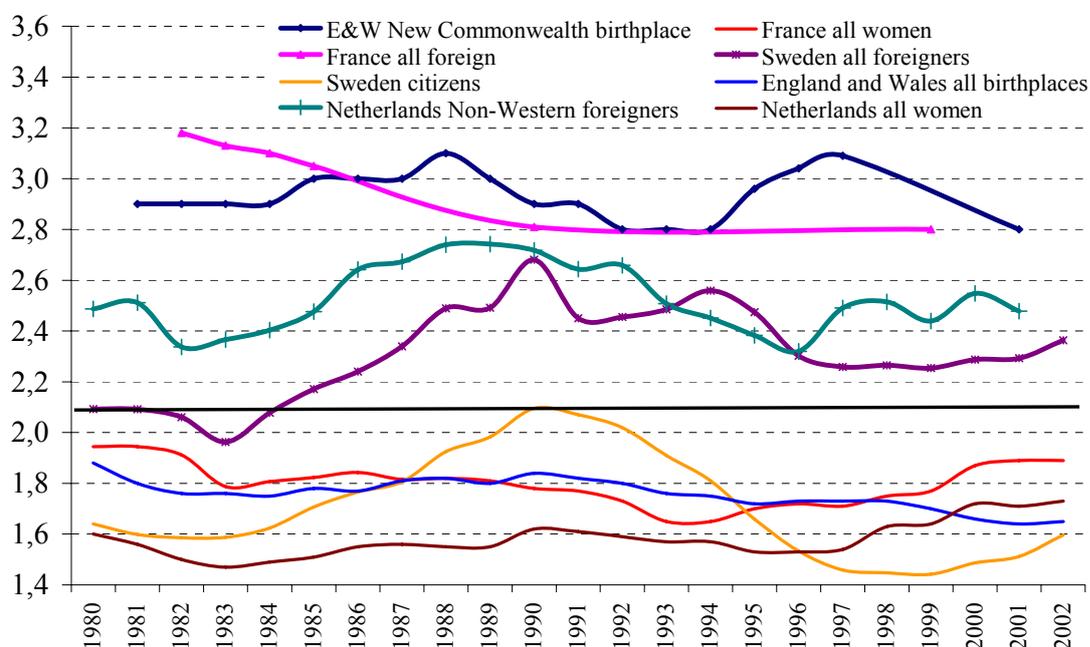
Соответственно, миграция стала движущей силой вслед за демографическими изменениями во многих европейских странах, как непосредственно, так и косвенно, посредством естественного роста населения иммигрантского происхождения (Coleman, 2003; Heran, 2004; OECD, 2004; Salt, 2005). В некоторых случаях (как в случае Германии, Италии) иммиграция предотвращает или уменьшает снижение численности населения; в других вызывает значительный прирост населения (как в случае Бельгии, Голландии, Норвегии, Швеции и Великобритании (см., например, Naug, Compton, and Courbage, 2002; Poulain and Perrin, 2002: 85-86; Nilsson, 2004: 117; GAD, 2005)). В некоторых европейских странах в 2000 году почти две трети иммигрантов были из неевропейских стран (66 процентов в Великобритании, 62 процента в Нидерландах, 59 процентов во Франции). В других странах, таких как Бельгия и Швеция, пропорции другие (см. Dumont and Lemaitre, 2005). В Европе и Соединенных Штатах естественный прирост населения неевропейского происхождения часто больше, чем естественный прирост коренного населения, благодаря более юной структуре мигрантов, высоким возрастным коэффициентам рождаемости, изменениям в составе семьи, являющимся непосредственно результатом процесса миграции (Thompson, 1982; Toulemon, 2004). Некоторые примеры тенденций рождаемости даются на рис. 2. В начале 2000-х годов 18 процентов рождений в Англии и Уэльсе и во Франции и 23 процента в Соединенных Штатах относились к женщинам-иммигранткам, что говорит о проявлении тенденции. Однако у некоторых групп иммигрантов по возрастные коэффициенты рождаемости не такие высокие, даже более низкие по сравнению со средней национальной рождаемостью.

Рост населения иностранного происхождения

С семнадцатого столетия примерно до периода после Второй мировой войны большинство европейских стран кроме Франции было странами эмиграции. Но, начиная с 1950-х годов, впервые в таком крупном масштабе в эти страны стали перемещаться существенные притоки из неевропейских стран. Поскольку внутриевропейская миграция уменьшилась, динамика миграции больше определялась неевропейскими потоками, их быстрым ростом, а также заметным отличительным чертам внешности, культуры, языка и религии. В Великобритании, например, численность цветного населения в 1951 году была оценена приблизительно в 50 тыс., независимо

от национальности или места рождения. Их насчитывалось 1.3 миллиона при переписи 1971 г., 3.0 миллиона в 1991 г. и 4.5 миллиона в 2001г.: средний ежегодный темп роста составил 4.1 процентов. Численность некоторых национальностей росла еще быстрее: население африканского происхождения удваивалось каждые десять лет, с 108 тыс. в 1981 г. до 480 тыс. в 2001 г.: ежегодный темп роста составил 7.5 процентов. В Нидерландах население иностранного происхождения росло в среднем на 2.7 процента ежегодно с 1995 г. по 2003 г. Этот рост составил большую часть общего прироста населения и расширил этническое и расовое разнообразие населения, которое до настоящего времени считалось гомогенным в этническом плане, если не брать в расчет древние миграционные вливания.

Рис. 2. СКР для коренного населения и иммигрантов, европейские страны, 1980-2002

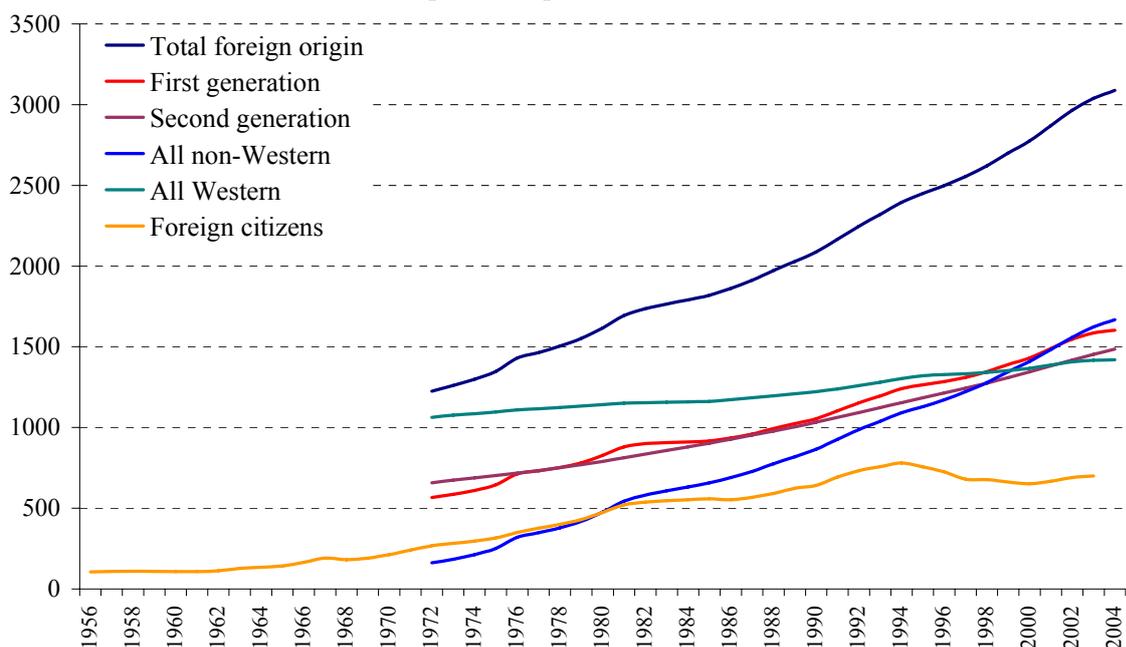

Определение иностранного населения

Недемографическое определение и классификация усложняют оценку текущего размера и структуры населения иностранного происхождения в европейских странах и их прогнозы на будущее. В большинстве европейских стран население иностранного происхождения обычно определяется критерием гражданства (национальности), а иностранное происхождение рожденных определяется гражданством матери. Таковыми являются данные, представленные Евростатом, OECD и Советом Европы. В некоторых странах дети иностранных граждан не становятся автоматически гражданами страны, в которой они родились. Во многих странах высокие ежегодные уровни натурализации иностранного населения приводили к тому, что данные, основанные на гражданстве, бессмысленны в качестве индикатора численности иностранного населения во всех смыслах кроме

правового. Ежегодный объем натурализации часто превышал ежегодный приток иммигрантов. Это явление существенно уменьшило статистически (но не в действительности) число людей иностранного происхождения в Бельгии, Франции, Нидерландах, Швеции, и в других странах. В этих странах данные гражданства преуменьшают количество населения иностранного происхождения и его показатели роста наполовину или больше. Для более показательной картины можно привести данные, что некоторые европейские страны определяют население иностранного происхождения как население, которое включает обоих иммигрантов (семью) и второе иммигрантское поколение («потомки», «население с иностранными корнями») при помощи взаимосвязи с местом рождения или гражданством родителей посредством регистров населения. Например, в Нидерландах любой человек с одним или обоими родителями, рожденными за границей, определен как человек иностранного происхождения. Все остальные люди, включая людей с иностранной родословной в третьем поколении, считаются голландского происхождения (Alders, 2001a). Это исключение большинства населения иностранного происхождения в третьем и последующих поколениях приводит к серьезной недооценке населения иностранного происхождения по сравнению с более устойчивыми этническими или расовыми критериями. Население иностранного происхождения, как оценивалось, составляло 3.04 миллиона из 16 миллионов общего населения в Нидерландах в 2003 г. (19 процентов), по сравнению с 700 тыс. человек, имеющими иностранное гражданство (4 процента). Это население иностранного происхождения увеличилось быстро, в отличие от населения, имеющего иностранное гражданство, которое уменьшилось после с 1995 г. (см. рис. 3).

Рис. 3. Нидерланды 1972-2004 г., иностранные граждане и население иностранного происхождения, 1956-2003 гг., тыс. чел.

Этнические классификации

Поскольку культурные особенности иммигрантов и их самоидентификация передаются следующим поколениям, то этническая классификация может дать более правдивую картину демографических и других последствий процесса миграции, пока официальные категории устойчивы, и межэтнические союзы не слишком обыденны. Там, где этническая самоидентификация выбирается самостоятельно, люди свободны изменять свое мнение. Изменения, вызванные этим, не кажутся существенным между ближайшими переписями (Platt, Simpson, 2005 Akinwale); если не срабатывают определенные стимулы. Изменения, характерные для разных поколений, могут быть различными. Использование этнических критериев может само по себе укрепить восприятие различия, конечно. Такие этнические классификации широко используются в англо-говорящих странах, и в отношении новых иммигрантов из неевропейских стран, а также для старых или местных меньшинств (Lee, 1993; Coleman and Salt, 1996; Statistics Canada, 1993). Эти классификации основаны на самоидентификации принадлежности к определенной этнической группе. Континентальные западноевропейские страны не используют этнические категории. Во Франции это понятие, как полагают, существенно противоречит принципам равенства граждан (Haut, Conseil, 1991). Франция не собирает статистику на основе этнических или религиозных критериев, хотя данные относительно мест рождения людей и их родителей частично позволяет сделать эквивалентные оценки (Tribalat, 1991, 2004).

Прогнозирование населения иностранного происхождения: предположения, методы, результаты

В ответ на демографические, социальные и политические результаты многообразия национальностей множеством европейских статистических служб и некоторыми демографическими исследователями были подготовлены когортно-компонентные прогнозы групп населения различных национальностей, которые включают отдельно иммиграцию и отличительные демографические показатели населения иностранного происхождения. Они включают Австрию, Данию, Германию, Нидерланды, Норвегию, Швецию, и Великобританию. Американское Бюро Переписи в 1993 году сделало прогнозы населения, руководствуясь расовыми признаками и численностью лиц испанского происхождения, а Статистическая служба Канады и Статистическая служба Новой Зеландии (в 2005 г.) также сделали прогнозы, только в своем случае для коренных меньшинств. В контексте этой статьи стоит напомнить, что 350 и 150 лет назад соответственно эти «коренные меньшинства» были большинством — по сущности, единственным населением.

Оценка и прогнозирование демографических особенностей населения иностранного происхождения

Ни одна национальная статистическая система Западной Европы не фиксирует демографические события по расовой принадлежности или этническим характеристикам, а только по гражданству или (как в Великобритании) по месту рождения матери или покойного. Однако те страны, в которых существуют регистры населения, могут определять число рождений и смертей отдельно для иммигрантов и для детей иммигрантов, и сопоставлять эти данные с соответствующими показателями коренного населения более чем на два поколения.

В составлении прогнозов оценки будущих уровней рождаемости и миграции являются, очевидно, решающими. Вообще, рождаемость жителей иностранного происхождения в индустриальных странах имеет тенденцию снижаться до средней рождаемости коренного населения, а в некоторых случаях становится ниже этого уровня. Однако только в отдельных случаях этот процесс имеет завершённый характер. Согласно традиционному представлению теории демографического перехода конвергенция должна бы быть полной. Но различия в рождаемости могут сохраняться, если группы иммигрантов не достигнут социально-экономического равенства, если они сохраняют сильное тяготение к религиозным или другим элементам иностранной культуры и если сохранится крупномасштабная миграция, особенно миграция супругов с низким культурным уровнем из стран с высокой рождаемостью. По существу, оставаясь меньшинством, они сохраняют сопротивление переменам (например, Siegel, 1970; Goldscheider, 1999; McQuillan, 2004).

Коэффициенты рождаемости среди индусов в Великобритании и людей Карибского происхождения в Нидерландах и Великобритании упали приблизительно до средней национальной рождаемости, а среди многих европейских иммигрантов и среди китайских и восточноафриканских выходцев из Азии эти коэффициенты стали ниже, чем в Великобритании (Coleman, Smith, 2005). Рождаемость среди мусульман и африканцев рождаемость остается высокой, но снижается: среди турков и марокканцев во всех странах, а также среди алжирцев во Франции (TFR 3.2 в 1998/99 гг.) (Legros, 2003). В Великобритании в 2001 году суммарная рождаемость женщин, родившихся в Пакистане и Бангладеш, была равна 4.7 и 3.9 соответственно (ONS, 2004a). Увеличение притока населения с низким культурным уровнем может сохранить или даже увеличить показатели рождаемости, как это происходит среди жителей африканского происхождения в Швеции и Великобритании. В Великобритании, например, в 2000 году, суммарная рождаемость женщин, родившихся в Сомали, была равна приблизительно 5.

Предположения, лежащие в основе прогнозов

В целом, прогнозы, описанные далее, предполагают сближение показателей рождаемости населения западного происхождения и коренного

населения (если не идентичность их) приблизительно на уровне простого воспроизводства или немного выше этого среди населения неевропейского происхождения.

Оценка текущих и будущих показателей смертности является более простой. Данные показывают, что коэффициенты смертности среди иммигрантов на Западе не очень отличаются от коэффициентов смертности населения коренного происхождения, а в некоторых случаях они даже ниже (Courbage и Khlat, 1996; Hummer et al., 1999; Griffiths et al., 2004), несмотря на более низкое социально-экономическое положение некоторых групп иностранного населения. Во всех прогнозах, обсуждаемых далее, за исключением Швеции, возрастные показатели смертности, как предполагают, одинаковы для всех групп.

Миграция является самыми трудным для прогнозов компонентом демографического развития, по сравнению с рождаемостью и смертностью. Статистические данные по миграции неудовлетворительны. Оценки будущих потоков еще более проблематичны. Потоки миграции не являются однородными, и не существует никакой удовлетворительной модели, которая могла бы подсчитать их текущий уровень, уже не говоря о том, чтобы предсказать их будущие объемы (Massey et al., 1998: Chs. 1 and 2; Howe and Jackson, 2005).

Но есть веские причины для того, чтобы утверждать, что миграция в ближайшем будущем сохранится, по крайней мере, на существующем уровне, и, что еще более вероятно, увеличится. Недавние тенденции миграции в Европу, несмотря на колебания, были высоки и еще более повысились (см. рис. 1). По крайней мере, тенденции первых двух «революций», которые стимулировали массовые миграционные потоки (в мобильности, информации и правах человека), вряд ли изменятся.

Большая часть миграционных потоков, кроме поиска убежища, имеет тенденцию к росту. Главные внешние факторы, стимулирующие миграцию населения из многих бедных стран, сохраняются: двадцатикратная разница в доходах на душу населения и большие различия в приросте населения. Конечно, некоторые прежде бедные страны, типа Индии и Китая, быстро развиваются, и это явление уменьшает потоки и поощряет возвратную миграцию высококвалифицированных рабочих; действительно, потоки возвращающихся из-за границы в Индию уже увеличиваются. Относительные экономические различия существуют везде. В африканских и других странах, которые также имеют самые высокие уровни прироста населения различия даже увеличиваются. Даже принимая во внимание факт некоторого снижения рождаемости в самых бедных странах типа Эфиопии, Сомали и большинства западноафриканских стран, спрогнозировано, что их население к 2050 г. увеличится в размере в 3–4 раза (UN, 2005). Эти страны — уже сейчас источник многочисленных потоков мигрантов, ищущих убежища, и незаконных иммигрантов в Европу. Те же самые нестабильные наибеднейшие страны, многие из которых находятся в засушливых зонах,

сталкиваются с самыми серьезными последствиями глобального потепления. К середине столетия миграция вполне может стать выше, чем на текущий момент. К тому времени бремя миграции из некоторых стран, возможно, уменьшится (Ortega, 2005), но не из стран Африки.

Страны Средиземноморья представляют собой самый острый демографический, экономический и культурный раздел в мире (Chesnais, 1995, Ch 10, 11). Население Тропической Африки, по прогнозам, возрастет с нынешних 950 миллионов до 2 миллиардов к середине века. Как сказал Президент Ширак в своей речи, посвященной Дню взятия Бастилии в 2006 г., «Если Африка не получит развития, она заполнит мир» (le Monde, 14 July 2006). Однако многие африканские страны сейчас беднее, чем они были тогда, когда получили независимость, несмотря на массивную помощь развитию в течение последних 40 лет. Отчасти по этой причине большинство прогнозов сходятся в том, что большая часть миграции в будущем придет из «нетрадиционных» источников. Кроме того, попытки улучшить экономическую ситуацию в развивающемся мире посредством помощи и инвестиций, вероятно, скорее увеличат, чем сократят потоки миграции в ближайшей перспективе (Martin, 2002). В любом случае индустриальные страны могут счесть иммиграцию выгодной. Многие аналитики полагают, что проблемы нехватки трудовых ресурсов в странах с низкой рождаемостью могут быть решены только посредством иммиграции (например, McDonald, 2001 Kirpen; Vijaik et al. 2005). Рабочая сила, легальная или нелегальная, вероятно, увеличится особенно в тех европейских странах, которые являются неспособными или несклонными реформировать свои рынки труда и мобилизовать демографические запасы, чтобы увеличить рабочую силу (European Commission, 2004). Например, модель будущей итальянской экономики исходит из низкой рождаемости высокообразованного населения и высокого уровня иммиграции из Северной Африки и Восточной Европы низкоквалифицированного населения (Dalla Zuanna, 2006): план, который, как можно подумать, вернет Италию в Карфагенскую Эру.

Будущие уровни иммиграции из бедных стран во многом предопределены так называемой цепной миграцией. Такая миграция расширяет этнические анклавы меньшинства благодаря воссоединению семей и формированию семей. Наряду с поиском убежища, цепная миграция составила главную часть легальной миграции в Европу и Соединенные Штаты в течение 30 прошлых лет. Конвенции о правах человека, которая гарантирует свободу передвижения, бросили вызов. Некоторые иммигранты сохраняют тенденцию к браку с супругами из страны их происхождения во втором поколении (например, турки в Нидерландах (Lievens, 1999); пакистанцы в Великобритании). Поскольку эти популяции растут, приток также возрастает. Этот процесс «кумулятивной причинности» еще более ускоряет миграцию посредством преобразования общественных учреждений, культуры, языка, и политики в формы, в более подходящие для

продолжительной миграции, для того, чтобы, приехав, иметь сходство с проживающим там населением (Massey et al. 1998; Massey, Zenteno 1999).

Иммиграция, конечно, может понизиться или повыситься, так как показано на рис. 1. Так, например, в 2004 году ходатайства о предоставлении убежища в Европе упали до 314,300 — самого низкого уровня с 1997 года. (UNHCR 2005). Однако маловероятно, что причины миграции в поисках убежища исчезли. Единодушные исследователей миграции (не разделяемое автором) состоит в том, что миграция неизбежно будет расти вследствие глобализации. Как заявляют аналитики, политика контроля над миграцией не работает (Castles 2004) или, по крайней мере, ее осуществление в демократических государствах затруднено (Freeman 1994), потому что произошедшие революционные изменения в области информации, средствах сообщения и отношении к правам человека, которые облегчают миграцию, очень трудно или невозможно обратить вспять. Соответственно, многие полагают, что дальнейшая иммиграция в Европу и другие развитые области неизбежна (Freeman, 1994; Castles 2004). Массей и его соавторы (Massey et al. 1998, с. 287) приходят к заключению: «Лишь немногие из тех процессов, которые лежат в основе массовой иммиграции, являются легко управляемыми посредством использования тех рычагов политики, которые имеются в распоряжении чиновников». Роль государственной политики в ограничении иммиграции обычно весьма ограничена (Hollifield 2000; Teitelbaum 2002), пока только правительства Дании и Нидерландов проявили политическую волю в ограничении прав мигрантов на семейную миграцию и другие виды цепной миграции. Лишь отдельные страны серьезно ограничили права на предоставление убежища (например, Германия в 1992), и ни одно правительство все же не отказалось от участия или не постаралось изменить Женевскую Конвенцию или Европейскую Конвенцию по правам человека.

Табл. 1. Прогнозы населения для отдельных стран

	Австрия		Дания		Германия		Нидерланды	
	2005	2050	2005	2050	2005	2050	2005	2050
Население, млн. чел.	8,1	7,8	5,4	5,5	82,2	68,3	15,9	16,9
Уровень иммиграции	0,07	0,2	0,29	0,21	0,25	0,27	0,17	0,27
% 'западного населения'	5,4	7,9	2,4	3,3	3,3	5,4	8,6	13,2
% 'незападного населения'	3,9	5,1	6,0	11,5	6,6	18,2	8,9	16,5
% 'иностранного населения'	9,3	28,0	8,7	14,8	9,9	23,6	17,5	29,7
	Норвегия		Швеция		Великобритания		США	
	2005	2050	2005	2050	2005	2050	2005	2050
Население, млн. чел.	4,6	5,6	9,0	10,6	52,0	63,1	287,7	403,7
Уровень иммиграции	0,37	0,30	0,37	0,29	0,50	0,27	0,35	0,24
% 'западного населения'	4,1	9,2	9,7	10,5	2,7	11,6		
% 'незападного населения'	3,4	14,3	6,3	10,7	8,7	24,5		
% 'иностранного населения'	7,5	23,5	15,9	32,3	11,4	36,1	17,6	33,2

Вообще, прогнозы, описанные ниже, предполагают, что миграция из бедных стран будет сохраняться на тех же самых абсолютных (но не

относительных) уровнях, которые наблюдались в последние годы, в то время как миграция из более богатых стран уменьшится. Учитывая то, что было сказано выше, это предположение можно считать достаточно консервативным. Обычно средний прогноз миграции, по крайней мере, из бедных стран показывается в виде прямой линии, имеющей существенный восходящий рост. Такие простые подходы типичны для прогнозирований миграции (Eurostat/NIDI/MRU 2000). Очень немногие предприняли попытки смоделировать недавние восходящие тенденции (Glover et al, 2001 является таким исключением), и, за исключением датских прогнозов, в других даже не делаются попытки включить в прогноз эффект миграционной политики. Нигде, кроме как в американских прогнозах в 1999 году, не предполагается никаких обратных связей между изменениями в численности трудоспособного населения и уровнем миграции.

Методы, использующиеся для прогнозирования населения иностранного происхождения

Все прогнозы в этом исследовании основаны на компонентно-когортном методе. Демографические показатели спрогнозированы с учетом предположений, отмеченных выше. В большинстве случаев, население иностранного происхождения в первом и втором поколениях спрогнозировано отдельно. Численность населения каждой из различных категорий иностранного происхождения определяется, используя численность родителей, бабушек и дедушек, рожденных за границей или населения, имеющего иностранное гражданство, используя пропорции натурализации и пропорции смешанных союзов, выраженных в коэффициентах. В прогнозах Германии, Норвегии, и Швеции люди во втором поколении классифицируются как «имеющие иностранное происхождение», или «иностранную родословную», или «иностранные корни», если оба из их родителей рождены за границей; в Нидерландах и Дании — даже если только один родитель рожден за границей, в последнем случае на пропорциональном основании. Для точных деталей необходимо обратиться к оригинальным публикациям.

Дополнительные прогнозы, основанные на вероятности, доступны только в случае Нидерландов (Alders, 2005) и экспериментально для Великобритании (Coleman and Scherbov, 2005)., но ни один из таких прогнозов здесь не обсуждается. Все прогнозы построены на «восходящем» основании; то есть индивидуальные категории населения иностранного происхождения спрогнозированы отдельно и затем добавлены к прогнозам национального населения, чтобы получить национальное общее количество для каждого года. Это поднимает вопрос совместимости с национальными прогнозами, сделанными без такого разделения. В случае США, датского, норвежского, и шведского прогнозирований таких трудностей не возникает, потому что в национальных прогнозах учитывается население, как коренного происхождения, так и население иностранного происхождения.

В других случаях прогнозы сделаны отдельно, и совокупные результаты подразделенных прогнозов ограниченно соответствуют общему прогнозируемому количеству, которое получено обычным прогнозированием. Все прогнозы континентальной Европы предполагают, что все население, или, по крайней мере, большинство, в третьем поколении (внуки иммигрантов) ассимилированы, и они включены как «коренные жители», а не «население иностранного происхождения». В результате получается линейный, а не экспонентный рост доли населения иностранного происхождения. Ни один из прогнозов не включает категории «смешанного происхождения».

В некоторых случаях (например, в Австрии) пропорция населения иностранного происхождения может быть приблизительно получена простым вычитанием результатов прогнозирования при «нулевой миграции» из результатов стандартного прогнозирования, в котором ни в каком поколении нет натурализации. Именно такой прием применялся в докладе о замещающей миграции (UN, 2000). Такой метод приемлем, только если уровень эмиграции населения национального происхождения достаточно мал, чтобы игнорироваться; иначе население иностранного происхождения будет недооценено. В таком случае, рост населения иностранного происхождения или этнического населения имеет тенденцию быть слабо экспонентным. Самые известные примеры прогнозов населения, учитывающих расовое или этническое происхождение (где этническая принадлежность рассматривается как неизменная) — это прогнозы, сделанные для Соединенных Штатов, например, Бюро Переписи США (см. US Bureau of the Census 1993, 1996, 2000, 2004), Национальным исследовательским Советом США (см. Smith and Edmonston, 1997), вслед за новаторской работой Бувайра и Дэвиса (Bouvier and Davis, 1982).

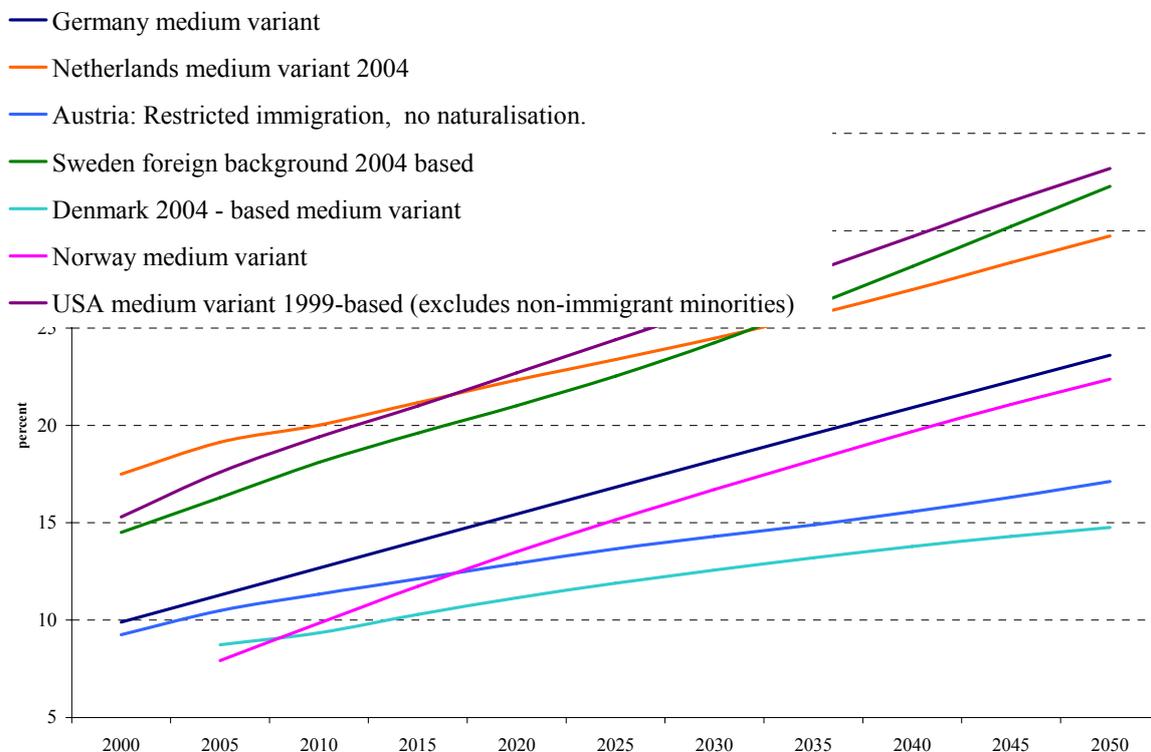
Результаты прогнозов

Отправной точкой этих прогнозов был 2000 год, когда благодаря иммиграции уже сформировалось многочисленное население иностранного происхождения или население этнических меньшинств в рассматриваемых странах, и его доля составляла до 17–18% от всего населения (см. табл. 1). Например, в Швеции доля населения, рожденного за границей, увеличилась с 3% в 1950 до 11% в 2000, и населения иностранного происхождения — до 16%. Среди этого населения иностранного происхождения доля населения европейского или западного происхождения была различной в разных странах: 29% в Дании, 47% в Нидерландах, 65% в Швеции. Некоторые итоговые данные даются в табл. 1.

Исходя из предположений, обсужденных выше, можно предположить, что в будущем доля населения иностранного происхождения возрастет и достигнет более высокого уровня, чем сегодня. Население иностранного происхождения к 2050 году в ряде западноевропейских стран составит от 15% до 32% всего населения (см. рис. 4). Население западного происхождения

будет уменьшаться, потому что высокие потоки миграции и коэффициенты рождаемости мигрантов перемещают баланс в пользу неевропейских жителей.

Рис. 4. Прогноз численности иммигрантов и населения иностранного происхождения для отдельных стран, 2000-2050, % от общей численности

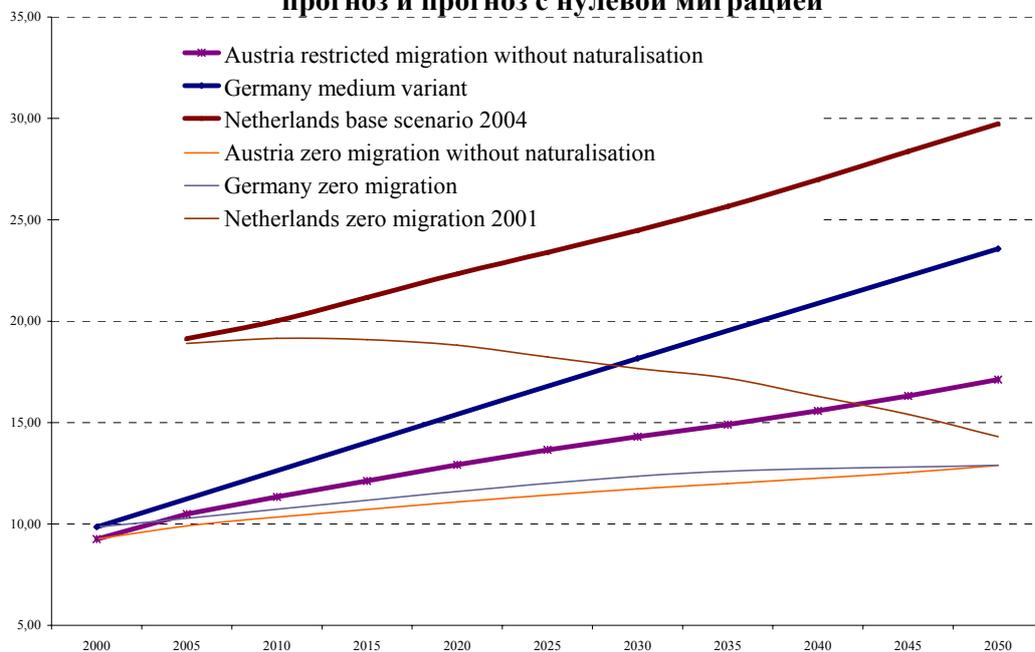
Прогнозы показывают, что при имеющихся в настоящее время тенденциях в Швеции и Нидерландах население иностранного происхождения к концу столетия станет большинством, даже если будут применяться консервативные критерии «двух поколений». В Великобритании и США используют этнический или этнический и расовый критерии и избегают критерия «двух поколений», вместе с тем получая оценки на основе вычитания. Американский прогноз 1999 года включил лишь меньшинства иммигрантского происхождения, исключив темнокожее население и коренных американских жителей (аборигенов).

Это может показаться удивительным, но европейские страны, как правило, имеют более низкие коэффициенты рождаемости среди коренного населения, чем Соединенные Штаты, быть может, потому что они не пережили «беби бума», аналогичного США, который наложил отпечаток на возрастную структуру. Поэтому европейские нации испытывают недостаток в «защитном покрове естественного роста», который смягчает и до некоторой степени затеняет связанные с иммиграцией тенденции изменения структуры населения (Espenshade, 1987, С. 257).

До 50% предсказываемого роста иностранного населения приходится на относительно молодую возрастную структуру лиц иностранного происхождения, особенно неевропейского происхождения. Различия в смертности групп вряд ли имеет значение в данном контексте. Разница в

коэффициентах рождаемости склонна к уменьшению, хотя, вероятно, она не исчезнет. Прогнозы с различными уровнями рождаемости не оказывают влияния, по крайней мере, на результат в среднем. Прогнозы больше всего восприимчивы к показателям миграции, где и сосредоточена главная неопределенность. Все, конечно, зависит от величины изменения этих двух переменных (рождаемости и миграции), но в действительности диапазон рождаемости намного более ограничен. В последние годы масштаб миграции был намного более изменчивым, чем любой другой демографический фактор. Например, уже в середине 1990-х гг. чистая миграция в Великобританию (все гражданства) была равна нулю, а чистая иностранная иммиграция приблизительно была равна 50 тыс. В 2004 году, главным образом в результате изменений политики после 1997 г., чистая иммиграция была равна 245 тыс. а чистая иностранная иммиграция – 350 тыс.. Прогнозы различных стран показывают удивительно схожие тенденции роста доли населения иностранного происхождения в общей численности населения. Хотя все прогнозы были сделаны независимо друг от друга, коэффициенты чистой иммиграции иностранного населения, которые были получены, одинаковы в большинстве случаев: ежегодно доля населения иностранного происхождения в Германии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Англии и Уэльсе возрастает на 0,27–0,30 %, а в Австрии и Дании на 0,20% и 0,21% соответственно.

Рис. 5. Доля населения иностранного происхождения – стандартный прогноз и прогноз с нулевой миграцией

Сравнивая основные сценарии со сценариями с нулевой иммиграцией (там, где это, возможно), приходим к выводу, что иммиграция имеет большой демографический вес (рис. 5). При нулевой иммиграции численность населения иностранного происхождения оказывается на 1/3 — 1/2 меньше прогнозирувавшейся к 2050 году. Доля населения иностранного

происхождения, которая будет достигнута к середине столетия, равна приблизительно 25–35%, но при предположении о нулевой чистой миграции она была бы равна вместо этого от 10% до 15%. На примере Нидерландов можно увидеть, что нулевая иммиграция в сочетании с политикой натурализации уменьшат население иностранного происхождения с текущего уровня, равного 17%, до 14% к середине столетия.

Если рождаемость в европейских странах останется ниже уровня простого воспроизводства, то доля населения иностранного происхождения неизбежно будет возрастать, однако, вследствие политики натурализации оно уменьшится и исчезнет как статистически определенный объект. Ни один из австрийских прогнозов, описанных выше, не учитывает натурализацию, поэтому для них характерна экспонентная, а не линейная динамика,

Дискуссия

Возможно ли изменение? Роль политики

Описанные тенденции, конечно, не абсолютны. Предположения, на которых они сделаны, могут не оправдаться, и не последнюю роль здесь могут сыграть меры, принятые в ответ на полученные результаты прогнозов. Уровень миграции, по крайней мере номинально, находится под контролем государственной политики. Изменения численности и состава населения, предполагаемые в прогнозах, описанных выше, могут быть расценены как последствия высоких уровней иммиграции. Иногда увеличение иммиграции в долгосрочном периоде является непредвиденным последствием политики, предназначенной для того, чтобы ограничить иммиграцию в соответствии с краткосрочными целями, примером может служить американский Закон об иммиграции 1965 года. Так, например, правительство Канады в конце 1980-х годов ставило целью политики миграции увеличение численности населения посредством притока иммигрантов в количестве, эквивалентном 1% населения ежегодно. Правительства многих европейских стран в 1950-х и 1960-х годах продвигали политику привлечения временных трудовых мигрантов для того, чтобы удовлетворить возникшие в то время потребности в трудовых ресурсах; долгосрочные последствия этой политики проявились сегодня. Трудовая миграция продолжается, и правительства всех западных стран уделяют внимание праву на воссоединения семей и предоставлению убежища беженцам. Долгосрочные последствия этих обязательств не рассмотрены подробно. Правительства стран могут не осознавать значения этих последствий, или, как в случае Великобритании, могут намеренно отказываться их рассматривать.

Политическое отношение к иммиграции может радикально измениться в ответ на политические события или давление, что может либо усилить, либо ослабить ограничения. В этом отношении факторы, влияющие на миграцию, отличаются от тех, которые определяют коэффициенты рождаемости и смертности. Как было отмечено выше, нет единого мнения о

возможной эффективности мер, предназначенных для того, чтобы ограничить передвижения. Однако, как указывают Кастлес и Миллер (Castles and Miller 2003, С. 8), «... Международная миграция — это не такой уж устойчивый процесс. Правительственная политика может предотвратить или уменьшить международную миграцию, и репатриация также вероятна». Например, ограничительное законодательство, принятое в 2002 в Дании и Нидерландах показывает, что притоки мигрантов могут быть существенно уменьшены, по крайней мере, в короткой перспективе, и что прогнозы должны быть соответственно изменены. Валовые притоки иммигрантов из неевропейских стран в Нидерланды были уменьшены с 64 тыс. в 2002 году до 32 тыс. в 2004. Эмиграция иностранных граждан также увеличилась, так что чистая миграция упала до нуля, и по прогнозам она стабилизируется на уровне 20 тыс. ежегодно, по сравнению с 35 тыс. ежегодно в предыдущем десятилетии. Чистая ежегодная иммиграция в Нидерланды из стран Запада уменьшилась до 8 тыс. с 22 тыс. (Alders, 2005: рис. 7). В 2002 году датское правительство ужесточило регулирование миграции с целью заключения брака. Семейная миграция уменьшилась с 10.950 в 2001 г. до 3.525 в 2005 г. Это снижение затронуло и фактические тенденции, и последующие прогнозы. До введения ограничительных законов доля населения иностранного происхождения в Дании прогнозировалась на уровне 18.4 %, а после принятия этих законов она была понижена до 13.8%. Политика, направленная на расширение масштабов иммиграции, также может быть весьма эффективной; пример тому – Великобритания после 1997 г.

Новый демографический переход?

Должно ли изменение в этническом и расовом составе европейских стран в XXI столетии, которое предвещается прогнозами, быть расценено как третий демографический переход, который уже начался? Чтобы применить термин «переход», изменения в структуре и составе населения должны, по-видимому, происходить быстро, безвозвратно, необратимо, и, прежде всего, иметь существенное социальное, культурное и политическое значение. Рассмотрим это ниже.

Есть ли прецедент?

Миграция и изменения в составе населения существовали на всем протяжении истории Европы. Изменения в составе и структуре населения имели место в Евразии повсеместно в первом тысячелетии, они шли из Северной Европы, Центрально Азии и Аравии, с экспансией монголов и турков. Движение народов в течение периода *Völkerwanderung* изменило политическую, экономическую и языковую структуру Европы (Dodgshon 1998); распад Западной Римской империи — только один из ярких примеров. Эти миграции оставили генетический след в сегодняшнем европейском населении (Falsetti and Sokal, 1993; Miles, 2005). Степень замены одних народов другими трудно оценить; различные свидетельства не полностью подтверждают друг друга.

Так, исторические, лингвистические и генетические свидетельства говорят о полной замене кельтов англосаксонским населением в Англии в течение V – VIII столетий (Wormald, P. pers comm; Weale et al., 2002). Эти свидетельства было трудно сопоставить с некоторыми археологическим находками и с демографическими выводами, такими, например, как то, что вероятный приток, возможно, был не больше одной десятой размера коренного населения, что указывает на господство элиты (Hamerow, 1997). Другие исследования показывают, что на севере и востоке, меньше на юге страны, и на некоторых западных областях бретонцев (коренных англичан) заменили англосаксонские и позднее норвежские захватчики, где бывали вторжения, начиная с эры палеолита (Capelli et al., 2003). Таким образом, где-то существовала модель неподвижности населения, но все же доминировала миграционная модель.

Приверженцы обеих моделей не равнодушны и к современным концепциям (Chapman and Hamerow, 1997, Härke, 1998, Hills, 2003). Обзор археологических, исторических и генетических свидетельств говорит о том, что англосаксонские вторжения, возможно, внесли до 20% в английскую родословную, более поздние датские вторжения 2–4%, и, наконец, норманнские — не больше чем 1–2 %. Ни в одном случае не было свидетельств изменений в составе населения на большую величину. В первом случае коренные британцы ассимилировались, их культура оказалась подчиненной иммигрантам; во втором и третьем случаях захватчики были «поглощены» коренным населением (Härke, 2002).. Новые исследования подтверждают тот факт, что миграция англо-саксонцев влияла на состав населения, несмотря на то, что первоначально численность мигрантов была невысокой; вероятно, через репродуктивное преимущество и социальную сегрегацию (Thomas et al, 2006). Эффект миграционных процессов никак не проявлялся генетически с XI по XII столетие, несмотря на то, что политическая и демографическая история в Великобритании является одной из самых задокументированных (см. Hinde, 2003).

Подобные исследования связаны с миграцией возможно большего масштаба, связанной с распространением сельского хозяйства и фермеров из Леванта в течение периода неолита. Традиционная модель демографического развития подтвердила миграцию людей (Ammermann and Cavalli-Sforza, 1984; Cavalli-Sforza and Menozzi, 1988), в то время как генетически (посредством анализа как Y-хромосомы и ДНК) предполагается непрерывность европейской родословной, лишь с небольшими изменениями, начиная с эры палеолита (Sykes, 1999, Richards et al., 2000; McEvoy et al, 2004). Однако данные относительно полиморфных систем говорят о большем весе частичной замены охотников фермерами, но не о замене охотничьей культуры на фермерскую (Barbujani and Bertorelle, 2001). В любом случае, со времен эры неолита не произошло никаких новых значительных изменений в европейском геномном строении, если не говорить о самых последних событиях.

За последние столетия демографические изменения, являющиеся результатом мирного перемещения в пределах Европы, были более скромными по сравнению с индустриальной подвижностью более позднего XIX столетия (Moch, 1992), главным образом включающим в себя местную и региональную миграцию. Население, его культура и язык, было относительно устойчиво за исключением массовой вынужденной миграции в XX столетии (Kosinski, 1970); наиболее многочисленные потоки мигрантов направлялись вовне Европы, провоцируя серьезные изменения в населении Нового Света.

Все эти примеры подчеркивают неоднородность населения, созданную иммиграцией в Европу после 1950-х годов. Изменения в культуре, происходящие в настоящее время, не столь интенсивны по сравнению с прошлыми временами, но они существенны, т.к. в миграция характеризуется совсем другой скоростью и в нее вовлечены люди из очень отдаленных стран.

Графики и границы

Как скорость изменения сравнивается с другими главными преобразованиями? Бюро Переписи США прогнозирует постоянное уменьшение численности американского белого неиспаноговорящего населения после 2050 г. (US Bureau of the Census, 2000, 2004), хотя эту группу по сравнению с группами иммигрантского происхождения нельзя будет назвать меньшинством приблизительно до 2120 г. Если считать, что рост иммигрантских меньшинств в Соединенных Штатах, которые оттесняют в численности так называемых «истинных американцев», т.е. американцев англо-саксонского происхождения и протестантского вероисповедания), начался после введения Закона об иммиграции 1965 г., то получается, что процесс вытеснения занял меньше времени, чем потребовалось для завершения первого демографического перехода.

Где граница, если такая вообще имеется, после которой можно говорить о новом демографическом переходе? Пятьдесят лет назад первый демографический переход был определен на основании опыта, пережитого Европой. Он был представлен как возможный путь развития для других частей света. Второй демографический переход опирается на общераспространенное принятие сожительства без брака, развода и статуса родителя, которое впрочем редко превышает 50% в любом населении. Такое поведение популярно и общепринято во многих странах, и нет признаков для изменения этого. Существует гипотеза, которая утверждает, что такой тип поведения станет общепринятым во всем развитом мире и люди уже не вернуться к классическому типу семьи.

Аналогично можно рассуждать и о третьем демографическом переходе. Априорное снижение численности коренного населения, прежде бывшего большинством, до уровня ниже 50% от общей численности кажется очевидной точкой отсчета для перехода. Однако его значение,

очевидно, зависело бы от осознания происходящего со стороны участвующего в процессе населения, от интеграции меньшинств в принимающих обществах, или, наоборот, от взаимной адаптации и конвергенции всех групп. Но, даже руководствуясь предположениями, представленными выше, страны иммиграции не будут иметь население, в котором будут доминировать лица иностранного происхождения, по крайней мере, до XXII столетия.

Однако усредненные данные скрывают все многообразие географии и возрастных групп. Даже если, в соответствии с прогнозами, к 2050 г. население иностранного происхождения стабилизируется на уровне 25-35% от общей численности населения (причем 2/3 из них неевропейского происхождения), в большинстве, если не во всех крупных европейских городах оно будет составлять абсолютное большинство. Уже в 1990-х гг. 40 % населения Амстердама и Роттердама, и 28 % в Брюсселе и Франкфурте имели иностранное происхождение (Musterd et al. 1998), а в 2001 году 40 % жителей Лондона имели небританское этническое происхождение, в то время как в девяти британских городах с численностью населения не менее четверти миллиона эта доля достигала 50 %.

В особенной мере изменения касаются молодых возрастных групп: изменяющееся под влияние окружения восприятие жизни отдаляет их от родителей и старших, даже когда они еще учатся в школе и колледже. Например, в прогнозе для Великобритании к 2031 все меньшинства вместе составили бы 27% всего населения, но среди возрастных групп 0-14 лет их было бы 36%. Среди старших возрастов, от 65 лет и старше, доля меньше – только 11%. Таким образом, подобное распределение долей населения иностранного происхождения по возрастам подтверждает процесс третьего демографического перехода. Когда на лиц иностранного происхождения придется более 50% рождений в стране, процесс станет необратимым. Наконец, можно указать на избирательную и политическую системы, которые закрепляют процесс миграции. Не все, но абсолютное большинство членов этнических меньшинств выступают за поддержку иммиграции. По мере роста масштабов миграции и натурализации населения иностранного происхождения растет и их влияние, так что многие политические стороны должны соревноваться в поддержке мигрантов. Этот эффект ярко виден в Великобритании, где иммигранты Содружества могут голосовать, не становясь британскими гражданами. Чтобы привлечь на свою сторону этнические меньшинства, политики могут выступать за отказ от ограничений на иммиграцию. Похоже, что США уже пришли к этому поворотному пункту. И в Великобритании, похоже, мы наблюдаем изменение ситуации, когда одна из основных политических партий традиционно сопротивлялась миграции, а теперь ищет поддержки этнических меньшинств.

Универсальный переход?

Изменения, обсуждаемые здесь, вряд ли будут столь же универсальны, как первый демографический переход. Они, вероятно, будут ограничены странами развитого мира. И даже там некоторые области пока испытывают только скромные размеры иммиграции, что ограничивает этническое разнообразие. В Японии и Корее опасения относительно быстрого старения и снижения численности населения и потребность работодателей в иммигрантской рабочей силе явно вступили в противоречие с сопротивлением иммиграции для сохранения этнически и культурно однородного общества. Подобные противоречия очевидны и в России, несмотря на иммиграцию от стран «ближнего зарубежья». С другой стороны, за прошлое столетие население многих развивающихся стран стало более однородным вследствие эмиграции, насильного выселения лиц иного происхождения и меньшинств, по большей части сформировавшихся в этих странах давно. Примеры включают греков и армян из Анатолии, евреев, греков и других европейцев из стран Ближнего Востока и большинства европейцев из Тропической Африки. Некоторые страны третьего мира уже столь многочисленны, что никакая миграция в будущем, вероятно, не сможет существенно повлиять на состав их населения. Все это говорит о том, что третий демографический переход, по-видимому, будет касаться ограниченного географического пространства.

Дальнейшие осложнения: поглощение и гибридизация групп

Сделанные прогнозы предполагают, что группы населения сохраняют отличительные признаки. Множество европейских миграционных групп были полностью поглощены: гугеноты в XVII столетии англичанами, итальянцы и поляки в XX столетии Францией, и в более или менее различной степени евреи. Будущие нации, вероятно, будут включать много людей смешанного происхождения. Для простоты, ни один из прогнозов, описанных здесь, не касался таких смешанных категорий. Во всех прогнозах предполагается, что дети из смешанных союзов будут определены в ту или иную родительскую группу. Однако люди могут предпочесть определить себя как «лицо смешанного происхождения», не относящееся к одной или другой из их родительских групп (Shaw 1988, Phoenix and Owen 2000, Tizard and Phoenix 2000). Так, в Соединенных Штатах дети родителей смешанного происхождения главным образом идентифицируют себя как лица смешанного происхождения (Hollman and Kingcade 2005). В Британской переписи 2001 года 661.200 человек добровольно идентифицировали себя как лица смешанного происхождения (1.1% британского населения), или так были идентифицированы их родителями; а в переписи США 2000 года 7.3 миллионов (2.6%) определили свое происхождение как смешанное (Jones 2005). Возможные прогнозы роста населения смешанного происхождения в Великобритании показывают среднюю долю смешанного населения к 2050 году – 8% от всего населения, включая 26% несовершеннолетних (Coleman

and Scherbov, 2005). Предпочтения в области самоидентификации очень сильно различаются. В переписи Великобритании 2001 года, 22% китайских матерей, 18% западных индийских матерей и 7% африканских матерей описали происхождение своих детей как смешанное, для сравнения: только 3% мусульман (прежде всего пакистанцев и бангладешцев) среди которых более чем половины браков были заключены с супругами от стран происхождения, признали происхождение детей как смешанное. Вероятный рост населения со смешанной родословной подчеркивает необратимость процессов, обсуждаемых здесь. Все это находит отражение, а возможно поощрение во все усложняющейся структуре этнических категорий, применяемых в британских и американских переписях (Goldstein and Morning, 2002, Jones, 2005).

Возможные последствия этнических изменений

Пройдут ли эти демографические изменения без особых последствий или они окажут серьезное воздействие на принимающие страны? Этот вопрос приводит к различным политическим и философским размышлениям, которые вставали в связи с более ранними демографическими переходами. В незападных обществах важность и нежелательность любого изменения были столь аксиоматическими, что даже не обсуждались. Общественное мнение в странах Запада, вероятно, совпадает (можно только умозрительно размышлять об этом в отсутствии соответствующих обследований). Однако мнение элит отличается нюансами: некоторые не могут ясно сформулировать приемлемые причины для возражения, другие активно приветствуют общество с более разнообразным этнически населением вследствие либерального гуманитарного подхода. Мнение очень зависит, среди других факторов, от различий в культуре, идентичности и отношений между иммигрантами и коренными жителями; от того, приняли ли иммигрантские общества нормы коренных жителей, или стали преобладать их собственные нормы, или появилось некоторое гибридное общество; от прав коренных жителей и населения иммигрантского происхождения и от того, насколько благополучно и уживается в мире с самим собой это новое общество.

Противоположное восприятие в Европе и Соединенных Штатах

Социальное, культурное, и политическое воздействие спрогнозированных изменений могло бы быть существенным, действительно преобразующим, поскольку горожане ежедневно сталкиваются вне дома все с большим количеством иностранцев, в то время как старшее местное население все более перемещается в пригороды и сельскую местность. В качестве альтернативы переход мог бы плавно встроиться в процесс постепенного развития, так что потомкам дискуссия, описанная здесь, показалась бы не столь важной. Например, американский успех в интеграции, как утверждают, гарантирует, что будущее потоки иммигрантов в США, сколь угодно большие и разнообразные, останутся национальным активом и примером для остальной части мира (Hirschman 2005). В начале

XX столетия в США стремилось немало людей из Восточной и Южной Европы, что могло бы навести на мысль о неспособности приспособиться к американским нормам; эта ситуация сравнима с той, что происходит сейчас в Европе. Для Европы, однако, все это довольно ново. У большинства европейских поселений отсутствует иммиграционный опыт до Второй Мировой войны, за исключением Франции, которая в начале XX столетия привлекла много иммигрантов из Польши, Италии и других мест в Европе и некоторое количество иммигрантов из Северной Африки (Dignan, 1981), хотя не без проблем. Их потомки сегодня уж никак не воспринимаются как «меньшинство». Кроме того, те потоки в Соединенные Штаты вызвали серьезные и эффективные ограничения на иммиграцию в течение нескольких десятилетий после 1924, а притоки во Францию прекратились в течение двух десятилетий с началом Мировой войны. Прекращение иммиграции очень облегчило интеграцию (Graham, 2004). У обеих стран сильно развито чувство национального достоинства и, по крайней мере, до недавнего времени предполагалось, что иммигранты примут обычаи и ценности их нового дома — страны, в которую они приехали, лучше которой в мире нет.

Большие культурные, расовые и религиозные различия в Европе между коренным населением и населением иммигрантского происхождения, растущим большими темпами, могут привести неблагоприятным результатам как для иммигрантов, так и для коренных европейцев (Dench, 2003). Среди неевропейских меньшинств в европейских странах преобладают мусульмане. Их стремление к интеграции более слабое, чем, скажем, испаноговорящего населения в США, за исключением естественной склонности к экономическому успеху. Разнообразие иммигрантских культур послевоенного периода, каждая со своим мировоззрением и религией, столкнулось с либеральным обществом, где чувство национального достоинства и национальной идеи было ослаблено. Изменяющаяся интерпретация прав человека, которая также облегчает иммиграцию, имела тенденцию разрушать предположение, что иммигранты должны приспособиться к национальным нормам, вместо этого одобряя разнообразие культурных ценностей.

Возможные последствия роста многонациональности

Некоторые проблемы, связанные с ростом меньшинства, возникают вовсе не из-за возможности «этнического вытеснения» коренного населения, а из-за того, что даже нынешний уровень этнического многообразия является проблематичным, и что поэтому в отсутствие более успешной политики интеграции дальнейший рост просто усилит трудности. Эти пункты спорны, но должны быть отмечены. Некоторые группы населения иммигрантского происхождения теперь занимают более высокое образовательное, экономическое и социальное положение, чем среднестатистические коренные жители, например, как индусы в Великобритании (ONS, 2002). Такой материальный успех жителей иностранного происхождения может сосуществовать с их и

транснациональной, но не меняющейся этнической самоидентификацией, при том что численность меньшинства и их международные связи фактически создают «параллельные общества», сила которых поддерживается благодаря бракам с лицами из их страны. Значительное число других, не столь экономически успешных групп, остаются в еще большей степени анклавами, особенно это касается мусульман: турков в Бельгии (Lesthaeghe, 2000), бангладешцев в Великобритании (Eade et al., 1996). Более поздние поколения могут даже быть менее интегрированы, нежели первые, и даже более изолированы, что имеет место среди молодых северных африканцев во Франции, среди марокканцев в Нидерландах и среди пакистанцев в Великобритании, что приводит к серьезным проблемам в области национальной безопасности. Когда в демократических обществах появляется многообразие культур (Coleman, 1997), то в социальную структуру можно ввести новые силы.

Разногласия относительно Кашмира, Пенджаба, Курдистана, Ближнего Востока, Афганистана и других регионов мира оказываются тесно вплетены в европейскую внутреннюю политику. В то же время интересы меньшинств иммигрантского происхождения накладывают ограничения на внешнюю политику, как, например, сторонники-лоббисты Израиля в Соединенных Штатах. Межнациональные разногласия становятся более сложными по мере диверсификации миграционного притока. Также утверждается, что разнообразие угрожает солидарности, требуемой для поддержки и финансирования системы социального обеспечения, подрывает моральное согласие, которое подкрепляет их принципы (Alesina et al., 2001, Goodhart, 2004).

По мере роста численности населения иностранного происхождения, оно чувствует все меньшую потребность в приспособлении к местным нормам, вместо этого распространяя свои собственные ценности, язык или законы в обществе. Население может потерять связь с историей области, в которой они живут, отдалиться от принятых здесь ценностей, от общей культуры (Rowthorn, 2003). Различия в физическом облике только усиливают эту неоднородность. Из-за изменения численности населения различного происхождения, ассимиляция может стать «улицей с двусторонним движением», и в результате давние ценности, разделявшиеся большинством, перестанут существовать. Так практически исчезло лютеранство в Западной Европе. Некоторые признаки уже видны. Так, в Великобритании, например, мусульманские организации, опираясь на свой численный рост, с 1991 по 2001 год, при переписи 2001 года в вопросе о религии требовали введения Законов Шариата в некоторых частях Великобритании, где преобладают мусульмане, что было поддержано 40% мусульман страны (ICM Opinion Poll, Sunday Telegraph, 19 February 2006). Недавний опрос в 13 странах Европы показал, что существует сильная враждебность и недоверие между мусульманским и местным населением; антизападные настроения были особенно отмечены среди мусульман в Великобритании (Pew Global Attitudes Project, 2006).

Ни либеральная иммиграционная политика в Западной Европе, ни мультикультурализм в Великобритании с его акцентом на права групп, ни предписывающие мирные принципы Франции о равенстве граждан, имеющих свои собственные религиозные и этнические особенности, ничего не помогло преодолеть это негативное отношение.

Права и обязанности

С другой стороны существуют проблемы, связанные с соотношением численности мигрантских групп, как в местном масштабе, так и в национальном. В большинстве стран совсем не рассматриваются долгосрочные последствия столь высоких сегодняшних уровней иммиграции (Teitelbaum and Winter, 1998), хотя в 2006 году и президент Франции, и канцлер Германии привлекли к этому внимание. Однако, поскольку число детей, родившихся у иммигрантов и женщин этнических меньшинств, приближается к 50% от общего числа родившихся в крупных европейских городах (47% в Лондоне в 2003 году), то перспектива становится более видимой, по крайней мере, на местном уровне.

Права человека — отправная точка для большинства современных политических споров, и здесь суждения приобретают асимметричный характер. Все беспокойство о правах человека в связи с миграцией сосредотачивается на правах иммигрантов (например, Global Commission Report, 2005), а не на правах коренных жителей хранить свой собственный образ жизни, язык, законы, соседства и общества с их собственными привилегиями (Gavron et al., 2006). В Европе протесты коренного населения осуждаются и расцениваются как расизм, ксенофобия, и никакие сравнения и аналогии не принимаются, даже антропологами (Kuper 2003). Вместо того, чтобы рассмотреть протесты, обычно дается иной ответ: что такие люди должны пересмотреть свою точку зрения и оценить фактическую выгоду от миграции для себя и для роста глобального ВВП.

По большей части, общество наблюдало за миграцией из неевропейских стран с безразличием или даже находило пользу в миграции как способе поддержки постоянной численности населения, несмотря на стойкое народное сопротивление. Так, например, в Великобритании с некоторого времени стали выделять проблему иммиграции как серьезную (British Social Attitudes Survey 2004, Yougov, MORI). В США было несколько лет, когда сопротивление текущим уровням иммиграции не было широко распространено (e.g. Zogby Poll May 3 2006). Удивительно, что возможные последствия миграции, которые выделены здесь, не были более широко обсуждаемы. Зато они привлекли внимание со стороны ученых, как подтверждающее существующее мнение (Bouvier 1991, Smith and Kim 2004, Huntingdon 2006), так и опровергающее его (Rumbaut et al 2006), а также внимание вдумчивых журналистов (Booth 1998) и некоторое внимание от исследовательских центров (e.g. The Center for Immigration Studies in the US), но до недавнего времени в политике этим проблемам не уделялось особого внимания.

Критические замечания в СМИ, журналах, научной жизни были заглушены цензурой и распространяющимся давлением (Browne 2005). В Великобритании, например, правительство не обсуждает последствия высокой иммиграции в долгосрочной перспективе, вместо этого осуждая тех, кто выражает неблагоприятное отношение по этому вопросу. Однако после одного из немногих обсуждений, касающихся замены коренного населения мигрантами в СМИ Великобритании, активисты меньшинств и меж-расовых отношений – в Комиссии по расовому равенству, в Лондонском муниципальном правительстве и в СМИ – оценили перспективу этнического перехода по-разному: как последнее доказательство расизма, как ответ колониальной эксплуатации, или как, по крайней мере, событие, не несущее каких-либо последствий (см. Browne, 2005).

Выводы

Если изменения, описанные выше, все же произойдут, стоит расценивать их как существенные и обозначить их как новый демографический переход, несмотря на то, что он будет ограничен лишь развитыми странами с низкой рождаемостью. Процесс, вероятно, будет ассиметричен: состав населения развитого мира станет напоминать больше развивающиеся страны, но никак не наоборот. Прогнозируемые изменения в составе населения до настоящего времени не имели места в мирных условиях. Все изменения будут заметны в пределах столетия. Их последствия будут необратимыми, хотя их значение, возможно, зависит от модели интеграции и ассимиляции, или их отсутствия.

Все это все еще располагает к изменению политики, отмеченному в Дании и Нидерландах. Миграция из-за вступления в брак — главный канал миграции, все более ускоряющийся и открытый (Lievens, 1999, Storhaug, 2003). Новая политика иммиграции может это изменить. Возвращение к более низким уровням иммиграции 1980-х гг. привело бы к прежнему состоянию и не дало бы свершиться третьему демографическому переходу. С другой стороны, рост межэтнических браков скорректировал бы спрогнозированные тенденции благодаря появлению нового населения смешанного происхождения. И это — главный недостающий элемент во всех прогнозах, описанных здесь.

В конечном счете, могла бы появиться новая однородность, в которой этнические ярлыки ничего не значат или не могут быть определены, разве что специалистами по генеалогии. Границы некоторых существующих групп населения уже становятся стертыми, как, например, у западных индийцев в Великобритании. Дети от смешанных браков могут идентифицировать себя по-разному. В конце концов, такая тенденция может сделать более трудной или даже невозможной идентификацию отдельных этнических групп. Такие изменения, вне зависимости от уровней миграции, можно описать как переход.

Эти изменения происходят при отсутствии фактического контроля за их результатами и вопреки широко распространенному сопротивлению столь высоким уровням миграции. Без сдерживания миграции политическими мерами или без спонтанного замедления миграционного притока в некоторых странах скоро, вероятно, процесс станет необратимым. Игнорируя долгосрочные последствия, страны Запада облегчают радикальное преобразование структуры их обществ и фактический отказ от своего исторического наследия. Именно это произойдет, если переход будет замалчиваться, если непростые моменты, связанные с ним, будут избегаться, если ему вообще не будут уделяться внимание. Необходимо внимательно изучить и сформировать отношение к происходящим глубоким и долгосрочным переменам, сама перспектива которых еще несколько десятилетий назад воспринималась как абсурдная.

Благодарность

Автор благодарит за советы и предоставление статистических материалов: д-ра М. Алдера, д-ра Ж-К. Шенэ, д-ра А. Колсона, профессора С. Фелда, г-на Дж. Хаски, г-на С. Ларсена, гна Дж. Либхарта, профессора Ф. Мартина, г-на Нильсона, профессора д-ра Р. Ульриха, а также анонимных рецензентов за сделанные замечания. Г-н М.Д. Смит из Оксфордского университета подготовил материал по прогнозам населения Великобритании. Частично этот труд был финансирован Лондонским Фондом Наффилда. Автор берет на себя ответственность за все неточности и высказанные идеи.

Литература

- Alders, M. (2001). Classification of the population with a foreign background in the Netherlands. The Measure and Mismeasure of Populations. The statistical use of ethnic and racial categories in multicultural societies., Paris, Centre d'Etudes et de Recherches Internationales, Institute National D'Etudes Demographiques.
- Alders, M. (2001b). "Bevolkingsprognose 2000-2050: recente ontwikkelingen in de migratie en veronderstellingen voor de toekomst." Maandstatistiek van de bevolking (2001/3): 31-40. (Population projections 2000- 2050. recent developments in international migration and their implication for the future.)
- Alders, M. (2001c). "Allochtonenprognose 2000-2050 de toename van het aantal niet-westerse allochtonen nader bekeken." Maandstatistiek van de bevolking (2001/4): 29-33. (Projections of the foreign origin population 2000-2050 in the Netherlands).
- Alders, M. (2005). "Allochtonenprognose 2004 - 2050: belangrijkste uitkomsten (Projections of the foreign-origin population in the Netherlands)." Bevolkingstrends 53, 1: 32 - 42.
- Alesina, A. F., E. L. Glaeser, et al. (2001). Why Doesn't The US Have a European-Style Welfare State? Harvard Institute of Economic Research Discussion Paper No. 1933. Cambridge Mass, Harvard Institute of Economic Research. <http://ssrn.com/abstract=290047>
- Ammermann, A.J. and L.L. Cavalli-Sforza (1984). The Neolithic Transition and the Genetics of Populations in Europe. Princeton, Princeton University Press.
- Barbujani, G. and G. Bertorelle (2001). Genetics and the population history of Europe. Proceedings of the National Academy of Sciences 98, 1, 22-25.
- Bijak, J., Kupiszewska, D., Kupiszewski, M., Saczuk, K. and A. Kicing 2005. Population and Labour Force Projections of 27 Europeans, 2002 – 2052: Impact on Internal Migration and Population Ageing. Eurostat UN ECE Work Session on Population Projections, Vienna, September 2005.
- Bongaarts, J. and G. Feeney (1998). "On the Quantum and Tempo of Fertility." Population and Development Review 24(2): 271-291.
- Booth, W. (1998). One Nation, Indivisible: Is it History? A series of six articles. Washington Post, February 22 1998 p A1 – December 28 1998 p A1. <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/national/longterm/meltingpot/melt0222.htm>
- Bouvier, L. F. (1991). Peaceful Invasions: immigration and changing America. Washington DC, Center for Immigration Studies.
- Bouvier, L. F. and C. B. David (1982). The Future Racial Composition of the United States. Washington DC, Population Reference Bureau.
- British Social Attitudes Survey 2004. British Social Attitudes. The 21st Report. London, Sage (National Centre for Social Research).
- Browne, A. (2005). The Retreat of Reason: Political correctness and the corruption of public debate in modern Britain. London, Civitas.
- Bulmer, M. (1996). The ethnic group question in the 1991 Census of Population. Ethnicity in the 1991 Census. Volume 1 Demographic characteristics of the ethnic minority populations. D. A. Coleman and J. Salt. London, HMSO. 1: 33 - 62.
- Capelli, C., N. Redhead, et al. (2003). "A Y Chromosome Census of the British Isles." Current Biology 13: 979 - 984.
- Castles, S. (2004). "Why migration policies fail." Ethnic and Racial Studies 27: 205-227.
- Castles, S. and M. J. Miller (2003). The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. Third Edition. London, Palgrave.
- Cavalli-Sforza, L. L., P. Menozzi, et al. (1988). The History and Geography of the Human Genes. Princeton, Princeton University Press.

- Chapman, J. and H. Hamerow (1997). On the move again: Migrations and Invasions in Archaeological Explanation. Migrations and Invasions in archaeological explanation. BAR International Series 664. J. Chapman and H. Hamerow. Oxford, Archaeopress.: 1 - 10.
- Chesnais, J.-C. (1995). Le crépuscule de l'Occident: démographie et politique. Paris, Robert Laffont.
- Cliquet, R. L. (1991). The Second Demographic Transition: fact or fiction? Strasburg, Council of Europe.
- Coale, A. J. (1986). Demographic effects of below-replacement fertility and their social implications. Below-replacement fertility in industrial societies: causes, consequences, policies. Supplement to Population and Development Review volume 12. K. Davis, M. Bernstam and R. Ricardo - Campbell. New York, Population Council.
- Colchester, M. (2002). 'Indigenous rights and the collective conscious' *Anthropology Today* Vol.18 no.1 p.1-3
- Coleman, D.A. (1997) 'The origins of multi-cultural societies and the problems of their management under democracy'. Proceedings of the 23rd International Population Conference, Beijing 1997, Volume 3 pp 1457 - 1496. Liège, International Union for the Scientific Study of Population.
- Coleman, D. A. (2003). "Mass migration and population change." Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft 28 Special issue In Memoriam. Dr. H.-J. Hoffmann - Nowotny.(2-4): 183-215.
- Coleman, D.A. (2004) Why we don't have to believe without doubting in the 'Second Demographic Transition' – some agnostic comments. Vienna Yearbook of Population Research 2004, Vienna, Austrian Academy of Sciences, pp 11 – 24.
- Coleman, D. A. and J. Salt (1996). The ethnic group question in the 1991 Census: a new landmark in British social statistics. Ethnicity in the 1991 Census. Volume One Demographic characteristics of the ethnic minority populations. D. A. Coleman and J. Salt. London, HMSO. 1: 1 - 32.
- Coleman, D. A. and S. Scherbov (2005). Immigration and ethnic change in low-fertility societies - towards a new demographic transition? Paper presented at Population Association of America annual meeting, Philadelphia 2005.
- Coleman, D. A. and M. D. Smith (2005) The projection of ethnic minority populations: problems and data needs. Oxford, Working Paper no. 13; Oxford Centre for Population Research. <http://www.apsoc.ox.ac.uk/oxpop/publications%20files/WP13.pdf>
- Courbage, Y. and M. Khlal (1996). "Mortality and causes of death of Moroccans in France, 1979–91. Population: an English selection 1996;8:59–94." Population: an English selection 1996(8): 59-94.
- Dalla Zuanna, G. (2006). "Population Replacement, Social Mobility and Development in Italy in the Twentieth Century." Journal of Italian Modern History (forthcoming).
- Danmarks Statistik (1997). "Invandrere og efterkommere i Danmark - mulige udviklingsforløb frem til år 2020." Befolkning og valg 1997:16: 1 - 41. (Immigrants and their descendants in Denmark: projections to the year 2020).
- Danmarks Statistik (2004). "Befolkningsfremskrivninger 2004 (Population projections 2004)." Befolkning og Valg (Population and Elections)(2004:12): 2 - 21.
- Dench, G. (2003). Minorities in the Open Society. New Brunswick, Transaction.
- de Jong, A. (2001). "Allochtenprognose 2000-2050: sterke contrasten tussen westerse allochtonen." Mandstatistiek van de bevolking 2001(4): 23-29. (Projection of the foreign population 2000-2050 - strong contrast with Western foreigners).
- Dignan, D. (1981). "Europe's Melting Pot - a century of large-scale immigration into France." Ethnic and Racial Studies. 4: 137.
- Dumont, J.-C. and G. Lemaitre (2005). Counting Immigrants and Expatriates in OECD countries. OECD Social, Employment and Migration Working Papers No. 25. Paris, OECD.

- Eade, J., T. Vamplew, et al. (1996). The Bangladeshis: the encapsulated community. Ethnicity in the 1991 Census Volume Two. The ethnic minority populations of Great Britain. C. Peach. London, Office for National Statistics: 150 - 160.
- Espenshade, T. J. (1987). Population Dynamics with Immigration and Low Fertility. Below-Replacement Fertility in Industrial Societies. Causes, consequences, policies. supplement to Population and Development Review Vo. 12, 1986. K. Davis, M. Bernstam and R. Ricardo-Campbell. New York, Population Council: 248 - 261.
- Espenshade, T. J., L. F. Bouvier, et al. (1982). "Immigration and the Stable Population Model." Demography 19(1): 125-133.
- European Commission (2004). Report of the High Level Group on the future of social policy in an enlarged European Union. Brussels, European Commission.
- Eurostat (2006). Statistics in Focus: Population and Social Conditions 1/2006. Luxemburg, Office for Official Publications of the European Communities (and earlier editions).
- Eurostat/NIDI/MRU (2000). Analysis and Forecasting of International Migration by Major Groups. Expert Group Meeting at NIDI, The Hague, 27 November 2000. The Hague, Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute.
- Falsetti, A. and R. Sokal (1993). "Genetic Structure of human populations in the British Isles." Annals of Human Biology 20(3): 215 - 219.
- Feichtinger, G. and G. Steinmann (1992). "Immigration into a below replacement population. Reproduction by immigration - the case of Germany." Population Studies 46(2): 275 - 284.
- Freeman, G. S. (1994). "Can Liberal States control Unwanted Migration?" Annals of the American Association for Political and Social Sciences,(534): 17 - 30.
- Frejka, T. and J.-P. Sardon (2004). Childbearing Trends and Prospects in Low-Fertility Countries. A Cohort Analysis. Dordrecht, Kluwer.
- GAD (2005). 2004- based Population Projections. London, Government Actuary's Department.
- Gavron, K., G. Dench, et al. (2006). The New East End: Kinship, Race and Conflict. London, Profile.
- Global Commission on International Migration (GVIM) (2005). Migration in an interconnected world: New directions for action.
- Goldscheider, C. (1999). Religious values, dependencies and fertility: Evidence and implications from Israel. Dynamics of Values in Fertility Change. R. Leete. Oxford, Oxford University Press: 311 - 330.
- Goldstein, J., Lutz, W. et al. (2003). The Emergence of sub-Replacement Family Size Ideals in Europe. European Demographic Research papers 2003 no 2. Population Research and Policy Review. Vienna, Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Sciences.
- Goldstein, J. R. and A. J. Morning (2002). Back in the Box: The Dilemma of Using Multiple-Race Data for Single-Race Laws. The New Race Question: How the Census Counts Multiracial Individuals. M. Waters and J. Perlmann. New York, Russell Sage: 119 - 136.
- Goodhart, D. (2004). "Too diverse? Is Britain becoming too diverse to sustain the mutual obligations behind a good society and the welfare state?" Prospect (95), February 2004
- Graham, O. L. (2004). Unguarded Gates: a history of America's immigration crisis. Lanham, MD. Rowman and Littlefield.
- Griffiths, C., A. Brock, et al. (2004). Mortality by country of birth in England and Wales 2001-2003. British Society for Population Studies Annual Conference, Leicester.
- Hagewen, K.J. and S.P. Morgan (2005) Intended and Ideal Family Size in the United States, 1970 - 2002. Population and Development Review 31, 3, 507 - 527.
- Hamerow, H. (1997). Migration theory and the Anglo-Saxon 'identity crisis'. Migrations and Invasions in Archaeological Explanation. J. Chapman and H. Hamerow. Oxford, Archaeopress: 33 - 44.

- Harbison, S. F. and W. C. Robinson (2002). "Policy Implications of the Next World Demographic Transition." Studies in Family Planning **33**(1): 37 - 48.
- Härke, H. (1998). Archaeologists and Migrations – a problem of attitude? Current Anthropology **39**, 1, 19 – 45.
- Härke, H. (2002). Kings and warriors: population and landscape in early medieval Britain.. In Slack, P. and R. Ward (eds.) The peopling of Britain: the shaping of a human landscape. Oxford, Oxford University Press.
- Haskey, J., Ed. (2002). Population projections by ethnic group: a feasibility study. Studies on Medical and Population Subjects No. 67. London, The Stationery Office.
- Haug, W., P. Compton, et al., Eds. (2002). The demographic characteristics of immigrant populations. Population Studies No. 38. Strasburg, Council of Europe.
- Haut Conseil à l'Intégration (1991). Pour un modèle français d'intégration, Premier Rapport Annuel. Paris, La Documentation Française.
- Heather, P. (2006). The Fall of the Roman Empire: a new history. London, Pan.
- Héran, F. (2004). "Cinq idées reçues sur l'immigration." Population et Sociétés (397): 1-4.
- Hills, C., Ed. (2003). Origins of the English. London, Duckworth.
- Hinde, A. 2003. England's Population. A History since the Domesday Survey. London, Hodder Arnold.
- Hirschman, C. 2005. Immigration and the American Century. Demography **42**, 4, 595 – 620.
- Hollifield, J. F. (2000). The Politics of International Migration: How can we 'Bring the State back in'? Talking Across Disciplines: Migration Theory in Social Science and Law. C. Brettell and J. F. Hollifield. London, Routledge.
- Hollmann, F.W. and Kingcade, W.W. (2005). Impact of Racial and Ethnic exogamy and International Migration on Forecast Population distributions for the United States in 2030: Results of a Macro-Economic Simulation. Paper presented at the XXV International Population Conference of the IUSSP, Tours July 2005.
- Home Office (2005). Accession Monitoring Report May - December 2004. London, Home Office.
- Howe, N. and R. Jackson (2005). Projecting Immigration - a survey of the current state of practice and theory. Center for Strategic and International Studies, Washington D.C.
- Hummer, R. A., R. G. Rogers, et al. (1999). "Race/Ethnicity, Nativity and U.S. Adult Mortality." Social Science Quarterly **80**(1): 136 - 153.
- Huntingdon, S. P. (2006). Who are we? The Challenges to America's National Identity. New York, Simon and Schuster.
- Immigrant Statistics Unit (1979). "Population of New Commonwealth and Pakistani Ethnic Origin: new projections." Population Trends **16**: 22-27.
- Jones, N. A. (2005). We the People of More Than One Race in the United States. Census 2000 Special Reports CENSR-22. Washington DC, US Census Bureau.
- Kenrick, J. and J. Lewis (2004). "Indigenous Peoples' Rights and the Politics of the term 'Indigenous'." Anthropology Today **20**(2): 4 - 9.
- Kohler, H.-P. and D. Philipov (2001). "Variance Effects in the Bongaarts-Feeney formula." Demography **38**(1): 1-16.
- Kohler, H.-P. and J. A. Ortega (2002). "Tempo-adjusted period parity progression measures: assessing the implications of delayed childbearing for fertility in Sweden, the Netherlands and Spain." Demographic Research **6**(7).
- Kosinski, L. (1970). The Population of Europe: a geographical perspective. London, Longman.
- Kuijsten, A. (1995). The Impact of migration streams on the size and structure of the Dutch population. The Demographic Consequences of International Migration. S. Voets, J. Schoorl and B. deBruijn. The Hague, Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute: 283 - 306.
- Kuper, A. (2003). "The return of the native." Current Anthropology **44**(3): 389 - 402.

- Large, P. (2005). Population Projections by Ethnic Group. British Society for Population Studies Day Conference July 6 2005, Recent Developments in Ethnic Demography, London School of Economics.
- Large, P. and K. Ghosh (2006). "A methodology for estimating the population by ethnic group for areas within England." Population Trends(123): 21 - 31.
- Lebhart, G. and R. Münz (2003). Szenarien zur Bevölkerungsentwicklung in Österreich nach Staatsangehörigkeit. Forschungsbericht Nr. 26. Vienna, Vienna Institute of Demography. (Scenarios for population development in Austria by citizenship. Research Report No. 26)
- Lee, S. M. (1993). "Racial Classification in the US Census 1890 - 1991." Ethnic and Racial Studies **16**(1): 75 - 94.
- Legros, F. (2003). "La fécondité des étrangères en France : une stabilisation entre 1990 et 1999." INSEE Première(898 May 2003).
- Lesthaeghe, R., H. Page, et al. (1988). Are Immigrants Substitutes for Births? IDP Working Paper 1988-3. Brussels, Free University Brussels, InterUniversity Programme in Demography.
- Lesthaeghe, R., Ed. (2000). Communities and Generations: Turkish and Moroccan Populations in Belgium. Brussels, Centrum voor Bevolkings- en Gezinsstudie (CBGS), Vlaamse Wetenschappelijke Instelling.
- Lesthaeghe, R. (2001). Postponement and recuperation: Recent fertility trends and forecasts in six Western European countries.(Austria, Belgium, France, Germany, Switzerland and the Netherlands). International Perspectives on Low Fertility: Trends, Theories and Policies, Tokyo, IUSSP.
- Lesthaeghe, R. and P. Willems (1999). "Is low fertility a temporary phenomenon in the European Union?" Population and Development Review **25**(2): 211 - 228.
- Lesthaeghe, R. and K. Neels (2002). Géographie de la fécondité: les cartes, l'histoire et l'innovation démographique. Démographie: analyse et synthèse Volume II Les déterminants de la fécondité. G. Caselli, J. Vallin and G. Wunsch. Paris, INED. **2**: 375 - 405.
- Lesthaeghe, R. and J. Surkyn (2004). When History Moves On: The Foundations and Diffusion of a second demographic transition. Brussels, Interface Demography: Free University of Brussels.
- Lievens, J. (1999). "Family-forming migration from Turkey and Morocco to Belgium: the demand for marriage partners from the countries of origin." International Migration Review **33**(3): 717-744.
- Macfarlane, A. (1978). The origins of English individualism : the family, property and social transition. Oxford, Basil Blackwell.
- McDonald, P. and R. Kippen (2001). "Labor Supply Prospects in 16 Developed Countries 2000 - 2050." Population and Development Review **27**(1): 1 - 32.
- McEvoy, B., M. Richards, et al. (2004). "The Longue Durée of Genetic Ancestry: Multiple Genetic Marker Systems and Celtic Origins on the Atlantic Facade of Europe." American Journal of Human Genetics **75**.
- McQuillan, K. (2004). "When does religion influence fertility?" Population and Development Review **30**(1): 25 -56.
- Martin, P. L. (2002). Economic Integration and Migration: The Mexico-US Case. UN University World Institute for Development Economics Research Conference on Poverty, International Migration and Asylum, Helsinki September 27-28 2002, WIDER.
- Massey, D. S., J. Arango, et al. (1998). Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millenium. Oxford, Clarendon Press.
- Massey, D. and R. Zenteno (1999). "The Dynamics of Mass Migration." Proceedings of the National Academy of Sciences **96**: 5328-5235.

- Mearsheimer, J. J. and S. Walt (2006). The Israel Lobby and US Foreign Policy. Working Paper No RWP06-011. Cambridge, MA, John F. Kennedy School of Government, Harvard University.
- Mearsheimer, J. J., S. M. Walt, et al. (2006). "The War over Israel's Influence. A Roundtable discussion." Foreign Policy(July/August 2006). http://www.foreignpolicy.com/story/cms.php?story_id=3501&fpsrc=ealert060627
- Miles, D. (2005). The Tribes of Britain. London, Orion.
- Moch, L. P. (1992). Moving Europeans : migration in Western Europe since 1650. Bloomington, Ind, Indiana University Press,.
- Mulder, T. J., B. Guzman, et al. (2002). Evaluating Components of International Migration: Foreign-born Emigrants. US Bureau of the Census Population Division Working Paper No 62. <http://www.census.gov/population/documentation/twps0062/twps0062.pdf>
- Musterd, S., W. Ostendorf, et al. (1998). Multi-ethnic metropolis: patterns and policies. Dordrecht, Kluwer.
- Nilsson, Å, (2004) Efterkrigstidens invandring och utvandring (post-war immigration and emigration). Demografiska Rapporter 2004:5. Stockholm, Statistics Sweden.
- OECD (2004). Trends in International Migration. SOPEMI 2003. Paris, OECD.
- Office of Immigration Statistics (2006). 2004 Yearbook of Immigration Statistics. Washington DC, Office of Immigration Statistics, US Department of Homeland Security.
- ONS (2002). Social Focus in Brief: Ethnic Minorities. London, Office for National Statistics.
- ONS (2004a). Birth Statistics Series FM1 No. 32: Review of the Registrar General on births and patterns of family building in England and Wales, 2003. London, The Stationery Office.
- ONS (2004b). International Migration. Migrants Entering or Leaving the United Kingdom and England and Wales 2002. Series MN No. 29. London, The Stationary Office.
- Ortega, J.P. 2005. What are the implications of the demographic transitions process for 21st Century European population? Eurostat / UNECE Work Session on Demographic Projection. Vienna, September 2005.
- Pew Global Attitudes Project (2006). The Great Divide: How Westerners and Muslims regard each other. 13-nation Pew Global Attitudes Survey. Washington DC, Pew Research Center.
- Philipov, D. and H.-P. Kohler (2001). "Tempo Effects in the Fertility Decline in Eastern Europe.: Evidence from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland and Russia." European Journal of Population 17(1): 37 - 60.
- Phoenix, A. and C. Owen (2000). From miscegenation to hybridity: mixed relationships and mixed parentage in profile. Hybridity and its Discontents. A. Brah and A. E. Coombes. London, Routledge: 72 - 95.
- Platt, L., L. Simpson, et al. (2005). "Stability and change in ethnic groups in England and Wales." Population Trends(121): 35 - 46.
- Pollard, J.H. 1973. Mathematical Models for the Growth of Human Populations. New York, Cambridge University Press.
- Poulain, M. and N. Perrin (2002). The demographic characteristics of immigrant populations in Belgium. The demographic characteristics of immigrant populations. W. Haug, P. Compton and Y. Courbage. Strasburg, Council of Europe: 57 - 130.
- Richards, M., V. Macaulay, et al. (2000). "Testing European Founder Lineages in the Near Eastern mtDNA Pool." American Journal of Human Genetics 67: 1251 - 1276.
- Rowthorn, R. (2003) 'Migration Limits' Prospect 83, February 2003.
- Rumbaut, R. G., D. S. Massey, et al. (2006). "Linguistic Life Expectancies: Immigrant Language Retention in Southern California." Population and Development Review 32(3).
- Salt, J. (2005). Current Trends in International Migration in Europe. Strasburg, Council of Europe.

- Siegel, B. J. (1970). "Defensive Structuring and environmental stress." American Journal of Sociology **76**: 11 - 32.
- Shaw, C. (1988). "Latest estimates of ethnic minority populations." Population Trends **51**: 5 - 8.
- Simpson, L. and B. Akinwale (2004). "Quantifying Stability and Change in Ethnic Group." submitted to Journal of Official Statistics: pp 52.
- Smith, M. D. (2005) The Preparation of Fertility Estimates using the Own-Child method: from the Labour Force Survey, through the East-West Fertility program, with Excel output. Oxford, Oxford Centre for Population Research. <http://www.apsoc.ox.ac.uk/oxpop/publications%20files/WP14.pdf>
- Smith, J. P. and B. Edmonston, Eds. (1997). The New Americans. Economic, Demographic and Fiscal Effects of Immigration. Washington DC, National Academy Press.
- Smith, T. W. and S. Kim (2004). The Vanishing Protestant Majority. GSS Social Change Report no. 49. Chicago, NORC/University of Chicago.
- Sobotka, T. (2003). "Tempo-Quantum and Period-Cohort Interplay in Fertility Changes in Europe." Demographic Research **8**(6): 152 - 214.
- Sobotka, T., M. Winkler-Dworak, et al. (2005 in press). "Monthly Estimates of the Quantum of Fertility: Towards a Fertility Monitoring System in Austria." Vienna Yearbook of Population Research **2005**.
- Statistics Canada and US Department of Commerce (1993). Challenges of Measuring an Ethnic World: Science, politics and reality. Washington, US GPO.
- Statistics Denmark (1997). Statistiske Efterretninger: Befolkning og valg (Statistical News: Population and Elections) 1997:16. Copenhagen, Statistics Denmark.
- Statistics Denmark (2002). Bevolkning og Valg 2002:11, 4 July.
- Statistics Denmark (2004). Statistiske Efterretninger. Befolkning og valg 2004:12
- Statistics New Zealand (2000). Projections of the population of Asian, Maori, European and Pacific descent to 2021, Statistics New Zealand.
- Statistics Norway (2005) Framskrivning av innvandrerbefolkningen, 2005-2060
 Venter sterk vekst i innvandrerbefolkningen (In Norwegian, with English summary: Projection of the immigrant population 2005 - 2060: strong growth of immigrant population) <http://www.ssb.no/emner/02/03/innvfram/>
- Statistics Sweden (2003). "Sveriges framtida befolkning 2003 - 2020 : svensk och utländsk bakgrund." Demografiska rapporter **2003:5**. (Population projections for Sweden 2003 – 2050 according to Swedish or foreign origin)
- Statistics Sweden (2004a). "Sveriges framtida befolkning. Befolkningsframskrivning för åren 2003-2050 (Population projection for Sweden 2003 - 2050)." Demografiska rapporter **2003:4**: 166.
- Statistics Sweden (2004b). Sveriges framtida befolkning 2004-2050. reviderad befolkningsprognos från SCB. (Population projections 2004-2050: revised projections from Statistics Sweden) BE 18 SM 0401. Stockholm, Sveriges Officiella Statistik. Statistik Meddelanden.
- Steinmann, G. and M. Jäger (2000). "Immigration and Integration: Non-linear Dynamics of Minorities." Journal of Mathematical Population Studies **9**(1): 65 - 82.
- Storhaug, H. and H. R. Service (2003). Human visas: a report from the front lines of Europe's Integration Crisis. Hovik, Norway, Kolofon.
- Sykes, B.(1999). 'The molecular genetics of European Ancestry.' Philosophical Transactions of the Royal Society B **354** (1379) 131-138.
- Teitelbaum, M. S. (2002). "The Role of the State in International Migration." Brown Journal of World Affairs **VIII**(2): 157 - 168.
- Teitelbaum, M. S. and J. M. Winter (1998). A Question of Numbers: High Migration, Low Fertility and the Politics of National Identity. New York, Hill and Wang.

- Think Tank on Integration in Denmark (2002). Population Development 2001 - 2021; possible developments. Copenhagen, Ministry of Refugee, Immigration and Integration Affairs. <http://www.imm.dk>.
- Thompson, J. H. (1982). Differential Fertility among Ethnic Minorities. Demography of Immigrants and Minority Groups in the United Kingdom. D. A. Coleman. London, Academic Press: 72 - 81.
- Tizard, B. and A. Phoenix (2000). Black, White or Mixed Race? Race and racism in the lives of young people of mixed parentage. Revised edition. London, Routledge.
- Toulemon, L. (2004). "La fécondité des immigrées: nouvelles données, nouvelle approche." Population et Sociétés **400** (April 2004): 1 - 4.
- Tribalat, M., J.-P. Garson, et al. (1991). Cent Ans D'Immigration: Etrangers d'Hier, Français d'Aujourd'hui. Paris, Presses Universitaires de France.
- Tribalat, M. (2004). "An Estimation of the Foreign-Origin Populations of France in 1999." Population E **59**(1): 49 - 80.
- Ulrich, R. E. (2001). Die zukünftige Bevölkerungsstruktur Deutschlands nach Staatsangehörigkeit, Geburtsort und ethnischer Herkunft: Modellrechnung bis 2050. Berlin/Windhoek (typescript), Unabhängigen Kommission "Zuwanderung" (The future population structure of Germany according to citizenship, place of birth and ethnic origin). Independent Commission on Migration: pp 38
<http://www.fgje.de/szenarien/themen/03/links.htm>
- UNHCR (2005). Asylum levels and trends in industrialised countries 2004. Geneva, United Nations High Commission for Refugees.
- United Nations (2000). Replacement Migration: Is it a Solution to Declining and Ageing Populations? New York, United Nations.
- United Nations (2004). World Population Prospects. The 2002 revision Volume 1 Comprehensive tables. New York and Geneva, United Nations.
- United Nations (2005). World Population Prospects. The 2004 revision Volume 1 Comprehensive tables. New York and Geneva, United Nations.
- US Bureau of the Census (1993). Population Projections of the United States, by Age, Sex, Race and Hispanic Origin: 1993 to 2050. Current Population Reports P25-1104. Washington DC, US Government Printing Office.
- US Bureau of the Census (1996). Population Projections of the United States by Age, Sex, Race and Hispanic Origin 1995 - 2050. Current Population Reports P25-1130. Washington DC, US GPO.
- US Bureau of the Census (2000). Population Projections of the United States by Age, Sex, Race, Hispanic Origin and Nativity, 1999 - 2100. Washington DC, US Census Bureau.
- US Bureau of the Census, 2004. US Interim Projections by Age, Sex, Race and Hispanic Origin. <http://www.census.gov/ipc/www/usinterimproj>
- Vallin, J. (2004). De la mondialisation de la transition au retour des incertitudes (1940-2000). Demographie : analyse et synthèse Volume V Histoire du peuplement et previsions. G. Caselli, J. Vallin and G. Wunsch. Paris, Institut national d'Etudes Demographiques. **5**: 117 - 170.
- van de Kaa, D. J. (1999). Europe and its Population: The Long View. European Populations: Unity in Diversity. Proceedings of the European Population Conference, The Hague, 1999. D. van de Kaa, H. Leridon, G. Gesano and M. Okolski. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers: 1 - 50.
- van Imhoff, E. (2001). "On the impossibility of inferring cohort fertility measures from period fertility measures." Demographic Research **5**(2): 23-64.
- Weale, M. E., D. A. Weiss, et al. (2002). "Y Chromosome Evidence for Anglo-Saxon Mass Migration." Molecular Biology and Evolution **19**(7): 1008 - 1021.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Признание группой новых членов — будь то семья, клуб или нация — несет в себе значительные возможные издержки и / или выгоды для тех, кто к ней принадлежит, имеет прямое отношение к уже существующим участникам. Прямо или косвенно, часто с некоторой задержкой во времени, положительно или отрицательно, число и качественные характеристики вновь пришедших окажут влияние на материальное благосостояние и социальное благополучие остальной группы.

Распределение затрат и выгод, которое происходит между прежними членами из-за появления «новичков», может быть очень неравномерным. Для того, чтобы процесс признания проходил мирно, необходимо адаптировать правила принятия решений: они должны эффективно согласовывать разнонаправленные интересы. Поскольку эти правила приводят к определенным результатам, они неизбежно оказывают влияние на распределение сил и влияния внутри группы. То, что удовлетворительно для одних, может быть не принято другими.

Размер группы и однородность интересов, как признают сами лица, принимающие решения, в значительной степени влияют на возможность включения новых участников. Небольшой размер группы упрощает обсуждение и поиск компромиссного решения. То же самое можно сказать о сходстве ценностей и вкусов. Наименьшая единица общества (если не рассматривать отдельного человека) семья — пример группы с таким потенциалом. Хотя даже внутри семьи интересы могут различаться, а право принятия решения вовсе не обязательно распределено равномерно, решения внутри семьи — сделать выбор в пользу увеличения численности (появление ребенка или рождение ещё одного) или против этого — представляются с точки зрения наблюдателей оптимальными для самой этой группы.

Правила членства в больших группах

В случае с большими группами, такими, как нация, которые отличаются, прежде всего, обособленной территорией проживания, проблема намного более сложна. Существует два и только два пути стать частью населения, которое представляет собой нацию: иммиграция и рождение.

Учет групповых интересов при определении желаемой степени расширения группы, если таковое вообще происходит, явно необходим всем современным государствам. Контроль иммиграции, независимо от того, насколько эффективно он осуществляется, признается согласно международному законодательству исключительным правом любой страны.

Это правило действует с одной лишь оговоркой: как правило, оно относится к добропорядочным политическим беженцам, число которых весьма невелико. Есть только два способа стать членом группы, которая представляет собой нацию: через иммиграцию или через рождение.

Решение о допуске в группу является коллективной привилегией, которая подчиняется существующим правилам политического процесса принятия решений. Учитывая отличия экономических и культурных интересов, представленных различными членами существующего населения, политика в области иммиграции для каждого момента времени и в каждой стране, скорее всего, будет стремиться к компромиссным вариантам.

Так, в Соединенных Штатах, стране, которая уже давно играет роль главного центра иммиграции в развитом мире, групповые интересы варьируются от призывов к полному запрету дальнейшей иммиграции до защиты политики открытых границ. Помимо существенных различий в числовых предпочтениях, мнения относительно критериев отбора мигрантов также не совпадают в значительной степени. В результате, большинство американских граждан могут назвать миграционную политику неудовлетворительной. В то же время она считается лучшим результатом, какого только можно достичь в процессе обсуждения, приведшем к принятию этой политики. Иммиграционная политика представляет собой типичное общественное благо — институциональное установление, служащее общественным интересам, и для удовлетворения потребности в котором недостаточно действий отдельных индивидов на частных рынках. Для эффективной работы этой системе требуется коллективное финансирование структур и персонала.

Демография миграции

Учитывая различия стран в уровне дохода, экономических возможностях и качестве социальных и политических институтов, основанных на принципах индивидуальной свободы, стимул мигрировать из стран, расположенных в более низких точках данного градиента, в страны, находящиеся выше, будет, вероятно, достаточно сильным.

Так, например, чистый иммиграционный поток в США в десятилетие 1950-х годов составил менее 3 миллионов человек. За последние десять лет двадцатого столетия чистая иммиграция превысила 11 миллионов. Тенденция миграционного притока в западноевропейские страны была менее устойчивой, но также показывала значительный восходящий тренд. За первое пятилетие XX века средний ежегодный чистый приток мигрантов в Соединенные Штаты и в Европейский союз (ЕС-25) значительно превышал 1 миллион человек в каждом из этих регионов.

Однако распространять эти тенденции на будущее крайне сложно. То же можно сказать и о прочих факторах изменений в населении:

рождаемости и смертности. Тем не менее, есть серьезное поведенческое и политическое основания для того, чтобы предсказать тенденции смертности, кроме случаев непредвиденных и трудно прогнозируемых катастроф. Хотя и в меньшей степени, но теоретические предположения и практические наблюдения также дают достаточно правдоподобные представления о будущих тенденциях рождаемости. Что же касается прогнозирования миграционных потоков, здесь, вероятно, решающим будет влияние политических факторов. Это означает, что прогнозы имеют под собой очень шаткое основание.

Значимые прогнозы в области народонаселения, подготовленные Отделом народонаселения ООН (United Nations, 2007), ясно обозначают эту проблему. Здесь достаточно привести несколько цифр. Прогнозы подготавливаются для каждой страны. Однако группировка показателей по крупным регионам дает серьезную, хотя и приблизительную общую картину. Для 2000-2005 года ООН оценивает средние чистые миграционные потоки по регионам следующим образом (см. табл. 1).

Табл. 1. Среднегодовой миграционный прирост по регионам мира, 2000–2005 гг., тыс. человек

Африка	–442
Азия	–1413
Европа	+1590
Латинская Америка и Карибский бассейн	–1366
Северная Америка	+1507
Австралия и Океания	+125
Развивающиеся страны	–3290
Развитые страны	+3290

Чего следует ожидать в будущем, согласно этим прогнозам? Интересно, что ООН предполагает, что первые пять лет нового столетия были в некотором роде исключением: после 2005 года эти величины уменьшатся, хотя в относительно небольшой степени. Так, если говорить более точно, среднегодовые оценки чистых миграционных притоков для 2005–2010 годов составят (тыс. чел.): –389 для Африки, –1209 для Азии, +951 для Европы, –849 для Латинской Америки и стран Карибского бассейна, +1399 для Северной Америки, +98 для Океании.

Предполагаемый чистый поток из развивающихся стран в развитые в период 2005-2010 снизится до отметки 2514 и стабилизируется после 2025 года на ежегодном уровне в 2272 тыс. чел. В целом, для всего 45-летнего периода с 2005 по 2050 год ООН ожидает чистый приток в 103 миллиона человек в более развитые регионы из менее развитых стран.

Это лишь возможные варианты развития, не претендующие на большую степень правдоподобия. Действительно, при подготовке долгосрочных прогнозов (после 2050 года) Отдел народонаселения ООН

(United Nations, 2004) просто проигнорировал международную миграцию как фактор, влияющий на динамику населения на уровне государств или регионов. Начиная с 2050 года, международная миграция, как предполагалось, должна снизиться практически до нуля.

Следует ли рассматривать миграционные потоки, спрогнозированные ООН, как «значительные» или как «небольшие»? Этот вопрос может показаться глупым, однако, долю мигрантов в общей численности населения нельзя назвать незначительной. Отток в 103 миллиона мигрантов произведет малозаметное влияние на менее развитые регионы. Дело в том, что, несмотря на такой отток, средние прогнозы ООН на 2050 год (более вероятными следует считать прогнозы, учитывающие тенденции рождаемости) указывают общую цифру населения мира в 7,9 млрд. чел. Это означает, что чистый прирост населения по отношению к 2005 году составит 2,6 млрд. человек. С принимающей стороны картина выглядит принципиально иначе: приток в 103 млн. чел. (следует также прибавить потомков мигрантов, а это еще около 30 млн. чел.) предотвращает существенное сокращение населения, на которое в противном случае указывает прогноз. С учетом иммиграции группа развитых стран увеличится с 1.216 млн. жителей (2005) до 1.245 (2050) — скромный рост в 30 млн. человек.

Застой, ожидаемый в соответствии с прогнозами ООН в международной миграции в ближайшие 4 десятилетия, на первый взгляд, конечно, не выглядит правдоподобным. Это не означает, что можно выделить четкие альтернативы. Но абсолютно точным останется то, что произойдут значительные изменения в относительных размерах населения в регионах и странах. Они также будут сопровождаться еще большими изменениями в распределении экономического и политического веса.

Что касается последнего, то здесь наиболее очевидными примерами являются Китай и Индия, все более превращающиеся в ведущие индустриальные державы мира. Возможно, к ним присоединится Бразилия в качестве третьего нового игрока в глобальной экономике. Реакцией на это изменение будет сравнительная потеря значимости, как в демографическом, так и в экономическом отношении, Европы, Японии и США. Согласно средним прогнозам ООН (учитывая предположения относительно международной миграции, о которых было сказано выше), население ЕС-30 (без Турции) составит приблизительно 500 млн. чел., России — 108 млн.чел., Японии — 103 млн.чел. и 402 млн.чел. в США.

Напротив, новые крупные промышленные державы будут сочетать экономический рост с ростом населения: в середине столетия население Китая должно составить 1409 млн. чел., Индии — 1658 млн. чел. Население Бразилии (254 млн. чел.), хотя и перемещает эту страну в более низкую демографическую категорию, все же будет превышать суммарный демографический вес Японии и России.

Перспективы развития остального мира более мрачны, кроме того, что касается роста населения, особенно в случае Африки. Несмотря на ожидаемую эмиграцию, количество населения на этом континенте, согласно прогнозам ООН, увеличится с 922 млн. (2005 г.) до 1.998 млн. (2050 г.). Этот рост сочетается с политическими и институциональными трудностями, которые, вероятно, будут препятствовать экономическому росту. Однако, несмотря на экономический прогресс, различия в уровне среднего дохода на душу населения между сегодняшними развитыми странами и теми, которые пока более слабы, сохранятся практически наверняка. Относительные различия могут уменьшиться, но в абсолютном выражении они по-прежнему будут велики. В таком случае, главная причина международной миграции с прежней силой будет заставлять людей перемещаться.

Пространство глобализации

Ключевым фактором экономического подъема развивающихся стран является глобализация: возрастающая интеграция мировой экономики как результат мобильности капитала, технологий, знаний (know-how) и усиления международной торговли товарами и услугами. До недавнего времени это развитие, в значительной степени ограниченное экономическими системами старых промышленных держав, охватывало лишь небольшую часть мирового населения, — Западную Европу, Северную Америку, Японию и страны с относительно небольшим удельным весом населения — в основном, «Азиатских тигров» (Восточная Азия). За прошлые два десятилетия процесс, подталкиваемый официальными соглашениями между странами (например, создание Всемирной Торговой Организации, ВТО), ускорился, все более приобретая действительно глобальный характер.

Однако, институционально свободное (или, по крайней мере, более свободное по сравнению с прошлыми годами) движение капитала, технологий, товаров и услуг не включало и не включает свободное перемещение еще одного существенного фактора: рабочей силы. Международная миграция осталась — по крайней мере, как базовый принцип — под контролем государств, чтобы подчиняться национальным интересам страны в той их форме, в которой эти интересы определяет правительство. Всеобщая Декларация прав человека указывает на особый статус регулирования миграции. Параграф 13 Декларации лаконично заявляет: (1) Каждый человек имеет право свободно перемещаться и жить в пределах любого государства; (2) Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и вернуться в свою страну. Таким образом, свобода перемещения через национальные границы не является правом, и право оставить какую-либо страну можно реализовать лишь в том случае, если другая страна готова принять потенциального мигранта.

В последнее время такая односторонняя власть государства устанавливать правила иммиграции все чаще подвергается сомнению. Отрывочные попытки в годы между войнами установить некий наднациональный контроль международной миграции, главным образом, через Международную Службу занятости Лиги наций, не дали существенных результатов. Действительно, международная миграция в 1930-е годы достигала лишь минимального уровня современной миграции. После второй мировой войны восстановление экономики и быстрое развитие создали высокий спрос на труд в ведущих капиталистических странах. Это привело к установлению более либеральных условий относительно допустимого уровня иммиграции, как в США, так и в Западной Европе. В некоторых случаях эти послабления принимали форму двусторонних соглашений по импорту временной рабочей силы — таких, например, как программа «*bracero*» («*мексиканец*») Соединенных Штатов и множество программ для временных рабочих-иностранцев в Западной Европе. Далее, были расширены допустимые рамки легальной иммиграции с целью постоянного проживания, барьеры против нелегальной иммиграции были очень слабы, и эта форма перемещения, благодаря периодической легализации, превратилась в важный «черный ход» для тех, кому нужно было постоянное проживание и даже официальное гражданство. Так, как ни странно, современное население США включает в себя более чем 12 млн. иностранцев, успешно интегрированных в американскую рабочую силу, хотя формально они являются правонарушителями, подлежащими депортации.

Не удивительно, что действительность и восприятие крупномасштабной иммиграции как фактора, изменяющего национальную экономику и общество, стали все более спорной проблемой для принимающих стран. Напряженность усиливается предположениями о том, что нынешний приток переселенцев может быть лишь предвестником еще более масштабной иммиграции в будущие десятилетия. Экономическая логика международного капиталистического развития, очевидно, предпочла бы ослабление или полную отмену национальных барьеров созданию глобального рынка труда. Широкие массы и нередко официальная политика правительства в густонаселенных странах с низкой оплатой труда поддерживают эту тенденцию. И все же свобода международного перемещения рабочей силы оказывает качественно иное влияние, чем последствия свободной международной торговли товарами, услугами, капиталом и технологиями. Последняя может быть изменена под государственным контролем, при условии, что баланс экономических и социальных выгод и издержек подразумевает, что некоторый «обратный ход» глобализации принесет выгоды данной стране. Но перемещения рабочей силы приводят к переселению людей, которое в значительной степени стремится к тому, чтобы превратиться в постоянное жительство. В такой ситуации повернуть глобализацию вспять невозможно даже теоретически.

Интернационализация международной миграции?

Понимание того, что регулирование миграции в духе господствующей Вестфальской системы, — т.е. в национальных интересах, хотя и четко определенных, — это, в целом, неудачная для международного сообщества модель, привело к тому, что в последние годы поступало все больше предложений о ее реформировании. Страны, принимающие большие потоки иммигрантов, отвергали подобные предложения и не допускали создания официальных международных органов, которые занимались бы проблемой на исполнительном уровне, таких, как в рамках ВТО. Даже обсуждения международной миграции на таких встречах, как серии межправительственных конференций по народонаселению, проходили небрежно, лишь из уважения к ключевым странам иммиграции. Множество резолюций Генеральной ассамблеи ООН, тем не менее, касалось вопроса иммиграции, традиционно призывая государства-члены усилить международную кооперацию «на всех уровнях» в области международной миграции «дабы не оставить без внимания любые аспекты миграции и максимизировать положительный эффект от международной миграции для всех, кто заинтересован в этом». В результате в декабре 2003 года, «действуя в поддержку Генерального секретаря ООН Кофи Анана», Глобальная Комиссия по международной миграции получила статус независимого органа. Задача комиссии состояла в том, чтобы «обеспечивать структуру для формирования последовательного всестороннего и всеобъемлющего ответа на проблему международной миграции». В работе Комиссии принимал участие секретариат, находящийся в Женеве, и «основная группа государств», включающая 32 правительства из всех регионов мира, которая действовала как неформальный консультант Комиссии. Комиссия представила свой доклад в октябре 2005 в Нью-Йорке.

Доклад — документ, занимающий 88 страниц, — озаглавлен «Миграция во взаимосвязанном мире: новое руководство к действию». Эта работа, основанная на множестве дополнительных исследований, остается на сегодняшний день самым точным отражением мнения по этому вопросу среди влиятельных международных элит. Глобалистские перспективы доклада противоречат политическим голосам в странах, принимающих мигрантов. Эти государства стремятся поддерживать жесткий национальный контроль над миграцией и отдают предпочтение реформам, ограничивающим, а не расширяющим международный миграционные потоки. Доклад заслуживает внимания как возможный предвестник будущих попыток поддержать национальную независимость в области регулирования перемещения людей с целью более или менее постоянного проживания через государственные границы. Хотя Доклад внес существенный положительный вклад в обсуждение важных вопросов, влияющих на благосостояние международных мигрантов и связанных с правами человека, далее мы сосредоточимся на кратком обсуждении недостатков, а не преимуществ исследования.

- Политика в области международной миграции, безусловно, противоречива. Даже при согласованных фактических данных их оценка меняется в зависимости от ценностей, идеологии, частных материальных интересов. Согласование противоположных точек зрения может быть чрезвычайно трудным, как доказали текущие напряженные и не приведшие к окончательному решению дебаты относительно законодательного регулирования миграции в Сенате США. Замечательно, что слабое подтверждение существования таких резких конфликтов проглядывает и в самом Докладе. Это «документ согласия», созданный доброй волей и с лучшими намерениями, однако, показывающий, что авторы смотрят на мир через общую призму. То есть единодушие здесь не успокаивает: это, скорее, единодушие по выбору — просто эффект «пригласительного листа».
- В центре дебатов по международной миграции находятся вопросы масштабов и состава миграционных потоков. Подчеркивать, что международная миграция — это «естественный» процесс, который существенно изменил историю человечества с древнейших времен, и который будет постоянно сопровождать современную государственную систему, — бессмысленно, поскольку очевидно, что данный пункт верен. Доклад, фактически, не включает никаких цифр, пренебрегая подтверждениями собственного анализа. В нем есть трехстраничное приложение («Краткий обзор миграции») с такими лакомыми кусочками как: «почти половина мировых международных мигрантов — женщины (48,6%)», или «китайская диаспора насчитывала приблизительно 35 млн. чел.». Впрочем, сам по себе анализ, проведенный в докладе, вообще не является количественным.
- Сильный и весьма похвальный акцент на проблему прав человека, который делается в докладе, получился крайне односторонним. Доклад фокусируется на правах мигрантов, но практически не уделяет внимание населению принимающих стран, чьи права могут быть ущемлены изменениями, которые международная миграция приносит в их жизнь и социальные установления.
- Присутствует явная асимметрия между подчеркиванием позитивного влияния иммигрантов на экономику принимающей стороны — выполняют работы, от которых, как правило, отказываются местные жители, обладают специальными навыками, которые могут быть редки в самой стране, с одной стороны, и небрежном внимании к отрицательным последствиям: экономическим, социальным, экологическим, к проблемам безопасности, с другой стороны. Беспокойство, связанное с такими факторами, часто приписывает ксенофобии.
- Авторы доклада обращают внимание на преимущества большего разнообразия, которое является следствием международной миграции. Но открытыми остаются такие очевидные вопросы как: какова оптимальная степень этого разнообразия? Или какова желательная степень разнообразия

- для принимающего насел/ения? Доклад оставляет за скобками вопрос о значительных негативных последствиях для многих стран мира — социальных, экономических, политических проблемах, связанных с большим культурным, религиозным и этническим разнообразием.
- Доклад не уделяет внимания различному воздействию иммиграции на страты принимающего населения, дифференцированного по экономическому статусу, доходам, классу, социальной позиции. Внутренние конфликты относительно миграционной политики вращаются вокруг различий в выгодах и издержках, предполагаемых или уже полученных принимающим населением, разделенным согласно данным критериям.
 - В докладе не представлено описание критического анализа процесса, в результате которого принимается внутренняя миграционная политика. Уклон, который возникает из-за возможной асимметрии между сравнительно небольшим числом действующих лиц, таких как представители бизнеса, поддерживающие иммиграцию, а следовательно, имеющие стимул оказывать влияние на текущие политические решения, с одной стороны, и численно большие группы населения, которые могут иметь отрицательные, но не так сильно поддерживаемые взгляды, на крупномасштабную иммиграцию, с другой стороны, остается без внимания.
 - Глобализация — более свободная торговля и более свободные потоки финансовых и технологических ресурсов — принесла и обещает в будущем существенные выгоды для большинства мирового населения, даже если эти блага будут распределены неравномерно. Продолжение расширения глобализации весьма вероятно. Чистая экономическая логика, как было отмечено выше, настаивает на том, что выгоды от глобализации возрастут, если международная миграция рабочей силы как ключевого фактора производства будет меньше ограничена внутренней политикой или вовсе оставлена без регулирования. Доклад не способен критически оценить применимость подобной логики при формировании миграционной политики на национальном уровне. Результаты мобильности рабочей силы через национальные границы все же принципиально отличаются от мобильности прочих факторов производства.
 - Современные промышленные державы, ключевые страны, в которые устремляются потоки экономических мигрантов, являются государствами с высоким уровнем благосостояния, сложными системами перераспределения доходов на образование и здравоохранение, страхованием безработицы, правами на пенсионное обеспечение. Подобные схемы являются важнейшими условиями социального единства и относительной корректности в политических дебатах. Мощный поток иммигрантов подрывает общественное согласие, на котором основывается это «государство благоденствия» и создает новые источники социальной и экономической напряженности. Влияние вероятной несовместимости крупномасштабной иммиграции с институтами современного государства всеобщего благосостояния доклад не рассматривает.

- Различие между либерализацией контроля над перемещениями трудовых мигрантов среди стран со схожими уровнями экономического и социального развития, с одной стороны, и либерализацией подобного контроля в кругу стран, которые сильно различаются по среднему доходу и типу демографического поведения, в особенности рождаемости, с другой стороны, как ожидается, будет потенциальным фактором формирования дискриминационной политики по отношению к иммигрантам, которая поддерживает прежнюю систему социальных отношений. Свободное перемещение людей, допустимое в рамках Европейского Союза, в отличие от иммиграционных барьеров за пределами ЕС, является примером подобной ситуации. Доклад же сосредотачивается лишь на миграции из развивающихся стран в развитые.
- Внимание к колеблющемуся спросу на труд в быстроразвивающихся промышленных экономиках, где внутреннее предложение рабочей силы, вероятно, несопоставимо со спросом, считается важным фактором, призывающим к замещающей иммиграции. Но негласная предпосылка о том, что данное конкретное регулирование является предпочтительным для альтернатив, не включающих импорт рабочей силы, не обсуждается. Так, в США предполагаемое увеличение населения еще на 100 млн. чел. к середине столетия в значительной степени будет обусловлено иммиграцией. И все же для достижения более высокого уровня дохода на душу населения, обеспечения большего экологического комфорта и гарантий стабильности, желаемый размер и темп роста населения, если он вообще будет иметь место, может возникать только за счет естественной внутренней демографической динамики, а не от притоков трудовых мигрантов. Такие альтернативные взгляды на миграцию в докладе не отражены. Даже в ситуациях, когда ожидается абсолютное сокращение возрастных групп, которые считаются подходящими в качестве рабочей силы, что и происходит во многих европейских странах и в Японии, корректирующая политика может быть более предпочтительной, нежели импорт иностранной рабочей силы, как представляется принимающим странам.
- Импорт рабочей силы с целью облегчить экономические проблемы, возникающие из-за старения населения — очевидно, серьезный аргумент в пользу мягкой иммиграционной политики. Доклад признает, что это лишь временное облегчение, если приток мигрантов не будет постоянным, поскольку иммигрировавшее население тоже стареет. Несправедливость подобных мер, однако, не обсуждается. Нисходящие тенденции в рождаемости, подкрепленные низкой смертностью, приводят к быстрому старению населения также и в менее развитых странах. Для них подобная политика противостояния эффекту старения не будет доступна. Проблемы быстрого роста населения не могут быть решены стимулированием миграции в страны с низкой рождаемостью. Точно так же страны с высоким уровнем дохода должны найти собственные, внутренние решения для проблемы стареющего населения.

Формальное признание принципа, согласно которому формирование миграционной политики является частным делом правительства каждого отдельного государства, не остановило Глобальную Комиссию при принятии дальнейших шагов для продолжения её работы. Одна из целей Доклада состояла в том, чтобы привести к Диалогу Высокого Уровня на тему связи международной миграции и развития, который состоялся в сентябре 2006 года на Генеральной Ассамблее ООН. Пространный доклад Генерального Секретаря на эту тему, опубликованный в мае 2006 года, который в значительной степени отражал результаты работы комиссии, активно обсуждался во время Диалога. В действительности, конечная цель этих действий представляется следующей: достижение некоторой степени наднационального регулирования миграционных перемещений, во многом в том же духе, в котором это было предложено впервые Альбертом Томасом, в то время Генеральным директором Международной организации труда (Thomas, 1927). Учитывая сопротивление подобным идеям со стороны многих правительств, которых касается данный вопрос, это обещает быть длительным и медленным процессом с неопределенным исходом. Ключевым предложением Комиссии, представленном в заключительной части Доклада, было следующее: «немедленное создание на высоком уровне межгосударственной/межведомственной группы для определения функций и полномочий, а также направления деятельности межведомственной Всемирной структуры по миграции. Эта структура должна представить наиболее взаимоприемлемый и эффективный ответ на возможности и трудности, которые влечет за собой международная миграция». Это предложение было принято, но оно отдаленно напоминало создание организации, подобной ВТО. Структура дополнена также недавно созданной Всемирной группой по миграции, расположенной в Женеве, в которую входит 10 других организаций ООН, «занимающихся проблемами международной миграции и связанными с ней вопросами». Диалог на высоком уровне также привел к возникновению Всемирного Форума по миграции развитию, первое собрание которого прошло в июле 2007 года, в Брюсселе по приглашению бельгийского правительства. Предположительно, такие встречи будут ежегодными, в 2008 году собрание пройдет в Маниле. Общий тон поощряет увеличение международной миграции. По словам бельгийского министра, приветствующего открытие интернет-сайта Форума и с похвалой отзывающемся о его эмблеме: «Это показывает движение, динамику, энтузиазм, который для нас является особенностью феномена миграции и развития. Он символизирует обмен мнениями, сотрудничество и интеграцию. Люди перемещаются все больше и больше, не только с Юга на Север, но и в обратном направлении, а также с Юга на Юг и внутри государств». Это феномен миграции, как отметил министр, «возможно, самая значимая веха двадцать первого столетия».

Несмотря на предпосылки прогнозов ООН в области народонаселения, вероятно, люди в самом деле *будут* перемещаться все больше и больше,

особенно «с юга на север». Или, возможно, они будут перемещаться меньше. Согласно трезвому подходу Глобальной комиссии (параграф 28), «миграционная политика не будет подчиняться только законам экономики и демографии. Множество государств и обществ не будут довольны крупномасштабной миграцией и постоянным притоком людей, особенно если вновь прибывшие имеют иные этнические, культурные и религиозные традиции, нежели большинство граждан страны. Крупномасштабная трудовая миграция не будет поддерживаться правительствами, если это будет восприниматься как угроза общественному единству и успеху на выборах». Агностицизм относительно развития этой «самой важной вехи двадцать первого столетия» неизбежен.

Литература

- Global Commission on International Migration. 2005. Migration in an Interconnected World: New Directions for Action. www.gcim.org.
- Thomas, Albert. 1927. "On the international control of migration." Article reprinted in *Population and Development Review*, 9(4), December 1983, pp. 703-711.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs. 2004. *World Population to 2300*. New York: United Nations.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs. 2007. *World Population Prospects: The 2006 Revision*. <http://www.un.org/esa/population/unpop.htm>

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

Во второй половине XX века человечество стало свидетелем непреодолимой и необратимой силы процессов глобализации, так или иначе охвативших все сферы общественной сферы и создающих глобальную по своему масштабу систему взаимозависимости стран и народов мира.

Эта возрастающая взаимозависимость, прежде всего, связана:

- с развитием интеграционных процессов и расширением экономической взаимозависимости национальных экономик. В настоящее время международные экономические интеграционные объединения есть во всех регионах земного шара, в них входят страны с самым разным уровнем развития и социально-экономическим строем. На начало XX века, по данным Секретариата Всемирной торговой организации, в мире насчитывалось более 215 региональных интеграционных объединений.
- с нарастанием экономического разрыва между развивающимися и развитыми государствами, обусловленного в том числе демографическим фактором. Так, в 1975 году соотношение величин ВВП на душу населения в странах с высоким уровнем дохода и с низким уровнем дохода (по классификации Мирового банка) составляло 41 раз, а в 2000 году — 66 раз (ИОМ, 2005).
- с улучшением средств связи и транспортной системы, что позволяет информации, товарам и людям свободно и быстро перемещаться даже между очень отдаленными друг от друга территориями. Приведем следующий пример, от просто звукового общения к письменности человек шел 3 миллиона лет; от письменности к печати — 5 тысяч лет; от печатания к различным средствам связи (телеграф, телефон, радио, телевидение) — 500 лет, а уже для перехода к современным компьютерам — менее 50 лет, а появление спутниковой связи и Интернета в последней четверти XX века сделало возможной мгновенную связь между любыми точками земного шара. С появлением новых средств транспорта (прежде всего, гражданской авиации) невероятно увеличились мобильные (в смысле перемещения) возможности человека.
- с деятельностью международных организаций и транснациональных корпораций, а также со значительным числом общественных организаций и других социальных институтов, которые нанимают на работу сотрудников в разных странах и способствуют их перемещению через границы различных государств. Так, по оценкам ОЭСР, только численность трудовых мигрантов, въехавших в США в рамках внутрифирменных перемещений транснациональных корпораций, выросла до 318,5 тысяч человек в 2001 году по сравнению с 140 тысячами в 1996 году (ОЕСД, 2003).
- с межгосударственными социальными связями, возникшими и получающими все большее развитие в результате интернациональных

браков, способствующим последующему объединению семей и формированию системы «миграционных сетей». Последние позволяют новым мигрантам получать необходимый социальный капитал, в том числе информацию и средства для того, чтобы осуществить переезд в принимающую страну, а также обустроиться в ней. В 1999–2002 годах на долю семейной миграции пришлось более 70% всего объема иммиграции во Францию, примерно 50% в Данию, Норвегию и Швецию, около 45% в Швейцарию, 40% в Австрию и Португалию и 34% Великобританию и 32% в США. За последние 40 лет численность иммигрантов въезжающих в США в рамках воссоединения семей выросла более чем в 13 раз (ООН, 2006а, С. 48).

Глобализационные процессы в сочетании со стремительными переменами в глобальных политических и экономических системах способствовали резкой интенсификации мировых миграционных потоков, привели к формированию принципиально новой миграционной ситуации в мире, важнейшими характерными чертами которой являются:

- беспрецедентное расширение масштабов международной миграции и формирование своеобразной «нации мигрантов»;
- расширение географии международных миграций, вовлечение в орбиту мировых миграций практически всех стран и территорий мира;
- изменение структуры миграционных потоков в соответствии с потребностями глобализирующегося рынка труда;
- определяющее значение экономической и, прежде всего, трудовой миграции;
- неуклонный рост и структурная «непреодолимость» нелегальной иммиграции;
- рост масштабов и расширение географии вынужденных миграций;
- увеличение значимости международной миграции населения в демографическом развитии мира и, прежде всего, принимающих стран;
- двойственный характер миграционной политики, противоречие между национальным и транснациональным регулированием миграционных потоков.

На этих тенденциях, отмеченных нами еще в 1990-е годы (см., Ионцев, 1999) и принявших к настоящему времени закономерный характер, мы остановимся подробно, учитывая новые статистические данные и новые особенности их проявления в наступившем XX веке.

Увеличения масштабов международной миграции

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. растущий дисбаланс демографического развития и мирового рынка труда, а также расширяющийся разрыв в уровнях экономического развития между отдельными странами и регионами мира, в сочетании со стремительными

переменами в глобальных политических и экономических системах способствовали резкой интенсификации мировых миграционных потоков.

Распад бывшего СССР и возникновение на его месте отдельных самостоятельных государств, важные политические и социальные изменения в Восточной Европе, распад бывшей Югославии и затянувшийся конфликт между сербами и албанцами, кризис в Персидском заливе 1990 г., гражданская война в Руанде и в Афганистане, — все эти и другие события 1990-х гг. привели в движение огромные и часто неуправляемые волны международных миграционных передвижений и выдвинули международную миграцию населения в ряд важнейших глобальных явлений современности, в значительной степени влияющего на мировую экономику и обуславливающего ее глобализацию.

Уже только масштабы международной миграции позволяют говорить о ней как о явлении, имеющем глобальное значение. По данным Отдела народонаселения ООН, в 2005 году в мире насчитывалось почти 191 млн. человек, живущих не в тех странах, где они родились (эта цифра основана на статистике лиц, родившихся за рубежом, а также беженцев, находящихся под юрисдикцией УВКБ ООН), при этом почти 61% из них находились в развитых странах. В современном мире один из каждых 35 человек является классическим международным мигрантом, при этом в более развитых странах международным мигрантом является каждый десятый житель, в то время как в развивающихся странах — только каждый 70 житель. Общее количество международных мигрантов могло бы создать население «страны», которая занимала бы пятое место в мире по этому показателю.

Заметим, что в эти цифры не включены нелегальные мигранты, численность которых, по разным оценкам, в настоящее время составляет от 10 до 15% всех международных мигрантов (т.е. от 20 до 35 млн. человек), международные туристы, численность которых, по данным Всемирной туристской организации, в 2006 году превысила 840 млн. человек против 69 млн. человек в 1960 г. и 687 млн. человек в 2000 г., а также долгосрочные, сезонные, маятниковые и эпизодические мигранты. Иначе говоря, общая численность лиц, в той или иной форме вовлеченных в международные миграционные потоки в настоящее время превышает 1 млрд. человек. И, таким образом, если говорить обо всех категориях мигрантов, то, по существу, каждый шестой житель земли является в настоящее время международным мигрантом!

Последнее дает основание говорить о формировании своеобразной «нации мигрантов», по численности соизмеримой с численностью крупнейших стран мира. Поистине судьба «вечного изгнанника» — мифического Агасфера — это не только миф, но и удел миллионов реальных людей, странствующих по свету в поисках лучшей жизни, получения знаний, знакомства с мировыми достижениями в области культуры и науки, на отдых и лечение и т.п.

Табл. 1. Динамика международной миграции с 1965 по 2005 гг.

	численность международных мигрантов, млн. чел.						среднегодовой рост численности международных мигрантов, %				
	1960	1970	1980	1990	2000	2005	1960- 1965	1970- 1975	1980- 1985	1990- 1995	2000- 2005
Мир в целом	75,46	81,34	99,28	154,95	176,74	190,63	0,8	1,3	2,2	1,3	1,5
Развитые регионы	32,31	38,36	47,46	82,37	105,00	115,40	1,8	2,0	2,4	2,8	1,9
Развивающиеся регионы	43,15	42,97	51,82	72,58	71,73	75,24	-0,1	0,6	2,4	0,4	0,2
Европа	14,24	18,79	21,89	49,38	58,22	64,12	3,1	1,4	1,4	2,3	1,9
Африка	9,13	9,94	14,10	16,35	16,50	17,07	0,7	2,0	0,5	1,9	0,7
Азия	28,48	27,82	32,11	49,89	50,30	53,29	-0,2	0,2	2,9	-1,1	1,2
Латинская Америка и Карибский бассейн	6,01	5,68	6,08	6,98	6,28	6,63	-0,6	0,2	0,6	-2,9	1,1
Северная Америка	12,51	12,99	18,09	27,60	40,39	44,49	0,3	3,3	4,1	3,9	1,9
Австралия и Океания	2,13	3,03	3,75	4,75	5,05	5,03	3,6	2,0	2,2	1,2	-0,1

Источник: International Migration 2006. New York, United Nations, 2006; Trends in Total Migrant Stock: The 2005 Revision <http://esa.un.org/migration>; International Migration Flows: to and from Selected Countries: The 2005 Revision. New York, United Nations, 2006.

Не случайно, все более распространяются утверждения о том, что «выразителем сущности нашей эпохи является скорее кочевник — человек, странствующий из края в край», и что в обществе будущего «все люди, независимо от своей культуры, будут мигрировать», и что «важнейшим фактором интеграции, имеющим место с самого начала существования человечества и обеспечивающим возможность преодоления разных процессов дифференциации, является постоянная склонность людей к переселению» (Ионцев, 1999, С. 75).

Важным показателем растущего динамизма международного миграционного движения являются темпы роста числа международных мигрантов, которые постоянно увеличивались, достигнув 3,1% в год в последнее десятилетие XX века, что было связано, в частности, с распадом социалистической системы и вовлечением в мировые миграционные потоки народов бывшего Советского Союза, стран Восточной и Центральной Европы. Так, по оценкам, только в результате распада СССР число международных мигрантов в мире увеличилось почти на 27 млн. человек (ИОМ, 2006, р. 395).

Как видно из табл. 1, по сравнению с 1960 годом число «классических» международных мигрантов, включая беженцев, увеличилось более чем в 2,5 раза. Иными словами, количество мигрантов за 1960–2005 годы в среднем ежегодно увеличивалось на 1,9%, что является более высоким показателем по сравнению с темпами роста общей численности населения мира (1,8% в год). С 1990 года по 2005 год численность мигрантов в мире выросла на 36 миллионов человек, при этом темпы роста численности мигрантов ускорились с 1,4% в 1990–1995 годах до 1,9% в 2000–2005 годах. В развитых странах с 1990 по 2005 год численность международных мигрантов увеличилось на 33 миллиона человек, а в развивающихся странах ее рост составил примерно 3 миллиона человек.

Табл. 2. Крупнейшие страны по доле международных мигрантов в численности населения, 1960 и 2005 гг.

страна	1960 г.	страна	2005 г.
Израиль	56,1%	Катар	78,3%
Иордания	43,1%	ОАЭ	71,4%
Кувейт	32,6%	Кувейт	62,1%
Катар	32,0%	Сингапур	42,6%
Сингапур	31,7%	Бахрейн	40,7%
Бруней	25,2%	Израиль	39,6%
Кот-д'Ивуар	18,0%	Иордания	39,0%
Бахрейн	17,1%	Саудовская Аравия	25,9%
Австралия	16,6%	Оман	24,4%
Канада	15,0%	Швейцария	22,9%

Примечание: для стран с числом жителей более 500 тысяч человек.

Источник: United Nations. Trends in Total Migrant Stock: The 2005 Revision <http://esa.un.org/migration>.

Важным индикатором роста масштабов международной миграции является увеличения доли международных мигрантов в численности населения принимающих стран. Несмотря на то, что в мировом разрезе доля классических международных мигрантов в общей численности населения увеличилась незначительно (с 2,5% в 1960 году до 3,0% в 2005 году), изменения на уровне отдельных стран были намного более существенными. Так, если в 1960 году только в 27 странах доля мигрантов в населении превышала 10%, то в 2005 году таких стран уже насчитывалось 50, при этом в 10 странах она превысила 20%

Учитывая и другие категории мигрантов, наиболее значительно их доля в общем населении страны за 1960–2005 год увеличилась в нефтедобывающих странах Персидского залива: в Бахрейне с 17,1% до 40,7%, в Кувейте с 32,6% до 62,1%, в Катаре с 32,0% до 78,3%, в ОАЭ с 2,4% до 71,4%, в Саудовской Аравии с 1,6% до 25,9% (см. табл. 2).

Таким образом, в современном мире международные миграционные потоки превратились в глобальное явление, оказывающее воздействие на все стороны жизни мирового сообщества, а международная миграция стала одним из ключевых источников социально-экономического развития государств.

Расширение географии международных миграций

В настоящее время международной миграцией охвачены, по существу, все страны мира, которые в той или иной степени оказываются вовлеченными в мировые миграционные потоки. Даже такие, относительно закрытые государства как Северная Корея, Куба, Китай все более активно вовлекаются в мировые миграционные процессы, при том, что эмиграция из них контролируется значительно более жестко, чем иммиграция, в противоположность многим другим странам. Так, в Китае, например, нелегальный выезд из страны чреват для китайцев очень серьезными наказаниями, вплоть до смертной казни.

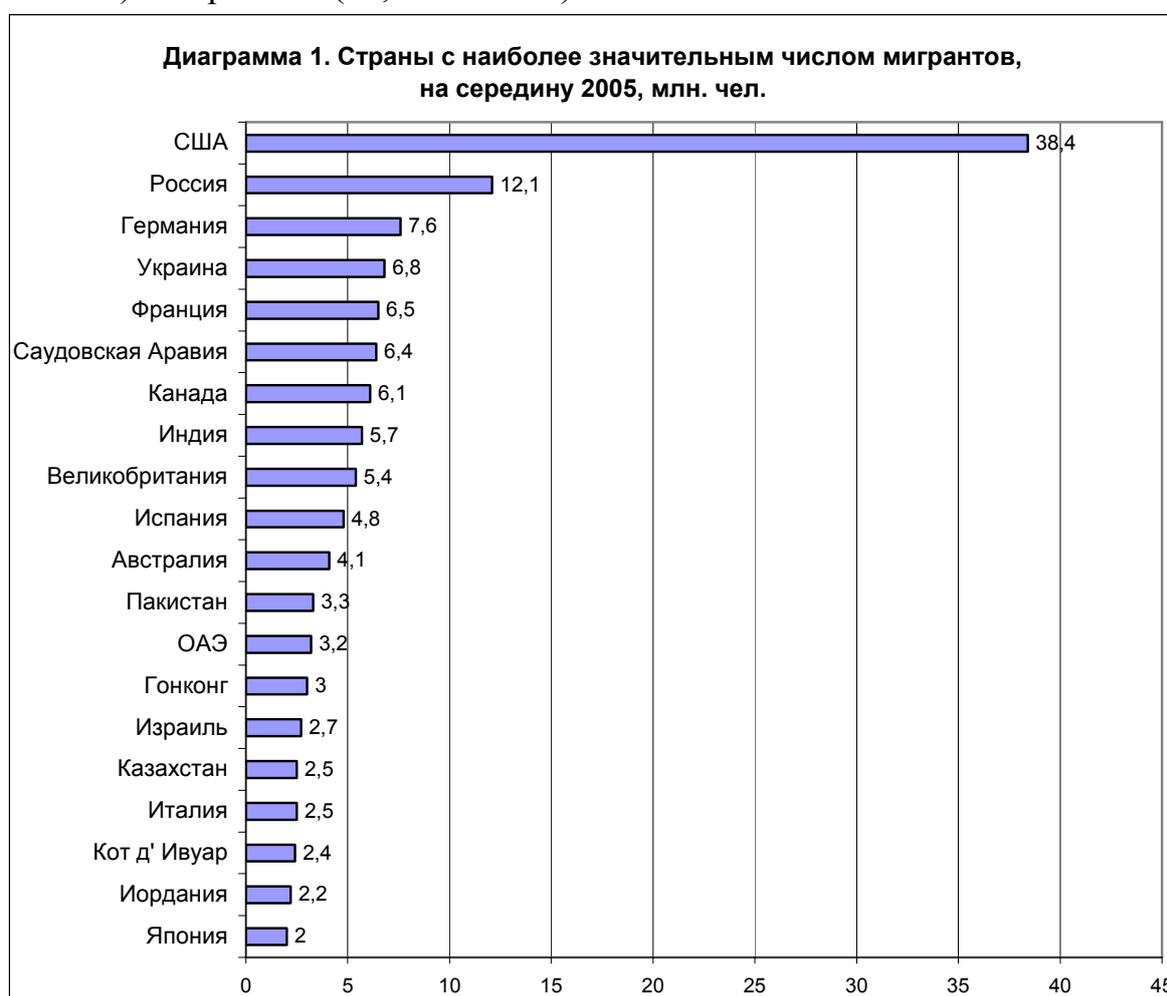
Необходимо отметить, что, несмотря на то, что большинство международных мигрантов происходит из развивающихся стран, современные миграционные потоки представляют собой не просто движение «с юга на север» или «с востока на запад», около трети учтенных мигрантов перемещаются из одной развивающейся страны в другую и такая же примерно доля выехала из развивающихся в развитые страны. Иными словами, численность мигрантов перемещающихся с «юга на юг», примерно уравнивает численность мигрантов, перемещающихся с «юга на север» (ООНа, 2006, С. 7).

В действительности, все страны и территории мира в наступившем XXI веке в той или иной степени являются странами-приема для каких-то мигрантов. Эпоха быстрых перевозок в пределах всего мира не оставила незатронутой ни одну страну, международные мигранты появились повсюду. По данным Отдела народонаселения ООН, в 2005 году

единственным суверенным государством в мире, в котором численность международных мигрантов составляла менее одной тысячи человек была республика Тувалу (численность жителей которой не превышает 10,5 тысяч человек).

Если в 1965 г. в мире насчитывалась 41 страна с числом мигрантов более 300 тыс. человек, то в 2000 г. таких стран стало 66, а к 2005 году достигло 78, причем в 37 из них численность международных мигрантов превышала 1 млн. человек, а в 20 из них насчитывается более 2 млн. международных мигрантов.

В диагр. 1, построенной по данным ООН, представлены 20 крупнейших стран по числу находящихся в них международных мигрантов. Первое место в этом списке занимают США (38,4 млн. чел.), затем следуют Россия (12,1 млн. чел.) и Германия (10,1 млн. чел.).

Источник: Мониторинг мирового населения, посвященный международной миграции и развитию ООН. Доклад Генерального секретаря на 39 сессии Комиссии по народонаселению и развитию. Экономический и социальный совет 25 января 2006 г.

В этом ряду обращает на себя внимание вторая позиция России. В статистике ООН для определения общего (накопленного) числа международных мигрантов в стране используется категория «лица, родившиеся за рубежом», а также учитывается численность

зарегистрированных в стране беженцев. В результате полученные данные несколько отличаются от российской национальной статистики. Так, по данным Росстата, за 1992–2006 гг. в России официально было зарегистрировано 7,3 млн. чел., въехавших в нее на постоянное место жительства, 1,2 млн. беженцев, а также, по оценкам экспертов, около 3 млн. «мигрантов без статуса»⁶ т.е. в целом примерно 11,5 млн. чел. Вместе с тем эта цифра также позволяет вывести Россию на второе место в мире по числу мигрантов.

Табл. 3. Региональная структура международной миграции, 1960–2005 гг.

	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2005
Мир в целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Развитые регионы	42,8	47,2	47,8	53,2	57,5	59,4	60,5
Развивающиеся регионы	57,2	52,8	52,2	46,8	42,5	40,6	39,5
Европа	18,9	23,1	22,1	31,9	33,5	32,9	33,6
Африка	12,1	12,2	14,2	10,6	10,9	9,3	9,0
Азия	37,7	34,2	32,4	32,2	28,6	28,5	28,0
Латинская Америка и Карибский бассейн	8,0	7,0	6,1	4,5	3,7	3,6	3,5
Северная Америка	16,6	16,0	18,2	17,8	20,3	22,9	23,9
Австралия и Океания	2,8	3,7	3,8	3,1	3,1	2,9	2,6

Источник: United Nations. Trends in Total Migrant Stock: The 2005 Revision <http://esa.un.org/migration>.

Говоря о географии международной миграции населения, несомненного внимания заслуживают и ее региональные особенности. Как видно из табл. 1 и 2, за последние 50 лет произошли значительные изменения в региональном распределении международных мигрантов. Если в 1960 году большая часть международных мигрантов (57,2%) находилась в развивающихся регионах, то в настоящее время более 60% международных мигрантов приходится на развитые регионы мира.

Последнее связано с тем, что за 1960–2005 годы численность международных мигрантов, проживающих в развитых регионах мира, увеличилась более чем на 83 млн. человек (в 3,57 раза), тогда как численность международных мигрантов, проживающих в развивающихся регионах мира, — всего на 32,09 млн. человек (в 1,74 раза). Наиболее заметные изменения наблюдались в Европе и Северной Америке, где численность международных мигрантов возросла, соответственно, в 4,5 раза и 3,56 раза, а также на пространстве бывшего СССР, где численность международных мигрантов увеличилась с 3,1 млн. человек в 1970 г. до 29,5 млн. человек в 2000 г.

⁶ Не следует путать категорию «мигранты без статуса» с категорией «нелегальные иммигранты». Эта категория мигрантов возникла как результат «прозрачных» границ между бывшими советскими республиками, когда люди, приезжавшие в Россию в начале 1990-х гг., оставались там жить и работать, однако, из-за несовершенства законодательства не могут до сих пор получить российское гражданство.

Значительное влияние на географию международных миграционных потоков оказал распад социалистической системы и формирование новой евразийской миграционной системы, объединяющей территорию бывшего Советского союза с населением более 230 млн. человек. При этом центром этой системы в силу исторических и социально-экономических причин стала Россия, превратившаяся в центр притяжения массовых потоков мигрантов (см. подробнее Ивахнюк, 2005, С. 49–66).

В настоящее время регионом с наибольшей численностью международных мигрантов является Европа (более 64 млн. чел. в 2005 году), за ней следуют Азия (53,3 млн. чел.), Северная Америка (44,5 млн. чел.) и Африка (17,1 млн. чел.).

В свою очередь, главными «поставщиками» мигрантов являются развивающиеся страны, откуда за 30 лет (1960 – 1990 гг.), по оценкам Х. Злотник, в развитые страны переместилось более 59 млн. человек, что красноречиво говорит об интенсивности мировых миграционных потоков, их глобализации, поскольку для переселения такого же количества европейцев за океан понадобилось почти 120 лет, начиная с 1820 г. (Zlotnik, 1996, p. 314). При этом практически всех новых международных мигрантов, появившихся в период с 1991 по 2005 гг. (33 млн. из 35,7 млн.), приняли развитые страны.

Таким образом, на глобальном уровне происшедшие за последние пятьдесят лет изменения выразились в существенном изменении географии международных миграционных потоков, включении все большего числа стран в процессы международной миграции.

Изменения структуры миграционных потоков

Глубокие изменения, произошедшие в мире во второй половине XX в. и обусловленные развитием постиндустриального сектора экономики и соответственной трансформацией потребностей мирового рынка труда, осуществлением либеральных реформ и демократических преобразований в постсоциалистических и развивающихся странах, обусловили трансформацию структуры международных миграционных потоков. Ключевыми из наблюдаемых изменений являются:

Изменения временной продолжительности международных миграций

Имеющиеся статистические данные не позволяют в полной мере анализировать временные миграционные потоки (прежде всего из-за того, что отдельными категориями временных мигрантов не требуется разрешение на въезд, либо потому, что эти перемещения являются «нелегальными»), а значительная часть информации, касающейся их, носит не регулярный характер. В результате большая часть временных перемещений остается не учтенной. Вместе с тем туристическая статистика и проведенные исследования в ряде принимающих стран показывают, что на протяжении

последних пятидесяти лет количество постоянных (или долговременных) мигрантов увеличилось, однако намного более значительно выросли число и частота краткосрочных перемещений (см. табл. 4–5), т.е. сезонных, маятниковых и, в особенности, эпизодических миграций, в том числе поездок по туристической визе, около 2/3 которых приходится на экономическую миграцию. Таким образом, такие «туристы» могут быть включены в общее число международных мигрантов (см. подробнее Ионцев, Ивахнюк, 2002, С. 38–42).

При этом из всех видов и форм международной миграции в течение последних десятилетий наиболее динамично развивалась трудовая миграция. Как видно из табл. 4, с 1992 года по 2000 год численность временных трудовых мигрантов в Соединенных Штатах увеличилась в четыре раза, в Австрии в три раза и в Соединенном Королевстве в два раза. Это связано, с одной стороны, с распространением и все большей доступностью средств транспорта, упрощающих передвижение людей и «сокращающих» расстояния между странами и континентами. В этих условиях временная работа за рубежом является для индивидов более предпочтительной, чем эмиграция, поскольку связана с меньшими материальными и нематериальными издержками (см., подробнее, Алешковский, 2005, С. 26–27; ООН, 2006а, С. 42–45).

Табл. 4. Численность трудовых мигрантов, ежегодно прибывающих в отдельные развитые страны, 1992–2003 гг., тыс. чел.

	1992	2000	2001	2002	2003
Австралия	40	111	122	129	136
Великобритания	64	113	136	150	...
Германия	333	290	330	348	359
Италия	2	31	90
США	48	219	262	223	227
Франция	18	15	20	23	...
Япония	152	184	201	204	...

Источник: ООН, 2006а, С. 44.

Табл. 5. Численность международных туристов, 1990–2005 гг.

	1990	1995	2000	2003	2004	2005	2006
Мир в целом	439	540	687	694	764	806	842

Источник: World Tourism Organization, 2006.

С другой стороны, глобализация мирового рынка труда требует большей гибкости миграционного поведения, которое как раз и может гарантировать трудовая миграция. Привлечение иностранных работников на временной основе также соответствует целям иммиграционной политики большинства развитых государств, которые, собственно, и составляют «миграционную элиту» и, во многом, определяют условия, на которых прочие страны участвуют в процессах международной миграции.

Изменения квалификационной структуры международных миграционных потоков

На рынках труда развитых стран, которые в первую очередь и определяют направление и интенсивность мировых миграционных потоков трудовых мигрантов, сформировался устойчивый спрос на труд иностранных работников двух квалификационных «полюсов»: работников низкой квалификации и высококвалифицированных работников современных профессий. При этом спрос на труд иностранных работников в принимающих странах эволюционирует в сторону более квалифицированной рабочей силы, а принимающие страны все более поощряют привлечение квалифицированных иммигрантов в те отрасли и сектора национальной экономики, которые испытывают дефицит местных работников. Так, в июле 2007 года комиссар Еврокомиссии по вопросам юстиции, свободы и безопасности Франко Фраттини заявил, что скоро в ЕС на работу легко смогут приезжать высококвалифицированные граждане стран, не входящих в ЕС. Это в первую очередь врачи, инженеры, ученые-исследователи, специалисты в области компьютерной техники. Отдельные европейские страны (в том числе Германия) уже пошли на либерализацию иммиграционного законодательства для квалифицированных работников и выдачу «грин-карт» определенным категориям трудящихся-мигрантов (см., подробнее, Алешковский, 2005).

В результате изменения квалификационной структуры миграционных потоков заключаются, прежде всего, в увеличении среди мигрирующих доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификации. Данная тенденция несет в себе одну из самых, возможно, болезненных проблем для развивающихся стран, получившую образное выражение «утечка умов», т.е. безвозвратная миграция высококвалифицированных специалистов (ученые, инженеры, врачи и др.), включая потенциальных специалистов (студентов, аспирантов, стажеров), в отношении которых часто проводится целенаправленная политика по их привлечению со стороны развитых стран. По оценкам экспертов ООН, только финансовые потери развивающихся стран от «утечки умов» за последние 30 лет превысили 60 млрд. долларов, а общие объемы интеллектуальной эмиграции из развивающихся стран составили от 10% до 30% их интеллектуального потенциала (Ионцев, 1996; Малаха, Ушкалов, 1999; ILO, 2006).

В свою очередь, низко- и неквалифицированные мигранты обнаруживают на своем пути все новые преграды, закрывающие доступ в страны «конечного назначения». Вместе с тем, поскольку продолжают существовать как факторы, выталкивающие неквалифицированных работников из их родных стран, так и стимулы, поощряющие работодателей в принимающих странах использовать труд иностранных работников (даже на нелегальных условиях), эта группа продолжает оставаться вовлеченной в мировые миграционные процессы, а правительства принимающих стран, учитывая, в частности, нежелание граждан этих стран заниматься грязным, черным трудом, вынуждены разрабатывать

программы по временному привлечению неквалифицированных мигрантов (см. подробнее МОТ, 2006, С. 127–151).

Феминизация миграционных потоков

Традиционно считалось, что большинство международных мигрантов — это мужчины. Женщины, если и участвовали в международных миграциях, то преимущественно как члены семей мигрантов-мужчин. Однако уже в начале 1990-х гг. исследователями было отмечено, что все большее число женщин мигрирует не вместе с супругом, а самостоятельно, в поисках работы в тех местах, где их труд может быть лучше оплачен, чем в стране их происхождения.

Табл. 6. Доля женщин в мировых миграционных потоках, 1960–2005 гг.

	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2005
Мир в целом	46,8	47,2	47,2	49,0	49,3	49,7	49,6
Развитые регионы	48,9	48,9	49,8	52,0	51,9	52,1	52,2
Развивающиеся регионы	45,3	45,8	44,8	45,7	45,8	46,1	45,5
Европа	48,4	47,7	48,1	52,8	52,7	53,4	53,4
Африка	42,3	42,7	44,1	45,9	46,6	47,2	47,4
Азия	46,4	46,8	44,6	45,2	45,2	45,4	44,7
Латинская Америка и Карибский бассейн	44,7	46,8	48,2	49,7	50,0	50,2	50,3
Северная Америка	50,5	51,5	52,6	51,0	50,8	50,4	50,4
Австралия и Океания	44,4	46,5	47,9	49,1	49,8	50,6	51,3

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, Trends in Total Migrant Stock: The 2005 Revision <http://esa.un.org/migration>.

В результате уже с 1990 года женщины стали составлять почти 50% «самостоятельных» трудовых мигрантов в большинстве развитых стран (в целом по миру — 49,6%) (см. табл. 6). Особенно велика доля женщин в миграционных трудовых потоках (более 60%) из Филиппин, Индонезии, Перу, стран Восточной Европы и др.

Во многом, тенденция феминизации миграционных потоков связана со структурными изменениями в мировой экономике, сопровождающимися глобализационными процессами. Развитие экономики услуг привело к росту сферы услуг в структуре занятости развитых стран и сформировало устойчивые ниши рынка труда принимающих стран (текстильная промышленность, индустрия досуга и развлечений, сфера общественных услуг, домашнее обслуживание, секс-услуги и др.) и постоянно растущую потребность в женщинах-мигрантах, в том числе занятых неквалифицированным трудом. При этом большинство из существующих ниш можно отнести к «сферам риска», связанным с секс-занятостью или так называемой околосексуальной занятостью (занятостью, которая часто оказывается сопряжена с секс-услугами). Эти сферы маргинальной, по сути, занятости и представляют основные миграционные возможности для женщин-мигрантов в настоящее время (Ивахнюк, 2005, С. 138; МОМ, 2006).

Таким образом, еще одной важной тенденцией современного этапа развития международной миграции является феминизация миграционных потоков, которая, в свою очередь, сопровождается ростом траффикинга мигрантов, или незаконного провоза мигрантов, торговли людьми и других эксплуататорских практик. Последнее происходит в основном потому, что многие женщины работают в таких гендерно-сегрегированных секторах экономики, как домашние услуги и сфера досуга, а также вследствие того, что женщины гораздо больше подвержены дискриминации, чем их коллеги-мигранты мужского пола (МОМ, 2006, С. 23). Эти тенденции ставят проблему защиты прав трудовых мигрантов (прежде всего, женщин) в ряд приоритетных задач национальных и международных институтов, занимающихся регулированием миграционных процессов.

Определяющее значение экономической миграции

Международные миграционные потоки складываются под влиянием разнообразных причин, среди которых преобладающими являются экономические. В свою очередь, развитие экономической (и прежде всего трудовой) миграции имеет характер наиболее длительной и устойчивой тенденции международной миграции, которая получила значительный стимул со становлением капиталистических отношений и превращением рабочей силы в товар.

С точки зрения развития процессов экономической глобализации, наиболее важным является становление мирового рынка труда, который находит выражение в экспорте и импорте иностранной рабочей силы, достигших в настоящее время небывалых масштабов. Несмотря на то, что общие масштабы международных трудовых миграционных потоков трудно установить, так как не все страны осуществляют такой контроль, а значительная часть трудовой миграции является нелегальной, международная трудовая миграция, несомненно, имеет существенные и растущие масштабы. По оценкам Международной организации по труду (МОТ), на начало XXI века во всем мире насчитывалось более 86 млн. легальных трудящихся-мигрантов (вместе с членами семей эта цифра возрастает до 120–180 млн. чел.!) против 3,2 млн. чел. в 1960 г. (см. табл. 7).

Табл. 7. Оценочные данные МОТ о трудящихся-мигрантах по регионам мира, 2000 г.

	млн. чел.	%
Мир в целом	86,3	100
Европа	28,2	33
Африка	7,1	8
Азия	25,0	29
Латинская Америка и Карибский бассейн	2,5	3
Северная Америка	20,5	24
Австралия и Океания	2,9	3

Источник: За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI. Международная конференция труда, 92-я сессия 2004 г. Женева, МОТ, 2004.

Несмотря на то, что трудящиеся-мигранты составляет не более 4,2% от общей численности экономически активного населения развитых стран, значение трудовой миграции для ряда стран и отдельных отраслей экономики намного выше. Так, по оценкам ОЭСР, в 2004 году трудящиеся-мигранты составляли почти 45% экономически активного населения Люксембурга, около 25% в Австралии и 22% в Швейцарии (см. табл. 8).

Значительную долю составляют трудящиеся-мигранты и в отдельных развивающихся странах (прежде всего, странах Персидского залива). С 1985 года по 2005 год численность иностранцев в государствах-Совета сотрудничества стран Персидского залива увеличилась почти вдвое и достигла 13 миллионов человек (см. табл. 9).

Табл. 8. Доля трудящихся-мигрантов в общей численности рабочей силы некоторых развитых стран, 2004 г.

страна	2004 г.	страна	2004 г.
Австралия*	24,9%	Люксембург	45,0%
Австрия	8,4%	Нидерланды	3,6%
Бельгия	8,0%	Норвегия	3,8%
Великобритания	5,4%	Португалия	2,9%
Германия	9,0%	США	8,6%
Греция	6,4%	Финляндия	1,5%
Дания	3,9%	Франция	5,4%
Испания	9,3%	Швейцария	22,0%
Ирландия	5,9%	Швеция	4,5%
Италия	3,2%	Япония	0,3%

Примечание: * доля экономически активного населения, рожденного за рубежом, в общей численности экономически активного населения.

Источник: Sopemi. Trends in International Migration 2006. OECD, 2006. P. 50.

Табл. 9. Иностранцы-работники в составе рабочей силы государств-членов Совета сотрудничества стран Персидского Залива, 1985–2005 годы

	1985 г.		1995 г.		2005 г.	
	млн. чел.	%	млн. чел.	%	млн. чел.	%
Бахрейн	137	58	219	60	295	59
Катар	282	77	406	82	637	86
Кувейт	1222	86	996	83	1669	82
ОАЭ	1008	91	1716	90	3212	90
Оман	327	52	573	64	628	64
Саудовская Аравия	3401	64	4611	64	6361	56
Итого	6377	...	8521	...	12801	...

Источник: ООН, 2006а, С. 46.

Рассматривая географию потоков международной трудовой миграции, необходимо отметить, что примерно половина всех зарегистрированных трудовых мигрантов перемещается из одной развивающейся страны в другую. Например, около 2 млн. азиатских работников покидает ежегодно свои страны в поисках работы в других странах в этом же или в других регионах на условиях краткосрочных контрактов занятости.

В то же время миграция работников из развивающихся стран в развитые страны продолжает неуклонно возрастать на протяжении последних десятилетий, при этом основная часть прироста легальных трудовых мигрантов (более 81%) приходится на США. В результате трудящиеся-мигранты из развивающихся стран представляют в настоящее время наиболее крупную категорию мигрантов в развитых странах, составляющую 57,8% от всех трудящихся-мигрантов (МОТ, 2004, С. 5).

Необходимо отметить, что многие страны являются как источниками одних категорий трудящихся-мигрантов, так и странами назначения для других категорий трудящихся-мигрантов. Например, Канада традиционно является страной назначения для значительного числа трудящихся-мигрантов, но направляет, в свою очередь, также большое количество работников, особенно обладающих высоким уровнем квалификации, в США; Таиланд принимает значительное число неквалифицированных иммигрантов из Мьянмы, Камбоджи и Лаоса, но направляет своих граждан в такие страны, как Израиль, Япония и Тайвань (МОТ, 2004, С. 6). Россия в глобальных потоках трудовой миграции также выступает и как принимающая страна, и как страна-донор. По данным Росстата, за 1994–2004 годы в Россию было привлечено более 3,1 млн. легальных трудовых мигрантов, в то время как около 1 млн. россиян работают в других странах. Кроме того, в 1990-х гг. Россия была источником миллионов «челночных» мигрантов, которые по своей сути являются не кем иными, как международными экономическими мигрантами.

В основе расширения масштабов международной трудовой миграции и увеличения ее значимости в экономическом развитии современного мира лежат три ключевых фактора (МОМ, 2006, С. 23):

- «притягивающее» действие демографических изменений (прежде всего, нарастающего старения населения) и потребностей рынка труда в развитых странах;
- «выталкивающее» действие демографических изменений в развивающихся странах и усиливающиеся неравенство доходов и возможностей между развивающимися и развитыми странами, а также увеличивающийся разрыв между наиболее динамично развивающимися странами и остальным развивающимся миром;
- установившиеся межстрановые сети, основанные на семейных, культурных и исторических связях.

Миграция рабочей силы оказывает влияние на государственные финансы. И если для стран-импортеров рабочей силы это влияние, в основном, заключается в получении налоговых платежей и в расходовании средств, связанных с социальной защитой трудящихся-мигрантов, то для стран-экспортеров оно многообразнее (см. подробнее Stalker, 2000).

Денежные переводы представляют собой самую непосредственную и наиболее ощутимую выгоду от международной миграции для

отправляющих стран. По оценкам Всемирного банка, за последнее десятилетие объем денежных переводов во всем мире вырос более чем вдвое: со \$102 млрд. в 1995 году до \$232 млрд. в 2005 году. При этом доля общемировых денежных переводов, направляемых в развивающиеся страны, также увеличилась с 57% в 1995 году (\$58 млрд.) до 72% в 2005 году (\$167 млрд.). Основными источниками валютных доходов стран-экспортеров рабочей силы являются: денежные переводы мигрантов; доходы фирм-посредников и личное инвестирование мигрантов. По данным Всемирного банка, в 2004 году крупнейшими развивающимися странами по объему получаемых переводов от трудящихся-мигрантов были Индия (\$21,7 млрд.), Китай (\$21,3 млрд.) и Мексика (\$18,1 млрд.), а по их доле в ВВП — Тонга (31,1%), Молдавия (27,1%) и Лесото (25,8%).

Табл. 10. Двадцать стран с наибольшим объемом денежных переводов и самой высокой долей денежных переводов в ВВП, 2004 г.

страна	млрд. долл.	страна	%
Индия	21,7	Тонга	31,1
Китай	21,3	Молдова	27,1
Мексика	18,1	Лесото	25,8
Франция	12,7	Гаити	24,8
Филиппины	11,6	Босния и Герцеговина	22,5
Испания	6,9	Иордания	20,4
Бельгия	6,8	Ямайка	17,4
Германия	6,5	Сербия и Черногория	17,2
Великобритания	6,4	Сальвадор	16,2
Марокко	4,2	Гондурас	15,5

Источник: World Bank, Global Economic Prospects 2006, figure 4.1.

Таким образом, трудовая миграция, как и глобальное перемещение человеческого капитала, которым она сопровождается, превратилась в значимый фактор развития мировой экономики и является одновременно результатом и источником возрастающей взаимозависимости стран и регионов мира. Учитывая, что международная мобильность людей в поисках трудоустройства в условиях глобализирующегося мира будет только возрастать, странам исхода и странам назначения трудящихся-мигрантам необходимо проводить всестороннее, эффективное и справедливое управление трудовой миграцией.

Неуклонный рост и структурная непреодолимость нелегальной иммиграции

Неразрывно с легальной трудовой миграцией связано такая характерная тенденция развития международной миграции, как *неуклонный рост масштабов нелегальной иммиграции*.

Достоверные данные о численности нелегальных мигрантов в мире отсутствуют. По разным оценкам, в настоящее время от 10 до 15% всех международных мигрантов (т.е. от 19 до 29 млн. человек) находятся в странах пребывания с нарушением закона, в том числе в США

нелегальных иммигрантов насчитывается от 10 до 15 млн. чел., в России от 3,5 до 10 млн. чел., в странах Западной Европы от 5,6 до 8,4 млн. чел., в странах Южной Америки от 1,5 до 6 млн. чел., на Ближнем Востоке от 1 до 3 млн. чел., в Японии от 300 тыс. до 1 млн. чел., в Австралии и Новой Зеландии около 80 тыс. чел. и т.д. Другими словами, по миру в целом нелегальные иммигранты составляют более половины легальных трудящихся-мигрантов, и их численность не уменьшается, несмотря на ужесточение иммиграционного законодательства и принятия специальных законов, направленных на борьбу с ней. Более того, в орбиту стран, использующих нелегальных труд мигрантов, в последние годы активно вторгаются развивающиеся страны. Например, крупнейший в мире «поставщик» нелегальных иммигрантов Мексика сама стала страной прибытия для почти одного миллиона нелегальных иммигрантов из латиноамериканских стран.

Необходимо также отметить, что развитие нелегальной иммиграции сопровождается появлением новых категорий и групп мигрантов, нарушающих законодательство (миграционное, трудовое и др.), причем не только страны-въезда, но и, правда реже, страны-выезда или стран-транзита¹.

Но какими бы путями не попадали мигранты в страну их нелегального трудоустройства, по нашему мнению, проблема нелегальной иммиграции не будет и не может быть решена в условиях господства капитала, пока на рынках труда стран назначения продолжают существовать ниши для их незаконного трудоустройства в принимающих странах, пока нелегальные иммигранты представляются собой, по образному выражению американского экономиста П. Линдберта, «чистых налогоплательщиков», пока использование их труда является чрезвычайно выгодным как для работодателей, представляющих в первую очередь малый и средний бизнес, так и для принимающего государства в целом. Остающиеся наряду с этим постоянно действующим выталкивающим фактором «демографическое давление» и экономическая ситуация в странах исхода нелегальных мигрантов, обуславливают структурную непреодолимость нелегальной иммиграции в рамках современной системы мирохозяйственных связей.

Последнее, однако, не означает, что масштабы этой формы трудовой миграции не могут быть значительно сокращены. В частности, это возможно за счет более эффективного управления легальными трудовыми миграционными потоками. Главное для правительств принимающих государств осознать, что нелегальная миграция — это не форма терроризма и других криминальных процессов, против которой надо бороться, используя все репрессивные возможности государства. Как и не впадать в другую крайность, когда, полностью распахнув двери, необходимо будет

¹ Подробно различные формы нелегальной иммиграции и ее структура рассмотрены в статье И.А. Алешковского и В.А. Ионцева «Нелегальная иммиграция в общественно-политическом дискурсе» в 18 выпуске настоящей серии.

впоследствии защищать права своих граждан от нежелательного нашествия миллионов чуждых по духу и менталитету мигрантов.

Рост масштабов и расширение географии вынужденных миграций

Вынужденные миграции представляют собой совокупность территориальных передвижений, связанных с постоянным или временным изменением места жительства людей и имеющих вынужденный характер, обусловленный не зависящими от них причинами (политическими и национальными преследованиями, стихийными бедствиями, техногенными авариями, экологическими катастрофами, военными действиями и т.п.).

К вынужденным мигрантам относят следующие основные категории: беженцы, перемещенные лица (вынужденные переселенцы), лица, ищущие убежище, экологические беженцы и др., для большинства из которых определяющими являются «выталкивающие» факторы, имеющие внезапный и угрожающий для жизни характер.

Рост масштабов и расширение географии вынужденной миграции (в частности, за счет стран постсоветского пространства) в последнее десятилетие XX века — в начале XXI века является результатом сохраняющихся и вновь возникающих очагов политической напряженности и экологических катастроф, войн и этнических конфликтов (после Второй мировой войны в мире насчитывается более 150 международных и региональных вооруженных конфликтов).

*Табл. 11. Динамика численности вынужденных мигрантов, подпадающих под юрисдикцию УВКБ ООН (в млн. чел.)**

	1985	1990	1995	2000	2006
Мир в целом	10,7	14,9	27,25	21,8	32,86
Европа	0,7	0,1	6,5	5,58	3,43
Африка	3,0	4,6	11,8	6,06	9,75
Азия	5,1	6,8	7,9	8,45	14,91
Латинская Америка и Карибский бассейн	0,4	1,2	0,1	0,58	3,54
Северная Америка	1,4	1,4	0,9	1,05	1,14
Австралия и Океания	0,1	0,1	0,05	0,08	0,09

* в эти данные не включены палестинские беженцы и некоторые другие категории вынужденных мигрантов (например, экологические беженцы).

Источник: данные УВКБ ООН (<http://www.unhcr.org>).

В Европе распад Югославии, затянувшийся конфликт между сербами и албанцами, этнические «чистки» в Косово, военная операция НАТО в Югославии привели в движение огромные волны вынужденных миграций. Беженцы, прибывавшие из зон гражданских войн и этнических конфликтов в Афганистане, Руанде, Турции, Шри-Ланке, Сомали, а также СНГ и государствах Балтии дополнили картину. Европа не знала подобных вынужденных переселений со времен второй мировой войны: за период 1989–2000 гг. европейские страны приняли в общей сложности около 5 млн. вынужденных мигрантов. Для России проблема вынужденной миграции

стала по-настоящему острой в начале 1990-х гг. После распада СССР Россия стала центром притяжения более 3 млн. вынужденных мигрантов из других республик бывшего СССР.

По данным Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), на 2006 г. в мире насчитывалось около 32,9 млн. вынужденных мигрантов, из которых 13,9 млн. чел. относилось к беженцам (включая около 4 млн. палестинских беженцев на Ближнем Востоке), 12,8 млн. чел. — к внутренне перемещенным лицам и около 740 тыс. лиц, ищущих убежища (см. табл. 11). Если к этому числу прибавить примерно 25–30 млн. чел. экологических беженцев и других категорий вынужденных мигрантов, то общая численность вынужденных мигрантов в мире составит более 60 млн. человек.

Обращает на себя внимание распространение практики использования канала вынужденной миграции экономическими мигрантами. Международными конвенциями по беженцам и национальными законодательствами разных стран однозначно признается, что лица, которые хотят покинуть свою страну, чтобы повысить жизненный уровень или найти лучшую работу, не могут претендовать на статус беженца. Это положение является принципиально важным для России, где в ряде программных документов по миграции в число вынужденных мигрантов включают и так называемых «экономических беженцев», что, по сути, является заблуждением, вытекающим из непонимания таких форм миграционного движения, как «вынужденная» и «добровольная» миграция.

Таким образом, можно утверждать, что увеличение масштабов вынужденной миграции стало одной из тенденций, характеризующих современные международные миграционные потоки.

Увеличение значимости международной миграции населения в демографическом развитии мира

На протяжении большей части истории человечества изменение численности населения отдельных регионов мира определялось преимущественно естественным приростом населения. Особенности эволюции смертности и рождаемости, растущий разрыв в демографическом потенциале развитых и развивающихся стран, а также процесс глобализации мировой экономики привели к тому, что роль международной миграции населения в демографическом развитии мира значительно увеличилась (см., подробнее, Bouvier, Poston and Zhai, 1997).

Международная миграция является в настоящее время одним из важных факторов стабилизации численности мирового населения. При этом в развитых странах она является основной (а в некоторых и единственной) детерминантой увеличения численности населения, тогда как в развивающихся способствует снижению темпов прироста населения и уменьшению «демографического давления» (см. табл. 12).

В целом, в 2000–2005 около 77% общего прироста численности населения развитых странах было обусловлено миграционным приростом (т.е. международной миграцией) против 36% в 1960-е гг. и 48% в 1970-е гг. Во многих странах Европы (Германии, Италии и др.), где естественный прирост является отрицательным, рост населения осуществляется исключительно за счет положительного сальдо миграции. В США доля миграционного прироста в общем приросте населения составляет около 43% (1,3 млн. человек ежегодно), в Австралии — 51% (119 тыс. человек ежегодно); не менее важное значение чистая миграция имеет для роста населения Канады, Израиля и других развитых стран.

В то же время в 2000–2005 гожа международная миграция населения способствовала снижению на 16% темпов роста населения Латинской Америки, 3,2% населения Азии и 2,1% населения Африки.

Табл. 12. Роль международной миграции в демографическом развитии современного мира

	коэф. migr. прироста, ‰	коэф. еств. прироста, ‰	коэф. общ. прироста, ‰	доля migr. прироста в еств. приросте
Развитые страны	2,7	0,9	3,6	3,00
Развивающиеся страны	-0,6	15,0	14,4	-0,04
Европа	2,2	-1,5	0,7	-1,47
Африка	-0,5	23,7	23,2	-2,11
Азия	-0,4	12,6	12,2	-3,17
Латинская Америка и Карибский бассейн	-2,5	15,4	12,9	-0,16
Северная Америка	4,7	5,5	10,2	0,86
Австралия и Океания	3,9	10,4	14,3	0,38

* в эти данные не включены палестинские беженцы и некоторые другие категории вынужденных мигрантов (например, экологические беженцы).

Источник: данные УВКБ ООН (<http://www.unhcr.org>).

Развивающиеся страны продолжают сохранять высокий миграционный потенциал, а развитые страны становятся зависимыми от притока международных мигрантов для того, чтобы заполнить имеющиеся ниши на национальном рынке труда и соответственно снизить коэффициент демографической нагрузки, который неизбежно растет вследствие старения коренного населения. Так, в настоящее время в развитых странах насчитывается 142 потенциальных работника (лиц в возрасте 20–24 года) на каждые 100 человек, достигших пенсионного возраста (60–64 года), но всего лишь через 10 лет это соотношение сократится до 87 молодых людей на 100 человек в возрасте 60–64 лет. В противоположность этому в развивающихся странах сегодня на каждые 100 человек в возрасте от 60 до 64 лет приходится 342 молодых жителей.

Как видно из табл. 13, с 1960 г. развитые страны приобретают население в результате миграционного обмена с развивающимися странами, при этом масштабы чистой миграции в развитые страны на протяжении

1960–2000 гг. неуклонно увеличивались. В 2000–2005 гг. развитые страны мира ежегодно принимали среднем 3,29 млн. мигрантов из развивающихся стран, при этом почти 40% миграционного прироста приходилось на США (в среднем около 1,3 млн. мигрантов ежегодно). По данным ООН, в 2000–2005 года 33 из 45 развитых стран имели чистый миграционный прирост. В эти страны входили как традиционные страны иммиграции (Австралия, Канада, Новая Зеландия и США). Так и большинство стран Северной, Южной и Западной Европы, а также Россия и Япония.

При этом важно, что международная миграция обеспечивает не просто увеличение общей численности населения развитых стран, но и способствует изменению его структуры, если учитывать более молодую возрастную структуру мигрантов, а часто — иные, отличные от стареющего коренного населения, демографические установки на многодетность.

В связи с последним в 1990-е гг. получил развитие термин «замещающая миграция» (“replacement migration”), характеризующий потенциал международной миграции в компенсации негативных тенденций демографического развития принимающих стран (см. подробнее UN, 2000). Учитывая современные негативные тенденции демографического развития (прежде всего, стремительное старение населения), развитым странам потребуется в рамках долгосрочной перспективы обеспечить существенно более высокий приток иммигрантов, что, по мнению Д. Коулмэна, практически нереально. Более того, иммиграция в эти страны даже при сохранении нынешних масштабов может привести к замещению их коренного населения «пришлым», совершенно изменить этническую структуру населения, проживающего в развитых странах. Последнее Д. Коулмэн обозначает, как «третий демографический переход» (Coleman, 2006).

Так, по прогнозам ООН, для того, чтобы странам Европейского Союза «компенсировать» сокращение населения в трудоспособных возрастах, они должны ежегодно «импортировать» в общей сложности 12,7 млн. иммигрантов до 2050 г. В свою очередь, России для поддержания неизменной численности трудоспособного населения уже сейчас нужно принимать ежегодно (по медианному прогнозу) в среднем около 700–800 тысяч мигрантов (нетто-миграция) и постепенно наращивать этот объем до 1,5–1,7 млн. мигрантов к 2025 году.

Особое значение в 1990-е годы международная миграция населения приобрела в России, переживающей серьезный демографический кризис, став, по существу, единственной положительной компонентой ее демографического развития. Миграционный прирост за 1992–2006 годы превысил 3,6 млн. человек и позволил «сгладить» почти на 30% естественную убыль населения России, которая за эти годы составила около 12,0 млн. чел. Вместе с тем в последние годы миграционный прирост значительно снизился. Так, в 2006 г. он составил всего 128 тысяч против 978 тысяч человек в 1994 году, позволив компенсировать лишь 12,7% естественной убыли населения (по сравнению с более 115% в 1994 г.).

Табл. 13. Среднегодовой миграционный прирост, 1950–2050 гг., тыс. чел.

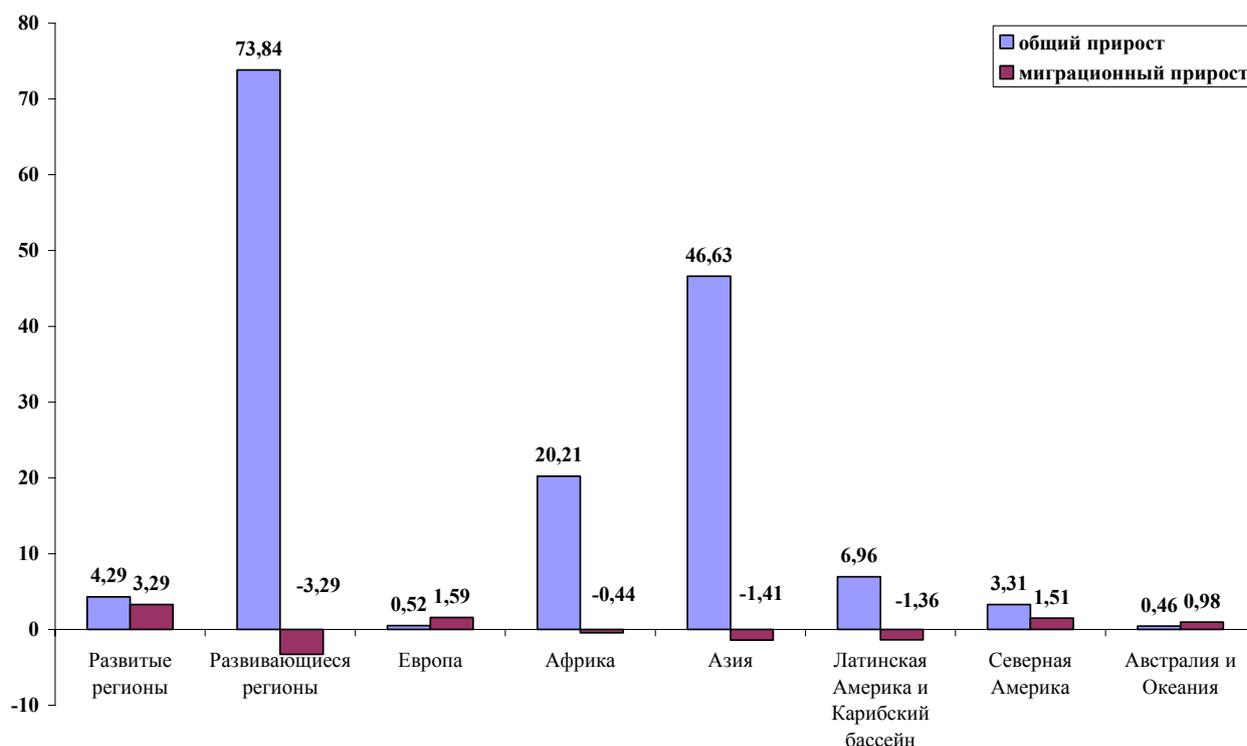
	1950– 1960	1960– 1970	1970– 1980	1980– 1990	1990– 2000	2000– 2010	2010– 2020	2020– 2030	2030– 2040	2040– 2050
Мир в целом	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Развитые регионы	–3	556	1088	1530	2493	2902	2268	2269	2272	2272
Развивающиеся регионы	3	–556	–1088	–1530	–2493	–2902	–2268	–2269	–2272	2272
Европа	–489	–31	288	441	1051	1271	799	805	808	808
Африка	–125	–242	–289	–267	–310	–416	–377	–395	–393	–393
Азия	194	–22	–377	–451	–1340	–1311	–1210	–1221	–1222	–1222
Латинская Америка и Карибский бассейн	–68	–293	–415	–781	–775	–1108	–616	–590	–595	–595
Северная Америка	403	479	748	972	1277	1453	1305	1300	1300	1300
Австралия и Океания	85	109	44	86	96	111	99	101	102	102

Источник: World Population Prospects: the 2006 Revision. Highlights. New York, United Nations, 2006.

Таким образом, в современной России для выхода из демографического кризиса уповать только на миграционный приток, на то, что только миграция может вывести Россию из демографического кризиса, крайне ошибочно.

В свою очередь, в развивающихся странах международная миграция способствует снижению темпов прироста численности населения примерно на 4,5% ежегодно (см. табл. 12, диагр. 2). За 1960–2005 годы чистый миграционный отток населения из развивающихся стран превысил 73 млн. человек. В 2000–2005 годах крупнейшими странами эмиграции являлись Мексика (миграционная убыль более 797 тыс. чел. ежегодно), Китай (–380 тыс. чел.), Индия (–270 тыс. чел.), Индонезия (–200 тыс. чел.), и Филиппины (–180 тыс. чел.). Отметим, что правительства значительного числа развивающихся стран возлагают большие надежды на эмиграцию «избыточного» населения.

Диаг. 2. Среднегодовой общий и миграционный прирост населения, 2000–2005 гг., тыс. чел.

Источник: World Population Prospects: the 2006 Revision. Population Database. N.Y.: U. N., 2006. <http://esa.un.org/unpp/p2k0data.asp>.

В развивающихся странах сформировались свои центры притяжения мигрантов: в рамках Ближневосточной миграционной системы — страны Персидского залива (Катар, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия и др.), в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона — Гонконг, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Южная Корея, в Южноамериканской миграционной системе — Аргентина, Бразилия и Венесуэла.

Завершая рассмотрение роли и значения международной миграции населения в демографическом развитии современного мира, заметим, что она может возрасти для большинства стран как при условии увеличения объемов иммиграции или эмиграции, так и масштабов временной трудовой миграции, а также вынужденной миграции. При этом в последних двух случаях речь идет о так называемом косвенном влиянии международной миграции.

Двойственный характер миграционной политики

Двойственность миграционной политики — это характерная тенденция современного развития международной миграции населения, которая является во многом результатом всех вышеперечисленных закономерностей. При этом подчеркнем, что в отношении международных мигрантов проводится вообще более жесткая и строго регламентированная *миграционная политика, которая представляет собой систему специальных мер, законодательных актов и международных соглашений (двусторонних и многосторонних) по регулированию миграционных процессов, преследующую экономические, демографические, геополитические и др. цели.*

На современном этапе развития можно выделить три уровня миграционной политики: международный, региональный и национальный (на уровне отдельного государства). При этом двойственный характер миграционной политики отчетливо проявляется на всех трех уровнях: и на *глобальном (мировом) уровне* (как результат противоречий между интересами международных организаций и национальными интересами отдельных государств), и на *региональном и межгосударственном уровне* (как существование противодействующих тенденций либерализации миграционных режимов внутри интеграционных региональных союзов и ужесточения их миграционной политики по отношению к гражданам третьих, не входящих в данное объединение стран), и на *национальном уровне* (как противоречие между демографическими и экономическими интересами, с одной стороны, и соображениями политической и социальной безопасности, с другой).

Глобальный (мировой) уровень миграционной политики

Основу международной нормативной базы по вопросам международной миграции составляют договоры, рекомендации и другие нормативно-правовые акты, которые принимаются на различных заседаниях и конференциях, проводимых под эгидой крупнейших международных организаций, прежде всего Организации Объединенных Наций и ее подразделений (ЮНФПА, ЮНКТАД, УВКБ ООН), Международной организации по миграции и Международной организации по труду.

Среди глобальных конференций особое место принадлежит Всемирным конференциям ООН, имеющих межправительственный статус.

За прошедшие годы было проведено 5 таких конференций: три по вопросам народонаселения и развития (в 1974 году в г. Бухаресте, в 1984 г. — в Мехико и в 1994 г. — в Каире), на которых были приняты два основополагающих документа: Всемирный план действий в области народонаселения (1974) и Программа действий в области народонаселения и развития (1994). Так, в последнем документе, рассчитанном на 20 лет, 10 глава посвящена международной миграции (одна из немногих глав, вызвавшая наибольшие дискуссии). В ней, в частности, было предложено ратифицировать Международную конвенцию защиты прав всех рабочих-мигрантов и членов их семей, которая была принята Генеральной Ассамблеей в 1990 г. (параграф 10.6). Эта конвенция впервые устанавливала международное определение различных категорий рабочих-мигрантов и представляла собой важный шаг к закреплению ответственности принимающих стран в признании прав мигрантов и обеспечении их защиты. Конвенция вступила в силу с 2003 года (на 2006 год она была ратифицирована 34 странами) (ООН, 2006а, С. 94). Дискуссии по проблемам, относящимся к международной миграции и развитию, развернулись также на двух других Всемирных конференциях ООН по вопросам окружающей среды и развития (в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, в 2002 г. в Йоханнесбурге), на которых было обращено внимание на необходимость политики и программ в области миграции, являющейся результатом или вызывающей разрушение окружающей среды.

Факультативные итоговые документы конференций и встреч на высшем уровне ООН формулируют основные направления действий по извлечению максимальной пользы из процесса миграции с точки зрения развития. Среди таких документов особого упоминания заслуживают итоговые рекомендации по укреплению регулирования международной миграции на национальном, региональном и глобальном уровнях, подготовленные Глобальной комиссией по вопросам международной миграции (Global Commission of International Migration, 2005). Еще одним важным мероприятием межправительственного характера является Бернская инициатива (2001 г.), в рамках которого была выработана Международная программа регулирования миграционных процессов (см. подробнее МОМ, 2006, С. 27–29).

Опубликованный Департаментом по экономическим и социальным вопросам Секретариата в 2006 году “Compendium of Recommendations on International Migration and Development” («Компендиум рекомендаций по вопросам международной миграции и развития») характеризует, в какой степени принятые документы способны служить ориентиром для правительств с точки зрения содействия выработке совместных инициатив в области управления международной миграцией (ООН, 2006а, С. 95–98).

14 и 15 сентября 2006 года в Нью-Йорке прошел Диалог на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии, в ходе которого были рассмотрены многоплановые аспекты международной миграции и

развития, включая обмен опытом и информацией о передовой практике в отношении возможных путей максимального увеличения связанных с международной миграцией выгод и уменьшения ее негативных последствий. По итогам Диалога было принято решение продолжить глобальное обсуждения проблем международной миграции и развития и создать Глобальный форум по международной миграции в качестве места систематического и всеобъемлющего обсуждения проблем, связанных с международной миграцией и развитием (см., подробнее, ООН, 2006с; ООН, 2007).

Завершая рассмотрение миграционной политики на глобальном уровне, подчеркнем важную особенность в отношении мирового сообщества к проблеме международной миграции: она всегда рассматривалась как функция изменяющихся политических, экономических и социальных условий. Однако во всех дискуссиях по вопросам миграции просматриваются три ключевые «нити»: 1) недостаток адекватных и полных данных по миграции, 2) отсутствие всесторонней теории, объясняющей миграцию, 3) неполное понимание совокупностей взаимосвязей между миграцией и развитием.

Двойственность международной миграционной политики заключается, прежде всего, в том, что интересы международного сообщества или отдельных международных организаций часто входят в противоречие с национальными интересами отдельных государств. Как следствие, многие принятые документы и резолюции на международных конференциях долгие годы остаются не вступившими в силу вследствие их ратификации незначительным числом стран-участников договоров (см. табл. 14).

Табл. 14. Положение с ратификацией международно-правовых документов, касающихся международной миграции

Договор	Год вступления в силу	участники договоров ООН	
		Количество стран	Процентная доля стран
Конвенция МОТ о трудящихся-мигрантах 1949 года (пересмотрена в 1949 году) (№ 97)	1952	45	23
Конвенция МОТ № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения	1978	19	10
<i>Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей</i> 1990 года	2003	34	17
Протокол 2000 года о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее	2003	97	50
Протокол 2000 года против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху	2004	89	46
Конвенция о статусе беженцев 1951 года	1954	143	73

Источник: данные ООН на 19 апреля 2006 г. (ООН, 2006а).

Региональный уровень миграционной политики

Региональное сотрудничество в сфере управления международной миграцией подразделяется на официальные механизмы, действующие в рамках региональных интеграционных объединений (*миграционная политика как составная часть региональной интеграции*), и региональные межгосударственные соглашения (*миграционная политика в рамках межгосударственных соглашений стран региона*¹), а также менее формальные механизмы (региональные консультативные советы и другие механизмы).

Развитие интеграционных процессов между государствами одного региона, как правило, предусматривает и определенную свободу передвижения граждан этих государств через их государственные границы, создание так называемых «прозрачных границ».

Наиболее ярким примером управления международной миграцией в рамках регионального интеграционного объединения является режим свободного перемещения граждан и рабочей силы в рамках Европейского Союза. В настоящее время граждане 15 «старых» стран-членов ЕС (страны, вступившие в ЕС до 1 мая 2004 г.) могут свободно передвигаться через внутренние межгосударственные границы ЕС с различными целями (в т.ч. в целях найма на работу или организации предпринимательской деятельности) без ограничения продолжительности пребывания на территории другого государства-члена ЕС. В отношении 12 «новых» стран-членов ЕС (страны, вступившие в ЕС после 1 мая 2004 г.) до 1 мая 2011 г. действует ряд ограничений в отношении свободного передвижения рабочей силы, после указанной даты все ограничения на перемещения внутри ЕС будут сняты. ЕС также проводит единую политику в отношении иммиграции и предоставления убежища гражданам третьих стран, укрепляет партнерство с основными странами происхождения мигрантов и разрабатывает и принимает меры для обеспечения равного обращения с гражданами третьих стран, проживающими в странах-членах ЕС. Принятые к настоящему времени общеевропейские нормативно-правовые акты в основном касаются правил предоставления убежища и предотвращения нелегальной иммиграции, и лишь некоторые из них рассматривают вопросы легальной иммиграции, в т.ч. воссоединение семей, привлечения студентов, исследователей и высококвалифицированных трудящихся-мигрантов (см., подробнее, МОМ, 2006, С. 212–214).

Общие механизмы регулирования международной миграции, в т.ч. соглашения о содействии передвижению лиц или трудящихся, действуют и

¹ Как правило, межгосударственные соглашения в области управления миграционными процессами заключаются между странами одного региона. Однако, существуют и межрегиональные межгосударственные соглашения. Так, например, между ЕС и США существует соглашение, согласно которому граждане ЕС и США могут передвигаться по территории, соответственно, США и ЕС без визы не более трех месяцев в течение полугода (см., подробнее, МОМ, 2006, С. 211).

в рамках других региональных интеграционных объединения, включая Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Андское сообщество, Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Содружество независимых государств (СНГ), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) и Центральноеафриканское экономическое и валютное сообщество (ЦАЭВС) (см., подробнее, МОМ, 2006, С. 211–220)

Региональные межгосударственные соглашения представляют собой официальные межгосударственные соглашения о сотрудничестве в области миграции. Согласно проведенному в 2005 году МОТ обследованию, 66 стран, представляющих доклады, заключили около 600 двусторонних соглашений в области регулирования международной миграции, при этом на долю десяти стран приходится около половины всех соглашений¹. Большинство соглашений (63%) заключены между странами Европы, 11% между Канадой и США. В основном межгосударственные соглашения касаются программ приглашения трудовых мигрантов; приема стажеров или молодых специалистов; сезонной миграции; вопросов координации материальных прав и выплат в области социального обеспечения; реадмиссии нелегальных иммигрантов; вопросов содействия безопасному и своевременному переводу денежных средств трудящихся-мигрантов.

Следует отметить, что двусторонний подход позволяет правительствам действовать более гибко, чем общие соглашения в рамках интеграционных объединений, поскольку условия каждого соглашения можно сформулировать с учетом ситуации в соответствующих странах. Однако, с точки зрения регулирования миграционных потоков, отслеживание хода осуществления многочисленных соглашений, содержащих различные положения, увеличивает административное бремя.

Новой формой регионального сотрудничества стали региональные консультативные советы (РКС), число которых многократно возросло с начала 1990-х годов. Одними из первых РКС стали Межправительственные консультации по вопросам политики в области убежища, беженцев и миграционной политики в Европе, Северной Америке и Австралии, которые стали проводиться с 1985 года для обсуждения вопросов предоставления убежища. В настоящее время, по данным ООН, в Европе действуют несколько таких консультативных советов, в том числе Будапештский процесс, Сёдеркёпинг, Панъевропейский диалог по управлению миграцией, «5 + 5» и др. Региональные консультативные советы носят неофициальный характер и их результаты, несмотря на то, что они получают одобрение участвующих сторон, не являются обязательными.

¹ Без централизованного регистра межгосударственных соглашений об их количестве судить трудно. По некоторым оценкам, их общее число более чем вдвое превышает количество, о котором было сообщено МОТ (см., подробнее, ООН, 2006а, С. 100).

Вместе с тем они содействуют диалогу и обмену информацией, позволяют собрать вместе официальных представителей стран происхождения, транзита и назначения мигрантов, способствуют координации и согласованности действий не только на международном, но и на национальном уровне.

Двойственный характер миграционной политики на региональном уровне выражается в двух аспектах. Первый состоит в том, что в современном мире в условиях активно развивающихся процессов региональной интеграции происходит либерализация миграционной политики, появляются «прозрачные границы» в рамках региональных союзов, обеспечивается свобода перемещения населения и рабочей силы граждан стран-участниц через внутренние государственные границы этих союзов. С другой стороны, во многих странах мира имеет место принятие все более жестких мер в отношении иммигрантов из «третьих стран», что обусловлено различными аспектами национальной безопасности (в т.ч. борьба с угрозами международного терроризма, защита национального рынка труда).

Второй аспект заключается в том, что интересы и задачи интеграционного объединения в целом могут не совпадать или даже противоречить интересам его отдельных государств-членов. Например, позиция Великобритании с самого начала ее вхождения в ЕС (1973 г.) имела несколько особый ограничительный характер, что затем нашло отражение в том, что она не подписала Шенгенское соглашение. Или в североамериканской зоне свободной торговли союзе НАФТА (США, Канада, Мексика) свобода передвижения граждан, в т.ч. трудящихся-мигрантов, между США и Канадой значительно упрощена, в то время как возможности трудовой миграции мексиканских граждан в эти страны существенно ограничены.

Национальный уровень миграционной политики

На разных исторических этапах в миграционной политике государства преобладает та или другая ее составляющая (эмиграционная или иммиграционная), которая и определяет в целом ее сущность в данный период. В специальном периодическом издании ООН по демографической политике (World Population Policies Database) содержится специальный информационный раздел о взглядах национальных правительств и государственной политике в области международной миграции. Как видно из табл. 15a и табл. 15b, в настоящее время только 19% суверенных государств не регулируют уровень иммиграции, тогда как политику в отношении эмиграции не проводят 55% государств. При этом иммиграционную политику проводят все развитые страны мира (кроме Сан Марино и Исландии). Таким образом, в современной национальной миграционной политике определяющей является ее иммиграционная составляющая, в современных условиях в большинстве стран мира

преобладающей составляющей становится иммиграционная политика, в рамках которой правительства проявляют большой интерес к тому, что из себя представляют, въезжающие к ним мигранты: каковы их национальность, профессия, квалификация, возраст, семейное положение и т.п. На последние характеристики обращается особое внимание как с учетом ситуации на национальном рынке труда и исходя из демографических соображений, так и с учетом аспектов национальной безопасности.

Табл. 15а. Взгляды национальных правительств в отношении иммиграционной политики, 2005

	политика в области уровня иммиграции			
	снижать	поддерживать	увеличивать	без вмешательства
Мир в целом	22%	54%	6%	19%
Развитые регионы	13%	75%	8%	4%
Развивающиеся регионы	25%	47%	5%	23%
Европа	14%	77%	5%	5%
Африка	25%	21%	2%	53%
Азия	36%	53%	9%	2%
Латинская Америка и Карибский бассейн	12%	76%	3%	9%
Северная Америка	0%	50%	50%	0%
Австралия и Океания	19%	56%	13%	13%

Табл. 15б. Взгляды национальных правительств в отношении эмиграционной политики, 2005

	политика в области уровня эмиграции			
	снижать	поддерживать	увеличивать	без вмешательства
Мир в целом	23%	16%	6%	55%
Развитые регионы	17%	15%	0%	69%
Развивающиеся регионы	25%	17%	8%	51%
Европа	19%	16%	0%	65%
Африка	19%	13%	2%	66%
Азия	30%	21%	19%	30%
Латинская Америка и Карибский бассейн	24%	6%	0%	70%
Северная Америка	0%	0%	0%	100%
Австралия и Океания	25%	38%	6%	31%

Источник: World Population Policies 2005. United Nations, 2006.

Наибольшие изменения, которые произошли в национальной миграционной политике с конца 1950-х годов, связаны именно с иммиграционной политикой. Для государств, традиционно проводящих иммиграционную политику, суть изменений состоит в том, что принятые в них законы были направлены, во-первых, на поощрение иммиграции

высококвалифицированных специалистов, во-вторых, на борьбу с нелегальной иммиграцией.

Анализ законов, принятых в последние годы против нелегальной иммиграции, демонстрирует двойственность политики принимающих государств: с одной стороны, *политика в отношении вновь прибывающих мигрантов становится все более рестриктивной*, с другой стороны, *проводится политика легализации тех, кто въехал в страну раньше и нелегально трудоустроился*. Так, в развитых странах с 1980 по 2005 годы было проведено более 25 миграционных амнистий и почти 7 млн. нелегальных иммигрантов было амнистировано. Таким образом, фактически речь идет не об искоренении нелегальной иммиграции, а о легализации тех, кто въехал в страну раньше и нелегально трудоустроился. Необходимо отметить, что ряд экспертов высказываются против проведения такого рода кампаний, поскольку последние, по их мнению, лишь увеличивают потенциальные масштабы нелегальной иммиграции.

Двойственность миграционной политики также проявляется в противоречиях экономического, демографического и геополитического характера. Так, развитие экономики, как правило, требует либерализации миграционной политики, в то время как интересы национальной безопасности нередко настаивают на ее ужесточении, что особенно наглядно проявилось после событий 11 сентября 2001 г. в США.

Что касается миграционной политики России, то, с одной стороны, за 1991–2006 гг. была создана определенная законодательная база в области регулирования международной миграции, с другой стороны, в России до сих пор нет стратегического видения миграции как положительного явления. Двойственность миграционной политики России проявляется в том, что на высшем государственном уровне (в частности, в Посланиях Президента Федеральному собранию РФ) провозглашается тезис о необходимости проведения осмысленной иммиграционной политики, привлечения из-за рубежа наших соотечественников и квалифицированных легальных трудовых ресурсов, тогда как на «исполнительном» уровне отношение государства к управлению миграционными процессами остается во многом полицейским, а сама миграция (как легальная, так и нелегальная) рассматривается, прежде всего, как угроза национальной безопасности России. И эта двойственность отношения к миграции (особенно русскоязычного населения из стран СНГ и Балтии), как и непонимание основных закономерностей международной миграции, привели к тому, что за эти годы так и не была принята Федеральная концепция миграционной политики.

Сохранение такой ситуации идет в разрез с интересами экономического и демографического развития России. Более того, Россия все более упускает возможность объединяющего экономического сотрудничества на постсоветском пространстве, в том числе и в области эффективного использования имеющегося трудового потенциала, обусловленного, в частности, различиями в демографическом развитии, устоявшимися

экономическими связями, общностью языка и др. Таким образом, потребность в миграционной политике, соответствующей реально складывающейся миграционной ситуации в России, ощущается все более отчетливо.

На наш взгляд, правительства, прежде всего, принимающих стран необходимо осознать, что обеспечение легитимного поля международной миграции и рациональное использование имеющейся у мигрантов квалификации может быть достигнуто только с помощью разумной, стратегически выверенной миграционной политики, не допускающей «триумфа националистического атавизма над логикой экономического развития» (Demeny, 2002, p. 73). Последнее особенно актуально для Российской Федерации.

Литература

- Алешковский И.А. (2005) Моделирование миграционных процессов // Экономические исследования молодых ученых. Выпуск №3. М.: ТЕИС. С. 3–32.
- Алешковский И.А. (2005) Иммиграционная политика и экономическое развитие стран принимающих мигрантов (на примере действия программы «Зеленая карта» в Германии) // Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвертые Валентеевские чтения: Сборник докладов / Ред. В.В. Елизаров, В.Н. Архангельский. М.: МАКС Пресс. С. 187–192.
- Алешковский И.А., Ионцев В.А. (2006) Нелегальная иммиграция в общественно-политическом дискурсе // Миграция населения: экономика и политика. Выпуск 18. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». М.: ТЕИС.
- Ивахнюк И.В. (2005) Международная трудовая миграция. М.: ТЕИС.
- Ионцев В.А. (1996) Проблемы «утечки умов» в России (методологические аспекты изучения) // Вестник МГУ. Серия экономика, №5.
- Ионцев В.А. (1999) Международная миграция: теория и история изучения. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 3. М.: Диалог-МГУ.
- Ионцев В.А. (2001) Международная миграция. Серия «Миграция населения». Вып. 3. Приложение к журналу «Миграция в России». М.
- Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. (2002) Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.) // Мир в зеркале международной миграции. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС-Пресс. Вып. 10.
- Метелев С.Е. (2006) Международная трудовая миграция и развитие российской экономики. М.: Юнити-Дана.
- Мир в зеркале международной миграции (2002). Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС-Пресс. Вып. 10.
- МОМ (2006) Руководство по разработке эффективной политики в области трудовой миграции в странах происхождения и назначения. М.: МОМ.
- МОТ (2004) За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI. Международная конференция труда, 92-я сессия 2004 г. Женева, МОТ.
- Население и глобализация (2002) / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: Наука.
- ООН (2006а) Миграция и развития. Доклад Генерального секретаря на 60 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. A/60871. Нью-Йорк.

- ООН (2006b) Мониторинг мирового населения, посвященный международной миграции и развитию. Доклад Генерального секретаря на 39 сессии Комиссии по народонаселению и развитию. Экономический и социальный совет. 25 января 2006 г.
- ООН (2006c) Резюме диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии. Записка Председателя Генеральной Ассамблеи. 13 октября 2006 г. A/61/515.
- ООН (2007) Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [по докладу Второго компонента A/61/424/Add.2]. Международная миграция и развитие. 6 марта 2007 г. A/Res/61/208.
- Стокер П. (1996) Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы М.: Academia.
- Ушкалов И.Г., Малаха И.А. (1999) Утечка умов: масштабы, причины, последствия. М.: УРСС.
- Юдина Т.Н. (2006) Социология миграции. М.: Академический проект.
- Amin Mohammad, Mattoo Aaditya (2006) Can Guest Worker Schemes Reduce Illegal Migration? World Bank Policy Research Working Paper 3828, February.
- Appleyard Reginald (2001) International Migration Policies: 1950–2000 // International Migration, Vol. 39 (6).
- Castles S., Miller M. (2003). The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. London: Guilford Publications.
- Demeny Paul (2002) Prospects for International Migration: Globalization and its Discontents // Journal of Population Research, Vol. 19, №1.
- Demeny Paul (2006) The Political Economy of Global Population Change, 1950–2050 // Population and Development Review. Supplement to Vol. 32, 2006.
- Hatton Timothy J., Williamson Jeffrey G. (2006). Global Migration and the World Economy: Two Centuries of Policy and Performance. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology Press.
- Global Commission on International Migration (2005). Migration in an interconnected world: New directions for action. Geneva. (www.gcim.org).
- International Migration and The Millenium Development Goals (2005). Selected Papers of the UNFPA Expert Group Meeting. Marocco, Marrakech, 11–12 May.
- ILO (2006) Facts on Migrant Labour. Geneve, International Labour Organization.
- IOM (2005) World Migration Report 2005. Geneve.
- Katseli Louka, Lucas Robert and Xenogiani Theodora (2006) Effects of Migration on Sending Countries: What do we know? International Symposium on International Migration and Development. Turin, United Nations. UN/POP/MIG/SYMP/2006/11/Rev.
- Koser Khalid (2005) Irregular Migration, State Security and Human Security. A paper prepared for the Policy Analysis and Research Programme of the Global Commission on International Migration. September 2005.
- Lowell Lindsay, Findlay Allan (2001) Migration of Highly Skilled Persons from Developing Countries: Impact and Policy Responses. Synthesis Report. International Migration Papers, №44. Geneve, ILO.
- Martin Philip (2006) Managing Labor Migration: Temporary Worker Programmes for the 21st century. International Symposium on International Migration and Development. Turin, United Nations. UN/POP/MIG/SYMP/2006/07.
- Massey Douglas, Arango Joaquin, Hugo Graeme, Kouaouci Ali, Pellegrino Adela, Taylor Edward (2005) Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford University Press.
- Manning Patrick (2005) Migration in World History. Routledge: Taylor& Francis Group.

- The Globalization Process and International Migration (2006) // Demography: analysis and synthesis: a treatise in population studies. Vol. II. New York, Amsterdam: Elsevier, Academic Press. P. 275–277.
- SOPEMI (2001–2007). Trends in International Migration. Annual Report 2000–2006. Paris: OECD.
- Stalker P. (2000) Workers without Frontiers: the Impact of Globalization on International Migration. Colorado, Lynne Rienner Publishers, Inc.
- Taylor Edward (2006) International Migration and Economic Development. International Symposium on International Migration and Development. Turin, United Nations. UN/POP/MIG/SYMP/2006/09.
- Vila Marta Roig (2006) International Migrations and Globalization: International and Regional Migration Trends, 1965–2000. N.Y., U.N. http://www.sela.org/public_html/AA2K2/eng/docs/coop/migra/spsmirdi6-02/spsmirdi6-0.htm.
- United Nations (2000) Replacement Migration: Is it A Solution to Declining and Ageing Populations? New York, United Nations.
- United Nations (2006) Compendium of Recommendations on International Migration and Development, United Nations publication, Sales No. E.06.XIII.7.
- World Migrant Stock (2006): The 2005 Revision Population Database (<http://esa.un.org/migration/index.asp?panel=1>).
- World Population Policies 2005 (2006). N.Y.: United Nations.
- World Population Prospects (2006): the 2006 Revision. Highlights. New York, United Nations. <http://esa.un.org/migration>
- International Migration 2006. New York, United Nations, 2006.
- Zlotnik H. (1996) Migration to and from Developing Regions: A Review of Past Trends // Lutz W., ed. The Future Population of the World. What Can We Assume Today? London. <http://esa.un.org/unpp/>
<http://www.unhcr.org>
www.world-tourism.org.

ЕВРАЗИЙСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ СИСТЕМА: ТЕОРИЯ И ПОЛИТИКА

Введение

С начала 1990-х гг. новые независимые государства, которые прежде были республиками СССР, оказались вовлечены в потоки международной миграции. Полупрозрачность государственных границ и безвизовый режим въезда между большинством постсоветских государств создали благоприятные условия для потоков международной миграции в регионе, а взаимопереплетение экономических, политических, социальных и этнических «факторов выталкивания» сделали эти потоки многочисленными и многообразными. По оценке ООН, Россия, которая является основной принимающей страной на постсоветском пространстве, занимает второе место в мире после США по числу иммигрантов (13,3 млн. в 2005 г.). Страны постсоветской Евразии соединены многочисленными историческими, экономическими, политическими, эмоциональными связями, что заставляет рассматривать это пространство как единую миграционную систему.

Автор настоящей статьи впервые предложила термин *Евразийская миграционная система* в 2003 г. в контексте соседства двух миграционных систем в Европе (Ivakhniouk, 2003; Ивахнюк, 2003) и доказала важность именно такого подхода для лучшего понимания специфики происходящих на постсоветском пространстве миграционных процессов и для развития сотрудничества в области управления миграцией в связи с расширением ЕС.

Проблемы, связанные с активным участием России в международной миграции, в том числе в миграционном обмене со странами бывшего СССР, привлекают возрастающее внимание российских исследователей¹ и политиков. Низкая эффективность управления миграционными процессами, отсутствие внятной концепции миграционной политики, результатом чего стали многомиллионные потоки нерегулируемой миграции и нарастающие в обществе настроения ксенофобии в отношении мигрантов, коренятся в сохранявшемся длительное время инерционном отношении властей к миграции граждан бывшего СССР в рамках прежде единой страны как к явлению не столько межгосударственному, сколько «внутреннему»². Позже

¹ Достаточно назвать такие публикации, как: научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МГУ, МАКС Пресс, вып. 1-19, издается с 1998, см.: www.demostudy.ru/books/; Красинец и др. 2000; Ушкалов, Малаха, 1999; Мукомель, 2005; Миграция и безопасность в России, 2000; Петров, 2004 и др.

² Такого рода инерционность сказалась, например, в формировании первых постсоветских законов Российской Федерации в области миграции в начале 1990-х гг.,

правительство преодолело это заблуждение, скорректировав миграционные законы, однако, «особое отношение» к гражданам стран СНГ, т.е. преференции в области допуска в страну, предоставления вида на жительство, разрешения на работу, предоставления российского гражданства, остаются основной чертой нынешней миграционной политики Российской Федерации. Бывшие советские республики ныне вовлечены в активное взаимодействие в области выстраивания многостороннего и двустороннего сотрудничества в управлении миграционными процессами и противодействия нелегальной миграции с целью усиления той роли, которую международная миграция может сыграть для обеспечения экономического развития.

Можно, что именно в сохранении прочных межгосударственных миграционных связей на постсоветском пространстве заключается своеобразие миграционной ситуации в этом регионе мира, позволяющее говорить о возникновении новой миграционной системы. Анализ особенностей формирования и функционирования миграционной системы в постсоветской Евразии и ее места среди других крупнейших мировых миграционных систем и составляет предмет настоящей статьи.

Применяемый в статье подход важен как с теоретической, так и с практической точек зрения. Во-первых, она дополняет и развивает *теорию миграционных систем*, концептуализируя миграционные потоки между государствами постсоветского пространства и доказывая, что в 1990-х гг. миграционная картина современного мира пополнилась возникновением Евразийской миграционной системы. Во-вторых, предлагаемое понимание миграционных проблем, с которыми сталкивается Россия, в более широком контексте ее взаимодействия с другими государствами и с учетом динамики факторов такого взаимодействия может стать основой для формирования *единой концепции управления миграционными процессами* в рамках региональных союзов, существующих на постсоветском пространстве, что обеспечило бы эффективное взаимодействие стран назначения и происхождения мигрантов, а также стран транзита.

Теория миграционных систем

Из существующих в мировой литературе многочисленных подходов, объясняющих феномен международной миграции, ее причины, факторы и движущие силы, наиболее убедительным представляется *системный подход*, который, с одной стороны, рассматривает международную миграцию как результат индивидуальных решений, зависящих от тех или иных структурных факторов, а с другой стороны, анализирует ее в контексте мировых потоков капиталов и товаров, действия глобальных и

когда фактически не проводилось разграничение в регулировании и правах между прибывающими в Россию беженцами из других новых независимых государств и внутренними переселенцами.

региональных политических, экономических, культурных факторов. В результате строится сложная система взаимосвязей между различными элементами, воздействующими на процесс миграции, а направление и динамика миграционных потоков находят свое логичное объяснение¹.

Теория миграционных систем применяет системный подход к интерпретации сущности и многообразия миграционных потоков. Она фактически объединяет различные концепции международной миграции² и доказывает, что миграционные потоки между странами выезда и определенными странами въезда детерминированы взаимосвязанными факторами³. Поскольку формирование устойчивых миграционных потоков создает некое единое пространство (миграционную систему), включающее страны выезда и въезда, для понимания ее динамики необходимо рассматривать систему в целом. При этом географическая близость может играть значительную роль, но не является обязательным условием.

Справедливо замечено, что направление потоков международной миграции населения не является случайным: оно часто предопределено существованием исторических, культурных, экономических или политических связей между странами выезда и странами въезда. Кроме того, миграции, имевшие место прежде, приводят к формированию так называемых миграционных сетей, когда новые мигранты могут опереться на опыт и помощь своих земляков, ранее переселившихся и обосновавшихся в странах назначения. Существование социальных миграционных сетей не просто способствует формированию миграционных потоков между странами, оно является фактором устойчивости этих потоков, т.е. наличие миграционной сети может само по себе поддерживать миграционный процесс даже тогда, когда условия для миграции становятся неблагоприятными, в частности, когда ей противостоит ограничительная иммиграционная политика, или в условиях экономического спада в принимающей стране.

Миграционной системой называют группу стран, между которыми существуют относительно масштабные и устойчивые миграционные связи (Kritz et al., 1992). Как минимум, миграционная система может включать

¹ Впервые применение системного подхода к анализу международной миграции было предпринято в конце 1980-х гг. См. Fawcett and Arnold, 1987; Portes and Borocz. 1989, pp. 606-630.

² Наиболее полная в российской научной литературе классификация основных научных подходов и концепций в изучении миграции населения представлена в работе В.А. Ионцева (Ионцев, 1999, С. 85–116).

³ В настоящее время в российской литературе появились работы, в которых термин *миграционная система* используется в совершенно ином смысле — как институционально-правовая система управления миграционными процессами той или иной страны, составляющая основу национальной миграционной политики (см., например, Тюркин, 2004). Следует оговориться, что такое применение термина *миграционная система* не имеет ничего общего с рассматриваемой в настоящей статье *теорией миграционных систем*.

две страны, между которыми происходит миграционный обмен. Но поскольку в реальной действительности страны участвуют в многообразных миграционных потоках с целым рядом других государств, миграционные системы могут переплетаться, а меньшие миграционные системы могут являться частью более крупных систем. Так, миграционная система, объединяющая Францию со странами Северной Африки, входит в одну из крупнейших миграционных систем, центром которой являются государства Европейского Союза.

Устойчивость миграционных связей в системе может определяться как историческими причинами (например, колониальные отношения или политические союзы), так и взаимной экономической заинтересованностью стран в миграционном обмене, которая обуславливает возникновение и сохранение миграционного движения определенной направленности.

Внутри миграционных систем существуют не только потоки людей. Они дополняются товарными и финансовыми потоками. Денежные переводы мигрантов на родину часто становятся важным источником финансовых ресурсов в странах-экспортерах рабочей силы. При этом сами денежные переводы со временем могут выступать стимулом для новых волн миграции, поскольку, с одной стороны, они вселяют надежду на хороший заработок у потенциальных мигрантов, а, с другой стороны, дают средства для миграции. Статистика отмечает увеличение товарооборота между теми странами, которые вовлекаются в устойчивый миграционный обмен, и возникновение различных форм совместного предпринимательства между ними.¹ По возвращении мигранты предъявляют повышенный спрос на иностранные потребительские товары, к которым они привыкли за время пребывания за рубежом. Кроме того, мигранты-предприниматели часто основывают свой бизнес на экспорте продукции из своей родной страны или на импорте иностранных потребительских товаров на родину.

При этом базовые причины, определяющие возникновение и развитие миграционных потоков, могут быть объяснены совокупно: и различиями в уровнях экономического развития и заработной платы стран выезда и стран въезда (*теория неоклассической экономики*), и структурным спросом на

¹ Показателен пример миграционного и торгово-экономического взаимодействия Германии и Турции. Именно Германия, где находится наиболее многочисленная турецкая община, занимает первое место среди торговых партнеров Турции, а германские фирмы входят в число крупнейших инвесторов в Турции. Начало массового потока турецких рабочих в Германию в 1960-х гг. дало толчок расширению торгово-экономических отношений между странами. В дальнейшем товарооборот между ними рос параллельно с увеличением турецкой общины в Германии и ростом числа вернувшихся в Турцию гастарбайтеров. Сложившиеся во время пребывания в Германии стереотипы потребления стимулировали импорт немецких потребительских товаров, а установившиеся деловые контакты создавали основу для совместного крупного и среднего предпринимательства. Товарооборот между Германией и Турцией вырос от 12 млн. марок в 1965 г. до 770 млн. марок в 1980 г.

труд иностранных рабочих в определенных отраслях экономики более развитых стран (*теория сегментированного рынка труда*), и стремлением каждого индивида максимизировать отдачу от инвестиций в его образование, квалификацию, здоровье и т.д. (*теория человеческого капитала*), и стремлением домохозяйств в странах выезда с помощью микро-стратегии международной миграции обеспечить механизм «самострахования» остающихся на родине членов через денежные переводы (*новая экономическая теория миграции*), и опорой мигрантов на уже сложившееся в принимающей стране сообщество мигрантов-земляков (*теория кумулятивной причинности*) или различные формальные и неформальные посреднические организации (*теория общественного капитала*), и т.д.

В теории миграционных систем находят отражение многие из существующих концепций; она объединяет макро- и микро-подходы в объяснении механизма международной миграции и предлагает конкретный иллюстративный материал для объяснения направлений многообразных миграционных потоков.

С тех пор, как теория миграционных систем приобрела относительно завершённый характер, прошло более десяти лет¹. За это время миграционная картина мира менялась, изменилась структура миграционных потоков, в потоки международной миграции включились государства бывшего СССР. Фактически на территории пост-советского пространства сформировалась новая — самая «молодая» в мире — миграционная система, которую следует рассматривать наряду с другими крупнейшими мировыми миграционными системами, например, Североамериканской, Европейской, Азиатско-Тихоокеанской, Ближневосточной, Южноамериканской.

Настоящая статья ставит своей целью восполнить этот пробел в теории миграционных систем. Удивительно и неоправданно, когда учебные курсы по миграции в ведущих мировых университетах, представляя миграционную картину современного мира посредством теории миграционных систем, ограничиваются анализом вышеназванных систем (см., например, Simmons, Piche 2002) и «не замечают» огромное постсоветское пространство (огромное как по территории, так и по масштабу миграционного взаимодействия), где уже сформировались закономерности Евразийской миграционной системы, центром которой является Россия.

Современные миграционные системы

Не повторяя детального описания крупнейших современных миграционных систем, которое можно найти в других работах (см. например, Kritz et al., 1992; Zlotnik 1996; Ивахнюк 2005), мы ограничимся

¹ Наиболее полно теория миграционных систем отражена в работе: Kritz et al., 1992.

здесь кратким анализом наиболее характерных черт некоторых из них, которые, собственно, и позволяют идентифицировать группы стран как миграционные системы. Это даст нам необходимую методологическую основу для того, чтобы в следующем разделе охарактеризовать государства постсоветского пространства как единую Евразийскую миграционную систему.

Для крупнейших миграционных систем характерно сочетание различных видов и форм миграции — постоянной и временной, беженцев и трудовых мигрантов, организованной и нелегальной, учебной и т.д. Однако на деле для одних миграционных систем могут быть более типичны одни виды миграции, для других — другие. Это может объясняться историческими факторами, конкретной политической обстановкой, степенью тесноты традиционных связей между странами назначения и странами происхождения мигрантов. Кроме того, особенности миграционной политики основных принимающих стран в отдельных системах определяют доминирование тех или иных видов миграции. Например, в США и Канаде, являющихся центрами притяжения в Североамериканской миграционной системе, широкомасштабная иммиграция (строго контролируемая государством) традиционно считается важнейшим условием формирования населения этих стран. В противоположность этому, в нефтедобывающих государствах Персидского залива, которые выступают центрами притяжения мигрантов в Ближневосточной миграционной системе, миграционная политика жестко сориентирована на привлечение временных трудовых мигрантов, и получить гражданство в этих странах очень непросто.

В миграционных системах потоки людей обычно фокусируются на одной или нескольких странах назначения, при том что миграционная система остается открытой, т.е. имеет миграционные связи также со странами, не входящими в эту систему, а также с другими миграционными системами. Так, например, Европейская миграционная система отличается наличием устойчивых «внутренних» миграционных потоков, что предопределено не только существованием тесных экономических, культурных, исторических, политических, географических связей между европейскими странами, но также открытыми границами внутри Европейского Союза, гарантирующего единые права для граждан ЕС в области поселения и трудоустройства. В то же время Европа принимает мигрантов из других стран мира, поскольку и экономически, и демографически она зависит от притока все новых мигрантов. Одновременно Европейская миграционная система выступает «поставщиком» высококвалифицированных мигрантов, для США, например.

Устойчивость миграционных систем поддерживается существованием миграционных сетей, которые надежно связывают страны выезда и страны въезда. Так, быстро растущая доля населения латиноамериканского

происхождения в США, ставшего второй по численности этнической группой в стране, создает дополнительные условия для поддержания потока мигрантов, опирающихся на сложившиеся социальные сети¹. Многочисленные диаспоры турок в Германии, алжирцев и марокканцев во Франции, индийцев и пакистанцев в Великобритании являются, образно говоря, надежной опорой миграционного моста, который связывает страны происхождения мигрантов с Европой.

В отличие от институтов официальной миграционной инфраструктуры², неофициальные мигрантские социальные сети чаще всего способствуют незаконной миграции. Во многом именно благодаря им незаконная/нелегальная миграция является чертой практически всех миграционных систем, несмотря на все предпринимаемые странами назначения мигрантов попытки противодействовать ей.

Общность или схожесть миграционной политики стран, являющихся центрами миграционных систем (если таких стран несколько), считается одним из признаков системы. Это мы наблюдаем в отношении США и Канады, стран Европейского Союза, государств Персидского залива, в меньшей степени — принимающих стран Южной Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Миграционная политика касается условий допуска мигрантов в страну, их пребывания, социального статуса, обеспечения их юридических прав и — что, быть может, наиболее важно — принципов интеграции мигрантов в принимающем обществе. Принципы эти разнятся от ассимиляции (Франция) до мультикультурализма (Великобритания, Швеция, Нидерланды, Канада). Террористические атаки в США 11 сентября 2001 года изменили отношение к мигрантам в мире, но не остановили миграционные потоки. Политики и эксперты по-прежнему ищут наиболее оптимальные формы сосуществования людей в мультикультурных обществах, поскольку монокультурных обществ в мире практически не осталось — в результате международной миграции (Reh, 2004, с. 94).

Региональные интеграционные группировки, такие как ЕС в Европе, МЕРКОСУР в Южной Америке, НАФТА в Северной Америке³, активно

¹ Механизм действия миграционных сетей в США описан, например, в: Флорес, 2006.

² Под официальной миграционной инфраструктурой понимается комплекс государственных и частных институтов, работающих на официальной основе и обеспечивающих легитимность, информированность, безопасность миграции — государственные и частные агентства по трудоустройству, информационно-консультационные центры, специализированные юридические службы, а также службы доверия, горячие линии и т.д.

³ МЕРКОСУР (MERCOSUR) — Общий рынок стран Южной Америки (Mercado Comun del Cono Sur), существует с 1991 г., объединяет Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай. НАФТА (NAFTA) — Североамериканское соглашение о свободной торговле (North American Free Trade Agreement), существует с 1994 г., объединяет США, Канаду и Мексику.

используются для обеспечения наиболее приемлемых форм легального движения рабочей силы между странами-участницами, что дает им дополнительные экономические преимущества. Зачастую свобода миграционных передвижений внутри региональных союзов обуславливает двойственный характер миграционной политики основных стран притяжения. Так, существование Европейского Союза с открытыми внутренними границами формирует двойственность миграционной политики в Европейской миграционной системе: свобода передвижений внутри ЕС существует на фоне крайне жесткого миграционного контроля на внешних границах ЕС в отношении граждан третьих стран.

Миграционные системы гибки и подвижны, они динамично развиваются, следуя за изменениями экономической и политической ситуации в отдельных странах и регионах и в соответствии с тенденциями глобализации. Появляются новые страны притяжения мигрантов, к миграционным процессам подключаются все новые «страны-поставщики» мигрантов, меняется направление миграционных потоков, подчас они становятся встречными, но отличающимися по структуре мигрантов. Так, в Азиатско-Тихоокеанской системе центрами притяжения мигрантов стали так называемые «новые развитые страны» – Малайзия, Гонконг, Тайвань, Южная Корея, Сингапур, которые одновременно остаются «поставщиками» квалифицированных мигрантов как в другие страны региона (вслед за движением капиталов), так и в развитые страны мира (преимущественно учебная и трудовая миграция).

Помимо упомянутых — крупнейших — миграционных систем, существуют менее масштабные миграционные системы практически во всех регионах мира — в Африке, Азии, странах Карибского бассейна, Латинской Америки. Они могут отличаться даже большей масштабностью миграционного движения, как это имеет место в Африке, например, где, видимо, наблюдается наибольшее в мире число международных мигрантов, которое, впрочем, слабо отражено в официальной статистике. Однако большая часть международных миграций на Африканском континенте происходит между соседними странами и носит вынужденный характер, что вызвано многочисленными стихийными бедствиями и этническими конфликтами. Поэтому точнее будет говорить о субрегиональных миграционных системах, например, в Западной Африке, Южной Африке и т.д.

Факторы формирования и функционирования Евразийской миграционной системы

Евразийская миграционная система — это группа стран постсоветского пространства, связанных между собой прочными и многочисленными миграционными потоками, которые обусловлены взаимодействием ряда факторов — исторических, экономических, политических, демографических, социально-этнических, географических. Основными принимающими государствами системы являются Россия и – в самые

последние годы — Казахстан. Распад Советского Союза на отдельные самостоятельные государства, сопровождавшийся острым политическим и экономическим кризисом, одновременно превратил прежние внутригосударственные, межреспубликанские миграционные потоки в международные. Именно с начала 1990-х гг. мы можем говорить о возникновении Евразийской миграционной системы.

Помимо внутрирегиональных миграционных потоков, государства Евразийского региона связаны миграционными связями со многими другими странами мира, другими словами, Евразийская миграционная система носит открытый характер. Именно это позволяет характеризовать ее *не просто как региональную, а как одну из крупнейших мировых миграционных систем*. Так, относительно многочисленные группы мигрантов из России живут и работают в почти 80 странах мира, в то время как в России пребывают сотни тысяч мигрантов из европейских государств, США, Китая, Турции, Афганистана и др. Другой пример: Россия является основной страной назначения для мигрантов из Молдовы и Украины, при том что одновременно молдавские и украинские мигранты сформировали значительные миграционные сети в странах Южной и Западной Европы.

Рассмотрим подробнее факторы формирования и функционирования Евразийской миграционной системы.

1. **Исторические** факторы связаны с тем, что нынешние тенденции миграционных потоков между странами постсоветского пространства во многом уходят своими корнями в общее историческое прошлое. В отличие от большинства крупных миграционных систем, которые формировались как результат экономического, политического, культурного и, наконец, миграционного взаимодействия *между странами*, условия становления нынешней Евразийской миграционной системы формировались преимущественно в рамках *одной страны* — Российской империи, а позже Советского Союза. Именно в прежних внутригосударственных по сути и межреспубликанских по форме миграциях кроется тот миграционный потенциал, который вылился во всплеск межгосударственных миграций после распада Советского Союза.

В течение XXVIII — начала XX веков миграционные процессы в Российской империи формировались в соответствии с центробежными, колонизационными тенденциями. Переселение жителей из центра империи на окраины было нацелено на укрепление Российского государства, на развитие входивших в империю территорий Средней Азии, Закавказья и других окраинных земель (подробнее см. Ионцев, Магомедова, 1999, С. 6–25). В советский период центробежные тенденции продолжали превалировать, что было следствием прежде всего целенаправленной государственной политики, ставящей целью перераспределение населения между трудоизбыточными и трудонедостаточными районами Советского Союза. В отдельные годы миграционный обмен между республиками СССР достигал 2 млн. чел. В результате произошло «смещение народов»:

определенная часть коренного населения республик, входивших в СССР, проживала на территории других республик. В особенной степени это касалось русских, которые в течение нескольких десятилетий «в добровольно-принудительном порядке» направлялись на работу в другие союзные республики, где они восполняли нехватку местных квалифицированных кадров.

К историческим факторам можно отнести распространенность русского языка, бывшего общенациональным языком в СССР. Владение русским языком среди граждан стран СНГ играет большую роль в формировании российского вектора миграции.

2. **Экономические** факторы. Еще в 1970-х – 1980-х гг. сохранение различий в уровнях экономического развития между союзными республиками и нараставшие в республиках Средней Азии, Закавказья и Молдовы противоречия между быстрым ростом населения и ограниченными экономическими возможностями, в частности, исчерпанием потенциала сельского хозяйства и структурной деформацией экономики, вели к снижению жизненного уровня населения и формированию экономически мотивированных потоков миграции в более развитые районы России.

Табл. 1. Различия в уровнях жизни между странами СНГ

Страны СНГ	ВВП на душу, \$US	Процент населения, живущего менее чем на 2 \$US в день
Армения	1234.0	49
Азербайджан	2585.9	9
Беларусь	3316.2	2
Грузия	1765.8	16
Казахстан	4386.1	25
Кыргызстан	507.7	25
Молдова	917.4	64
Россия	6330.8	8
Таджикистан	411.5	43
Туркменистан	3888.6	44
Украина	2020.6	46
Узбекистан	498.6	72

Источники: IMF. World Economic Outlook Database. April 2006
Population Reference Bureau. World Population Data Sheet. 2005

В современной Евразийской миграционной системе экономические факторы миграции являются доминирующими. Переход экономик новых суверенных государств к рыночным формам происходит везде непросто, но существовавшие и ранее различия в уровне жизни и экономических возможностях для населения отдельных стран (таблица 1), а также в ситуациях на рынках труда в кризисные годы проявляются особенно очевидно. Именно они запустили механизм экономической миграции между государствами СНГ. В Таджикистане, Кыргызстане, Узбекистане, Молдове, Азербайджане, Армении, Грузии заработки в других странах,

прежде всего в России, стали важной чертой стратегии выживания миллионов домохозяйств (см. таблицу 2). Обследования свидетельствуют, что ежемесячная заработная плата в России в 200–250 долл., на которую редко кто соглашается из россиян, дает возможность прожить семье, скажем, таджикского мигранта, оставшейся в Таджикистане, в течение 3–4 месяцев, а то и больше (Садовская, 2005, 2006).

Таблица 2. СНГ: оценки численности трудовых мигрантов за рубежом, начало 2000-х гг., тыс.чел.*

Страны СНГ	Число трудовых мигрантов за рубежом	Число трудовых мигрантов в России
Армения	800–900	650
Азербайджан	600–700	550–650
Грузия	250–300	200
Кыргызстан	400–450	350–400
Молдова	500	250
Таджикистан	600–700	600–700
Украина	2.000–2.500	1.000–1.500
Узбекистан	600–700	550–600
Россия	2.000–3.000	–

* Основано на национальных оценках стран происхождения мигрантов.

Источник: Обзор миграционных систем стран СНГ. Международный институт развития миграционной политики ICMPPD, Вена, 2006.

В 1990-е гг. международная трудовая миграция выступила важным фактором сохранения социальной стабильности в регионе; к середине 2000-х гг. она превратилась в стабильный *фактор экономического развития* как отдельных государств, так и региона в целом. В России и Казахстане — основных принимающих странах — целый ряд отраслей (строительство, сельское хозяйство, сфера услуг) предъявляют устойчивый спрос на иностранных рабочих. Произошла *сегментация* рынка труда, типичная для всех основных принимающих мигрантов стран, которые уже не могут обходиться без привлечения иностранной рабочей силы (подробнее см. Ивахнюк, 2005, С. 224–243).

С другой стороны, для «малых» стран региона участие определенной части их рабочей силы в трудовой миграции и получение денежных переводов от этих мигрантов стало важным и устойчивым источником пополнения национального бюджета¹. Недаром усиление взаимодействия в

¹ Согласно данным Центрального банка России, объем денежных переводов мигрантов из России в другие страны СНГ возрос в 7 раз за период 1999–2004 гг.: с 0,5 млрд. до 3,5 млрд. долл. США. По данным Национального банка Казахстана, после 2000 г. переводы резидентов и нерезидентов из Казахстана по официальным каналам возрастали в полтора-два раза ежегодно и к 2005 г. превысили 1 млрд. долл. (Садовская, 2007). Следует учитывать, что подавляющая часть денег пересылается мигрантами на родину, минуя официальные каналы — через друзей, родственников, земляков или перевозится лично. По оценке Федеральной миграционной службы России, в общей сложности мигрантами вывозится ежегодно 7–8 млрд. долл.

области развития легальных форм трудовой миграции и является одним из приоритетных направлений сотрудничества как между странами СНГ, так и в рамках Евразийского экономического сообщества¹.

Формирование единого рынка труда в рамках СНГ отвечает экономическим интересам всех стран-участниц. Этот вопрос ставится Исполнительным Советом СНГ и находит свое выполнение через растущую скоординированность национальных законодательств в области миграции и социального обеспечения. Сами же мигранты фактически «голосуют ногами» за формирование единого миграционного пространства и единого рынка труда на территории СНГ.

3. *Политические* факторы играют очень важную, хотя подчас неоднозначную роль в формировании Евразийской миграционной системы. С одной стороны, существование региональных союзов на территории постсоветского пространства, прежде всего таких как СНГ и ЕврАзЭС, структурирует не только политические и экономические взаимоотношения между странами-участницами, но также являются ареной выработки единых подходов к пониманию плюсов и минусов современных миграционных потоков, объединяющих эти страны, и формированию взаимоприемлемых механизмов управления ими. Так, способы противодействия нелегальной миграции и развития легальных ее форм не просто включены в повестку дня СНГ, но зафиксированы в Концепции сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконной миграции² и находят конкретное воплощение в Программе сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконной миграции³. Работа по созданию механизмов взаимодействия в миграционной области между соответствующими ведомствами государств СНГ ведется на постоянной основе.

При существующих противоречиях в области экономических интересов сохранение безвизового режима перемещения населения и курс на создание единого рынка труда является в настоящее время, быть может, самым крепким звеном, цементирующим отношения между странами СНГ. Недаром Президент В.В. Путин на специальном заседании Совета безопасности России 17 марта 2005 года по миграционной политике отметил, что «миграционная политика — это еще и мощный рычаг консолидации между странами Содружества независимых государств»⁴.

¹ Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС) учреждено в октябре 2000 г. Страны-участницы: Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Российская Федерация, Таджикистан, Узбекистан. В рамках Сообщества действует Совет руководителей национальных банков, который, в частности, предпринимает усилия, направленные на совершенствование правовой базы, регулирующей перевод денежных средств физическими лицами в рамках ЕврАзЭС, разрабатывает меры по оказанию информационной поддержки в реализации просветительских программ для трудовых мигрантов при осуществлении денежных переводов.

² Концепция принята на саммите глав государств-участников СНГ 16.09.2004.

³ Принята Советом глав государств СНГ в 2005 году в г. Казани.

⁴ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/03/85300/shtml>

С другой стороны, возникшая в первые годы после распада СССР отчужденность «новых независимых государств», правящие режимы которых строили свой политический капитал во многом на националистических лозунгах, спровоцировала многочисленные потоки вынужденной миграции между бывшими советскими республиками. Со временем ситуация стабилизировалась и смягчилась, но и сейчас изменение политической конъюнктуры может повлиять на степень и формы миграционного взаимодействия. Достаточно напомнить о введении виз для пересечения границы с Грузией в результате охлаждения российско-грузинских политических отношений.

4. *Демографические* факторы формирования Евразийской миграционной системы предопределяются прежде всего существующим демографическим дисбалансом между странами бывшего СССР: стремительной убылью и старением населения в России и Украине, что уже сейчас проявляется в нехватке трудовых ресурсов во многих областях производства, на фоне растущей численности населения и преобладания молодых возрастов в республиках Центральной Азии. Такая *демографическая взаимодополняемость* является естественным благоприятным фоном для формирования устойчивых миграционных потоков, прежде всего трудовых мигрантов. Таблица 3 дает представление о существующих различиях в демографических характеристиках населения России и государств Центральной Азии. Из этих данных ясно, что, по крайней мере, в ближайшей перспективе демографический дисбаланс между странами региона будет сохраняться и нарастать. Исключение составляет Казахстан, занимающий уже сейчас промежуточное положение и имеющий тенденцию приближения к российской демографической модели.

Таблица 3. Сопоставление некоторых демографических показателей России и государств Центральной Азии

	Население, 2005, тысяч (по данным текущей нац. статистики)	Суммарный коэффициент рождаемости, 2004	Общий коэффициент рождаемости, ‰, 2004)	Общий коэффициент смертности, ‰, 2004
Россия	144.000	1,32	10,10	15,30
Казахстан	15.100	1,88	16,10	9,00
Кыргызстан	5.200	2,50	22,60	7,00
Таджикистан	6.200	3,06	29,50	6,00
Туркменистан	6.300	2,60	22,90	6,00
Узбекистан	26.000	2,50	23,70	6,00

Источники: UN. Population Reference Bureau. World Population Data Sheet. 2005

5. *Психологические* факторы. Относительная «прозрачность» границ между государствами постсоветского пространства и существование множественных родственных, эмоциональных, профессиональных и прочих связей создают особые психологические факторы, облегчающие миграционное движение внутри Евразийской миграционной системы.

Жизнь, прожитая в единой стране, сформировала особое отношение к общей территории СССР как пространству *своей* страны даже после того, как страна распалась. Соответственно сложились и миграционные установки, в соответствии с которыми легче решиться на переезд в соседнюю и «знакомую» Россию, чем в любую страну вне территории бывшего СССР. Несмотря на то, что у основных стран происхождения мигрантов внутри Евразийской миграционной системы появляются новые векторы миграции вовне (например, Узбекистан заключил соглашение о трудовой миграции узбекских граждан в Южную Корею, а таджикские трудовые мигранты протаптывают дорожки на рынок труда Пакистана), тем не менее Россия и в меньшей степени Казахстан остаются основными странами назначения для мигрантов и из этих государств.

6. **Социально-этнические** факторы связаны прежде всего с общим историческим прошлым государств пост-советского пространства. Активный миграционный обмен между союзными республиками привел к тому, что крупные группы населения титульных национальностей одних республик проживали на территории других. Несмотря на многочисленные этнические потоки на рубеже 1980-х и 1990-х гг., когда представители титульных национальностей союзных республик, привлеченные националистическими лозунгами правящих элит новых независимых государств, предпочли вернуться в «свои» республики, тем не менее, сформировавшиеся в России, например, национальные диаспоры представителей союзных республик стали впоследствии важным *социально-этническим* фактором функционирования Евразийской миграционной системы. На начало 2000-х гг. численность постоянно проживающей в России казахской диаспоры оценивалась в 800 тыс. чел., узбекской диаспоры — в 150 тыс. чел., таджикской — в 160 тыс. чел., киргизской — в 80 тыс. чел.¹ Диаспоры часто выступают посредниками, стимулирующими приток новых волн соотечественников, получение ими работы — легальной или нелегальной, адаптации их к жизни в России, т.е., с одной стороны, облегчают принятие решения о миграции, а с другой стороны, создают относительно комфортную социально-этническую среду обитания.

Те, кто уже получил опыт пребывания в России, сумел заработать и обеспечить на какое-то время свою семью, вернуться в Россию опять, скажем, на еще один строительный сезон, используя уже сложившиеся неформальные связи. Они привезут с собой «новичков» — соседей, родственников, знакомых, которые уже смогут опереться на опыт своих предшественников. Так складываются миграционные сети, являющиеся мощным фактором устойчивости миграционных систем во всем мире.

7. **Географические** факторы играют значительную роль в Евразийской миграционной системе. Географическая близость государств

¹ Оценки сделаны экспертами на основании данных переписи 2002 г. и самооценок диаспор, располагающих своими средствами массовой информации, сайтами в интернете и т.д.

постсоветского пространства, дополненная относительной «прозрачностью» государственных границ и существованием единой транспортной инфраструктуры, существенно облегчает передвижения людей между странами.

Географический фактор имеет и иное значение для Евразийской миграционной системы, обуславливающее ее своеобразие, в том числе во взаимодействии с Европейской миграционной системой. Геополитическое положение стран постсоветского пространства превратило их в транзитный «коридор» и «промежуточную станцию» для транзитных (в большинстве своем нелегальных) мигрантов из стран Азии и Африки в Европу. В сочетании с упомянутыми «полупрозрачными» границами между государствами, а также с соглашениями о безвизовом въезде, заключенными рядом государств СНГ с третьими странами, это обеспечивает довольно удобный и относительно дешевый сухопутный маршрут для транзитных мигрантов из Азии в Россию и далее на Запад. Согласно данным МВД России, в настоящее время в стране «застряли» более 300 тыс. транзитных мигрантов из Афганистана, Китая, Анголы, Пакистана, Индии, Шри-Ланки, Турции, Эфиопии и других стран.

Возвращаясь к анализу теории миграционных систем, можно сказать, что Евразийская миграционная система дает «классический» пример формирования и функционирования крупной миграционной системы, дополняя его историческим своеобразием и богатым иллюстративным материалом. Нынешняя основная черта Евразийской миграционной системы — превалирование нелегальных миграционных потоков — также, с одной стороны, отражает типичную для современного мира ситуацию, а с другой стороны, отличается своеобразием с точки зрения причин и факторов выхода миграции из-под контроля государства.

Превалирование нелегальной миграции – основная черта Евразийской миграционной системы

Статистика отмечает сокращение объема миграций между государствами СНГ, что дает основания некоторым исследователям утверждать, что миграции на постсоветском пространстве «замирают», а Россия теряет свою миграционную привлекательность (Население России 2001, с. 169). На самом деле изменяется структура миграционных потоков. Действительно, произошло сокращение объема миграций, связанных с переселением на постоянное место жительства. Но одновременно возрос масштаб временной трудовой миграции. Трудовая миграция является в настоящее время самым массовым потоком на пост-советском пространстве, а система *организации миграции* и регистрации мигрантов остается крайне несовершенной.

Если включить в анализ фиксируемые пограничной службой данные о въездах на территорию России и выездах из нее с разными целями (переселения на постоянное место жительства, временная трудовая

миграция, туристические, транзитные, челночные, частные, деловые поездки, которые тоже часто на деле оказываются сопряжены с трудовой миграцией), то выявляется устойчиво высокий масштаб миграционного обмена между Россией и странами СНГ, достигающий 40 млн. чел. (!) ежегодно.

Трудовая миграция происходит в большей своей части в незаконной форме и, естественно, выпадает из поля зрения официальной статистики занятости. Легальная занятость иностранных работников в России достигла 1 млн. чел. В 2006 г. В то же время число незарегистрированных трудовых мигрантов эксперты оценивают в 3–4 млн. чел. (а во время сезонных работ до 5-6 млн.) (Население России 2002, С.169). Руководители МВД России склоняются к еще более значительным цифрам: до 10 млн. чел.¹.

Доминирование нелегальных форм занятости мигрантов является результатом своеобразия сложившейся в России экономической системы с ее значительным сегментом теневой экономики и неформальным рынком труда. Производство в теневом секторе экономики России оценивается Госкомстатом в четверть ВВП, а занятость в нем — в 15–30% от общего числа работников (Радаев, 1999, с. 10). Мигранты, которые прибывают в Россию в поисках работы, гораздо легче находят рабочие места в теневом секторе занятости; там их не спрашивают о регистрации и прочих документах.

На деле получается, что сама экономическая система и непродуманная миграционная политика в России спровоцировали рост незаконной миграции, которая ведет в конечном счете к колоссальным финансовым потерям и растрате человеческого капитала.

В самое последнее время власти России кардинально пересмотрели принципы миграционной политики в отношении трудовых мигрантов из государств СНГ, с которыми установлен безвизовый режим въезда. Вступившие в силу 15.01.2007 законы² свидетельствуют о понимании российскими властями, что прежние просчеты миграционного законодательства, акцент на силовых методах регулирования миграционных потоков, неоправданно усложненные процедуры получения регистрации и разрешений на фоне коррупции чиновников и отсутствия условий для адекватного контроля над миграцией – все это на деле загнало мигрантов «в подполье». Новыми принципами миграционной политики России стали *селективность* и *легализация*, т.е. создание преференций в получении правового статуса пребывания и трудоустройства для граждан стран СНГ. Основная цель правовых нововведений – сокращение масштабов незаконной трудовой миграции путем расширения легальных каналов временного трудоустройства граждан СНГ.

¹ Из интервью с заместителем министра внутренних дел России А. Чекалиным. <http://www.vremya.ru/news/1012366.shtml>.

² Федеральный Закон «О миграционном учете иностранных граждан в РФ»,

Заключение

На территории постсоветской Евразии сформировалась единая миграционная система. Сделать такой вывод позволяет совокупность следующих признаков, отличающих происходящие между бывшими республиками СССР международные миграции:

- Наличие устойчивых миграционных потоков между бывшими союзными республиками. Структура этих миграционных потоков подвижна, меняется со временем, они лишь частично отражаются статистикой, но их массовость не подлежит сомнению.
- Между странами, входящими в Евразийскую миграционную систему, существуют прочные экономические, культурные, политические связи, что связано с общим историческим прошлым и длительным существованием в рамках единой страны. Нынешнее существование региональных интеграционных группировок, таких как ЕврАзЭС и СНГ, укрепляет отношения между странами. В частности, идет поиск механизмов формирования единого рынка труда стран-участниц.
- Миграционные потоки сфокусированы главным образом на России, которая выступает центром новой миграционной системы.
- Для постсоветских государств Центральной Азии новым центром притяжения мигрантов становится Казахстан, что позволяет говорить о складывающейся субрегиональной миграционной системе в рамках более крупной Евразийской системы.
- Существование общего языка для постсоветского пространства существенно расширяет возможности трудовой миграции в регионе.
- Очевидна взаимная заинтересованность в миграции России и Казахстана, одной стороны, и стран, поставляющих мигрантов, с другой стороны. Эта заинтересованность основана на сложившихся демографических и экономических тенденциях и обеспечивает сохранение режима безвизового въезда между большинством стран региона.

Понимание миграционных процессов, существующих на постсоветском пространстве, в контексте Евразийской миграционной системы важно как с теоретической, так и с практической точек зрения. Признание факта существования Евразийской миграционной системы вносит вклад в миграционную теорию, подтверждает и развивает теорию миграционных систем, восполняет очевидный пробел в списке крупнейших миграционных систем мира. Рассматривая систему в целом, можно с большей научной достоверностью прогнозировать динамику миграционных процессов в этом регионе.

Практический смысл понимания межгосударственной миграции на постсоветском пространстве в рамках единой Евразийской миграционной системы заключается в новых возможностях формирования миграционной политики, увязанной с реальностью миграционных потоков и перспектив их

развития. Понимание единства миграционного пространства важно также для выстраивания системы взаимодействия с другими миграционными системами, например, с Европейской. Существование Европейского Союза дает нам четкое осознание того, что по другую сторону бывшей западной границы бывшего СССР находятся не просто отдельные страны-соседи, но сообщество государств с едиными принципами миграционной политики. Аналогично, соседями ЕС с востока являются не только Россия, Украина или Беларусь с присущими им особенностями их миграционной ситуации, но также вся Евразийская миграционная система, в рамках которой можно говорить об общих тенденциях и перспективах. Соответственно поиск взаимоприемлемых соглашений, регулирующих миграционные потоки между системами и пресечение нелегальной миграции, может быть более эффективным в том случае, если принимается в расчет миграционное и правовое взаимодействие стран внутри каждой миграционной системы. Государства СНГ еще далеки от того, чтобы осуществлять единую скоординированную миграционную политику как в отношении межгосударственных потоков людей на постсоветском пространстве, так и в отношении третьих стран. Но растущее понимание преимуществ «цивилизованного» регулируемого миграционного взаимодействия, как и предпринимаемые реальные шаги в этом направлении¹, говорят о том, что развитие Евразийской миграционной системы идет именно в этом направлении.

Литература

- Зайончковская, Жанна (2002) 10 лет СНГ – десять лет миграций между странами-участниками // *Население и общество*, № 62, Май
- Зайончковская, Жанна (2007) Почему России необходима иммиграционная политика? // *Методология и методы изучения миграционных процессов*. Под ред. Жанны Зайончковской, Ирины Молодиковой, Владимира Мукомеля. Центр миграционных исследований, с. 114-141.
- Ивахнюк И.В. (2003) Две миграционные системы в Европе: тенденции развития и перспективы взаимодействия // http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/dve_sistemi/
- Ивахнюк И.В. (2005) *Международная трудовая миграция*. М., МГУ-ТЕИС
- Ионцев В.А. (1999) *Международная миграция населения: теория и история изучения*. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» Выпуск 3. М.: Диалог-МГУ

¹ Многочисленные многосторонние и двусторонние соглашения между государствами СНГ в миграционной области, ведущаяся работа над Конвенцией СНГ о правовом статусе трудящихся-мигрантов, разработка Соглашения ЕврАзЭС о временной занятости граждан стран-участниц на территории других стран-участниц, создание общего экономического пространства Беларуси, Казахстана, России и Украины, целью которого является обеспечение свободного перемещения капиталов, товаров и рабочей силы, а также активное участие неправительственных организаций в формировании регулируемых миграционных потоков между странами СНГ (установление «миграционных мостов», создание информационно-консультационных центров и т.д.).

- Ионцев Владимир, Аминат Магомедова (1999) «Внешняя» миграция между Россией и странами ближнего зарубежья (исторический обзор) // Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» Выпуск 2. М.: Диалог МГУ, с. 6-25.
- Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. (2002) Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992-2001 гг.) // Мир в зеркале международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 10. М.: МАКС Пресс, 2002, с. 38-89. См на: <http://www.demostudy.ru/books/>
- Красинец Е., Кубишин Е., Тюрюканова Е. (2000) Нелегальная миграция в России. М., Academia
- Миграция и безопасность в России (2000). Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. Московский Центр Карнеги. М., Интердиалект
- Мукомель В.И. (2005) Миграционная политика России: постсоветские контексты. М., Институт социологии РАН, Диполь
- Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. Под ред. А. Вишневого. М.: КДУ, 2002
- Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад. Под ред. А. Вишневого. М.: КДУ, 2003
- Петров В.Н. (2004) Миграция населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар, Кубанский государственный университет
- Радаев, Виктор (1999) теньевая экономика России: изменение контуров // Pro et Contra, Зима.
- Садовская Елена (2005) Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. Аналитический обзор. Европейская Комиссия, МОМ, Алматы.
- Садовская Елена (2006) Денежные переводы трудовых мигрантов и их роль в мигрантских домохозяйствах в республиках Средней Азии / Средняя Азия и Кавказ, № 2.
- Садовская Елена (2007) Международная трудовая миграция и денежные переводы в республиках Центральной Азии: стратегия выживания или стратегия развития? // Международная миграция: экономика и политика. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 18. М.: ТЕИС.
- Тюркин М.Л. (2004) Историко-правовой анализ миграционных систем России, США, Франции и ФРГ. М., ВНИИ МВД России.
- Ушкалов И. Г., Малаха И.А. (1999). Утечка умов: масштабы, причины, последствия. М., Эдиториал УРСС
- Флорес, Надиа (2006) Городские нелегальные миграционные сети мексиканцев в США // Тенденции международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Гл. ред. В.А. Ионцев. Выпуск 16..М., МГУ, МАКС Пресс.
- Fawcett J.T. and Arnold, F. (1987) Explaining Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems // In: Fawcett J.T. and Carino B.V. (eds.) Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands. Center for Migration Studies, New York.
- Ivakhniouk, Irina (2003) Eastern Europe: Current and Future Migration Trends. Key paper for the 4th Regional Conference of the Council of Europe “Migration Policies on the Eve of the EU Enlargement: What Challenges for Future Co-operation within the East European Region”, Kiev, 9-10 October 2003, 47 p. Available at: http://www.coe.int/t/dg3/migration/Regional_Conferences/Kiev_Regional_Conference_Proceedings_en.pdf
- Kritz M., Lean Lim L., Zlotnik H. (eds.) (1992) International Migration Systems. A Global Approach. Clarendon Press, Oxford.

- Massey Douglas S., Arango Joaquin, Koucouci Ali, Pellegrino Adela, and Taylor Edward J. (1998) *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of Millennium*. Oxford: Oxford University Press.
- Massey, Douglas (2002) *A Synthetic Theory of International Migration* // In: *World in the Mirror of International Migration*. Scientific series "International Migration of Population: Russia and the Contemporary World". Volume 10. Moscow, MAX Press, p. 142-152. Available at: <http://www.demostudy.ru/books/>
- Portes A. and Borocz J. (1989) *Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on its Determinants and Models of Incorporation* // *International Migration Review*, 23(3) (Fall), pp. 606-630.
- Rex, John (2004) *Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation States* // *Migration in the New Europe: East-West Revisited*. Edited by Agata Gorny and Paolo Ruspini. New York, Palgrave-Macmillan.
- Simmons A., Piche V. (2002) *Teaching Migration and Globalisation* // "Genus", vol. LVIII (n. 3-4)
- Stalker, Peter (1995) *A Work of Strangers: A Survey of International Labour Migration*. ILO, Geneva, 1995. Printed in Russian in 1995.
- Stark, Oded (1991) *The Migration of Labour*. Cambridge: Basil Blackwell.
- Zlotnik, Hania (1996) *Policies and migration trends in the North American System* // *International migration, refugee flows and human rights in North America: the impact of trade and restructuring*. Edited by Simmons A., Staten Island, Center for Migration Studies, pp. 81-103.

РОЛЬ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ

Введение

Международная миграция населения всегда была тесно взаимосвязана с демографическим развитием на национальном, региональном или континентальном уровне. Это является неотъемлемой частью уравнения роста любого открытого населения. Уравнение баланса просто показывает, что прирост (или сокращение) какого-либо отдельного населения в определенный период времени есть сумма разностей между рожденьями и смертями и между иммигрантами и эмигрантами. Общий прирост (или сокращение) населения — это сумма естественного и миграционного роста. И то и другое играют различную роль на определенных этапах демографического развития в промышленно развитых и развивающихся странах.

В Европе, о которой в основном и будет идти речь в этой статье, можно заметить положительную корреляцию между естественным приростом и межконтинентальной эмиграцией в течение демографического перехода. Количество эмигрантов из Европы в период 1800–1940 гг. составило 60 миллионов человек. Примерно в тот же период население Европы возросло с 187 миллионов в 1800 г. до 519 миллионов в 1933 г., суммарно на 332 миллиона (Malacic, 1993, С. 186). На трансконтинентальных мигрантов пришлось почти пятая часть прироста европейского населения в течение периода демографического перехода. Процесс эмиграции из Европы был естественным продолжением европейской колонизации заграничных территорий. Факторы, влияющие на процесс миграции, были многочисленными и очень разнообразными. Тем не менее, редко подчеркивалось, что массовая эмиграция из Европы совпала с беспрецедентный ростом населения в течение периода демографического перехода. Без демографического перехода и высокого естественного прироста населения в то время просто не было бы достаточного количества людей для наблюдавшейся тогда эмиграции и для удовлетворение растущего спроса на рабочую силу в процессе индустриализации.

С другой стороны, современное состояние демографической теории не в состоянии обобщить все четыре компонента демографических изменений, а именно: смертность, рождаемость, иммиграцию и эмиграцию в рамках единой теории народонаселения. Теория демографического перехода, являющаяся наиболее популярной и широко используемой теорией для объяснения долгосрочных периодов демографического развития, главным образом говорит о смертности и рождаемости, их взаимосвязи, а так же об очень сложном наборе факторов, которые определяют оба процесса естественного изменения населения. Ни миграция в целом, ни

международная миграция в частности не учтены в теории демографического перехода.

Теория демографического перехода часто критиковалась за пренебрежение рассмотрению миграции, как составляющей демографических изменений (Friedlander, 1969; Goldscheider, 1971). Авторы утверждают, что изменения населения следует рассматривать с учетом всех его демографических компонентов. Критики теории демографического перехода хотели бы видеть некую всеобъемлющую и комплексную теорию развития населения. Их подход вряд ли нов для демографии. Тем не менее, в настоящее время осуществление этого все еще кажется слишком амбициозным.

Вышесказанная критика также несправедлива. Теория демографического перехода сосредоточена на объяснении изменений в естественных компонентах развития населения в течение процесса модернизации и долгосрочного экономического развития (Notestein, 1945; Notestein, 1953). Теория пытается объяснить самые важные изменения на индивидуальном и семейном уровнях, которые являются базовыми уровнями в принятии решений, касающихся воспроизводства населения. С другой стороны, миграция только частично и косвенно относится к естественным компонентам развития населения. С точки зрения принятия решений, можно сказать, что родители не предполагают миграцию своих детей. Временной промежуток между рождением и миграцией совершеннолетнего ребенка слишком долгий. Родители не производят на свет детей для миграции и еще меньше для эмиграции. Международные миграции в период демографического перехода — следствие других факторов, преимущественно экономических, общественных и политических.

В этой статье будет детально рассмотрена роль миграции в современном демографическом режиме. Современный демографический режим — это результат процесса демографического перехода вообще и, согласно заявлению некоторых авторов, второго демографического перехода в частности. Более или менее полностью этот процесс проявился в развитых странах. Поэтому автор статьи главным образом сосредоточится на Европе.

Статья структурирована в четыре раздела, которые предвосхищаются настоящим вступлением и заканчиваются заключением и списком литературы. Первый раздел кратко опишет современный демографический режим. За ним последует раздел, описывающий последние тенденции международной миграции в развитых странах и, в частности, в Европе. Третий раздел рассмотрит миграцию как процесс, движимый экономическими факторами. Четвертый раздел проанализирует демографическую роль миграции в современном демографическом режиме, а также попытается ответить на вопрос, может ли международная миграция сглаживать отрицательное влияние низкой и даже самой низкой рождаемости в долгосрочном плане.

Современный демографический режим

Две основные характеристики текущего демографического режима — это низкие уровни смертности и рождаемости, вызванных процессом модернизации, которая началась с промышленной революции. Современный демографический режим — это результат первого демографического перехода. Исторически, истоки демографического перехода находятся в Западной и Северной Европе. Оттуда процесс распространился по всему миру. В Западной и Северной Европе, как коэффициент смертности, так и коэффициент рождаемости достигли низкого уровня в 1930-х годах. Снижение коэффициентов смертности и рождаемости в Южной и Восточной Европе наступило позже. Поэтому завершение демографического перехода в этих регионах также произошло позже, в 1950–1960-х годах. В настоящее время демографический переход еще не завершился только в нескольких европейских странах. Это касается албанцев, турков и цыган.

За пределами Европы демографический переход завершился в развитых странах других континентов. Все остальные страны развиваются и находятся на разных стадиях процесса демографического перехода. В начале XXI века едва ли есть какая-нибудь страна, где не начался бы еще демографический переход от традиционного демографического режима с высокой смертностью и высокой рождаемостью.

В литературе часто упоминается, что теория демографического перехода основана на исходном условии равновесия между смертностью и рождаемостью (Okolski, 2002, С. 154; van de Каа, 2002, С. 81). На основании этой предпосылки некоторые авторы предполагали возникновение нового равновесия между естественными процессами населения на низком уровне, когда переход бы был завершен. На уровне упрощенно сформулированной теории демографического перехода это бы означало некий баланс в показателях общих коэффициентов рождаемости и смертности. В более сложной версии это бы означало наличие стабильного или даже постоянного населения с низкими уровнями рождаемости и смертности.

Однако до настоящего времени ожидание равновесия пока еще не реализовалось в Европе и в других развитых странах. Самым выдающимся событием второй половины XX века было существенное сокращение рождаемости до беспрецедентного уровня по всей Европе. Новый уровень рождаемости был значительно меньше уровня, необходимого для простого воспроизводства, для чего суммарный коэффициент рождаемости должен был бы быть на уровне 2,1. Сокращение рождаемости было настолько сильным, что это привело к превышению смертности над рождаемостью во все увеличивающемся числе стран Европы. В 2003 году 19 из 46 европейских стран (без учета Монако, ввиду отсутствия данных) имели отрицательный прирост населения, и практически все европейские страны имели суммарный коэффициент рождаемости ниже, чем 2,0 (кроме Турции;

данные по Албании отсутствуют). В 16 странах суммарный коэффициент рождаемости опустился ниже, чем 1,3, достигнув наименьшего значения. (Последние данные, 2006, 56 и 78) Двенадцать из этих стран – это страны с переходной экономикой или бывшие социалистические.

Низкий уровень рождаемости вызывает беспрецедентное старение населения в Европе. Процесс старения также усиливается за счет растущей продолжительности жизни и низкой смертности, которые являются следствиями растущего экономического благосостояния и роста качества услуг в сфере здравоохранения. Старение населения влечет за собой старение рабочей силы.

Современный демографический режим имеет и многие другие особенности. Очень низкая рождаемость — это следствие радикальных изменений в семейной и общественной структурах. Переходы между различными стадиями жизненного цикла в современной Европе стали действительно сложными. На них воздействует множество изменений в экономической и социальной системах, оказывают влияние современные технологии, культурные изменения и т.д. Также можно отметить беспрецедентное увеличение сожительства, рождений детей без заключения брака, высокую долю разводов, родителей-одиночек и т.д.

Всеобъемлющей последовательной теории, которая могла бы объяснить сложную природу современного демографического режима, на мой взгляд, в демографии до сих пор не существует. Классическая теория демографического перехода развивалась для того, чтобы объяснить революционные изменения в развитии населения, имевшие место в период, когда современный демографический режим сменил традиционный. Она все еще подходит для объяснения последних демографических тенденций в развивающихся странах. Однако никто не сумел объяснить современный демографический режим, который является результатом демографического перехода. Теория, которая могла бы это сделать, еще не появилась.

Самая распространенная теория последних двух десятилетий, в которой заявляется и исчерпывающе объясняется суть современного демографического режима, — это теория второго демографического перехода (ВДП). Термин впервые был употреблен еще в начале 1986 года Р. Лестегом и Д. Ван де Каа (van de Каа, 1987). Авторы были поражены происходящими практически одновременно изменениями в тенденции рождаемости и структуре семьи в странах северо-западной Европы, которые вели к формированию индивидуалистической модели семьи. Ван де Каа также убеждал, что ВДП может быть лучше охарактеризован как «изменение в демографическом режиме». Основным принципом ВДП – право на самореализацию, предоставляемое индивидууму, живущему в современном обществе. Современные люди (или пары) также могут чувствовать себя свободными от контроля со стороны этого общества. Эти и другие культурные, социальные, экономические и технологические характеристики ВДП позволили Ван де Каа обобщить ВДП, который в

действительности конкурирует с теорией демографического перехода. Обобщение включает в себя все процессы демографических изменений, а также сдвигов в сторону взаимосвязанной системы, в которой низкий уровень рождаемости компенсируется наиболее очевидной переменной – международной миграцией (van de Kaa, 2004, С. 5–9).

ВДП — достаточно перспективная теория. Однако в то же время она едва ли достаточно убедительна. На мой взгляд, наименее убедительным является тот факт, что ВДП — это изменение в демографическом режиме. Если современный демографический режим стал результатом демографического перехода, то тогда не может быть другого возможного изменения сложившегося режима. Было бы лучше для ВДП заявлять о себе в качестве теории развития населения в современных развитых странах мира. В этом случае термин ВДП является неудачным. Некоторые критики даже говорят, что это не «второй», а «вторичный» переход и что он вообще не демографический и даже что он не может быть описан как переход (Coleman, 2004, С. 11). Как утверждает Коулман, в демографической литературе можно найти мнения о том, что в истории человечества было больше демографических переходов. ВДП также не имеет отношения к центральным проблемам демографии, и, что гораздо более важно, далеко от истины утверждение, что процессы ВДП завершены и необратимы. Период времени слишком короткий, чтобы убедиться в реальности долгосрочных характеристик современного демографического режима.

Несмотря на всю критику ВДП, почти каждый в демографическом сообществе согласен, что ВДП — плодотворная исследовательская идея. Хотелось бы надеяться, что в будущем она внесет весомый вклад в наше реальное понимание основных характеристик современного демографического режима. Тем не менее, этого не достаточно для определения ее как всеобъемлющей теории современного демографического режима.

Современная международная миграция в Европе

Процесс миграции — это, вероятно, самый сложный демографический процесс. Это можно утверждать даже с точки зрения статистики. Определение миграции непосредственно связано с определением численности населения. Однако определение численности населения в различных странах часто менялось и даже в международных стандартах, рекомендованных статистиками ООН. В моей собственной стране, Словении, определение населения в переписях изменилось трижды за последнее время (Malacic, 2006, С. 12). Различия в этих определениях очень важны для оценки миграции, поскольку данные по миграции получают из переписей населения, которые часто являются единственным достоверным источником статистических данных по миграции.

Также существуют некоторые новые социальные события, которые усложняют современные процессы миграции. Люди в современном

обществе в большей степени географически мобильны, чем ранее в традиционных обществах. Стиль современной жизни со сменой места жительства сегодня широко распространен и не ограничен кругом очень богатых людей. Кроме того, очень возросла роль незаконной международной миграции. Для этих миграций мы располагаем наименее достоверными данными, чем для других видов миграций.

В период, соответствующий этой статье, процессы международной миграции и статистика миграции в Европе имеют некоторые схожие региональные характеристики. Лучшим примером, пожалуй, является посткоммунистическая восточная часть Европы. Во всем регионе, кроме второй Югославии, в период с 1945 по 1990 годы были почти полностью закрыты границы для международных миграций (Malacic, 2002). Только отдельные случаи международных миграций имели место в восточно-европейских странах в этот период. Эти случаи были по большей части политическими. Были также несколько массовых эмиграций, вызванных политической нестабильностью региона. Наиболее известны — волны эмиграции из Венгрии в 1956 году, из Чехословакии в 1968 году и из Польши в начале 1980-х гг., если не упоминать очень специфический случай ГДР. Политическая власть этих стран выступала против эмиграций, поэтому они были объявлены незаконными. К началу 1990-х годов, международная миграция в Восточной Европе постепенно нормализовалась.

Политические мотивы волн международной миграции можно найти также в Западной и Южной Европе. Большинство этих волн было вызвано разрушением колониальных империй европейских стран в других частях света. Здесь мы можем упомянуть Бельгию, Францию, Нидерланды и Португалию. Во всех этих случаях волны иммиграции были из бывших колоний в конкретные европейские страны.

Как внутренняя, так и международная миграции имели место в Европе, начиная с конца демографического перехода. Разграничение между внутренней и внешней миграциями зависят, главным образом, от наличия суверенных государств. В Европе много новых независимых стран возникли в течение двух последних десятилетий. Хотя, с другой стороны, два прежде независимых немецких государства были объединены. Во всех этих примерах изменение статуса стран привело к преобразованию внутренней миграции во внешнюю миграцию и наоборот. Очевидно, что это представляет серьезные проблемы для статистики.

В течение последних десятилетий источники данных по международной миграции в Европе не отличались полнотой. Поэтому мы сосредоточимся только на самой последней миграционной ситуации в Европе. Мы будем использовать информацию из литературы и международных статистических данных по миграции из опубликованной Советом Европы работы «Современное демографическое развитие в Европе» (Recent demographic developments in Europe).

Для цели этой статьи важны только общие характеристики международной миграции в Европе. Детальные потоки мигрантов в и из

Европы и конкретных европейских стран слишком сложны для их описания в этой статье. Кроме того, статистические данные по эмиграции зачастую отсутствуют. Проблему составляет также отсутствие сопоставимости данных по странам, отсутствие четкой статистики по количеству мигрантов и их потокам, а также большое разнообразие национальных практик натурализации мигрантов.

Наиболее общей чертой современной европейской международной миграции является высокий уровень чистой миграции. В 1990-х годах и в начале XXI века Европейский Союз достиг небывалого пика в уровне чистой миграции. По оценкам Евростата, число мигрантов колебалось около миллиона (Coleman, 2005, С. 26). Эта цифра более или менее сопоставима с недавним притоком мигрантов в США, хотя население Евросоюза больше.

Уровень международной миграции в отдельных странах может упасть или значительно вырасти гораздо легче, чем другие демографические процессы. Доступные данные об уровне чистой миграции в Европе в период с 1999 по 2004 год наглядно демонстрируют значительные изменения (RDDE, 2006, С. 127). Данные опубликованы для 32 стран. Для некоторых стран данные не покрывают полностью весь период. В одиннадцати (или почти трети) странах с доступными данными, чистая международная миграция была отрицательна в некотором периоде, входящим в указанный временной отрезок. Девять из этих стран расположены в Центральной или Восточной Европе и являются транзитными. В Чешской Республике отрицательный уровень миграции был зафиксирован только в одном единственном году — в 2001. В двух странах — Нидерландах и Исландии — отрицательные показатели чистой миграции были случайны и появились два года.

Приблизительно две трети стран с доступными данными имели положительные показатели по уровню чистой миграции. Однако коэффициенты чистой миграции в некоторых странах значительно отличались. В некоторых странах показатели лишь «слегка позитивными», в то время как в других странах коэффициент ежегодной чистой миграции превысил 1%. В 2004 году на Кипре коэффициент чистой миграции был на уровне 2,13%, в Сан-Марино 1,06% и в Испании 1,47% (RDDE, 2006, 127).

Данные о численности мигрантов могут быть определены по данным места рождения. Наибольший объем иммигрантов в Европе зафиксирован в ее западной части. В начале XXI века в Чешской Республике и Венгрии насчитывалось порядка 10,3% мигрантов, т.е. людей, которые родились за границами этих стран (Coleman, 2005, С. 33). В некоторых небольших странах, таких как Швейцария и Люксембург, это число может достигать 20% и выше. Однако в некоторых странах Восточной Европы число людей, родившихся за границей, очень мало.

Другой часто используемый источник данных о численности иммигрантов в Европе — это данные о гражданстве. Они часто недостоверны или непонятны, из-за различных процедур получения

гражданства в разных странах. В одних странах процесс получения гражданства намного проще и быстрее, чем в других.

В 2005 году в Люксембурге и Швейцарии насчитывалось соответственно 33,2% и 20,6% населения с иностранным гражданством,. Тот же показатель для Германии составлял 8,8%, (1996 г.). Некоторые другие страны со сравнительно высокой долей иностранных граждан среди населения, — Австрия, Испания и Швеция, имеют этот показатель на уровне 9,3%, 7,8% и 5,3%, соответственно. С другой стороны, этот же показатель в Словении, Финляндии, Венгрии, Словацкой Республике и Румынии составил 2,2%, 2,1%, 1,4%, 0,4% и 0,1%, соответственно (RDDE, 2006, С. 124). Однако источник данных содержит показатели только для пятнадцати стран.

Если внимательно посмотреть на показатель Словении 2,2%, то мы увидим совсем иную картину. На самом деле количество иммигрантов в Словении значительно больше, по-видимому, выше 10,0%. Мы можем предположить это на основании данных переписи населения о родном языке в 2002 году. 87,7% населения Словении в период переписи 2002 г. объявили словенский язык родным (SORS, 2003). Более 10,0% населения Словении в период переписи были иммигрантами из бывших республик и автономных областей второй Югославии. Однако, большая часть из них получила гражданство в начале 1990-х годов, когда Словения стала независимой.

Миграция как экономически мотивированный процесс

С начала 1990-х гг. международные миграционные потоки в Европе демонстрировали все большее разнообразие. Тенденции таковы, что Европа получает иммигрантов из все большего числа стран. Особенности европейской международной миграции в основном обусловлены географической близостью и историческими и культурными связями между принимающими странами и странами выезда. Помимо этого, незаконные миграционные потоки мотивированы и другими факторами. (Höhn, 2005, С. 72).

Однако, когда мы спросим себя, что движет международными миграционными процессами в целом и в Европе в частности, ответ будет достаточно прост. Процессы международной, так же как и внутренней, миграции управляются преимущественно экономическими мотивами. Безусловно, необходимо брать в расчет и другие факторы. Мы уже видели важность политических факторов в европейских международных миграциях середины XX века. Некоторые переезжают в другие места с более мягким климатом и т.д.

К сожалению, международные миграции всегда были регламентированы. Человек не имеет права свободно выбирать географическое положение места жительства. Документ, принятый Международной Конференцией по населению и развитию в Каире в 1994 году, гласит обратное — что человек имеет право свободно выбирать страну, где ему жить, однако, его выбор ограничивается лишь теми странами, которые готовы его принять (UN, 1994, Ch. X).

Политика регулирования международной миграции всегда оказывала влияние на реальные эмиграционные и иммиграционные потоки. Следовательно, в статистических данных по международной миграции никогда не отражаются миграционные намерения. Уровень потенциальной эмиграции обычно гораздо выше реальной. Число мигрантов в развивающихся странах, которые «переехали бы», достаточно большое. Это число гораздо выше, чем любые предположения о возможном числе эмигрантов, которых Европа или экономически развитые страны могли бы принять и интегрировать.

Европейская иммиграция контролируется в той или иной форме. Два главных способа контроля — это контроль на границе и внутри страны. Оба они имеют ограниченный эффект и объединены с другими инструментами такими, как выдача видов на жительство и разрешений на работу. Существуют некоторые формы миграции, которые не регулируются по определению. Однако даже в случае не подкрепленной документами или нелегальной иммиграции существует определенное не прямое регулирование. Размер таких иммиграций ограничивается размерами нелегальной или теневой экономики.

На микро уровне решение мигрировать можно объяснить как инвестиционное решение. Человек сравнивает прибыль и затраты на переезд из одного места в другое или из одной страны в другую. Если прибыль больше, чем затраты, то человек становится мигрантом. Конечно, необходимо сравнивать чистую приведенную стоимость затрат и прибыли. В затраты на миграцию входят: затраты на дорогу, моральные издержки, информационные затраты и т.д. С другой стороны, прибыль — это более высокие заработные платы, большие возможности для образования детей, возможности для карьерного роста, лучшие жилищные условия, более привлекательная культурная и общественная жизнь в местах иммиграции и т.д. Теория человеческого капитала объясняет решение человека о внутренней или международной миграции, исходя из объема вложений, осуществленных в получение им образования, квалификации и т.д., и предполагаемой отдачи на эти вложения.

Показателем миграции на макро уровне является чистая миграция. Чистая миграция — это результат многочисленных индивидуальных решений. Она является достаточно яркой иллюстрацией желания мигрировать из одного места, региона, страны в другое место, регион или страну. Главными факторами, влияющими на чистую миграцию являются фактические и ожидаемые уровни заработной платы, относительные пропорции безработицы и прибыли, затраты на миграцию, затраты и наличие жилья, цикл деловой активности экономики и т.д. Люди просто сравнивают экономические и социальные условия в их стране и за границей и принимают решение переезжать или нет. (Layard et. al, 1992, С. 21).

Есть и другие объяснения миграции в литературе, которые имеют «менее экономический» характер. Идея факторов притяжения и

выталкивания до сих пор актуальна. Эмпирически ориентированные авторы пытаются обращаться к различным математическим, статистическим и эконометрическими моделями. Другие видят миграцию прежде всего как «цепной процесс». Невозможно охарактеризовать все эти теории и модели в одной статье. Однако большинство из них являются дополнительными по отношению к основной — экономической — объясняющей теории.

С точки зрения достаточно сильного миграционного давления, которое существует в современном мире, особенно между развивающимися и экономически-развитыми странами, необходимо подумать об альтернативе международной миграции. (Malacic, 1996). Лучшей альтернативой является экономическое и социальное развитие в развивающихся странах так же, как и в мире в целом. Для достижения этой цели необходимы интеграция и глобализация мировой экономики. Эти процессы продвинули движения капитала от экономически-развитых стран в развивающиеся страны и, следовательно, увеличат международную торговлю. Ситуация, которая вынуждает людей переезжать из развивающихся стран в развитые с целью производства трудоемких товаров, едва ли разумна. Гораздо разумнее было бы дать им возможность производить эти товары в своей стране и затем продавать их за границу. В этом случае капитал пошел бы к работнику, что сократило бы необходимость в переезде в другую страну. Однако, такой путь развития окажется реальным скорее в дальней перспективе. Важным условием для потока капитала в менее развитые и имеющие рабочую силу страны является общий рост эффективности экономик этих стран и свободная международная торговля между более и менее развитыми странами. К счастью, современные технологические процессы в информационной технологии и других сферах деятельности оказывают огромную помощь в этом направлении.

Демографическая роль миграции: устойчива ли она?

Демографический переход всегда представлял собой серьезный вызов обществу. Он создает демографическое давление по причине высокого прироста населения. Исторически Европе повезло в том, что она имела возможность хотя бы частично уменьшить это давление посредством эмиграции, главным образом за Атлантический океан. Сегодняшние развивающиеся страны не имеют такой возможности. Свободная массовая эмиграция уже невозможна, несмотря на гораздо большее перенаселение, ставшее результатом естественного прироста населения в большинстве сегодняшних развивающихся стран, чем когда-либо существовавшее в Европе. Миграция квалифицированных кадров, которая в основном составляет сегодняшнюю эмиграцию из развивающихся стран в развитые, слишком малочисленна, чтобы оказывать больший смягчающий эффект на перенаселенность. Ее влияние на экономическое развитие экономически отсталых стран можно считать даже негативным, так как они влекут за собой потерю образованных людей, в которых страна нуждается для развития

собственной экономики. В любом случае исторические факты показывают два разных примера, объединяющих динамику смертности и рождаемости с процессами международных миграций.

Наиболее важные черты, объединяющими долгосрочное экономическое развитие в Европе и европейскую миграцию в целом и эмиграцию в частности, показывают, что большая часть европейских стран с высоким уровнем эмиграции, так же как и другие европейские страны, перешли после длительного развития в разряд стран иммиграции. Общая тенденция заключается в том, что процессы модернизации, экономического и социального развития превращают страны эмиграции в страны иммиграции. В наиболее экономически отсталых и изолированных регионах эмиграция обычно не начинается. Эмиграция получает толчок только при достижении определенного уровня развития. Эмиграции за границу часто предшествует внутренняя миграция из сельской местности в город. (Malacic, 1993, С. 193). Было бы сложно спорить с тем, что эти процессы так или иначе напрямую обусловлены демографическими факторами.

В современном демографическом режиме с низкими уровнями рождаемости и смертности международная миграция, вероятно, будет играть важную роль. Однако многие важные для обобщения и выводов вопросы остаются открытыми. Ответить на эти вопросы сегодня совсем не просто. Возможно, еще не пришло время, потому что мы не можем быть уверены, что современный демографический режим окончательно сформировался. Чтобы проиллюстрировать этот момент, давайте взглянем на рождаемость ниже уровня простого воспроизводства в Европе. Можно ли сказать, что такой уровень рождаемости является одной из характеристик современного демографического режима? Некоторые авторы полагают именно так. Для них Европейский Союз и Европа в целом являются иллюстрацией второго демографического перехода. Соответственно, низкая рождаемость влечет за собой старение населения, неблагоприятную тенденцию коэффициента демографической нагрузки и необходимость импорта рабочей силы. (Lesthaeghe and Willems 1999, С. 227). Ответы других авторов менее категоричны для Европы и особенно для США (Coleman, 2005, С. 15).

В случае, если столь низкая рождаемость в Европе будет продолжаться, будущие демографические перспективы континента будут сильно зависеть от размеров чистой иммиграции из других частей света. Рождаемость ниже уровня воспроизводства без чистой иммиграции в конце концов окажется просто не состоятельна. Фактический рост стабильного населения с коэффициентом воспроизводства 0.70 и 27-летним разрывом между поколениями составляет 1.4% в год. Любое население с уровнем роста 1.4% сократится наполовину через 50 лет.

Перспективы населения для Европы в 21 веке, вероятно, будут не очень блестящими. В соответствии со среднесрочным демографическим прогнозом ООН для Европейского Союза, численность населения 25 стран

(ЕС без Болгарии и Румынии) в 2050 сократится на 20 миллионов, с 450 до 431 миллиона. Сокращение численности населения будет происходить, несмотря на благоприятные перспективы демографических характеристик. Авторы прогнозов допускают подъем как рождаемости, так и средней продолжительности жизни; чистая миграция извне ЕС-25 стран составит около 33 миллионов человек. Население ЕС-25 стран в 2050 году будет очень старым: до 30% населения будет в возрасте после 65 лет и половина населения будет старше 50 лет.

Население Западной Азии и Северной Африки на другом берегу Средиземного моря будет расти очень быстро. Различия в демографическом росте между Европой и соседними областями, вероятно, будут даже увеличивать существующую разницу в доходах между обоими берегами Средиземного моря. Экономические исследования показывают, что процессы устранения различий доходов между областями происходят весьма медленно даже в США (Layard et al, 1992, С. 22). Поэтому в нашем случае можно не ждать каких-либо улучшений. Разница будет подразумевать продолжение сильного миграционного давления из Западной Азии и Северной Африки в Европу.

Для темы данной статьи наиболее важным вопросом является следующий: необходима ли иммиграция по демографическим причинам в условиях современного демографического режима. Вообще говоря, вопрос заключается в том, возможно ли с помощью миграции остановить или по крайней мере значительно понизить старение нации и приостановить сокращение населения в современной Европе. Этот вопрос уже давно обсуждается демографами и другими специалистами, и в последнее время он занял заметное место в политических дебатах (Niessen and Schiber, 2002, С. 13).

Формально, в уравнении баланса можно заметить, что положительная чистая миграция может компенсировать негативный естественный прирост населения. Сильное миграционное давление из развивающихся стран гарантирует, что потенциальные иммигранты могут удовлетворить нужды экономически развитых стран. С другой стороны, многие специалисты также полагают, что иммиграцию нужно воспринимать как способ решения серьезных демографических проблем современной Европы и развитого мира в целом. (Niessen and Schiber, 2002, С. 1).

Однако, когда мы стараемся определить величину замещающей миграции, которая могла бы компенсировать низкую рождаемость, мы приходим к очень большому числу необходимых иммигрантов (United Nations, 2001). Это число быстро превзойдет любые реальные уровни международной иммиграции, которые коренное население примет и сможет интегрировать. Мои подсчеты для Словении показали, что число ежегодно необходимых иммигрантов превзошло бы ежегодное число новорожденных через два или три десятилетия. Более или менее подобные подсчеты существуют для других европейских стран с самым низким уровнем рождаемости. Немного лучше ситуация в европейских странах с общим коэффициентом рождаемости 1.5–2.0.

Помимо этого, иммиграция в Европе в любом случае не сможет остановить старение населения. Причина не только в том, что иммигранты тоже стареют, но и в том, что старение населения происходит по причине низкой рождаемости. Поэтому единственное долговременное решение проблемы старения населения — это повышение уровня рождаемости по крайней мере до уровня простого воспроизводства.

Социальная и политическая рациональность высокого уровня иммиграции во многом зависит от масштаба и состава иммиграционных потоков. Количество — весьма спорный вопрос, несмотря на тот факт, что практически невозможно определить что-либо как соответствующее, а не оптимальное или приемлемое количество. Количество будущих иммигрантов, принимаемых Европой и развитой частью мира, очень важно с точки зрения способности принимающего общества интегрировать мигрантов, а также обеспечить их социальное единение с местным населением.

Однако еще более важен состав иммигрантов. Различные характеристики мигрантов являются результатом отбора, который почти всегда является частью миграционного процесса. Существуют и исключения. Вынужденные мигранты, например, обычно не подвергаются отбору, несмотря на тот факт, что и в таких случаях могут быть исключения.

Что касается состава иммигрантов, то — исходя из целей данной статьи — самыми важными являются их демографические и экономические характеристики. Вопрос в том, какая степень избирательности иммигрантов возможна и желательна в экономически развитых странах и к какому критерию следует обращаться в процессе отбора. В принципе, критерий отбора должен быть как можно шире. Поэтому узкие или полностью зависящие от демографических целей критерии отбора в конце концов также окажутся несостоятельными. Однако в то же время следует всегда держать в голове вопрос, возможно ли осуществить такую политику «точной настройки». Кроме того, миграция в целом и международная миграция в частности являются наиболее неустойчивым из всех компонентов, определяющих численность населения.

С демографической точки зрения Европа и экономически развитые страны нуждаются в молодых иммигрантах со сбалансированным гендерным составом. Сложно принять мысль Ниссена и Шибера, чтобы желаемые иммигранты были бы как можно моложе, так как экономически развитые страны не в состоянии импортировать детей. Это было бы типичной социальной инженерией, что просто нереально. (Niessen and Schiber, 2002, С. 14). С другой стороны, особых причин для беспокойства нет, так как иммигранты — почти всегда молодые люди. Иммигранты — женщины также очень важны, по крайней мере, для балансирования гендерного состава. Они также могут напрямую повысить рождаемость в среде иммигрантов, несмотря на тот факт, что иммигранты относительно быстро принимают нормы низкой рождаемости экономически развитого мира. Но в случае новой волны семейной миграции в Европу эта же самая

ситуация может препятствовать интеграции иммигрантов в обществе принимающей страны. Некоторые иммигранты, в особенности мусульмане и индусы, в большинстве случаев предпочитают браки с людьми той же религии, национальности, касты и т.д. Многие из них не доверяют западному антиклерикализму и предпочитают невест-иммигранток, свободных от либеральных западных взглядов и западного антиклерикализма (Coleman, 2005, С. 28).

Экономически развитые страны нуждаются в иммигрантах «высокого качества». Существует растущая потребность в высококвалифицированных специалистах-иммигрантах. Тем не менее, образованных молодых людей из развивающихся стран с нужными навыками и знаниями такими, как информационные технологии (ИТ), просто мало. Поэтому в экономически развитых странах прослеживается увеличивающаяся борьба за образованных и высококвалифицированных иммигрантов. Некоторые страны стараются привлечь студентов из развивающихся стран и удержать их после окончания института. Проблемой, связанная с низко квалифицированными и необразованными иммигрантами, которых выпускают за границу в огромных количествах, заключается в их несовместимости с экономикой высокоразвитых европейских и других стран в длительной перспективе. Низко квалифицированная рабочая сила заменяема, и необразованные иммигранты в первую очередь теряют работу по мере технологического роста в экономически развитых странах.

Этнической и социальной структуре населения многих экономически развитых стран угрожает большое количество очень разных с этнической и расовой точек зрения иммигрантов из далеких стран и континентов. В случае, если количество и этнический состав иммиграционных потоков в Европу останутся такими же или увеличатся, то расовый и этнический состав многих европейских стран радикально изменится.

Несмотря на естественное стремление к плавному и спокойному демографическому развитию Европы, мы должны понимать, что изменения естественных и миграционных характеристик повлекут за собой демографический упадок. Это может быть результатом индивидуального и семейного выбора, рожать детей или нет, а также результатом сильного сопротивления большим потокам иммигрирующих иностранцев. Общественное мнение в большей части Европы и некоторых политических партий уже открыто и активно противопоставляется крупномасштабной иммиграции. В этом случае, как было отмечено Полем Демени, такие общества должны регулировать сокращающееся население и должны быть в состоянии осуществлять очень строгий контроль над иммиграцией (Demeny, 2005, С. 8). Вероятно, в случае медленного демографического падения это было бы решением. В противном случае тенденции развития населения приведут к крупномасштабным потерям населения и в конечном счете к его краху. Длительное выживание будет невозможным, и крупномасштабная иммиграция иностранцев рано или поздно станет превалировать.

Заключение

Международная миграция населения является важной частью уравнения роста любого открытого населения. С другой стороны, нынешнее состояние развития демографической теории не позволяет всем четырем компонентам демографических изменений быть включенными в одну общую теорию развития народонаселения. Последовательная теоретическая система взглядов, которая смогла бы объяснить комплексную природу современного демографического режима, до сих пор, на мой взгляд, отсутствует в современной демографии. Классическая теория демографического перехода была предложена для характеристики переходного периода, но она не в состоянии объяснить современную демографическую ситуацию. Новая теория, которая соответствовала бы поставленной задаче, еще не создана.

В современном демографическом режиме с низкими уровнями рождаемости и смертности международная миграция, вероятно, будет играть важную роль. Даже сегодня Европейский Союз достиг небывалого масштаба чистого притока мигрантов. Их число, по данным Евростата, составляет около миллиона в год.

Центральный вопрос, анализируемый в данной статье – необходима ли иммиграция для выравнивания демографической ситуации в условиях современного демографического режима. Может ли иммиграция остановить или, по крайней мере, значительно замедлить старение населения и сокращение населения в Европе? Ответ далеко не прост. Она не может остановить старение населения. Замещающая миграция подразумевает нереально большое количество иммигрантов.

Европа и экономически развитые страны нуждаются в молодых иммигрантах сбалансированного гендерного состава и в высококвалифицированных иммигрантах. Если нынешний масштаб и этнический состав иммиграционных потоков в Европу останется неизменным, то это повлечет за собой необратимые перемены в расовом и этническом составе многих европейских стран.

В случае угрозы демографического упадка европейские страны должны предпринять все возможные меры для регулирования естественной динамики населения. Однако этот путь будет эффективным только в том случае, если демографическое падение будет медленным.

Литература

- Coleman, D. (2004) Why we don't have to believe without doubting in the "Second Demographic Transition" – some agnostic comments. In: Vienna Yearbook of Population Research 2004, Vienna Institute of Demography, Vienna.
- Coleman, D. (2005) Facing the 21st century: new developments, continuing problems. In: Macura, M., MacDonald, A.L. and Haug, W., eds., The New Demographic Regime, United Nations, New York and Geneva.

- Demeny, P. (2005) Policy challenges of Europe's demographic changes: from past perspectives to future prospects. In: Macura, M., MacDonald, A.L. and Haug, W., eds., *The New Demographic Regime*, United Nations, New York and Geneva.
- Friedlander, D. (1969) Demographic responses and population change, *Demography*, Vol. 6, No. 4.
- Goldscheider, C. (1971) *Population, Modernization and Social Structure*, Little, Brown and Co., Boston.
- Höhn, C. (2005) Demographic challenges for social cohesion: a review and analysis of the work of the EPC 2001 – 2005. Keynote conference report, European Population Conference 2005, Council of Europe, Strasbourg.
- Layard, R., Blanchard, O., Dornbusch, R. and Krugman, P. (1992) *East-West Migration. The Alternatives*. The MIT Press, Cambridge Massachusetts.
- Lesthaeghe, R. and Willems, P. (1999) Is low fertility a temporary phenomenon in the European Union? *Population and Development Review*, Vol. 25, No. 2.
- Malacic, J. (1993) Demographic transition, emigration and long-term economic development: countries with the highest emigration in Europe. *Dve domovini/ Two Homelands*, Ljubljana.
- Malacic, J. (1996) Alternatives to international migration. In: *Proceedings of the Mediterranean Conference on Population, Migration and Development*, Second part: Panels and Forum, Council of Europe, Strasbourg.
- Malacic, J. (2002) International migration trends in Central and Eastern Europe during the 1990s and at the beginning of the 21st century. In: Iontsev et. al, *World in the Mirror of International Migration*, Max Press, Moscow.
- Malacic, J. (2006) *Demography. Theory, Analysis, Methods and Models (In Slovene)*. The 6th impression, Faculty of Economics, Ljubljana.
- Niessen, J. and Schiber, Y. (2002) Demographic changes and the consequences for Europe's future. *Is migration an option*. Migration Policy Group, Brussels.
- Notestein, F.W. (1945) Population – the long view. In: Schultz, T.W., ed., *Food for the World*, University of Chicago Press, Chicago.
- Notestein, F.W. (1953) Economic problems of population change. In: *Proceedings of the Eight International Conference of Agri – Economists*. Oxford University Press, London.
- Okolski, M. (2002) The incoming civilizations, the outgoing civilizations on the turen of the 20th century. Reflection from the perspective of demography. In: Iontsev et. al, *World in the Mirror of International Migration*, Max Press, Moscow.
- Recent demographic developments in Europe 2005 (2006) Council of Europe, Strasbourg.
- SORS/Statistical Office of the Republic of Slovenia (2003) *Rapid Reports*, No. 92.
- United Nations (1994) *Programme of Action*, International Conference on Population and Development, Cairo, 5 – 13 September 1994, UNFPA, New York.
- United Nations (2001) *Replacement Migration: Is it a Solution to Declining and Ageing Populations?* New York.
- van de Kaa, D.J. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*, Population Reference Bureau Inc, Vol. 42, No. 1.
- van de Kaa, D.J. (2002) On international migration and the second demographic transition. In: Iontsev et. al, *World in the Mirror of International Migration*, Max Press, Moscow.
- van de Kaa, D.J. (2004) Is the second demographic transition a useful research concept. Questions and answers. In: *Vienna Yearbook of Population Research 2004*, Vienna Institute of Demography, Vienna.

ВРЕМЕННЫЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ С НИЗКИМ И СРЕДНИМ УРОВНЕМ КВАЛИФИКАЦИИ

Представляется, что мир находится накануне новой эпохи программ привлечения иностранных рабочих, целью которых является привлечь временных работников для рынка труда, но никак не постоянных переселенцев. Это может показаться странным, поскольку такие программы, как например, мексикано-американская Программа «Брасеро» (Bracero) и германская программа привлечения гастарбайтеров закончились, после того как правительства принимающих стран пришли к пониманию того, что большое число «гостевых рабочих» в стране негативно влияет на положение местных работников и позволяет миграции «выйти из-под контроля»¹.

В мире сохраняющегося демографического и экономического неравенства и все улучшающихся систем связи и транспорта люди, особенно молодые люди, стремятся пересекать национальные границы в поисках более высоких доходов и лучших жизненных возможностей. Все согласны с тем, что мир находится накануне новой эпохи в развитии международной миграции, когда все больше стран становятся странами назначения и странами происхождения трудовых мигрантов и в миграцию вовлекаются представители самых разных профессий и квалификаций.

Для того, чтобы усовершенствовать управление трудовой миграцией в XXI веке, необходимо применять такие программы временных трудовых мигрантов, которые включали бы экономические стимулы, заинтересовывающие работодателей и мигрантов участвовать в этих программах. Например, выплачиваемые работодателем налоги на оплату труда мигрантов, если они направляются на финансирование реструктурирования мигрантских рабочих мест, могут привести со временем к сокращению их числа. В то же время система частичного возмещения мигрантам выплаченного ими подоходного налога может стимулировать мигрантов выезжать из страны, как того требуют правила программ, и обеспечит им средства, необходимые для экономического развития, что сделает эмиграцию в конечном счете менее заманчивой. Включение таких экономических механизмов могло бы помочь принимающим странам быть более уверенными в том, что программы привлечения временных трудовых мигрантов не обернутся программами поощрения иммиграции, а лишь создадут больше каналов для легальной трудовой миграции.

Объектом изучения в настоящей статье является миграция неквалифицированных работников из развивающихся стран в более развитые, скажем, из Мексики в США или из Польши в Германию. Существуют также многочисленные потоки неквалифицированных мигрантов в страны со средним уровнем дохода, такие как Аргентина, Коста-Рика, Малайзия, Польша, Южная Африка, Таиланд. Эти трудовые потоки во многом аналогичны тем, что направлены в индустриальные страны в такие отрасли, где мигранты находят работу, например, в сельское хозяйство, строительство или сферу услуг. Отличие же заключается в том, что многие мигранты заполняют рабочие места, которые оказались вакантными вследствие эмиграции (как, например, украинские мигранты заполняют вакансии, образовавшиеся из-за того, что поляки уехали работать в Великобританию).

¹ Общеизвестно, что Программа Брасеро посеяла семена многочисленной в последующем нелегальной миграции мексиканцев в США (Martin, 2004, Chapter 2) и что Германия вынуждена отвечать на вызовы, связанные с интеграцией осевших в стране турецких гастарбайтеров с семьями (Martin, 2004, Chapter 6).

Введение

В мире насчитывается порядка 200 стран. Доход на душу населения в них варьирует от 250 долл. в год до более 50,000 долл. в год (2004 г.) (World Bank Indicators 2006, С. 20–22), что создает мощный стимул для молодых людей из более бедных стран мигрировать в поисках более высоких доходов и лучших возможностей¹. В 30 наиболее богатых странах проживают примерно 1 миллиард жителей, т.е. шестая часть населения Земли, в то время как их совокупный национальный доход составляет 32 млрд., т.е. 80% от глобального дохода 40 млрд. (2004 г.)². Средний доход на душу населения в наиболее развитых странах — 32,000 долл. — в 21 раз превосходит средний душевой доход в странах со средним и низким уровнем развития — 1,500 долл. Это соотношение 21 : 1 в средних уровнях дохода на душу населения между наиболее развитыми и прочими странами остается стабильным в течение последней четверти века (Martin, Abella, Kuptsch, 2006).

Миграция с места на место — это вековой ответ на различия в экономических возможностях, уровнях безопасности и других факторах. Однако международная миграция через регулируемые государственные границы — это относительно недавнее явление: в 1900 г. в мире было лишь 43 признанных страны, в то время как сейчас их почти 200³. Число международных мигрантов — 191 млн. В 2005 г. (UN, 2006) — удвоилось за последние два десятилетия. Существуют четыре четких миграционных потока. Примерно 62 млн. мигрантов перебрались с юга на север (из развивающихся в развитые страны); 61 млн. мигрировали между странами юга; 53 млн. — между странами севера; 14 млн. переехали с севера на юг.⁴

Табл. 1. Численность мигрантов в 2005 г. (млн.)

Происхождение\назначение	Развитые	Развивающиеся
Развитые	53	14
Развивающиеся	62	61

Источник: UN, 2006.

Половина из этих мигрантов участвуют в рынке труда стран назначения, составляя 60 млн. трудовых мигрантов в развитых странах, или

¹ Молодые люди более склонны к миграции потому, что они не успели еще инвестировать в свою карьеру на родине и в то же время у них больше времени для того, чтобы получить дивиденды от своих «инвестиций в миграцию».

² Расчет по паритету покупательной способности, который принимает во внимание национальные различия в стоимости жизни, показывает, что общемировой ВВП составляет 56 млрд., из которых 5% приходится на наиболее богатые страны.

³ В 1900 г. в мире насчитывалось 43 общепризнанных государства; в 2000 их было 191: в списке ЦРУ указывалось на 191 «независимых государства», одно (Тайвань) — «иное» и шесть особых образований, включая Сектор Газа, Западный Берег, Западную Сахару и др. (www.cia.gov/cia/publications/factbook/index.html.)

⁴ Оценки на 2005 г. включают численность мигрантов, вне зависимости от того, переехали они недавно или давно.

примерно 12% общей численности трудовых ресурсов (ILO, 2004). 31 млн. трудящихся-мигрантов из развивающихся стран, работающие в развитых государствах, отличаются от тех рабочих, к которым они присоединились за рубежом, как и от тех, кто остались на их родине. Всего в мире примерно 40% от мировой рабочей силы, оцениваемой в 3,2 млрд. чел., заняты в сельском хозяйстве, 20% — в промышленности и 40% — в сфере услуг (World Bank, 2006), и мигранты из развивающихся стран приехали как раз из того мира, для которого типична пропорция 40–20–40. Развитые страны, куда они прибыли, однако, имеют другую пропорцию: лишь 3% работников там заняты в сельском хозяйстве, 25% — в промышленности и 72% — в сфере услуг (OECD, 2005).

Табл. 2. Распределение мигрантов и местной рабочей силы по сферам производства, %

	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг
Развитые страны	3	25	72
Развивающиеся страны	40	20	40
Мигранты	10	40	50

Примечание: Промышленность включает строительство.

Источник: см. Текст.

Трудящиеся-мигранты из развивающихся стран, находящиеся в развитых государствах, имеют такое структурное распределение рабочей силы, которое отличается как от стран происхождения, так и от стран назначения. Примерно 10% мигрантов заняты в сельском хозяйстве, 40% — в промышленности и строительстве и 50% — в сфере услуг (OECD, 2006), что отражает существование трех типов работодателей, предъявляющих спрос на труд мигрантов в развитых странах: (1) предприниматели, работающие в сфере сельского хозяйства и легкой промышленности, например, пошив одежды; (2) предприниматели «тяжелых» отраслей, таких как строительство; (3) предприниматели всего спектра развивающегося сектора услуг, от ИТ здравоохранения до домашней прислуги и уборщиков.

Трудящиеся-мигранты из развивающихся стран, которые работают в развитых государствах, отличаются также от коренных жителей по своим персональным характеристикам. Наиболее очевидным фактором индивидуального дохода в развитых странах является уровень образования. В большинстве развивающихся стран распределение взрослых жителей по числу лет обучения имеет *форму пирамиды*, т.е. количество высоко образованных людей на вершине пирамиды немногочисленно, в то время как большинство, не имеющее даже среднего образования, сконцентрировано у ее основания.

Распределение коренных жителей развитых стран по числу лет обучения имеет *форму ромба*. Примерно 25% населения имеют диплом колледжа и выше, 60% окончили среднюю школу и лишь 15% имеют образование ниже среднего. Мигранты из развивающихся стран, находящиеся в развитых государствах, классифицированные по уровню

образования, отличаются как от структуры взрослого населения в своих родных странах, так и в странах их пребывания, образуя по форме скорее *песочные часы или гантель*. 35–40% являются обладателями диплома колледжа, 25% имеют среднее образование и 35% не имеют даже среднего образования. Международная миграция из развивающихся стран в развитые охватывает людей из верхней и нижней частей пирамидообразного распределения и переносит их к верхней и нижней частям ромбо-подобного распределения.

Мигранты из верхней части образовательной пирамиды в развивающихся странах — это чаще всего специалисты и студенты, причем, как правило, они являются легальными жителями в развитых странах. В течение последних 20 лет практически все развитые государства предприняли меры, облегчающие въезд и пребывание высокообразованных иностранцев, будь то студенты, временные мигранты или переселенцы. Однако подавляющее большинство мировой рабочей силы, как и большинство мигрантов в мире — это неквалифицированные работники, и основным вопросом регулирования международной трудовой миграции является то, как обеспечить перемещение неквалифицированных трудящихся-мигрантов из развивающихся государств в развитые.

Миграция win-win-win

Миграция неквалифицированных рабочих из стран с низким уровнем дохода в более благополучные государства может быть охарактеризована как *win-win-win* (от английского *win* — выигрывать) в том смысле, что мигранты выигрывают от получения более высоких доходов, принимающие страны выигрывают в результате расширения занятости и увеличения ВВП, а страны происхождения мигрантов выигрывают в результате того, что их граждане (которые в ином случае остались бы безработными) получают работу за рубежом, они пересылают деньги на родину и в конце концов возвращаются. Получается «миграция тройного выигрыша». Первые два выигрыша довольно очевидны. Мигранты демонстрируют настойчивое желание перебраться в более богатые страны, несмотря на бесчисленные риски. Большинство исследований в принимающих странах приходят к выводу, что основной выигрыш от экономической миграции получают мигранты, которым удается получить больший доход, однако, присутствие мигрантов оказывает также влияние на уровень заработной платы местных рабочих, насколько понижая ее ((Smith and Edmonston, 1997).

Третий выигрыш — эффект от миграции для стран происхождения мигрантов — находится в настоящее время в центре внимания, поскольку число мигрантов и масштабы их денежных переводов быстро возрастают. Глобальная Комиссия по международной миграции (*Global Commission on International Migration* (www.gcim.org), Всемирная торговая организация (*World Trade Organization's GATS Mode 4 negotiations* (www.wto.org/english/tratop_e/serv_e/serv_e.htm), а также Диалог ООН

Высокого уровня по миграции и развитию (*UN High-Level Dialogue on Migration and Development* (www.unmigration.org)) единодушно пришли к заключению о том, что еще более масштабная трудовая миграция из развивающихся государств может усилить тройной выигрыш от миграции, учитывая большой объем переводов и вклад возвратившихся мигрантов в создание новых рабочих мест на родине.

Экономисты подсчитали, что передвижение большего числа работников через границы может существенно увеличить глобальное производство, поскольку мигранты переезжают туда, где отдача их труда выше. Одно из первых исследований в этой области было сделано Гамильтоном и Уолли (Hamilton and Whalley, 1984), которые подсчитали, что глобальный ВВП мог бы удвоиться, если бы масштаб миграции был достаточным, чтобы выровнять производительность труда (и заработные платы) между семью регионами, которые охватывают 179 стран¹. Даже если миграция оказалась недостаточно масштабной, чтобы выровнять зарплаты, она все равно привела бы к существенному увеличению глобального ВВП, поскольку «первые» мигранты в наибольшей степени ощущают разницу в заработных платах и производительности и, соответственно, выигрывают в наибольшей мере.

По оценке Всемирного Банка (World Bank, 2005), передвижение дополнительных 14 миллионов мигрантов из развивающихся стран в более богатые государства могло бы принести суммарный выигрыш в 350 млрд. долл. глобального дохода, что превышает оцениваемый в 300 млрд. долл. доход от переговоров в Дохе². В пресс-релизе, сопровождающем доклад, говорится, что «осуществление миграционных программ, включая временные трудовые визы для неквалифицированных мигрантов в развитые страны ... могло бы существенно сократить бедность в странах происхождения мигрантов — как самих мигрантов и их семей, так и — по мере роста масштаба денежных переводов — общин, в которых они проживают».

Если трудовая миграция приводит к эффекту *win-win-win*, то как организовать ее наилучшим образом? Наиболее подходящий ответ —

¹ В описываемой Гамильтоном и Уолли модели масштабная миграция, выравнявшая бы уровень заработных плат, могла бы увеличить глобальный ВВП на 5-16 триллионов долларов в 1977 г., когда он равнялся 8 триллионам. Их модель основывалась на ряде допущений, включая, в частности, полную занятость мировой рабочей силы. Отмеченные авторами различия в минимальной производительности труда между семью регионами являются, по их мнению, следствием ограничений миграционных передвижений. Миграция, которая выравнивает уровень производительности труда и заработной платы, приводит к тому, что национальные работники в принимающих странах проигрывают, а владельцы капитала выигрывают. (Допущение полной занятости необходимо для того, чтобы оправдать выравнивание зарплат и производительности труда. Предполагается, что соотношение зарплат и прибыли одинаково для богатых и бедных стран, даже когда существуют препятствия для свободной миграции и что перелив капитала не происходит даже тогда, когда мигрирует рабочая сила).

² Две трети из этих 300 млрд., как предполагается, будут получены в результате либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией.

тщательно. Рекомендация Глобальной Комиссии по международной миграции указывает на необходимость «тщательно проработанных миграционных программ как важного инструмента, отвечающего экономическим потребностям как стран назначения, так и стран происхождения мигрантов». Необходимость тщательной проработки программ привлечения временных трудовых мигрантов особенно актуальна для таких стран как США и Германия, где правительствам не удалось в прошлом осуществить принимавшиеся программы в том виде, в каком они задумывались, и поэтому доверие к ним упало. Для того, чтобы разрабатываемые ныне программы действительно выполняли свое предназначение, т.е. обеспечивали привлечение временных работников, а не постоянных жителей, необходимо разобраться в причинах того, почему прежние программы не удерживались в этих рамках.

Искажение и зависимость

Программы привлечения временных трудовых мигрантов превращаются в канал иммиграции из-за того, что я называю *искажение* и *зависимость*. Большинство работодателей в принимающих странах не нанимают иностранных рабочих. *Искажение* означает, что меньшинство (которому необходима иная структура рынка труда, чем тем, кто может прибегать к найму только местных работников) сталкивается с ограниченным предложением необходимой ему рабочей силы в своей стране и с неограниченным за рубежом.

Предприниматели, нанимающие иностранную рабочую силу, часто предполагают, что мигранты никогда не иссякнут, и принимают инвестиционные решения, исходя из этого предположения. Так, фермеры, которые зависят от труда мигрантов, могут сделать посадки фруктовых деревьев в малонаселенной местности и будут заявлять, что без мигрантов они разорятся, т.к. некому будет собирать урожай. Они будут всячески противостоять сокращению числа трудовых мигрантов, потому что если будет принято решение об ограничении притока иностранной рабочей силы, обесценит их инвестиции в посаженные фруктовые сады. Это является экономическим искажением в том смысле, что одни предприниматели сталкиваются с ограниченностью одних трудовых ресурсов, а другие — совсем иных. Предприниматели, которые ориентируются на привлечение иностранных работников, не оказываются вынужденными повышать заработную плату, если есть нехватка кадров на местном рынке труда, поскольку они всегда могут нанять мигрантов.

Зависимость отражает тот факт, что многие мигранты и члены их семей, как и государства их происхождения допускают, что работа за рубежом, заработки и денежные переводы будут продолжаться до бесконечности. В том случае, если возможность легальной работы исчезает, а миграция еще не раскрутила механизм экономического развития настолько, чтобы необходимость в миграции отпала, люди продолжают

мигрировать, чтобы не допустить сокращения своих доходов. Большинство исследователей сходятся в том, что Программа «Брасеро», обеспечивавшая США рабочей силой из Мексики, спровоцировала в дальнейшем масштабную нелегальную миграцию мексиканцев, поскольку привела к *искажению* экономики в сельских районах США (расширение трудоемких производств) и *зависимости* в сельских районах Мексики (рост численности населения и рабочей силы при отсутствии экономического развития) (Martin, 2003, гл. 2).

Существование искажения и зависимости должно заставить правительства более осторожно подходить к разработке новых программ привлечения временных иностранных рабочих для того, чтобы включить в них экономические механизмы, которые минимизировали бы искажение и зависимость. Такие механизмы — это, например, налоги, с помощью которых можно стимулировать работодателей искать альтернативы привлечению мигрантов, или финансовые «субсидии», поощряющие мигрантов возвращаться в свои страны, как того требуют условия контракта.

Признание искажений основывается на предположении, что у работодателей всегда имеется выбор, когда они делают инвестиции и нанимают работников. Если правительство участвует в привлечении иностранных рабочих, работодатели обычно легко находят необходимых им трудовых мигрантов, поскольку заполнить вакансии местными работниками им более затруднительно. Государственные службы занятости показывают себя малоэффективными в этой ситуации, это делает процедуры получения разрешений на привлечение иностранных рабочих весьма спорными, особенно если уровень безработицы в тех районах, где предполагается использовать труд мигрантов, высок.

Те работодатели, которые научились обосновывать свою потребность в привлечении иностранных работников, продолжают эту практику вновь и вновь. В результате инвестиции уже не направляются в поиск альтернатив найму иностранных рабочих, зависящие от привлечения трудовых мигрантов сектора оказываются изолированными от национального рынка труда, и искажения приобретают все более отчетливый характер. Например, в сельском хозяйстве, которое сильно зависит от привлечения временных трудовых мигрантов, рабочим, как правило, не предоставляется медицинская страховка, поскольку молодые мигранты-мужчины, которые составляют большинство на сезонных работах, предпочитают выплаты наличными вместо расходов на страховку. И именно это же делает работу на ферме непривлекательной для местных работников, для которых медицинская страховка является естественным условием найма. Работающие мигранты стремятся предложить своих друзей и родственников для заполнения вакантных рабочих мест. В результате информация о рынке труда может гораздо быстрее достигать страны происхождения мигрантов, чем службы содействия занятости, расположенные поблизости.

Нормы международного права и национальное законодательство призывают относиться к трудящимся мигрантам так же, как к национальным работникам, обеспечивать им равный уровень заработной платы и социальных гарантий. Понимание того, что налог на фонд заработной платы на социальное обеспечение, безработицу и др. гарантии составляет 20–40%, является одним из способов минимизировать искажение. Эти налоги, по идее, нацелены на то, чтобы обеспечить равные социальные гарантии мигрантам и национальным работникам, но на деле мигранты чаще всего не получают этих выплат.

Если бы выплачиваемые работодателем налоги на фонд заработной платы направлялись на преодоление искажения путем реструктурирования мигрантских рабочих мест, например, развивая трудосберегающую механизацию, у работодателей была бы заинтересованность в этих вложениях. Так, в такой отрасли как сельское хозяйство, одному фермеру часто трудно оплатить или осуществить механизацию работ, а ведь персики, упаковываемые для конечного потребителя, должны быть собраны вручную, а персики, отправляемые на переработку, могут собираться механизмами (Martin, 2003, гл. 8). Таким образом, если бы программы механизации финансировались из налогов на фонд заработной платы, это создало бы альтернативы привлечению труда мигрантов.¹

Следует подчеркнуть, что механизация не является единственной альтернативой мигрантам. Подчас местные рабочие могут привлекаться к выполнению «мигрантских работ» после того, как они «реструктурированы», как это произошло со сборщиками мусора в США, чей труд был «ре-национализирован» после того, как в уборке мусора были задействованы большие контейнеры, которые поднимались оператором мусороуборочной машины. В других случаях налоги на мигрантов могут ускорить сегментацию рынка: одни пожилые люди нанимают мигрантов для помощи по дому, в то время как другие используют передовые технологии, например, следящие камеры, связанные с компьютером, что позволяет им жить самостоятельно, но в случае необходимости быстро получить помощь. Общий вывод может быть таким: присутствие мигрантов снижает уровень заработной платы и ведет к злоупотреблению трудоемкими методами, в то время как отсутствие мигрантов ведет к росту заработной платы и соответственно стимулирует поиск альтернатив высоким издержкам на заработную плату.

На другой стороне уравнения — создание стимулов для того, чтобы мигранты следовали условиям контрактов и возвращались на родину после завершения работ или 1-2-летнего срока пребывания. Для того, чтобы

¹ Понимая, что каждый сектор экономики имеет свою специфику, ассоциации работодателей, трудящихся и правительство могли бы сообща решать, как расходовать накопленные средства для того, чтобы со временем сократить зависимость от труда мигрантов.

стимулировать возвращение мигрантов, им могут быть присвоены особые налоговые номера и причитающаяся мигранту доля выплаченных им социальных налогов может быть возвращена ему после возвращения на родину. Учитывая возросший в мире интерес к использованию мигрантских переводов в целях ускорения развития, правительства могли бы разработать механизм использования возвращаемых налогов для финансирования проектов создания рабочих мест в странах происхождения мигрантов.

Впрочем, минимизация искажения и зависимости с помощью налогов и выплат не даст желаемого результата работодателям и мигрантам, если на рынке труда будут присутствовать нелегальные мигранты, а трудовое законодательство не будет ужесточено. Некоторые работодатели предпочитают нанимать нелегальных рабочих для того, чтобы сэкономить на социальных налогах, а мигранты не торопятся уезжать домой по истечении срока контракта, несмотря на предложения о возмещении выплаченных налогов, если они уверены, что смогут устроиться на работу в нелегальном статусе: ведь дома у них не так уж много возможностей заработать. Таким образом, усиление иммиграционного контроля и трудового законодательства являются важной предпосылкой развитию программ привлечения временных трудовых мигрантов, которые могут сократить искажение и зависимость.

Программы привлечения гостевых рабочих в XXI веке

В то время, когда действовали Программа Брасеро в США и программа привлечения гастарбайтеров в Германии, фактически существовала одна основная программа привлечения иностранных рабочих в стране. В настоящее время США, Германия и многие другие развитые страны имеют широкий спектр программ, которые дают возможность мигрантам оказаться на рынке труда этих стран, образно говоря, через переднюю, боковую или заднюю дверь. Основная идея новых программ привлечения гостевых рабочих довольно прямолинейна: поощрять въезд квалифицированных работников, допуская даже их переселение на постоянное место жительства, но обеспечивать ротацию неквалифицированных мигрантов, так чтобы они въезжали и выезжали из страны.

Передняя дверь открыта для иммиграции высококвалифицированных и «экономически целесообразных» мигрантов. В Австралии, Канаде и Великобритании отбор мигрантов происходит на основе персональных характеристик, таких как возраст и уровень образования (*supply-side selection system*). В Германии и США мигрантов отбирают с позиций спроса: иностранный гражданин обязан иметь предложение о работе от работодателя (*demand-side selection system*). По сути, происходит некоторое смешение двух подходов: Канада, например, начисляет дополнительные баллы тем, у кого имеется предложение о работе, а в США наиболее облегчена процедура получения иммиграционной визы для лиц с высшим образованием.

Мигранты, входящие в «боковую дверь», — это те, кто приезжают на определенное время и с конкретной целью, от нескольких дней как туристы до нескольких лет на работу или учебу. Традиционно, боковые двери не были связаны напрямую с передними, открывающими каналы постоянной иммиграции, что отражено, например, в требованиях к иностранным студентам после завершения обучения выехать из страны. Постепенно это претерпело изменения, и в настоящее время большинство развитых стран разрешают иностранным выпускникам своих вузов остаться работать, а потом и поселиться как иностранным резидентам, превращая этих гостевых рабочих в претендентов на натурализацию.

Под мигрантами, въезжающими через заднюю дверь, подразумеваются нелегальные мигранты: те, кто въезжают нелегально, а также те, кто въезжают легально, но нарушают при этом правила пребывания, когда, например, въехавшие по туристической визе устраиваются на работу. В США и в южно-европейских странах — Италии, Испании — многие иностранцы, которые в конечном счете получили статус иммигранта, пребывали в свое время в нелегальном или квази-легальном статусе.

Основное различие между прежними и нынешними программами привлечения гостевых рабочих заключается в их масштабе и целях. В середине XX века программы привлечения временных рабочих были *программами на макроуровне* в том смысле, что в стране осуществлялась одна основная программа и основную роль в определении потребности в привлечении иностранных рабочих играл уровень безработицы в стране и количество незанятых вакансий. Сегодняшние многообразные программы — это *программы на микроуровне*. Их цель — заполнить конкретные вакансии медицинских сестер, специалистов ИТ или сельскохозяйственных рабочих; общий уровень безработицы не играет существенной роли при обсуждении, требуются ли иностранные рабочие для этих конкретных типов работ. Государственные службы занятости, число которых сократилось, уже не имеют прежних полномочий отказать работодателям, намеревающимся нанять иностранных работников, и пользуются меньшим доверием при подборе местных рабочих для заполнения вакансий¹.

Поскольку существующие программы привлечения иностранных рабочих допускают трудовых мигрантов на те рабочие места, которые находятся на вершине и у основания квалификационной лестницы, и процедуры допуска мигрантов на рынок труда предоставляют работодателям полномочия определять потребность в мигрантах, в результате работодатели играют большую роль в определении политики

¹ In the US, there are two major ways of determining whether an employer “needs” migrants. Under certification, the US Department of Labor controls the border gate, not allowing migrants to enter until the employer conducts recruitment activities supervised by DOL. Under the alternative attestation process, the employer controls the border gate, opening it by attesting that she is paying the prevailing wage, and DOL responds to complaints of violations.

привлечения иностранной рабочей силы. В большинстве развитых стран, если работодатель считает, что лучшей кандидатурой на данную вакансию является иностранный работник с высшим образованием, процедура отбора и въезда обеспечит ему такого работника. Например, получить в конце года визу H-1B для въезда в США относительно просто частично потому, что процесс подтверждения упрощен: работодатель может просто «подтвердить», что он готов платить среднюю заработную плату иностранному работнику с высшим образованием, который займет рабочее место, требующее этой квалификации.

Количество или права?

Новые программы привлечения трудовых мигрантов вызывают к жизни дискуссию о том, что является приоритетом – количество мигрантов или обеспечение их прав. Потребность в трудовых мигрантах частично зависит от стоимости их труда, которая, в свою очередь, зависит от предоставляемых им прав. Если мигранты обладают «полными правами», оговариваемыми в Конвенциях МОТ и ООН, включая права на социальные гарантии и воссоединение семей, их стоимость становится выше и они в меньшей степени востребованы работодателями (Hasenau, 1991). С другой стороны, меньшие права и более низкая стоимость могут увеличить количество трудовых мигрантов, но привести к расслоению рабочей силы и общества (Ruhs and Martin, 2006).

Обычно призывают к обеспечению большего количества и максимальных прав одновременно, т.е. расширить каналы для въезда легальных трудовых мигрантов в развитые страны и обеспечения им полных прав в соответствии с Конвенциями МОТ и ООН. В действительности большинство принимающих стран не ратифицировали Конвенции МОТ¹ и ООН, так что призыв к большему числу мигрантов при обеспечении их полных прав едва ли осуществим на практике. Например, следует ли американским агентствам направлять американских рабочих для работы в странах Персидского залива, где права мигрантов жестко ограничены? Мигранты могут больше заработать в Саудовской Аравии или Кувейте, чем на родине, но там и речи не идет о равном отношении к мигрантам и местным жителям.

Присутствие мигрантов в тех странах, которые ограничивают права мигрантов, доказывает, что многие готовы согласиться на ограничение своих прав ради получения большего дохода. Тот факт, что многие люди готовы заплатить до 25% своего заработка для того, чтобы получить двухлетний контракт в Саудовской Аравии или Кувейте, говорит о том, что международному сообществу стоит все же рассмотреть вопрос об основных правах мигрантов, обеспечиваемых международными конвенциями.

¹ Шолевински (Cholewinski, 1997, С. 91) отмечает, что МОТ очень неохотно соглашается с «неполной» ратификацией своих конвенций, т.е. при условии исключения некоторых статей.

Серьезной дилеммой является то, что неравенство стимулирует миграцию, но после того, как мигранты уже приехали, конвенции и законы призывают к равенству. Эта дилемма лежит в основании переговоров Генерального соглашения о торговле услугами (GATS) Всемирной торговой организации, нацеленных на либерализацию передвижения «провайдеров услуг»¹. Если решение будет принято, мир может столкнуться с «сотнями миллионов» дополнительных мигрантов, пересекающих границы с целью предоставления услуг².

В 2000 г. около 1% мировой торговли услуг приходилось на модель 4, т.е. «движение физических лиц» через границы. Многие развивающиеся страны хотели бы увеличения масштабов движения по модели 4. Некоторые из них настаивают на введении «GATS визы», которая давала бы возможность въезда в любую страну-член ВТО на срок от 1 года до 3 лет (Chandra, 2001, С. 648), при том, что отказ в праве на въезд и работу мог бы служить основанием для жалобы в ВТО.

Дилемма «количество или права?» становится особенно очевидной в контексте стандартов заработной платы для провайдеров услуг GATS. Конвенции МОТ №97 и №143 призывают к паритету заработных плат для мигрантов и местных работников. Однако некоторые авторы (Chaudhuri et al, 2004) предупреждают, что равенство в оплате приведет к сокращению числа мигрантов: «Паритет в оплате труда ... создаст атмосферу, лишенную дискриминации, но в то же время он лишит иностранных работников преимущества более низкой зарплаты и фактически ограничит приток мигрантов». Чандра (Chandra, 2001, с. 635) идет еще дальше, утверждая, что паритет в оплате труда «отрицает саму сущность трансграничных потоков рабочей силы, которая как раз и проистекает из различий в оплате труда между странами». Другими словами, вопрос заключается в том, что если GATS создает новые каналы для трудовых мигрантов, будут ли они получать среднюю зарплату, что может ограничить их число, или они будут работать за меньшую зарплату, и тогда их число может неограниченно расти?

И еще один вопрос возникает в связи с дилеммой «количество или права?» Рас (Ruhs, 2005, С. 209) подчеркивает, что одним из безусловных

¹ Есть четыре модели перемещения услуг через границы. Модель 1: сама услуга, а не ее потребитель или продавец пересекает границу, как, например, при доставке товара, заказанного через центр обработки заказов. Модель 2: потребитель прибывает к продавцу услуги, например, как турист, посещающий другую страну, или пациент, прибывший на лечение. Таким образом, потребление услуги происходит за рубежом. Модель 3 связана с движением капитала: когда банковское учреждение или страховая компания открывает филиал в другой стране. Модель 4 – это «движение физических лиц», т.е. когда продавец услуги прибывает к ее потребителю.

² Отвечая на вопрос: «Приходится ли нам в будущем ожидать десятки миллионов новых мигрантов, пересекающих границы?» (в соответствии с моделью 4), директор по торговле услугами ВТО Абдель-Хамид Мамдух (Abdel-Hamid Mamdouh) сказал: «О да, их может быть сотни миллионов, если мы примем решение о либерализации» (Washington Times, January 3, 2005, p. A10).

прав человека является право на выезд из своей страны, однако, нет соответствующего права на въезд в другую страну. В результате получается, что баланс сил в определении количеств или прав однозначно складывается в пользу более богатых стран, принимающих мигрантов, которые принимают решения о том, стимулировать ли возврат квалифицированных трудовых мигрантов, чтобы избежать утечки умов из их родных стран, или предоставлять им возможность оставаться в стране с тем, чтобы местные жители получали преимущества, связанные с иммиграцией специалистов. Страны происхождения могут лишь реагировать на такую политику, принимая решения о том, поощрять или ограничивать трудовую эмиграцию в те или иные страны.

Выводы

С помощью программ привлечения временных трудовых мигрантов рабочая сила перемещается из страны в страну. В соответствии с экономической теорией рабочие, которые переезжают из стран с низким уровнем дохода в страны с более высоким доходом, получают основные преимущества от таких программ, и такая — организованная — трудовая миграция повышает глобальную экономическую эффективность. Существует несколько типов программ привлечения трудовых мигрантов, от тех, которые жестко ограничивают время работы иностранцев в стране, до тех, которые стимулируют въезд временных мигрантов, подразумевая, что они могут превратиться в иммигрантов. В центре внимания этой статьи — программы, которые нацелены на привлечение временных работников для осуществления долгосрочных или годовых контрактов.

Те страны, где присутствует большое число нелегальных мигрантов, часто рассматривают программы привлечения трудовых мигрантов как компромисс между двумя крайностями: нет границ и нет мигрантов. Аргументы в пользу легальных трудовых мигрантов и против нелегальных очевидны. Работодатели заявляют, что они не могут найти местных рабочих для выполнения определенных работ за среднюю заработную плату, в то время как многие мигранты хотят работать за рубежом и получать больше. Для того, чтобы избежать опасений, связанных с трудностями интеграции иностранцев второго и третьего поколений, правительства часто предпочитают прибегать к «заимствованию» работников в более бедных странах.

Более ранние программы привлечения гастарбайтеров едва ли можно считать успешными, т.к. они не сумели обеспечить временности пребывания иностранцев и закончились тем, что мигранты осели в стране с семьями. Для того, чтобы избежать повторения этого в XXI веке, важно включить в программы привлечения временных рабочих экономические механизмы, которые обеспечили бы следование условиям программ и помогли не превратить трудовых мигрантов в постоянный элемент исторического пейзажа как в принимающих странах, так и в странах происхождения. Если это получится, двери развитых государств откроются шире для легальных временных рабочих.

Преимущества от эффективного осуществляемых программ привлечения временных мигрантов получают и мигранты, и принимающие страны, и — что, однако, менее очевидно — страны выезда. В обзоре литературы по миграции и развитию, подготовленном МОТ, говорится, что «миграция может в некоторых случаях оказывать положительное воздействие на развитие страны выезда, если послдняя уже ступила на путь развития; однако, она не может создать условия для такого развития» (ILO, 2004, С. 30). Всемирный Банк, оценивая перспективы экономического развития, также утверждает, что «миграцию нельзя рассматривать как замену экономическому развитию в странах выезда, поскольку в первую очередь развитие зависит от внутренней экономической политики» (World Bank, 2005).

Существование потенциальных конфликтов между странами назначения и странами происхождения мигрантов указывает на необходимость диалога и сотрудничества. Принимающие страны предпочитают лучших работников, скажем, в сфере информационных технологий или здравоохранения. Профессионалы могут больше заработать и соответственно больше денег переведут на родину, но они также с большей вероятностью могут поселиться за границей навсегда, что естественно снизит объем переводов. Пока неясно, может ли призыв, обращенный к развивающимся странам — не беспокойтесь, если ваши лучшие представители уезжают за рубеж, т.к. вы получите больше денежных переводов, — быть дискредитирован, как это произошло полвека назад с призывом ускорить развитие, создавая высокие тарифные преграды для сталелитейной и других отраслей промышленности.

Правительства и международные институты, выступающие за расширение практики программ привлечения временных рабочих в XXI веке, еще не ощутили всю глубину фундаментальной дилеммы, связанной с тем, что, с одной стороны, неравенство мотивирует людей к миграции, но, с другой стороны, после их переезда законы требуют равенства в отношении. Страны, в которых равенству в отношении не придается особого значения, привлекают наибольшее количество мигрантов, как например, Ближний Восток, в то время как в странах, которые твердо придерживаются принципа равенства, мигрантов мало, как в Скандинавии. По-видимому, нет простого или универсального ответа на вопрос о том, что является большим приоритетом — количество или права, но все же абсолютно ясно, что основные права мигрантам должны быть гарантированы.

Bibliography

- Chanda, Rupa. 2004. Movement and Presence of Natural Persons and Developing Countries: Issues and Proposals for the GATS Negotiations. South Centre Working Paper 19. May. www.southcentre.org/
- Chaudhuri, Sumanta, Aaditya Mattoo, and Richard Self. 2004. Moving People to Deliver Services: How can the WTO help? *Journal of World Trade*. Vol. 38, No. 3; 363-94
- Cholewinski, Ryszard. 1997. *Migrant Workers in International Human Rights Law: Their Protection in Countries of Employment*. Oxford
- Cornelius, Wayne A., Takeyuki Tsuda, Philip L. Martin, and James F. Hollifield. Eds. 2004. *Controlling Immigration. A Global Perspective* Stanford University Press.
- Global Commission on International Migration (GCIM),. 2005. Migration in an interconnected world: New directions for action. (www.gcim.org/en/finalreport.html)
- Hasenau, Michael. 1991. ILO Standards on Migrant Workers: The Fundamentals of the UN Convention and Their Genesis, *International Migration* Vol 25-687-688
- Hamilton, B. and J. Whalley. 1984. Efficiency and Distributional Implications of Global Restrictions on Labour Mobility. *Journal of Development Economics*, 14:61-75
- ILO. International Labor Organization. 2004. *Towards a Fair Deal for Migrant Workers in the Global Economy*. Geneva.
- Kindleberger, Charles. 1967. *Europe's Postwar Growth - the Role of Labor Supply*. Cambridge MA. Harvard University Press.
- Martin, Philip. 2003. *Promise Unfulfilled: Unions, Immigration, and Farm Workers*. Ithaca. Cornell University Press.
- Martin, Philip, Manolo Abella and Christiane Kuptsch. 2006. *Managing Labor Migration in the Twenty-First Century*. Yale University Press.
<http://yalepress.yale.edu/yupbooks/book.asp?isbn=0300109040>
- Miller, Mark J. and Philip L. Martin. 1982. *Administering foreign-worker programs: Lessons from Europe*. Lexington, MA: Lexington Books, D.C. Heath and Company.
- OECD. 2005. *OECD in Figures*. Paris. July. www.oecd.org
- OECD. 2006. *International Migration Outlook*. Paris. www.oecd.org
- Ruhs, Martin. 2005. Designing Viable and Ethical Labor Immigration Policies. Chapter 10 in *World Migration 2005*. International Organization for Migration.
- Ruhs, Martin and Philip Martin. 2006. Numbers vs. Rights: Trade-offs and guest worker programmes. *Compas WP*. December. www.compas.ox.ac.uk/publications/Working%20papers/wp-06-40.shtml
- Smith, James and Barry Edmonston. Eds. 1997. *The New Americans: Economic, Demographic, and Fiscal Effects of Immigration*. Washington. National Research Council.
- UN United Nations. 2006. *Report of the Secretary-General on International Migration (A/60/871)*. May. www.unmigration.org
- World Bank. 2005. *Global Economic Prospects (GEP) 2006*. Washington. November.
- World Bank. 2006. *World Development Indicators*. Washington DC.

НА ПУТИ К ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются теоретические идеи, объясняющие предложение международных мигрантов, спрос на их услуги, мотивацию их перемещений и эффективность государственной политики по регулированию межстранового движения людей. Эти идеи предлагаются в качестве руководства по созданию усовершенствованных моделей прогнозирования. Предложение международных мигрантов, вероятно, определяется переходным периодом на рынках развивающихся стран, что, в свою очередь, приводит к установлению торговых, транспортных, политических и коммуникационных связей между развивающимися и развитыми странами. Спрос на иммигрантов в последнее время связан с сегментацией рынков труда. Эти структурные изменения, в свою очередь, связаны с желанием преодолеть нехватку капитала, кредитов и страхования рынков, несбалансированность рынка труда. В моделировании миграции необходимо учитывать влияние миграционных сетей и эффект обратной связи. Параметры таких обратных связей согласно их логистическим функциям делают возможным модели прогнозирования, которые лучше анализируют динамические эффекты миграционных сетей и анализируют будущую миграцию на основе предыдущего опыта.

Прогнозирование численности и состава населения той или иной страны является сложной задачей, потому что необходимо делать предположения относительно будущих тенденций рождаемости, смертности и миграции. Даже если кому-то удастся сделать довольно точные предположения о будущем демографическом поведении в статике, в динамике могут произойти совершенно непредсказуемые изменения. Стихийные бедствия, эпидемии, войны, депрессии и технологические прорывы могут радикально изменить демографические процессы, как прямо, так и косвенно. Из-за неожиданно произошедших экзогенных изменений, демографы США и других развитых стран не смогли предвидеть две наиболее важные демографические тенденции в послевоенный период: детский бум в 1950-х и 1960 году, а также резкое увеличение ожидаемой продолжительности жизни в 1970—1980-е годы.

Несмотря на прошлые неудачи, рождаемость и смертность в развитых странах в настоящее время находится на низком уровне, и при нормальном стечении обстоятельств можно ожидать, что изменения сложившейся ситуации будут происходить очень медленно, с дрейфующим снижением смертности и очень незначительным изменением рождаемости в краткосрочном периоде.

Если не брать во внимание возможность катастроф, будущие изменения в смертности едва ли будут резкими; и хотя рождаемость имеет большой потенциал к изменениям в будущем, тем не менее, возврат к увеличению рождаемости по принципу «беби бума» маловероятен. Потенциал естественного прироста населения в развитых странах является

небольшим, а в некоторых странах уже начался процесс естественной убыли населения.

Так как показатели смертности и рождаемости снизились, а их временные колебания уменьшились, международная миграция стала наиболее динамичным источником демографических изменений. В 1990-е годы, например, иммигранты составляли треть населения США, а к концу столетия эта доля достигла 40%. К сожалению прогнозистов населения, миграция является наиболее сложным для предсказания демографическим фактором. Так как между рождением и смертью люди могут неоднократно перемещаться или не перемещаться вообще. Кроме того, поскольку уровни рождаемости и смертности следуют характеристикам возрастной структуры, они очерчивают перемещения как изменения уровней, из-за чего график возрастной миграции гибок и не так сильно связан с общим уровнем мобильности населения.

Структура смертности и рождаемости хорошо представляется на графических моделях. Достаточно объединить среднюю продолжительность жизни с общим показателем рождаемости, и можно применить модель рождаемости и смертности для проектирования на графике будущего населения со значительной степенью точности. До тех пор, пока оценки тенденций общих коэффициентов рождаемости и смертности являются относительно точными, прогнозы будут весьма хороши. Прогнозировать миграцию сложнее, ведь уровень и возраст в модели мобильности чувствительны к краткосрочным изменениям в обществе, экономике и политическим изменениям. Кроме того, эффект миграции проходит через взаимодействие двух очень разных видов поведения — въезд и выезд, — на которые могут влиять совершенно различные факторы в совершенно разных местах.

В результате этих эмпирических особенностей, демографы Соединенных Штатов и других развитых стран не могли предвидеть всплеск иммиграции после 1960-хх гг., в отличие от весьма удачного прогнозирования смертности и рождаемости, но и в последующие 40 лет демографы не достигли лучших результатов в прогнозировании международной миграции (Massey and Zenteno 1999). Опыт США показывает конкретный пример провала прогнозирования с учетом текущих реалий. В 1964 году, например, Бюро переписи населения США, прогнозируя будущее население США, предсказало иммиграцию в 300 тыс. человек ежегодно, согласно фиксированной возрастной и половой структуре. По этому предположению к 1995 г. в США должно было иммигрировать в общей сложности 9,3 млн. человек. Однако на деле общее количество легальных иммигрантов за этот период составило 19,2 млн. чел, на 50% больше прогнозируемого. Эта цифра не учитывает эмиграцию, но даже с учетом ее приток составил 12,9 млн. чел., т.е. на 40% больше прогнозирувавшейся цифры. Кроме того, официальная статистика охватывает лишь легальную часть притока. Если мы предположим, что

приток нелегальных иммигрантов составляет 100 тыс. чел. в год, тогда общий приток иммигрантов в 1995г. увеличится до 15.9 млн.чел.

Также демографы не принимали во внимание тот факт, что к моменту обнародования Бюро переписи населения США данных о прибытии ежегодно 300 тыс. иммигрантов, эти сведения оказались уже устарелыми. Чтобы убедиться, что эти цифры представляются разумными, окунемся в историю Соединенных Штатов. Уровень легальной иммиграции за последние десятилетия только трижды превысил 300 тыс. человек (в 1956 г., 1957 г. и 1963 г.), так что эти цифры кажутся разумными. К сожалению, после 1965 года валовая годовая миграция никогда не опускалась ниже 325 тыс. и к 1967 году она составила 362 тыс. человек в год. После 1965 года незаконная миграция также увеличилась.

В конечном итоге демографы поняли, что предполагаемый уровень иммиграции был слишком мал, и в 1967 году они увеличили его до 400 тыс. человек в год. Однако в течение 10 лет уровень легальной иммиграции превысил и эту цифру и уже не опускался. Несмотря на этот факт, Бюро переписи населения США придерживалось этого показателя вплоть до 1980-х годов, когда уровень легальной иммиграции вырос до 600 тыс. человек в год. В 1984 году демографы повысили уровень миграции до 450 тыс. человек в год, а к 1989 году до 500 тыс. К сожалению, к 1989 году уровень легальной валовой иммиграции достигает уже 1 млн. чел в год, а уровень нелегальной иммиграции оценивается в 200 тыс. чел в год.

К началу 1990-х гг. демографы Бюро переписи населения США наконец-то повышают оценку уровня притока иммигрантов до 880 тыс. чел. Но даже эта цифра оказалась неправдоподобно низкой: в 1990-е гг. уровень легальной иммиграции составлял в среднем 1 млн. чел в год, плюс еще 300 тыс. незаконных иммигрантов ежегодно. С 2000 года уровень легальной иммиграции в среднем составляет 950 тыс. чел в год (U.S. Department of Homeland Security 2004), а уровень нелегальной иммиграции резко вырос до 600 тыс. чел в год (Passel, 2005). По оценкам, в настоящее время общий уровень иммиграции в США достигает 1,3 млн. чел в год.

Ясно, что предположение о постоянном возрастании уровня иммиграции на основании прошлых тенденций не является совершенной прогнозной моделью. В период стремительного роста иммиграции демографы сильно проигрывают, пытаясь ее догнать в своих оценках, внося уточнения в слишком малых количествах и слишком поздно. В этих условиях иммиграция и ее вклад в рост населения постоянно занижаются. Неудачи последних прогнозов иммиграции очевидны, но могут ли демографы работать лучше? В этой статье я пытаюсь доказать, что могут. Вместо простых предположений, которые устанавливают объем и возрастную структуру иммиграции на фиксированных уровнях, я считаю, что предположения о будущей иммиграции должны быть динамичными и учитывать весь спектр факторов, влияющих на объем и возрастную

структуру иммиграции. Для прогнозирования международной миграции, таким образом, необходимо четкое понимание движущих сил миграции и эмиграции во всем мире. Как минимум, это понимание должно использоваться для создания теоретически и эмпирически обоснованных выводов о будущих тенденциях международной миграции, а не просто оценки предполагаемого масштаба и возрастной структуры миграции. В конечном счете, однако, общие прогнозы нуждаются в детализации на уровне структурных статистических моделей, которые отображали бы влияние различных факторов на различных уровни анализа, и на то, как они влияют на движение людей через границы.

Элементы всеобъемлющей модели миграции

Несмотря на то, что решения о том зачем, куда и когда мигрировать, в конечном счете, принимаются конкретными людьми, эти люди неизбежно «встроены» в домашние хозяйства и общины, которые, в свою очередь, также включены в социальные, экономические и культурные матрицы, которые распространяются на региональном и национальном уровнях; нации же сами находятся в глобальных сетях торговли, политики и инвестиций. В результате, нет простой модели международной миграции, которая могла бы объяснить прежние тенденции или спрогнозировать будущие, поэтому в последнее время исследовательская работа нацелена на разработку интеграционных моделей, которые объединяют различные уровни и дисциплины (см. Brettell and Hollifield, 2000).

В суммирующем анализе миграционных теорий, сделанном для Международного Союза по изучению проблем народонаселения (IUSSP), Массей и другие авторы (Massey et al., 1998, С. 50) выражают серьезный скептицизм: «и в отношении атомистических теорий, которые отрицают важность структурных факторов для принятия решений отдельными индивидуумами, и структурных теорий, которые отрицают важность принятия решений на уровне индивидуальных личностей и семей. Вместо принятия узких аргументов о теоретической эксклюзивности, мы выдвигаем более широкую позицию, где текущие процессы, имеющие отношение к международной миграции, могут функционировать на нескольких уровнях одновременно, ведь именно этим объясняется их полезность при решении эмпирических и логических задач».

В этой статье я обобщаю ведущие теоретические модели международной миграции и оцениваю доказательства их основных аргументов. На основании этого я предлагаю всеобъемлющий подход к моделированию международной миграции. Я утверждаю, что при любой попытке серьезного анализа международной миграции необходимо обратить внимание на шесть основных вопросов: Какие структурные силы в странах-донорах порождают большое количество людей, желающих переехать за границу? Какие структурные силы в принимающих странах

порождают постоянный спрос на рабочую силу иммигрантов? Какова мотивация людей, которые реагируют на структурные силы с помощью переезда за границу, и как эта мотивация определяет поведение людей? Какие транснациональные социальные структуры, возникающие в результате глобализации вообще и международной миграции в частности, влияют на вероятность будущих перемещений? Что определяет действия национальных правительств в области международной миграции? И, наконец, в какой степени правительства могут реализовать поставленные цели в области иммиграционной политики и как фактические результаты отличаются от планировавшихся?

Структурные источники предложения иммигрантов

Существует широко распространенное мнение о том, что международная миграция возникает не из-за недостатка экономического развития, а из-за недоразвитости самой страны (Massey, 1988; Massey and Taylor, 2004; Williamson, 2005). Источником наибольшего числа мигрантов являются не наименее развитые страны мира, а наибольшее количество мигрантов приходит не из беднейших районов и общин. И в Мексике, и в Китае районами происхождения международных мигрантов являются те, которые находятся в стадии быстрого экономического развития (Massey and Espinosa, 1997; Liang and Morooka, 2004). Именно структурные трансформации общества создают и расширяют рынки, производящие наибольшее количество всех мигрантов в мире.

Переход от командной системы или натурального хозяйства к рыночной системе предполагает глубокое преобразование социальных институтов и культурной практики. Правовая система по исполнению контрактов, имущественные права, права собственности на землю и суды должны заслуживать доверия; должна быть создана достаточная для поддержания рыночных отношений социальная, культурная и экономическая инфраструктура; должна быть построена инфраструктура транспорта и связи для того, чтобы создать возможность и скоординировать движение рабочей силы, капитала, товаров и услуг между зонами спроса и предложения. В ходе этих трансформаций люди в большом количестве вытесняются из традиционных форм существования в фермерство (по мере того как натуральное сельское хозяйство уступает коммерческому) или из государственных предприятий (поскольку государственные предприятия были приватизированы в прежних командных экономиках). Вытесняемые таким образом люди являются основным источником международной миграции как сейчас, так и в прошлом (Hatton and Williamson, 1998; Massey et al., 1998).

Структурные источники спроса на иммигрантов

Несмотря на давление, существующее в странах происхождения, небольшое количество мигрантов покидают свои страны из-за того, что там нет спроса на их услуги. Поскольку нелегальные мигранты, как правило, не

подпадают под государственное социальное обеспечение, у них нет другой возможности прокормить себя, кроме как работать. В результате, у них даже меньше шансов остаться в стране назначения без работы, чем у легальных мигрантов. Большинство мигрантов в трудоспособном возрасте начинают работать сразу же после прибытия в страну. Среди мужчин иммигрантов, легально прибывших в США в 1996 году, например, 85% из тех, кто имели опыт нелегального пребывания в стране, устроились на работу в течение двенадцати месяцев после прибытия, а среди тех, кто не имел нелегального опыта — лишь две трети (Jasso et al., 2000). В конце 1990-х годов спрос на труд в США был таков, что руководитель Службы иммиграции и натурализации приостановил работу сайта инспекции и объявил о прекращении всего внутреннего давления (Billings, 1999). За последние три десятилетия Соединенные Штаты и другие развитые страны продемонстрировали необыкновенно сильный и стабильный спрос на труд иммигрантов, независимо от делового цикла.

Причины этого сильного и постоянного спроса заложены в сегментированном характере рынков рабочей силы в развитых постиндустриальных экономиках. Двойственный характер теории рынка труда (Piore, 1979) объясняет этот устойчивый спрос с точки зрения иерархической структуры социально встроенных рынков рабочей силы, которая создает мотивационные проблемы у самого основания профессиональной пирамиды (где люди не склонны тяжело работать или оставаться на долгосрочной работе) и структурную инфляцию (т.к. повышение заработной платы в нижней части оказывает давление на заработную плату по всей иерархии). Сегментация рынка также вытекает из двойственного характера труда как переменного фактора и капитала как фиксированного фактора производства, который в капиталоемком секторе удовлетворяет постоянный спрос, а в трудоемком — решает проблему постоянных колебаний. Теория анклава (Portes and Bach, 1985) конкретизирует сегментацию рынка рабочей силы, указывая на то, что этнические общины также порождают их собственный спрос на иммигрантов и, возможно, при соответствующих обстоятельствах, он становится вертикально интегрированным в тех случаях, которые порождают долгосрочный спрос на работников — иммигрантов.

Структурная сегментация рынка рабочей силы была продемонстрирована эмпирически (Dickens and Lang, 1985; Bulow and Summers, 1986; Heckman and Hotz, 1986). Это сегментирование формирует постоянный спрос на неквалифицированных работников, готовых тяжело работать на непрестижных, унижительных местах с небольшими перспективами экономической мобильности, на людей, рассматривающих работу как краткосрочную возможность зарабатывания денег, а не как карьеру или возможность реализовать себя. В прошлом этот спрос удовлетворялся подростками, женщинами, работающими в качестве дополнительных работников до и после родов, а также мигрантами из

сельских областей, но демография развитых обществ ликвидировала эти источники, все активнее обращаясь к иммигрантам (Massey et al., 1998). Если иммигранты уже не въезжают в страну в достаточном количестве, работодатели дают толчок новому направлению через хорошо продуманный набор рабочей силы либо государственными, либо частными институтами, действующими от их имени.

Мотивы миграции

Социальная организация сегодняшней глобальной экономики, таким образом, характеризуется расширением сферы рыночной экономики на бывшие командные и натуральные экономики, порождая предложение большого количества мигрантов и повышение спроса на их услуги. Те, кто перемещаются в ответ на эти макроуровневые силы, являются не пассивными субъектами, а активными агентами, пытающимися добиться конкретных целей через транснациональные перемещения. Любая всеобъемлющая модель международной миграции должна концептуализировать устремления тех, кто готов участвовать в международной миграции, удовлетворяя потребности макроуровневых преобразований. Если вопрос стоит о том, чтобы воздействовать на поведение мигрантов через политическое вмешательство, крайне важно понимать причины миграции людей.

Наиболее известная модель принятия решений мигрантами – теория неоклассической экономики — утверждает, что люди перемещаются для максимизации прибыли в течение всей жизни (Todaro and Maruszko, 1986). Индивиды оценивают, сколько они могут заработать, оставаясь в своей местности, и сравнивают это с тем, что они могли бы заработать на различных других местах как внутри своей страны, так и на международном уровне. Затем они проектируют будущие доходы в различных местах на протяжении оставшейся части своей трудовой жизни, связывают это с чувствительным ко времени дисконтным фактором и затем вычитают ожидаемые затраты на миграцию в различных направлениях, получая некую внутреннюю оценку своих жизненных доходов.

В теории, люди направляются туда, где они рассчитывают получить наибольший доход от своего труда, так что в целом трудовые потоки направлены из стран с низким уровнем заработной платы в страны с более высокой заработной платой. Выезд работников из первых сокращает предложение там рабочей силы, повышается заработная плата, в то время как приток работников во вторые повышает предложение рабочей силы и соответственно снижает уровень заработной платы. Поток продолжается до тех пор, пока не наступит равновесие, когда пропадает разница в заработных платах, за исключением остатков, отражающих издержки перемещения, как финансовые, так и психологические (Todaro, 1976). Согласно неоклассической теории, иммигранты переезжают на постоянное место жительства и будут продолжать переезжать до тех пор, пока разница в заработных платах не пропадет.

Однако, максимизация дохода, получаемого на протяжении всей жизни — не единственный потенциальный мотив для международной миграции. Альтернативная теоретическая модель — известная как новая экономика трудовой миграции (НЭТМ) — призвана объяснить транснациональные перемещения. Эта модель утверждает, что международная миграция является средством, с помощью которого человек со скромными средствами может преодолеть или восполнить нехватку рынка капитала, кредита или страхования (Stark, 1991), что имеет особую ценность в обществах, находящихся в процессе экономического развития (Massey et al, 1998). В отличие от постоянного проживания за рубежом, характерного для теории неоклассической экономики, НЭТМ делает упор на циркулярную миграцию и репатриацию доходов в виде денежных переводов или сбережений. Вместо постоянного переезда за границу для максимизации жизненных доходов, люди перемещаются за границу временно для изменения доходов своего домохозяйства или накопления денежных средств, со стремлением решить конкретные экономические проблемы дома в рамках подготовки к возможному возвращению.

В развивающихся странах рынки труда изменчивы и характеризуются колебаниями, которые делают их периодически не способными принимать полные потоки работников, постоянно вытесняемых из дорыночных и нерыночных секторов. В отсутствие страхования на случай безработицы, что типично для развивающегося мира, домохозяйства сами страхуют себя путем посылания своих членов на географически обособленный рынок труда. Таким образом, домохозяйства диверсифицируют свой «трудовой портфель», чтобы сократить риски в получении доходов так же, как инвесторы диверсифицируют портфели акций, чтобы избежать риски в получении богатства. Например, если сельское домохозяйство в Мексике посылает старшего сына на работу в Мехико, а отца в Лос-Анжелес, в случае неурожая или неустойчивых доходов от сельского хозяйства семья сможет рассчитывать на доход, получаемый в других местах, в стороне от местных условий.

Еще один общий для развивающихся стран экономический «провал» заключается в отсутствии или недоразвитии рынков капитала и потребительского кредита. Домохозяйства стремятся использовать новые формы ведения сельского хозяйства или ищут возможности создания нового бизнеса, но для этого необходимы деньги для закупки производственных мощностей и начала производства, а переход к рыночной экономике создает новый потребительский спрос на такие дорогостоящие вещи, как дома, автомобили и различные устройства. Финансирование такого производства и потребления требуют денежных средств, но слаборазвитая и бедная банковская система не удовлетворяет новым требованиям к капиталу и кредиту, предоставляемых домохозяйствам в различных странах, — вот еще один мотив для международной трудовой миграции. Посылая члена семьи за границу на

временный трудовой заработок, домохозяйство может накопить средства для самостоятельного инвестирования в производство и приобретения крупных партий товаров народного потребления.

Появление транснациональных структур

Мировая экономика, состоящая из товаров, капитала, услуг, информации, предметов потребления и сырья, относительно свободно пересекающих международные границы, опирается на сложившуюся инфраструктуру транспорта, коммуникаций и управления, которая объединяет страны, участвующие в мировой торговле, и обеспечивает международную безопасность (Massey et al., 1998). По мере того, как расширяется торговля между двумя странами, развиваются различные инфраструктуры, облегчающие их взаимоотношения, таким образом уменьшая операционные затраты на них. Однако вместе с уменьшением затрат на перевозку товаров, услуг и продукции, также уменьшаются затраты, связанные с миграцией населения. В результате страны, которые участвуют в торговле, также имеют тенденцию к развитию миграции. Люди, обладающие человеческим капиталом, мигрируют в развивающиеся страны, в то время как рабочая сила стремится в развитые (Massey и Taylor, 2004).

Как только начинается процесс миграции, появляется новая социальная инфраструктура, контролируемая непосредственно ее участниками, что дает толчок к развитию миграции, создавая нескончаемый процесс, известный как кумулятивная причинная обусловленность (Myrdal, 1957; Massey, 1990). Мигранты, которые уезжают впервые, не имеют социальных связей, и для них процесс миграции является дорогостоящим, особенно если приходится въезжать в другую страну без документов. Поэтому первыми международными мигрантами были не низшие слои общества, а люди со средним достатком (Portes, 1979; Massey, Goldring, and Durand, 1994). После того, как первые мигранты уехали, затраты на миграцию их друзей и родственников, оставшихся на родине, существенно снизились. Из-за родства и дружбы, каждый новый мигрант на новом месте жительства попадает в группу людей с определенными социальными связями. Мигранты неизбежно связаны с оставшимися на родине людьми обязательствами, основанными на родстве и дружбе. Оставшиеся на родине могут использовать эти обязательства, существенно уменьшая свои затраты для получения работы, жилья и другой поддержки.

Как только число связей достигает критического уровня, процесс миграции становится нескончаемым, так как миграция создает социальную структуру, необходимую для этого. Каждый новый мигрант уменьшает стоимость последующего переселения друзей и родственников, которые, возможно, тоже будут мигрировать, что расширит набор людей со связями за границей и, в свою очередь, уменьшит затраты для нового набора людей и так далее. Недавние эмпирические исследования придерживаются этого сценария, показывая, что данные связи существенно увеличивают

вероятность международной миграции (Massey and Garcia Espana, 1987; Palloni et al., 2001; Munshi 2003; Massey and Aysa, 2005).

В конечном счете получается, что в обществе практически все жители имеют тесные связи с мигрантами. Когда достигается этот уровень развития, стоимость миграции прекращает падать с каждым новым участником, и количество мигрантов снижается (Massey and Zenteno, 1999). В то же время, отток мигрантов сокращается, когда на местах ощущается нехватка рабочей силы и повышается заработная плата (Gregory, 1986). Таким образом, темпы миграции снижаются и постепенно угасают (Massey et al., 1994).

Поведение государств

В отсутствие правительственных действий размер и состав международных миграционных потоков были бы определены исключительно предшествующими факторами — структурными факторами в странах происхождения и назначения, стратегическим поведением мигрантов, конкретными побуждениями, появлением транснациональных структур для управления потоками, но на сегодняшний день все страны стремятся влиять на число и характеристики иммигрантов. Таким образом, государственная политика действует как фильтр на то, как различные воздействия макроуровня и побуждения микроуровня проявляются на практике, чтобы привлечь конкретные группы иммигрантов с определенными характеристиками. Поведение государств в миграционной области должно опираться на четкую статистическую картину международной миграции, поскольку политика выстраивается в зависимости от внутренних и внешних условий.

Государственная политика по отношению к иммиграции является частью политического процесса, в котором конкурирующие интересы взаимодействуют в бюрократических, законодательных, судебных и общественных областях, чтобы выработать и осуществить политику, влияющую на поток и особенности иммигрантов. Недавние теоретические и эмпирические исследования приводят к заключениям об основах иммиграционной политики в основных принимающих странах (Massey 1999). Во-первых, даже если не совсем ясно, какие экономические соображения принимаются в расчет, тем не менее очевидно, что макроэкономическое «здоровье» страны играет ключевую роль в формировании политики иммиграции. Периоды экономического спада сопровождаются ограничительными мерами, в то время как экономический подъем связан с политикой стимулирования иммиграции (Lowell et al., 1986; Shughart et al., 1986; Foreman-Peck, 1992; Goldin, 1994; Timmer and Williamson, 1998).

Кроме того, иммиграционная политика чувствительна к объему международной миграции; большой приток мигрантов приводит к ограничительной политике (Timmer and Williamson, 1998; Meyers, 2004). Политика иммиграции также связана с крупными идеологическими течениями в обществе, ограничивая иммиграцию в периоды социальной

стабильности и консерватизма, и приоткрывая двери в периоды твёрдых принципов поддержки открытой торговли, а также с геополитическими конфликтами по идеологическим причинам (Meyers, 2004). Во времена политики холодной войны капиталистические страны приняли большое количество беженцев из коммунистического сообщества на «льготных» условиях, а защитники свободной торговли стремились открыть границы как для рабочих, так и для капитала, предметов потребления, и товаров. В целом, эти заключения предполагают, что развитые страны все более склоняются к ограничительной политике, даже если они уменьшают барьеры для миграции между собой.

Мейерс (Meyers, 2004) делит иммиграционную политику принимающих страны на три основные категории: в отношении трудовых мигрантов; в отношении беженцев и в отношении постоянных переселенцев (что может включать бывших трудовых мигрантов и беженцев). Политика трудовой миграции в основном определяется бюрократическим путем заинтересованными экономическими группами (предпринимателями и рабочими), которые взаимодействуют с чиновниками без участия общественности, приводя к «клиентской политике» формирования миграционной политики (Calavita, 1992; Freeman, 1995; Joppke, 1998). Политика, связанная с беженцами, также сформулирована бюрократическим образом без участия общественности, приводя к несколько иной «клиентской политике» переговоров между исполнительной властью и различными социальными группами, имеющими политические или гуманитарные интересы (Meyers, 2004). Политика в отношении постоянных иммигрантов формируется при участии общественности, когда интересы политических деятелей, законодателей и обычных граждан учитываются больше бюрократических и особых интересов.

Граждане, хотя и в различной степени, имеют тенденцию к ксенофобии и враждебны к иммиграции. Небольшие, но влиятельные меньшинства также выступают против иммиграции по идеологическим причинам, в частности из-за поддержки нулевого прироста населения или уменьшения воздействия на окружающую среду. Однако большая часть граждан плохо организована и политически безразлична. Она предоставляет достаточно хорошо финансируемым и более организованным заинтересованным лицам, работающим через бюрократические каналы, определять политику иммиграции. В периоды высокой иммиграции, стабильной заработной платы и роста неравенства население «пробуждается», и политические деятели этим пользуются для мобилизации избирателей, политизируя процесс формирования политики иммиграции, заменяя «клиентскую политику» общественной политикой. Это произошло в Соединенных Штатах в 1986–1996 гг., когда последовательные действия миграционной политики сделали более трудным для латиноамериканцев оформить свой правовой статус и усилили средства охраны границ.

Эффективность ограничения

Основная идея правительственной политики в отношении иммиграции, в общем-то, довольно ясна — в отсутствие необходимости принимать большое количество иммигрантов по идеологическим причинам демократические правительства стремятся к ограничению иммиграции в периоды высокого притока населения, растущего неравенства и экономической нестабильности. Именно такие условия преобладают в настоящее время и будут преобладать в обозримом будущем в Соединенных Штатах. В то время как намечаемые цели государственной политики относительно ясны, основной вопрос заключается в способности государства достигнуть их. Государства могут пытаться регулировать иммиграцию, но не факт, что это будет достигнуто на практике. Желаемые результаты могут быть частично достигнуты или не достигнуты вовсе, и, возможно, государственное вмешательство приводит к противоположным результатам.

Разрыв между намерениями политики и ее фактическими успехами имеет своим результатом то, что в последние годы почти все развитые страны вынуждены признать наличие большого числа «нежелательных» иммигрантов (Joppke, 1998). Даже притом, что большинство стран проводят специальную политику, нацеленную на предотвращение въезда и поселения иммигрантов, либеральные демократические государства нашли пути осуществления ограничений при помощи нескольких важных факторов (Cornelius, Martin, и Hollifield, 1994). Во-первых, это сама мировая экономика, которая находится вне досягаемости национальных правительств, но которая генерирует мощные социально-экономические силы, стимулирующие крупномасштабные потоки международной миграции (Sassen, 1996, 1998). Во-вторых, это внутренний конституционный порядок либеральных демократических государств, укрепленный появлением универсального режима прав человека, который защищает права иммигрантов и мешает политикам навязывать ограничительную политику (Hollifield, 1992; Cornelius, Martin, и Hollifield, 1994; Freeman, 1992, 1995; Jacobson, 1997). Третье ограничение — это существование независимой судебной власти, которая ограждена от политического давления и с которой избранные политики должны считаться, разрешая иммигрантам в либеральных демократических государствах обращаться в суд, чтобы противостоять ограничительной политике, осуществляемой законодательными и исполнительными властями (Joppke, 1998).

Таким образом, эффективность ограничительной иммиграционной политики существенно различается в зависимости от пяти основных факторов: относительная сила и автономия государственной бюрократии; относительное число людей, стремящихся иммигрировать; степень конституционной гарантии политических прав граждан и иностранцев; относительная независимость судебной власти; существование «традиций»

иммиграции. Взаимодействие этих пяти факторов дает возможность государству осуществить ограничительную политику иммиграции, как показано в табл. 1 (Massey, 1999).

На одном полюсе сосредоточены авторитарные государства, которые испытывают недостаток независимой судебной власти и узаконенного режима конституционной защиты, и которые не имеют никакой традиции иммиграции, такие как экспортирующие нефть страны Персидского залива. Например, Саудовская Аравия и Кувейт, гомогенные исламские государства во главе с наследственными монархами, правящими централизованными авторитарными государствами. Чиновники в Странах Персидского залива имеют возможность проводить жесткую ограничительную иммиграционную политику. Законы и инструкции, управляющие перемещением населения в этом регионе намного более жесткие, чем те, которые преобладают в Европе или Северной Америке (Halliday, 1984; Dib, 1988; Sell, 1988; Abella, 1992).

Следующими по возможности государств осуществлять ограничительную политику иммиграции следуют демократические государства Западной Европы и Восточной Азии с сильной централизованной бюрократией, но с умеренной потребностью в привлечении населения из-за рубежа и незначительной внутренней традицией иммиграции. Политическая элита в этих странах может добиться определенного успеха в ограничении иммиграции, но, как сказано выше, иммигранты несут с собой важные ресурсы (моральные, политические и юридические), чтобы противостоять действиям государства и обойти юридические ограничения на въезд и поселение. Затем следуют государства Южной Европы и Южной Азии, которые также нет особых традиций иммиграции, но в которых также нет сильной централизованной бюрократии, способной к эффективному навязыванию своей воли обществу. Таким образом, иммигранты в Испании, Италии, Греции, Таиланде, или Малайзии имеют значительно больше свобод для преодоления барьеров, а государства имеют меньшие возможности вводить политику ограничения иммиграции и бюрократические процедуры.

Наконец, на противоположном от стран Персидского залива полюсе сосредоточены страны, в которых нет жесткой централизации власти, но сильны традиции индивидуальной свободы и иммиграция является элементом культуры. В таких странах как Канада и Австралия имеются развитые социальные и политические инфраструктуры для поддержки иммигрантов, защиты их прав и обеспечения их интересов. Самый наглядный пример этой категории – Соединенные Штаты, где есть устоявшееся уважение к индивидуальным правам, настойчивое противостояние централизации власти, сильная конституция, защищающая индивидуальные права, независимая и мощная судебную власть. В Соединенных Штатах иммиграция – это не просто исторический факт, но часть национального мифа «братства людей» (Smith 2003).

Табл. 1. Концептуальная классификация факторов, влияющих на способность государства проводить ограничительную иммиграционную политику

	Устойчивость бюрократических институтов	Спрос на Въезд	Стабильность Конституционной Защиты	Независимость Судебной Власти	Традиции иммиграции	Континиум положения государства
Отношение к положению государства:	Позитивное	Негативное	Негативное	Негативное	Негативное	Негативное
Кувейт	Высокая	Умеренная	Низкая	Низкая	Низкая	Высокая
Сингапур	Высокая	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Низкая	–
Великобритания	Высокая	Умеренная	Низкая	Умеренная	Низкая	–
Швейцария	Высокая	Умеренная	Высокая	Высокая	Низкая	–
Германия	Высокая	Умеренная	Высокая	Высокая	Низкая	–
Франция	Высокая	Умеренная	Высокая	Высокая	Умеренная	
Аргентина	Низкая	Высокая	Умеренная	Умеренная	Высокая	–
Испания	Низкая	Умеренная	Высокая	Высокая	Низкая	–
Канада	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	–
США	Средняя	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Низкая

Источник: Massey (1999)

Уроки для прогнозирования

В дальнейшем изложении мы покажем, что международная миграция происходит из большого числа факторов действующих на различных уровнях, часто со сложными переплетениями и обратными связями. Так что не удивительно, что международная миграция оказывается намного динамичней, чем предполагали демографы в своих прогнозных моделях, и что статические предсказания, основанные на постоянных предположениях и фиксированных идеях, оказались не в состоянии предсказать ход развития иммиграции в большинстве стран в последней четверти 20-ого столетия. Что даст нам дальнейший анализ в познании природы международной миграции и нашей способности предсказать направление ее будущего развития?

Влияние развития рынков

Основным уроком является то, что огромная роль в управлении миграцией и ее поддержке во всем мире играют рынки. В развивающихся странах миграция (и внутренняя и международная) является побочным продуктом структурного преобразования общества, которое происходит по мере расширения рыночной экономики, проникающей во все сферы социально-экономической жизни. Рост и расширение национальных рынков, в свою очередь, связаны с включением страны в глобальные сети торговли, инвестиций и координации, поддерживающих глобальный рынок. По мере того, как страны подобные Китаю и Индии присоединяются к глобальному торговому режиму и переходят от натурального сельского хозяйства и производству, управляемому государством с помощью рыночных механизмов, в результате чего возрастает объем производства, все больше людей стремятся приспособиться к новым условиям в быстро изменяющейся рыночной экономике посредством участия в международном трудовом обмене. Демографы, стремящиеся предсказывать будущие уровни иммиграции для использования их в прогнозах населения, гораздо больше преуспели бы, если обратили бы особое внимание на ход развития событий в развивающихся странах по мере их перехода к рыночной экономике в ближайшие десятилетия.

В то же самое время демографы должны расширить сферу своего анализа и рассматривать не только рынки труда, но также и рынки капитала, кредитования и страхования. Построение хорошо функционирующей рыночной экономики – непростая задача, и на этом пути страны, вероятно, испытают периодические провалы рынка и продолжительные периоды, когда значительная часть населения вынуждена будет как-то реагировать на недостаточно быстрое развитие рынков. В прошлом демографы сосредотачивались в основном на международной разнице заработной платы как движущей силе международной миграции, и поскольку масштабные международные перемещения людей обычно не

происходят при отсутствии существенной разницы в заработной плате, она не является ни необходимым, ни достаточным условием для иммиграции (Massey et al., 1998). Теория неоклассической экономики базируется на географическом дисбалансе между национальными рынками труда как фундаментальной причине миграции, в то время как теория новой экономики трудовой миграции обращает большее внимание на провалы на кредитных, финансовых и страховых рынках как ведущие факторы.

Хотя некоторые люди мигрируют, чтобы повысить свои доходы, многие другие стремятся преодолеть провалы рынка в своей стране. Во всем мире единственная цель мигрантских денежных переводов и сбережений — строительство или приобретение недвижимости. Таким образом, мигранты переезжают как для преодоления недостатков рынков, так и для увеличения доходов (Massey и др., 1998). При сравнении гипотез, полученных из неоклассической экономики и НЭТМ, последняя обычно имеет больше объяснений (Stark и Taylor, 1989, 1991). Массей и Эспиноза (Massey и Espinosa, 1997) обнаружили, например, что на изменение масштабов миграции из Мексики в США больше влияют колебания процентной ставки на рынке недвижимости, чем колебания разницы в предполагаемых доходах. Как ни парадоксально, те, кем в наибольшей степени движет разница в уровне доходов, это люди, обладающие высоким человеческим капиталом — именно людей с образованием и квалификацией мировая экономика приветствует как мигрантов (Massey и Taylor, 2004). В построении моделей структурного прогноза или оценивая уровень иммиграции в статических моделях важно рассматривать степень и скорость расширения рынка в различных странах мира, рассматривать не только рынки труда, но и рынки капитала, кредитования и страхования, и различать миграции людей, продающих рабочую силу и стремящихся максимизировать отдачу от своего человеческого капитала.

Признание циркулярной миграции

Признавая важность процессов иммиграции, демографы часто недооценивают масштабы и значение эмиграции при оценке роли международной миграции в приросте населения. В США эта тенденция является результатом «американского мифа» о том, что приезжая в Америку, иммигранты попадают в рай. При этом упор делается на постоянных переселениях, в полном соответствии с теорией неоклассической экономики, которая рассматривает миграцию в большей степени как постоянное перемещение в целях повышения доходов, а не как краткосрочную жизненную стратегию, нацеленную на обеспечение накоплений или сокращение рисков.

Неудивительно, что предыдущие прогнозные модели основывались на существовании фиксированного числа международных мигрантов, распределенных по полу и возрасту, как будто чистая миграция являлась дискретным множеством, определяемым заданным набором детерминант. В

действительности иммиграция составляет небольшую часть больших потоков людей как в страну, так и из страны; въезд и выезд зависят от абсолютно различных факторов, действующих в разных географических районах. За исключением ирландских переселенцев и еврейской миграции из России, международная миграция в течение всего периода классической эры иммиграции в США в период с 1880 по 1920 гг. была преимущественно цикличной и определялась колеблющимися условиями в странах выезда и въезда (Thomas, 1973; Wyman, 1993; Hatton и Williamson, 1998).

Миграционные потоки в конце XX столетия также были преимущественно циркулярными, так что эмиграция составляла в среднем не меньше трети от иммиграции в США (Jasso и Rozenzweig, 1982; Warren и Kraly, 1985). Действительно, две трети из тех, кто въезжает в США в качестве «новых» иммигрантов, уже бывали в стране в том или ином статусе (Massey и Malone, 2003; Redstone и Massey, 2004). Так что вместо того, чтобы расценивать исключительно преимущество сальдо международной миграции, демографам не мешало бы оценивать раздельно масштаб и особенности эмиграции и иммиграции для целей прогнозирования. Соответственно, было бы больше толку для прогнозирования, если бы моделировались каждый из двух потоков, определяемые различными детерминантами.

Здесь уместен пример США. Прогнозы 1990-х гг. терпели неудачу не из-за того, что уровень иммиграции изменился, а из-за того, что уровень эмиграции упал до рекордно низкой отметки, чего демографы из Бюро переписей не учли, так как не искали в нужном месте (Massey, Durand, и Malone, 2002; Massey, 2005). Раздельное рассмотрение иммиграции и эмиграции обосновано не только эмпирически, необходимость его описана и теоретически в НЭТМ, которая включает в анализ возвратную миграцию (Massey et al. 1998).

Чистая международная миграция определяется въездом и выездом иностранцев, однако, в нынешних международных передвижениях участвуют и граждане стран. Приблизительно 4,2 миллиона американских граждан проживали за границей во время последней переписи (U.S. Department of State, 2002), и хотя это составляет незначительное число по сравнению с 31,1 миллионами иностранцев в США; появление у американцев желания жить за границей может со временем оказать существенное влияние на прогнозирование населения, например, по мере распространения эмиграции в связи с выходом на пенсию или бизнес-эмиграции.

Учитывать влияние обратной связи

Еще одна причина, по которой не оправдывались прогнозы Бюро переписи населения относительно величины иммиграции в 1980-х – 1990-х годах заключается в том, что они не учитывали значительное влияние «внутренних факторов», встроенных в иммиграционный процесс

посредством социальных сетей. Их называют «покровительством» миграции (Tilly and Brown, 1967), «эффектом семьи и друзей» (Levy and Waduckia, 1973), «цепной миграцией» (MacDonald and MacDonald, 1974) или «капиталом миграции» (Taylor, 1986). Эти сетевые связи придают миграции сильный внутренний импульс. Когда кто-то, у кого нет опыта участия в миграции, имеет социальную связь с кем-либо, кто в настоящий момент является или в прошлом являлся международным мигрантом, вероятность его или ее перемещения на международном уровне значительно выше в сравнении с теми, кто не имеет подобных связей. (Massey et al., 1998). Этот основной эмпирический факт образует петлю обратной связи между прошлым миграционным поведением людей внутри социальной сети и будущим миграционным поведением тех, кто на данный момент не является мигрантом, но участвует в той же сети, и тем самым приводит к процессу обратной связи, известному как кумулятивная причинность (Massey, 1990).

Важный урок для демографов: чем большее число иммигрантов из определенной страны/места происхождения прибывает в страну в настоящее время, тем больше можно ожидать иммигрантов в будущем, вплоть до асимптотических пределов, установленных логистической кривой. Массей и Зентено (Massey и Zenteno, 1999) показали, что встраивание обратной связи через миграционные сети в модель прогнозирования мексиканской иммиграции в США увеличило число иммигрантов по сравнению со статическими прогнозами на 85% в течение 5 десятилетий, и это позволяет получить более точные оценки численности населения в будущем. Хаттон и Уильямсон (Hatton и Williamson, 1994, 1998) установили, что эффект сети преобладал в статистических моделях эмиграции из Европы в классическую эпоху, особенно во времена резкого роста масштаба миграции, вскоре после начала массового передвижения.

Не стоит удивляться непредвиденным последствиям

Несмотря на то, что государственная политика может в известной мере влиять на рождаемость и смертность, в целом эффект оказывается нестабильным, косвенным, постепенный и, в результате достаточно скромным. Энергичная пронаталисткая политика, поощряющая рождаемость в некоторых европейских странах, была ограниченно успешной (Morgan, 2003), значительные инвестиции в биомедицинские исследования и здравоохранение привели скорее к скромному, чем заметному увеличению средней продолжительности жизни в последнее время (Wachter и Finch, 1997). В противоположность этому, изменения в иммиграционной политике после 1965 г. серьезно влияют на изменения численности и структуры иммигрантов в США, причем часто в неожиданных и часто в непредсказуемых направлениях (Massey, Durand и Malone, 2002).

Как уже упоминалось, иммиграционная политика развивается в соответствии с внутренней политикой и в большей степени основывается на идеологии и выгоды, чем на какой-либо реалистичной оценке международной миграции как социального и экономического процесса. В результате государственное вмешательство с целью соответствовать внутренним политическим интересам или удовлетворить пожелания отдельных избирателей зачастую приводит к непредвиденным последствиям, которые могут как увеличивать, так и ограничивать поток иммигрантов в страны назначения.

Снова США предоставляет нам отличный пример. Начало современной эпохи международной миграции обычно ассоциируется с принятием поправок к Закону об Иммиграции и Гражданстве в 1965 г., когда была установлена новая система «предпочтений» при выдаче виз потенциальным иммигрантам на основании родства с жителями США и в меньшей степени на основании внутренних потребностей страны в рабочей силе. В целом, наибольшее число виз иммигрантам было предназначено для прямых родственников граждан США и иностранцев, постоянно проживающих в стране. Например, в 2004 г. две трети всех резидентских виз получили родственники людей, уже находящихся в США, по сравнению с 16%, предоставленными на основании соображений трудоустройства (U.S. Department of Homeland Security, 2005).

Система предпочтений была создана, чтобы уничтожить дискриминацию на основе национального происхождения и, как думали в то время, не будет иметь серьезных последствий для расширения иммиграции в долгосрочной перспективе. Но выдача виз для родственников граждан и резидентов, постоянно проживающих в стране – большинство из них сами бывшие иммигранты – непреднамеренно укрепило, если не возвело в статус процесс цепной миграции, что придало американской иммиграции мощный импульс (Massey и Phillips, 1999). Каждый раз, когда иммигрант получает «зеленую карту», это создает новые льготы для въезда родственников этого лица, и если новый иммигрант в итоге добивается гражданства, круг людей, имеющих право на въезд, расширяется еще больше (Jasso и Rosenzweig 1988; Massey, Durand, и Malone, 2002).

Законодатели в 1965 г. не понимали ту роль, которую играют миграционные сети в динамике международных перемещений, и постановления, направленные на устранение дискриминации, укрепили одну из основных петель обратной связи, посредством которой иммиграция укореняется во времени. Аналогично, в 1986 г. члены конгресса стремились предотвратить нелегальную миграцию, увеличивая ресурсы и персонал для усиления пограничного режима, что привело к милитаризации мексико-американской границы на два десятилетия. С 1988 года, число офицеров пограничных служб утроилось, и бюджет пограничной службы увеличился десятикратно (Durand и Massey, 2003).

Стратегия властей предполагала, что иммиграция — это улица с односторонним движением, и вряд ли иммигранты будут покидать страну, как только им будет гарантирован въезд. Представители Конгресса были незнакомы с новой экономикой трудовой миграции, которая утверждает, что трудовое перемещение мотивируется желанием решить экономические проблемы дома и предполагает возвращение. Мексиканская миграция исторически была главным образом циркулярной, особенно среди тех, у кого не было необходимых документов (Reichert и Massey, 1979). Массей и Сингер (Massey и Singer, 1995) подсчитали, что между 1965 и 1985 гг., 85% нелегальных въездов в страну были «компенсированы» отъездами, и даже многие «постоянные» легальные резиденты приезжали и уезжали сезонно, пересекая границу без разрешения.

Законодатели были также незнакомы с опытом европейских стран, которые после 1973 г. перестали привлекать к работе иностранцев и попытались закрыть свои границы. Хотя число гастарбайтеров упало, их место заняло растущее число супругов и иждивенцев и то, что было круговым потоком мужской рабочей силы, стало оседлым населением семей, поскольку мужчины укрепили свое положение и отказались уезжать из страны, опасаясь, что не смогут вернуться позже (Martin and Miller, 1980). В конце концов темп прироста иностранного населения ускорился в ответ на попытки Европы закрыть границы.

Почти то же самое произошло в 1986–2006 гг. в Соединенных Штатах. Запуск «операции Блокады» в Эль-Пасо в 1993 году и «операции Сторож» в Сан-Диего в 1994 году увеличили в три раза как расходы, связанные с нелегальным пересечением границы, так и риск смерти (Massey, 2005). В ответ нелегальные мигранты предприняли вполне разумные шаги, чтобы минимизировать пересечение границы — они не прекращали мигрировать, но оставались в США на более длительный срок и не возвращались, уж коли сумели въехать (Massey, Durand, и Malone, 2002). Продолжительность поездок удлинились (Reyes, 2004) и уровень возвращения резко упал (Riosmena, 2004), в то время как величина иммиграции оставалась довольно постоянной и вероятность задержания действительно упала. В результате, чистый приток нелегальных мигрантов в страну стремительно возрос. Число нелегальных мигрантов в Соединенные Штаты в результате увеличилось до беспрецедентного уровня, и испаноговорящие обогнали чернокожих как самое многочисленное национальное меньшинство за десятилетие до того, как это предсказали демографы.

Хотя и то и другое из вышеупомянутых последствий были непреднамеренными и неожиданными для законодателей, тем не менее, тот, кто знаком с современной теорией и исследованиями в области международной миграции, мог их предугадать. Действительно, влияние современных законов иммиграции на разрастание миграционных сетей и накопление социального капитала было открыто предсказано на основании теории социального капитала (Massey, 1988). Аналогично, эффект

воздействия усиления пограничного режима на снижение уровня возвратной миграции был предсказан уже в 1982 г. Рейчертом и Мэсси (Reichert and Massey, 1982), а его воздействие на снижение вероятности задержания было зафиксировано в 1998 году Сингером и Массеем (Singer and Massey, 1998). Законодатели, не отягощенные научным пониманием иммиграции, тем не менее, предпочитают эскалацию пограничного контроля, тем самым резко увеличивая «вклад» иммиграции в рост численности населения США в последнее десятилетие.

Заключение: создание лучшей модели

Предшествующее изложение предлагает демографам методологическое основание в решении вопроса, какой уровень иммиграции принять в будущих прогнозах, выдвигая основу для более точных оценок будущих тенденциях эмиграции и иммиграции. Однако, в конечном счете, работа по прогнозированию миграционных тенденций требует построения полной эконометрической модели, связывающей въезды и выезды из Соединенных Штатов с ключевыми факторами, установленными теорией и предшествующим исследованием, что позволяет учитывать обратные связи во времени и между уровнями. Несмотря на то, что построение такой модели — трудная задача, и это не тема данной статьи, мы, тем не менее, можем установить, какие переменные являются значимыми с теоретической и практической точки зрения.

Совокупное предложение международных мигрантов из различных стран мира, вероятно, будет определяться местоположением этих стран в континууме рыночного развития, исходя из таких ключевых индикаторов миграционного потенциала, как индустриализация, рост сферы услуг и приватизация. Существование политических союзов и появление торговых, транспортных и коммуникационных связей, в свою очередь, определяет во многом вероятные направления передвижения потенциальных мигрантов. Наиболее важные «политические» переменные, которые должны быть включены в модель прогноза международной миграции – это расположение войск и военных баз развитыми странами (Jasso и Rosenzweig 1990). Страны, в которые солдаты посланы по геополитическим причинам, очень вероятно, станут источниками международных мигрантов, потому что неизбежно формируются взаимоотношения, и между солдатами и местными женщинами заключаются браки.

Спрос на иммигрантов также связан с продолжающейся сегментацией рынков труда в развитых промышленных странах и ограниченным предложением национальных рабочих, которые готовы удовлетворить спрос на рабочих во вторичном секторе. Социологи разработали несколько схем классификации, которые потенциально могут быть использованы для распределения потребности по профессиям, для того чтобы оценить степень сегментации по годам (Tolbert, Horan, и Beck, 1980). Потенциальное предложение рабочих может быть измерено как относительное число

женщин в возрасте 25–65, которые уже не являются рабочей силой, и относительное число молодых людей в возрасте 15–20, кто не занят ни в школе, ни на работе.

Люди, которые реагируют на эти структурные факторы, становясь международными мигрантами, вероятно, мотивированы разными целями. Те, кто стремятся максимизировать свой доход, обращают внимание на уровень заработной платы в Соединенных Штатах и других потенциальных странах назначения, что говорит о необходимости включения различий в заработной плате в моделях международной миграции. Те, кто стремятся преодолеть недостаток капитала, кредита и страховых рынков, больше интересуются относительным количеством банков, процентными ставками и страховым охватом. Современные теории и исследования утверждают, что необходимо включать в анализ больше экономических переменных, чем просто разрыв в уровень заработной платы.

Наконец, необходимо не только моделировать влияние миграционных сетей, но и зафиксировать эффекты их обратной связи с течением времени. Идеальным показателем для таких целей было бы относительное число людей определенной страны происхождения, имеющих миграционный опыт, в пределах страны происхождения, однако, данные относительно наличия миграционного опыта в пределах отдельных поселений не существуют, и наиболее распространенным показателем является относительная численность мигрантов из страны, которые уже обосновались в стране назначения (Dunlevy и Gemery, 1977; Walker и Hannan, 1989). Таким образом, важнейший фактор определения количества прибывающих из конкретной страны — это относительное число мигрантов из этой страны, которые находились в стране назначения в какой-то момент в прошлом, скажем, пять лет назад. Оценка параметров таких отстающих во времени взаимосвязей в соответствии с логистической функцией позволило бы прогнозным моделям лучше учитывать динамические эффекты миграционных сетей в содействии будущей иммиграции на основании прошлого опыта (Massey и Zenteno, 1999).

На данный момент, основное препятствие построению полной и точной модели международного перемещения — не теоретического или технического плана. Как социологи, мы знаем, какие переменные являются важными и как они действуют для определения международного движения населения. Мы также владеем статистическими инструментами, необходимыми для оценки сложных эффектов и взаимосвязей, которые являются динамическими во времени и пересекающимися аналитические уровни. То, в чем мы испытываем недостаток на данный момент — это статистические данные, адекватные задаче. В большинстве стран информация относительно иммигрантов ограничена содержанием заявления о выдаче визы (Levine, Hill и Singer, 1985). Поэтому первый заказ бизнеса по созданию лучших моделей международной миграции

заключается в улучшении государственных возможностей сбора данных по миграции и их обработки. На данный момент достаточно сложно правильно смоделировать прошлые миграционные потоки в большинство стран, еще труднее планировать их на будущее.

Литература

- Abella, Manolo I. 1992. "Contemporary Labour Migration from Asia: Policies and Perspectives of Sending Countries." Pp. 263-78 in Mary M. Kritz, Lin Lean Lim, and Hania Zlotnik, eds., *International Systems: A Global Approach*. Oxford: Oxford University Press.
- Billings, Deborah. 1999. "Meissner Announces New INS Strategy To Combat Smuggling of Illegal Workers." *Daily Labor Report* No. 61, March 31, 1999.
- Brettell, Caroline, and Hollifield, James F. 2000. *Migration Theory : Talking Across the Disciplines*. New York: Routledge.
- Bulow, Jeremy I., and Lawrence H. Summers. 1986. "A Theory of Dual Labor Markets with Application to Industrial Policy, Discrimination, and Keynesian unemployment." *Journal of Labor Economics* 4: 376-414.
- Calavita, Kitty. 1992. *Inside the State: The Bracero Program, Immigration, and the I.N.S.* New York: Routledge.
- Cornelius, Wayne A., Philip L. Martin, and James F. Hollifield. 1994. "Introduction: The ambivalent quest for immigration control," in Wayne A. Cornelius, Philip L. Martin, and James F. Hollifield (eds.), *Controlling Immigration: A Global Perspective*. Stanford: Stanford University Press, pp. 3-41.
- Dib, George. 1988. "Laws governing migration in some Arab countries," in Reginald T. Appleyard (ed), *International Migration Today, Volume I: Trends and Prospects*. Perth: University of Western Australia for the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, pp. 168-179.
- Dickens, William T., and Kevin Lang. 1985. "A Test of Dual Labor Market Theory." *American Economic Review* 75:792-805.
- Dickens, William T. (1988), 'The reemergence of segmented labor market theory', *American Economic Review*, 78, 129-34.
- Dunlevy, James A., and Henry A. Gemery. 1977. "The Role of Migrant Stock and Lagged Migration in the Settlement Patterns of Nineteenth Century Immigrants." *Explorations in Economic History* 29:228-49.
- Durand, Jorge, and Douglas S. Massey. 1992. "Mexican Migration to the United States: A Critical Review." *Latin American Research Review* 27:3-43.
- Durand, Jorge, and Douglas S. Massey, 2003. "The Costs of Contradiction: U.S. Immigration Policy 1986-1996." *Latino Studies* 1:233-52.
- Foreman-Peck, James. 1992. "A political economy model of international migration, 1815-1914," *The Manchester School* 60: 359-376.
- Freeman, Gary P. 1992. "Migration policy and politics in the receiving states," *International Migration Review* 26: 1144-1167.
- Freeman, Gary P. 1995. "Modes of immigration politics in liberal democratic states." *International Migration Review* 29: 881-902.
- Goldin, Claudia. 1994. "The political economy of immigration restriction in the U.S., 1890 to 1921," in Claudia Golden and Gary Libecap (eds.), *The Regulated Economy: A Historical Approach to Political Economy*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 223-257.
- Gregory, Peter. 1986. *The Myth of Market Failure: Employment and the Labor Market in Mexico*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Halliday, F. 1984. "Labour migration in the Arab world," *Middle East Research and Information Project Report*, No. 123.
- Hatton, Timothy J., and Jeffrey G. Williamson. "What Drove the Mass Migrations from Europe in the Late Nineteenth Century?" *Population and Development Review* 20:533-60.
- Hatton, Timothy J., and Jeffrey G. Williamson, 1998. *The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact*. Oxford: Oxford University Press.
- Heckman, James J., and V. Joseph Hotz. 1986. "An Investigation of the Labor Market Earnings of Panamanian Males: Evaluating the Sources of Inequality." *Journal of Human Resources* 21:507-42.
- Jacobson, David. 1997. *Rights Across Borders: Immigration and the Decline of Citizenship*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Jasso, Guillermina, Douglas S. Massey, Mark R. Rosenzweig, and James P. Smith. 1999. "The New Immigrant Survey Pilot Study: Overview and New Findings About U.S. Legal Immigrants at Admission." *Demography* 37:127-38

- Jasso, Guillermina, and Mark R. Rosenzweig. 1982. "Estimating the Emigration Rates of Legal Immigrants using Administrative and Survey Data: The 1971 Cohort of Immigrants to the United States." *Demography* 19:279-90.
- Jasso, Guillermina, and Mark R. Rosenzweig. 1988. "Family Reunification and the Immigration Multiplier: U.S. Immigration Law, Origin-Country Conditions, and the Reproduction of Immigrants." *Demography* 23:291-311.
- Jasso, Guillermina, and Mark R. Rosenzweig. 1990. *The New Chosen People: Immigrants in the United States*. New York: Russell Sage.
- Joppke, Christian. 1998. "Why liberal states accept unwanted immigration," *World Politics* 50: 266-293.
- Levine, Daniel B., Kenneth Hill, and Burton Singer. 1985. *Immigration Statistics: A Story of Neglect*. Washington, D.C.: National Academies Press.
- Levy, Mildred B., and Walter J. Wadycki. 1973. "The Influence of Family and Friends on Geographic Labor Mobility: An Intercensal Comparison." *The Review of Economics and Statistics* 55:198-203.
- Liang, Zai, and Hideki Morooka. 2004. "Recent Trends of Emigration from China: 1982-2000." *International Migration* 42:145-64..
- Lowell, B. Lindsay, Frank D. Bean, and Rodolfo O. de la Garza. 1986. "The dilemmas of undocumented immigration: An analysis of the 1984 Simpson-Mazzoli vote." *Social Science Quarterly* 67: 118-127.
- MacDonald, John S., and Leatrice D. MacDonald. 1974. "Chain Migration, Ethnic Neighborhood Formation, and Social Networks." Pp. 226-36 in Charles Tilly, ed., *An Urban World*. Boston: Little, Brown.
- Martin, Philip L., and Mark J. Miller. 1980. "Guestworkers: Lessons from Western Europe." *Industrial and Labor Relations Review* 33:315-30.
- Massey, Douglas S. 1988. "International Migration and Economic Development in Comparative Perspective." *Population and Development Review* 14:383-414
- Massey, Douglas S. 1990. "Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration." *Population Index* 56:3-26.
- Massey, Douglas S. 1988. "Immigration Adjustments Ignore Chain Effect of Family Eligibility." *Los Angeles Times*, April 6.
- Massey, Douglas S. 1999. "International Migration at the Dawn of the Twenty-First Century: The Role of the State." *Population and Development Review* 25:303-23.
- Massey, Douglas S. 2005. "Beyond the Border Buildup: Towards a New Approach to Mexico-U.S. Migration." *Immigration Policy IN FOCUS* 4(6). Washington, DC: Immigration Policy Center, American Immigration Law Foundation, August 2005.
- Massey, Douglas S., Joaquin Arango, Ali Koucouci, Adela Pelligrino, and J. Edward Taylor. 1998. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford: Oxford University Press.
- Massey, Douglas S., and Maria Aysa. 2005. "Social Capital and International Migration from Latin America: A Comparative Analysis." Paper presented at the Congress of the International Union for the Scientific Study of Population, Tours, France, July 18-23.
- Massey, Douglas S., Jorge Durand, and Nolan J. Malone. 2002. *Beyond Smoke and Mirrors: Mexican Immigration in an Age of Economic Integration*. New York: Russell Sage Foundation.
- Massey, Douglas S. and Kristin E. Espinosa. 1997. "What's driving Mexico-U.S. migration? A theoretical, empirical and policy analysis," *American Journal of Sociology* 102: 939-999.
- Massey, Douglas S., and Felipe Garcia España. 1987. "The Social Process of International Migration." *Science* 237:733-38.
- Massey, Douglas S., Luin P. Goldring, and Jorge Durand. 1994. "Continuities in Transnational Migration: An Analysis of 19 Mexican Communities." *American Journal of Sociology* 99:1492-1533.
- Massey, Douglas S., and Nolan J. Malone. 2003. "Pathways to Legalization." *Population Research and Policy Review* 21:473-504.
- Massey, Douglas S., and Julie A. Phillips. 1999 "Engines of Immigration: Stocks of Human and Social Capital in Mexico." *Social Science Quarterly* 81:33-48.
- Massey, Douglas S. and Audrey Singer. 1995. "New Estimates of Undocumented Mexican Migration and the Probability of Apprehension." *Demography* 32: 203-213.
- Massey, Douglas S., and J. Edward Taylor. 2004. *International Migration: Prospects and Policies in a Global Market*. Oxford: Oxford University Press
- Massey, Douglas S., and Rene Zenteno. 1999. "The Dynamics of Mass Migration." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 96(8):5328-335.
- Meyers, Eytan. 2004. *International Immigration Policy : A Theoretical and Comparative Analysis*. London: Palgrave MacMillan.
- Morgan, S. Philip. 2003. "Is Low Fertility a Twenty-First-century Demographic Crisis?" *Demography* 40:589-603

- Munshi, Kaivan. 2003. "Networks in the Modern Economy: Mexican Migrants in the U.S. Labor Market." *Quarterly Journal of Economics* 118:549-97.
- Myrdal, Gunnar. 1957. *Rich Lands and Poor*. New York: Harper and Row.
- North, Douglass C. 1990. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. New York: Cambridge University Press.
- Palloni, Alberto, Douglas S. Massey, Miguel Ceballos, Kristin Espinosa, and Mike Spittel. 2001. "Social Capital and International Migration: A Test Using Information on Family Networks." *American Journal of Sociology* 106:1262-99.
- Passel, Jeffrey S. 2005. *Estimates of the Size and Characteristics of the Undocumented Population*. Pew Hispanic Center Report, March 21, 2005. Washington, D.C.: Pew Hispanic Center.
- Piore, Michael J. 1979. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*. New York: Cambridge University Press.
- Portes, Alejandro, and Robert L. Bach. 1985. *Latin Journey : Cuban and Mexican Immigrants in the United States*. Berkeley: University of California Press.
- Portes, Alejandro, and John Walton. 1981. *Labor, Class, and the International System*. New York: Academic Press.
- Redstone, Ilana, and Douglas S. Massey. 2004. "Coming to Stay: An Analysis of the Census Question on Year of Arrival." *Demography* 41:721-38.
- Reichert, Joshua S., and Douglas S. Massey. 1979. "Patterns of Migration from a Central Mexican Town to the United States: A Comparison of Legal and Illegal Migrants." *International Migration Review* 13:599-623.
- Reichert, Joshua S., and Douglas S. Massey. 1982. "Guestworker Programs: Some Evidence from Europe and the United States and Some Implications for U.S. Policy." *Population Research and Policy Review* 1:1-17.
- Reyes, Belinda I. 2004. "U.S. Immigration Policy and the Duration of Undocumented Trips." Pp. 299-321 in Jorge Durand and Douglas S. Massey, eds., *Crossing the Border: Research from the Mexican Migration Project*. New York: Russell Sage.
- Riosmena, Fernando. 2004. "Return versus Settlement among Undocumented Mexican Migrants, 1980-1996." Pp. 265-80 in Jorge Durand and Douglas S. Massey, eds., *Crossing the Border: Research from the Mexican Migration Project*. New York: Russell Sage.
- Sassen, Saskia. 1988. *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sassen, Saskia. 1996. *Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization*. New York: Columbia University Press.
- Sassen, Saskia. 1998. "The de Facto Transnationalizing of Immigration Policy." Pp 49-85 in Christian Joppke, ed., *Challenge to the Nation State: Immigration in Western Europe and the United States*. Oxford: Oxford University Press.
- Sell, Ralph R. 1988. "Egyptian international labor migration and social processes: toward regional integration," *International Migration Review* 22: 87-108.
- Shughart, William, Robert Tollison, and Mwangi Kimenyi. 1986. "The political economy of immigration restrictions," *Yale Journal on Regulation* 51: 79-97.
- Singer, Audrey and Douglas S. Massey. 1998. "The social Process of undocumented border crossing," *International Migration Review* 32: 561-592.
- Smith, Rogers M. 2003. *Stories of Peoplehood: The Politics an Morals of Political Membership*. New York: Cambridge University Press.
- Stark, Oded. 1991. *The Migration of Labor*. Cambridge: Basil Blackwell.
- Stark, Oded, and J.Edward Taylor. 1989. "Relative Deprivation and International Migration." *Demography* 26:1-14.
- Stark, Oded, and J.Edward Taylor. 1991. "Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation." *The Economic Journal* 101:1163-78.
- Taylor, J. Edward. 1986. "Differential Migration, Networks, Information and Risk." Pp. 147-71 in Oded Stark, ed., *Migration Theory, Human Capital and Development*. Greenwich, CT: JAI Press.
- Thomas, Brinley. 1973. *Migration and Economic Growth: A Study of Great Britain and the Atlantic Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tilly, Charles, and C.H. Brown. 1967. "On Uprooting, Kinship, and the Auspices of Migration." *International Journal of Comparative Sociology* 8:139-64.
- Timmer, Ashley S., and Jeffrey G. Williamson. 1998. "Immigration policy prior to the 1930s: Labor markets, policy interactions, and globalization backlash," *Population and Development Review* 24: 739-772.
- Todaro, Michael P. 1976. *Internal Migration in Developing Countries: A Review of Theory, Evidence, Methodology and Research Priorities*. Geneva : International Labor Office.
- Todaro, Michael P. and L. Maruszko. (1987), 'Illegal migration and U.S. immigration reform: a conceptual framework', *Population and Development Review*, 13, 101-14.
- Tolbert, Charles M., Patrick M. Horan, and E.M. Beck. 1980. "The Structure of Economic Segmentation: A Dual Economy Approach." *American Journal of Sociology* 85:1095-116.

- U.S. Department of Homeland Security. 2004. 2003 Yearbook of Immigration Statistics. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.
- U.S. Department of Homeland Security. 2005. 2004 Yearbook of Immigration Statistics. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office
- U.S. Department of State. 2002. U.S. Department of State Website. <http://www.state.gov/>
- Wachter, Kenneth, and Caleb E. Finch, eds. 1997. *Between Zeus and the Salmon: The Biodemography of Longevity*. Washington, D.C. : National Academy Press.
- Walker, Robert, and Michael Hannan. 1989. "Dynamic Settlement Processes: The Case of U.S. Immigration." *Professional Geographer* 41:172-83.
- Warren, Robert, and Ellen P. Kraly. 1985. "The Elusive Exodus: Emigration from the United States." *Population Trends and Public Policy*, No. 8. Washington, D.C.: Population Reference Bureau.
- Williamson, Jeffrey. 2005. *The Political Economy of World Mass Migration: Comparing Two Global Centuries*. Washington, D.C.: AEI Press. Williamson, Oliver. 1996. *The Mechanisms of Governance*. New York : Oxford University Press.
- Wyman, Mark. 1993. *Round Trip to America: The Immigrants Return to Europe 1880-1930*.

Миграции и демографическое развитие Украины

Введение

Первая попытка определения размеров населения Украины принадлежит украинскому историку Александру Ивановичу Ригельману. Используя метод политической арифметики, он рассчитал в 1785–1786 гг. численность жителей, населявших территорию, которая на момент воссоединения Украины с Россией в 1654 году находилась под властью правительства Богдана Хмельницкого.

Население Украины в XIX столетии быстро увеличивалось, особенно во второй его половине после отмены крепостного права в 1861 г. Если в 1835 г. число жителей страны составляло 8.7 миллионов человек, а в 1880 г. оно увеличилось до 15.7 миллионов, то к 1897 г. оно достигло 21.2 миллионов человек. В канун Первой мировой войны население Украины выросло до 28.9 млн. человек.

В XX столетии население Украины пережило несколько глубоких демографических кризисов. В 1917–1921 годах гражданская война и военный коммунизм с его репрессиями и хозяйственной разрухой унесли миллионы жизней, разъединили семьи и значительно ограничили процесс деторождения. Позднее, в 1929–1934 гг., демографические потери, сопряженные с коллективизацией и разрушением всего уклада патриархальной сельской жизни, депортациями множества крестьянских семей и ужасным голодомором, исчисляются несколькими миллионами. И, наконец, вторая мировая война с огромными человеческими потерями и разрывом семейных связей обусловила очередной, третий в XX столетии, демографический кризис.

Если гражданская война сопровождалась снижением рождаемости в основном классического типа — вследствие временного или необратимого разрыва семейных связей, то коллективизация и депортации 1929–1934 гг. сопровождалась сознательным отказом от рождения детей. Этически неприемлемый ранее аборт стал обыденным. Рождаемость так и не выросла после этого кризиса. И даже запрет аборт в 1936 г. практически ничего не изменил. А Вторая мировая война только закрепила тенденцию к внутрисемейному регулированию деторождения.

Во второй половине 1980-х годов Украина вступает в полосу очередного, четвертого по счету в XX столетии, демографического кризиса: начинается быстрое падение рождаемости и рост смертности. После распада СССР демографическая ситуация в Украине существенно ухудшается. Резкое снижение уровня жизни и утраченные социальные гарантии, неуверенность в завтрашнем дне заставила многих пересмотреть их брачные и репродуктивные планы. В первой половине 1990-х годов из

Украины начинается миграционный отток населения. Численность жителей в стране сокращается из года в год, однако к концу 1990-х и особенно в начале XXI столетия наступает стабилизация миграционной ситуации, а затем начинается медленное повышение рождаемости.

Изменения режима воспроизводства населения, потенциала демографического роста и жизненного потенциала населения Украины в процессе демографического перехода

В конце XIX столетия уровень рождаемости в Украине был очень высок: в 1896–1897 гг. общий коэффициент рождаемости составлял 48.8‰, а коэффициент суммарной рождаемости достигал 7.5 детей. Однако и смертность, особенно детская, была высокой: из тысячи новорожденных не доживали до года 199. Поэтому наиболее распространенной в Украине была семья не с семью-восемью детьми, а с четырьмя детьми в возрасте более 5 лет. А до 30-летнего возраста доживали только трое-четверо из 7–8 детей, рожденных в конце XIX столетия. Даже при очень высокой смертности численность населения Украины в XIX столетии быстро увеличивалась. И хотя в начале XX века рождаемость в Украине начала постепенно снижаться, ее уровень оставался по-прежнему достаточно значительным. В годы первой мировой войны падение рождаемости стало ощутимым (30.7‰), однако после ее окончания начался компенсационный подъем рождаемости, достигший максимума к 1926 году (42.1‰), после чего показатели рождаемости стали быстро сокращаться. На самом же деле снижение интенсивности деторождения началось еще до революции 1917 года, о чем красноречиво свидетельствуют суммарные коэффициенты рождаемости. Однако поскольку смертность снижалась еще быстрее, детность в семье в среднем оставалась той же, что и до революции.

Именно в начале XX столетия в Украине начался демографический переход к современному типу воспроизводства населения. К середине 1970-х он был полностью завершен. Страна перешла к модели двухдетной семьи. Контингент пожилых и старых людей быстро увеличивался. Масштабы и темпы демографического старения как «снизу», так и «сверху» в Украине в 1970-х определялись длительными изменениями в характере воспроизводства населения. Украина переступила порог демографической старости.

В 1970-х завершается процесс перестройки режима воспроизводства населения Украины. Этот вывод следует из наблюдения его обобщенных характеристик: брутто- и нетто-коэффициентов воспроизводства населения (Табл. 1). Напомним, что нетто-коэффициент воспроизводства не зависит от особенностей возрастно-половой структуры населения и указывает, в каком соотношении поколение родителей замещается поколением их детей. В условиях рождаемости и смертности 1969–1970 гг. у поколения женщин численностью 1000 человек рождаются 994 девочки, из которых только 962 доживут до возраста матери. А в 2004–2005 гг. 1000 украинских женщин

произвели на свет 587 девочек, из которых до возраста матери имели шанс дожить лишь 575.

Поскольку возрастная структура населения является самостоятельным фактором демографического развития, обратимся к оценке ее вклада в будущий прирост (убыль) населения в Украине. Наиболее распространенным методом такой оценки являются исчисление потенциала демографического роста, основанное на моделях стабильного или стационарного населения. Потенциал демографического роста позволяет ответить на вопрос: как изменится численность населения в условиях стабилизации параметров его воспроизводства (рождаемости и смертности) за счет исходной возрастной структуры.

Оценка потенциала демографического роста в Украине (Пирожков, 1985) показывает, что в первой фазе демографического перехода – с конца XIX столетия (1896–1897 гг.) и до 1926–1927 гг., этот показатель возрастал, достигнув значений соответственно 1.338 и 1.447, а на последующих его фазах — в 1958–1959 гг. и 1969–1970 гг., стал уменьшаться, сократившись сначала до 1.189, а затем — до 1.089. Значение потенциала демографического роста, достигнутое в Украине в 1969–1970 гг. (1.089) свидетельствует о том, что при постоянстве функций режима воспроизводства численность населения Украины увеличилась бы за период стабилизации на 8.9% за счет исходной возрастной структуры.

Таблица 1. Динамика брутто- и нетто-коэффициентов воспроизводства населения Украины в 1925-2005 гг.

Годы	Брутто-коэффициент воспроизводства населения	Нетто-коэффициент воспроизводства населения	Отношение величины нетто-коэффициента воспроизводства населения к % к его исходному уровню
1925-1926	2,560	1,685	100,0
1938-1939	1,900	1,391	82,6
1958-1959	1,125	1,049	62,2
1969-1970	0,994	0,962	57,1
1978-1979	0,955	0,923	54,8
1995-1996	0,653	0,636	37,7
1998-1999	0,557	0,544	32,3
2003-2004	0,578	0,566	33,6
2004-2005	0,587	0,575	34,1

Источник: Рассчитано по данным Государственного комитета статистики Украины.

Исследуя вклад возрастной структуры в прирост населения методом разложения коэффициента естественного прироста на составляющие — за счет влияния интенсивности режима воспроизводства и за счет вклада возрастной структуры, С. Пирожков приходит к следующим выводам (Пирожков, 1992).

Наибольшее абсолютное значение потенциала демографического роста было достигнуто в Украине в конце 1950-х годов, когда возрастная структура определяла формирование коэффициента прироста населения

Украины, перекрывая негативные последствия влияния его режима воспроизводства. С 1970-х вклад структурного фактора в прирост населения страны начинает быстро уменьшаться, что свидетельствует об утрате потенциала демографического роста, накопленного в возрастной структуре.

Анализ структуры жизненного потенциала населения Украины за период с 1897 по 1989 гг., осуществленный методами потенциальной демографии в разрезе трех крупных возрастных групп по данным переписей населения, свидетельствует о том, что на фоне заметного увеличения абсолютных размеров жизненного потенциала в каждой из них после 1939 г. темпы роста жизненного потенциала в трудоспособном возрасте снижаются и почти приостановился его рост в детском возрасте (0–14 лет). Жизненный потенциал населения, достигшего возраста 55/60 лет и старше, продолжал последовательно увеличиваться. При этом отмечены более высокие темпы этого роста для женщин, что объясняется не только постарением населения, но и увеличением разрыва показателей ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин.

Доля жизненного потенциала в детских возрастных группах до 15 лет в 1987–1989 гг. неуклонно уменьшалась (с 51.6% до 36.1%), а в старших возрастных группах увеличивалась (с 2.1% до 7.2%), что отражает радикальные изменения возрастной структуры населения Украины, связанные с его постарением.

Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Украине, а также коэффициентов Зундберга, характеризующих типы возрастной структуры, отражает кризисные явления в сфере воспроизводства населения Украины, которые приобрели особый размах с начала 1990-х. Лишь в 2000 г. произошла стабилизация суммарного коэффициента рождаемости на уровне 1.1 ребенок, а с 2002 г. этот показатель вырос до 1.2, сохраняя этот уровень до настоящего времени. К 2004–2005 гг. увеличивается и коэффициент нетто-воспроизводства населения Украины, хотя и незначительно (см. табл. 1).

Источники формирования прироста (уменьшения) численности населения Украины

Анализ динамики численности населения Украины и источников его прироста (убыли) в 1960–2005 гг. приводит нас к следующим выводам.

Население Украины выросло за этот период времени с 42468.6 тыс. чел. в 1960 г. до 52244.1 тыс. чел. в 1993 г. В дальнейшем оно начало уменьшаться, достигнув на 1 января 2006 г. 46929.5 тыс. чел. Такими размерами население страны характеризовалось в 1969-1970 гг. к моменту завершения демографического перехода. Естественный прирост жителей страны с 1960 г. по 1990 г. неизменно сохранял позитивные значения, хотя его величина и уменьшилась в несколько десятков раз — с 593.0 тыс. чел. в 1960 г. до 26.6 тыс. чел. в 1990 г.

Посильную поддержку демографическому развитию страны в этот период времени, за исключением лишь нескольких лет, оказывали

миграционные процессы. Миграционная убыль населения была отмечена лишь трижды: в 1961 г., 1976–1978 гг., а затем в 1982–1984 гг. Суммарные миграционные потери составили в общей сложности 182.1 тыс. чел. за эти годы. Зато миграционные приобретения увеличили население Украины в 1960–1990 гг. на 1128.6 тыс. чел. За счет естественного прироста население Украины в тот же период времени выросло на 8530.2 тыс. чел. Таким образом, вклад миграционного прироста составил в целом 10.0%, а вклад естественного прироста — соответственно 90% в общее увеличение численности населения Украины в 1960–1990 гг.

Следует также отметить, что в городских поселениях страны все эти годы и естественный прирост, и миграционный прирост населения неизменно сохраняли положительные значения. В сельской же местности Украины естественная убыль ее жителей впервые была отмечена уже в 1979 году, и с этого времени, собственно, и началась депопуляция в украинском селе. Миграционная убыль сельских жителей была зафиксирована еще до 1960 г. Ее деструктивный вклад в процесс воспроизводства сельского населения имел место вплоть до 1992 г., когда шоковая терапия, инфляция и безработица, поразившие страну после распада СССР, вынудили городских жителей искать источники выживания на сельской прародине.

С 1960 г. по 1978 г. включительно сельское население Украины выросло за счет естественного прироста на 2422, 9 тыс. чел., а миграционные потери сельских жителей за этот же период времени сократили его размеры на 4608.0 тыс. чел., превышая естественный прирост в 1.9 раза. За счет административно-территориальных преобразований сельское население уменьшилось еще на 1162.8 тыс. чел. В целом же украинское село потеряло за это время 3347.9 тыс. чел.

Типы динамики сельского населения Украины в 1970–1978 гг.

К моменту завершения демографического перехода депопуляционные процессы и миграционные потери нанесли невосполнимый урон сельскому населению страны практически во всех ее регионах. Обратимся к результатам анализа динамики сельского населения за 1970–1978 гг., выполненного по схеме Дж. Уэбба. Эта схема позволяет выделить 8 основных типов динамики, каждый из которых отражает не только направление изменения численности населения (рост или убыль), но и соотношение составляющих его источников (естественного и миграционного движения) и характер их динамики (Рис. 1).

Группировка сельских административных районов Украины по схеме Дж. Уэбба [Webb J. W., 1963] показывает, что тенденции и структура изменения численности сельского населения за период с 15.1.1970 г. по 1.1.1974 г. укладываются в следующие типы динамики: I, II, III, VIII, характеризующие рост населения; IV и V, отражающие его уменьшение; и промежуточный тип стационарного населения.

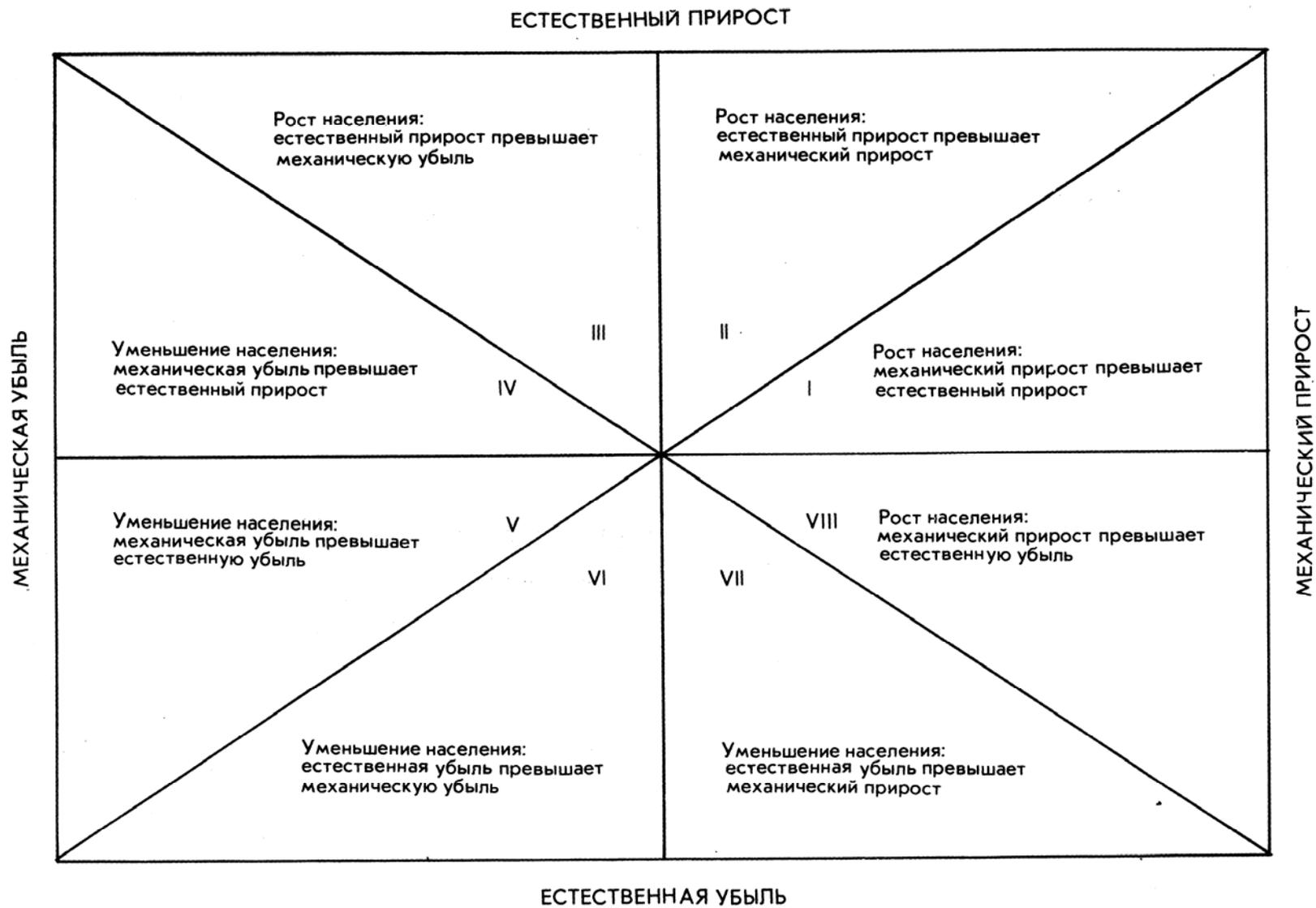
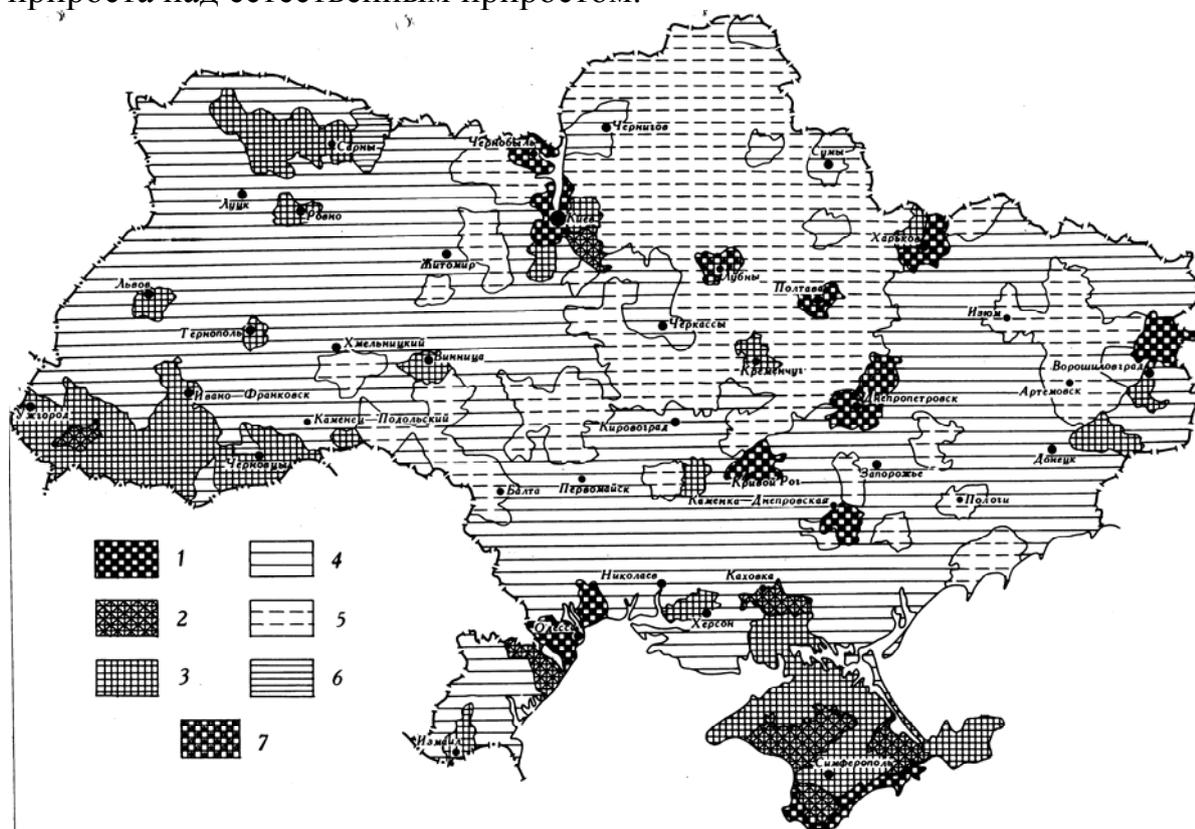

Рис. 1. Типы динамики населения по Дж. У. Уэббу

Подавляющая часть сельских административных районов Украины (400 из 476) принадлежит к IV и V типам: к IV типу относятся 270 районов, в которых миграционный убыль превышала естественный прирост; к V типу, который характеризуется превышением миграционной убыли над естественной убылью, принадлежит 130 районов. Стационарное население, сформировавшееся при равенстве естественного прироста и миграционной убыли, наблюдается всего в двух сельских административных районах страны (см. рис. 2).

Рост населения отмечен всего в 76 районах. Из них 12 принадлежат к I типу. Это преимущественно пригородные районы крупных административных, промышленных и культурных центров Украины — Киева, Харькова, Днепропетровска, Луганска, Полтавы, Одессы, Кривого Рога. Население в них увеличивалось при превышении миграционного прироста над естественным приростом.

*Рис. 2. Типы динамики сельского населения Украины в 1970-1973 гг. (по Дж. У. Уэббу)
1 - I тип; 2 - II тип; 3 - III тип; 4 - IV тип; 5 - V тип; 6 - промежуточный тип
стационарного населения (естественный прирост равен миграционной убыли);
7 - VIII тип*

По II типу развивалось население еще в 10 районах страны. Здесь наблюдался рост населения при превышении естественного прироста над миграционным приростом. В их число входят главным образом районы Черноморского побережья.

Положительной динамикой характеризуется население еще 52 районов: здесь его рост происходил при превышении естественного

прироста над миграционной убылью (III тип динамики). К ним принадлежит большинство пригородных районов областных центров Украины. И, наконец, рост населения был отмечен в двух пригородных районах Днепропетровска, в которых миграционный прирост превышал его естественную убыль (VIII тип динамики).

Анализ изменения численности сельского населения за более длительный период времени — 1970–1978 гг. — приводит нас к выводу о чрезвычайно высоких темпах ухудшения демографической ситуации в украинском селе в период завершения демографического перехода. Сократилось число районов, в которых наблюдался рост сельского населения, — их к 1979 г. насчитывалось 60. Одновременно увеличилось количество районов с отрицательной динамикой сельского населения — их стало 417. По-прежнему в пределах Украины представлены все четыре типа положительной динамики (I, II, III, VIII). Уменьшение сельского населения происходит по IV, V и VI типам. А VII тип динамики, при котором естественная убыль превышает миграционный прирост, на территории Украины в 1970–1978 гг. не был представлен (Рис. 3).

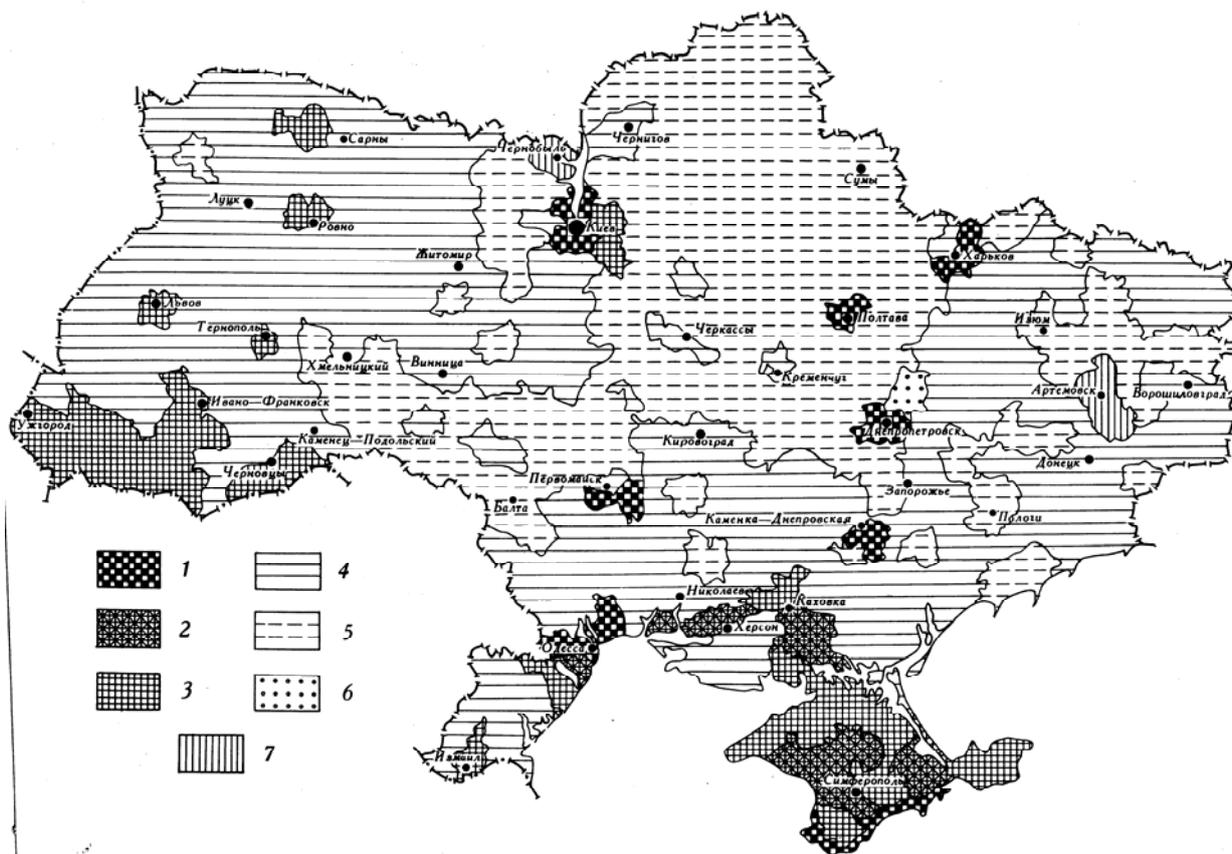

Рис. 3. Типы динамики сельского населения Украины в 1970-1978 гг. (по Дж. У. Уэббу)
1 - I тип; 2 - II тип; 3 - III тип; 4 - IV тип; 5 - V тип; 6 - VI тип; 7 - VIII тип

Заметно выросло количество районов, в которых сокращение сельского населения протекало по V типу (миграционная убыль превышает естественную убыль). Их число достигло 170, а удельный вес в общем количестве сельских административных районов Украины составил 35.6%.

Увеличение числа районов с динамикой этого типа произошло главным образом за счет тех районов, в которых ранее имело место уменьшение населения при превышении миграционной убыли над естественным приростом (IV тип).

В центральных районах Украины и на ее севере сформировалась обширная зона, в которой сокращение сельского населения происходило в 1970-х годах в таких размерах и такими темпами, что это привело к необратимым демографическим потерям в их пределах и распространению на этих территориях очаговой незаселенности.

Миграционная составляющая демографического развития Украины

Если депопуляция в сельской местности началась в 1979 г., то в городских поселениях Украины ее разрушительное действие обозначилось впервые к 1992 г. С этого момента депопуляционные процессы приобрели общенациональный размах. Естественную убыль населения частично компенсировал миграционный прирост новых жителей в Украину из-за ее рубежей, обеспечив его общее увеличение в 1991–1993 гг. на 488.3 тыс. человек.

В 1993 г. размеры иммиграции в Украину сокращаются до 49.6 тыс. чел., а в 1994 г. впервые зафиксирован заметный отток населения из страны: в этом году миграционные потери достигают 143,2 тыс. чел. На протяжении последующих четырех лет эта тенденция сохраняется. За счет миграционной убыли население Украины последовательно сокращается: в 1995 г. — на 94.5 тыс., в 1996 г. — на 131.1 тыс., в 1997 г. — на 82.1 тыс., в 1998 г. — на 93.6 тыс. человек. А затем миграционная ситуация несколько улучшается, потери населения за счет миграции уменьшаются почти вдвое, достигая в 1999 г. 44.8 тыс., а в 2000 г. — 46.6 тыс. чел. Миграционные накопления в Украине начала 1990-х на переломе тысячелетий исчерпаны. Тенденция к снижению миграционных потерь в Украине закрепляется, и в 2002 г. они составляют уже 33.8 тыс., а в 2003 г. — всего 24.2 тыс. чел., что вдвое меньше в сравнении с 2000 г.

В последующие годы миграционная ситуация в Украине продолжает улучшаться. Уже в 2004 г. она становится принимающей стороной в миграционном обмене со странами СНГ, а с другими странами — с 2006 г. И хотя размеры миграционного прироста населения Украины в последние два года невелики (соответственно 4583 чел. в 2005 г. и 14245 чел. в 2006 г.), тем не менее сам по себе этот факт знаменует перелом в развитии миграционной ситуации в Украине и ее превращение из страны происхождения в страну назначения для иммигрантов как из стран СНГ, так и дальнего зарубежья. А география межгосударственных миграционных потоков в Украине постепенно приобретает черты существовавшей в начале 1990-х пространственной структуры миграционных перемещений в стране.

Заключение

В 1970-х гг. в Украине завершается процесс перестройки режима воспроизводства населения. Накопленный в возрастной структуре потенциал демографического роста благодаря более высокой рождаемости в недалеком прошлом близок к исчерпанию. По мере утраты этого потенциала естественный прирост населения Украины неуклонно сокращается и его переход в естественную убыль становится неизбежным. Это случается в Украине в 1991 г. и совпадает по времени с началом непопулярных рыночных реформ. Хотя эти реформы часто рассматриваются как главная причина потерь естественного прироста населения, в действительности же связь тенденций рождаемости с политикой и политической конъюнктурой в начале 1990-х гг. относительно слаба. В данном случае имеет место более глубокая эволюционная обусловленность процессов воспроизводства населения. Переход к режиму суженного воспроизводства начался задолго до реформ. Кризис постпереходной рождаемости возник в Украине еще до распада СССР. Уже с начала 1960-х гг. нетто-коэффициент воспроизводства населения опустился ниже единицы: оно перестало себя воспроизводить.

Суммарные миграционные приобретения Украины увеличили ее население в 1960–1990-х гг. на 1128.6 тыс. человек. Вклад миграционного прироста в общее увеличение численности населения страны в этот период времени составил 10.0%. Естественную убыль жителей Украины в 1991–1993 гг. компенсировал миграционный прирост ее новых граждан, прибывших из-за рубежа. Его размеры составили в общей сложности 488.3 тыс. иммигрантов. На переломе тысячелетий Украина утрачивает миграционные накопления, сделанные в начале 1990-х гг.. Они покрывают миграционные потери, которые страна несет с 1994 года.

К 2000 году миграционная ситуация в Украине постепенно улучшается, эта тенденция закрепляется в последующие годы. Уже в 2004 г. Украина становится принимающей стороной в миграционном обмене со странами СНГ, а с другими странами — с 2006 г. И хотя размеры миграционного прироста населения Украины в последние два года невелики (в общей сложности 18828 чел.), сам по себе этот факт знаменует перелом в развитии миграционной ситуации в Украине.

Литература

- Андреев Е. М., Пирожков С. И. (1975). О потенциале демографического роста / В кн.: Народонаселение. Население и окружающая среда. М.: Статистика.
- Воробьев В. В., Кожуховская Н. Ф. (1967). Географические различия в характеристике динамики городского и сельского населения (на примере южной части Восточной Сибири) // В кн.: География населения и населенных пунктов СССР. Ленинград: Наука.
- Демографический энциклопедический словарь (1985). М.: Советская энциклопедия., С. 340.
- Миграционные тенденции 2004-2006 в странах Седеркопинского процесса (2007). Киев. Населення України, 2005. Демографічний щорічник (2006). Київ: Держкомстат України.
- Пирожков С. А. (1992). Трудовой потенциал в демографическом измерении. Киев.
- Пирожков С. И. (1973). О показателях воспроизводства населения. / В кн.: Народонаселение. Население и экономика. М.: Статистика.
- Прибиткова І. М. (1995). Основи демографії. Київ: АртЕк.
- Прибиткова І. М. (2000). Демографическое развитие Украины в 1990-х годах // Социология: теория, методы, маркетинг. № 3. С 69-85.
- Таборисская И. М. (1982). Тенденции развития социально-демографических процессов в сельской местности Украинской ССР. // В сб.: Организация и планирование отраслей народного хозяйства. Выпуск 68. Киев: Вища школа.
- CIS Migration Report: 1996. Geneva.
- Migration Trends in Eastern Europe and Central Asia. 2001-2002 Review. Geneva.
- Pribytkova I. (1998). I processi migratori attuali nell'Ucraina // Migranti, refugiati e nomadi: Europa dell'est in Movimento. Italia: d'Harmattan.
- Pribytkova I. (1999) Ukraine / In.: Migration in the CIS. Geneva.
- Pribytkova Irina (2003). Demographic Development of Ukraine // In: Die Ukraine in Europa. Aktuelle Lage, Hintergrunde und Perspektiven. Bohlau Verlag Wien. Koln. Weimar.
- Webb J. W. (1963). The Natural and Migrational Components of Population Changes in England and Wales, 1921-1931. / In: Econom. Geogr., Vol. 39, № 2.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

К началу 1960-х годов прошлого века в России, а точнее в научных учреждениях Сибирского отделения академии наук, сформировался взгляд на то, что в основе миграционных перемещений лежат территориальные различия в условиях жизнедеятельности людей. (Вопросы..., 1961, С.161). Этими различиями в те и последующие годы объяснялось существование нерациональных миграционных перемещений, в частности отток населения из трудонедостаточных Сибири и Дальнего Востока в центральные районы страны.

В 1990-е годы и в первое десятилетие нового века в России стало модной иная трактовка механизма, лежащего в основе современных миграций. Теперь миграции обуславливаются факторами «выталкивания» и «притяжения» (Новые диаспоры, 2002, С. 233). К сожалению, нельзя сказать, что новая теория, став на плечи старой, развила её и подняла на новую высоту. Отнюдь. Произошло смешение понятий. Дело в том, что существуют разные виды миграции. По сути, все миграции в зависимости от того какой механизм лежит в их основе, выступают либо как добровольные, либо как принудительные, либо как вынужденные.

Вынужденным миграциям, представляющим в первую очередь, потоки беженцев и перемещенных лиц, характерна одномоментная массовость и обычно этническая составляющая. Это, как правило, потоки из стран (районов), охваченных конфликтами: угроза жизни, потери имущества, социального статуса, вызывают массовое бегство определенной категории населения. В этом смысле, все, что происходит в районах выхода мигрантов, представляется как совокупность «выталкивающих» факторов. Либо народ в целом, либо та или иная этническая группа бегут от обстоятельств, возникших в местах их проживания. Вынужденная миграция формируется не потому, что где-то лучше людям жить, а потому, что оставаться в местах их проживания просто нельзя (таково массовое, если не поголовное бегство армян из Азербайджана, русских — из Таджикистана и т.д.). Более того, вынужденные миграции представляют однонаправленные потоки. Здесь нет обратного движения, а если оно и есть, то оно намного меньше прямого. В подобных миграциях закон параллельности потоков (прямых и обратных) не действует.

«Вытолкнутые» из мест первоначального проживания вынужденные мигранты выбирают местами вселения те, где их могут принять. Для вынужденных мигрантов на постсоветском пространстве местами «притяжения» явились практически все федеральные округа России, т.к. её экономическое и социально-политическое положение даже в 1990-е годы было намного лучше, чем во всех других странах СНГ, не говоря уже об Афганистане, откуда шел поток беженцев. На начало 2006 г. вынужденных

мигрантов на территории России с начала их регистрации в 1992–1993 гг. было 168.7 тыс. человек. Беженцев в их числе насчитывалось менее 0.5 тыс. (Численность и миграция..., 2006, С. 181) Из них 31 тыс. расселилась в Центральном федеральном округе, около 55 тыс. в приграничном Южном федеральном округе и т.д. Таким образом, «выталкивающие» факторы были в тех местах постсоветского пространства, где имели место конфликты, в т.ч. и вооруженные, грубое нарушение прав не коренного населения и др. А факторами «притяжения» оказалась вся территория России, где принимали и своих соотечественников (не только русских), и представителей других национальностей — не титульных для государств исхода (напр. армян из Азербайджана).

Вынужденные миграции носят временный характер и по своим масштабам на порядки меньше, чем добровольные, постоянно совершающиеся территориальные перемещения населения. Так только в 2005г. мигрантов внутри России было 2.1 млн. человек. С 1993 г. по настоящее время их численность превысила 30 млн. человек. Это массовое, постоянное явление, подчиняющееся иным законам, чем вынужденные, да и принудительные миграции. Направленность и интенсивность таких миграционных потоков регулируется иными механизмами. Здесь миграция представляет обмен населением между двумя территориями, и притом, подчеркнем, не всего населения, а лишь небольшой его части. В основе этого обмена лежат межтерриториальные различия в условиях жизни той части населения, которая принимает участие в миграционном движении.

Чтобы раскрыть механизм, обуславливающий миграционные перемещения, нужно обратиться к теории факторов миграции населения (Рыбаковский, 1987, С. 132–162). Обычно под фактором понимается движущая сила какого-либо явления, процесса, т.е. то, что строго соответствует этимологии этого слова. Фактор как движущая сила процесса выступает в двух ипостасях: и как фактор уровня (статики), и как фактор развития (динамики). Такое деление важно, когда рассматриваются исторический (временной) и географический (пространственный) срезы. Следовательно, факторы можно определить как детерминанты уровня или развития какого-либо явления. Это определение имеет единственное достоинство — оно кратко. Чтобы приблизиться к истине, следует перейти к развернутому и полноценному в содержательном отношении определению фактора, для чего необходим некий подход. Суть его в том, что нельзя определять «фактор» вне системы сопряженных понятий. Фундаментальными для теории факторов являются следующие два положения: (а) фактор, будучи объективной реальностью, существует не сам по себе, а во взаимосвязи с тем явлением, на которое он воздействует, (б) он является компонентом тех условий, в совокупность которых он сам входит.

Условия — это все компоненты окружающей среды. Если речь идет о миграционных процессах, то среда обитания человека может быть представлена как естественная и социальная. Окружающие человека

условия динамичны, их компоненты могут меняться, полностью исчезать, возникать новые. Среди них выделяются условия, которые воздействуют на тот или иной процесс. Они и есть факторы этого процесса, т.е. определенные компоненты объективных условий, их часть, а не целое. Набор этих компонентов определяется сущностью явления. В этом смысле факторы вторичны. Быть или не быть тому или иному компоненту окружающих человека условий фактором, всецело зависит от природы конкретных явлений и процессов. Условия — это общее множество, а факторы — их подмножество. Подмножество может быть любое сочетание из общего множества. Подмножества могут меняться по числу элементов, их составу или тому и другому одновременно. Одни и те же компоненты могут входить в разные подмножества.

Выявление взаимосвязи между фактором и причиной много сложнее, чем между условиями и факторами. Здесь захватывается область, где наряду с объективным огромную роль играет субъективный момент. В философии под причиной понимается явление, действие которого вызывает, определяет, изменяет, производит или влечет за собой другое явление: последнее называется следствием. Причина стоит перед действием. Но перед действием стоит и фактор. Ответ на вопрос, являются ли «фактор» и «причина» одним и тем же или разными явлениями, вытекает из основополагающей идеи теории факторов, состоящей в классификации явлений и процессов в зависимости от природы их взаимосвязи с факторами.

Можно выделить два основных типа взаимосвязи факторов с явлениями. Первый тип относится ко всем естественным процессам: биологическим, физическим, технологическим и т.д. Здесь связь фактора с явлением носит непосредственный характер, без каких-либо промежуточных звеньев. Для такого рода процессов фактор и причина - понятия-синонимы. Второй тип принадлежит к социальным (в том числе миграционным) процессам. Основное отличие второго типа процессов от первого в том, что здесь объектом воздействия выступает человеческая психика. Факторы влияют на явление не непосредственно, а опосредованно, через сознание, через психику субъекта. В этих процессах понятия «фактор» и «причина» различны и выражают разные явления. Они логично ложатся в трехчленную схему: факторы — причины — явление. Здесь причина — промежуточное звено между фактором и действием.

Эти различия выступают как противоречия двух частей или двух состояний одной и той же внешней для мигранта и потому объективной среды. Но имеется также противоречие между объектом и субъектом, средой обитания и личностью мигрантов. Субъективное восприятие существующих различий в условиях жизни населения разных районов и поселений и придает им различную значимость, определяет характер второго противоречия, с которым связано понимание причины миграции.

Феномен ее — в отношении субъекта к объекту, реакции индивида на окружающие его условия, или о взаимодействии потребностей индивида и объективных факторов.

Как бы ни трактовалась потребность, она — свидетельство полного либо частичного отсутствия того, в чем нуждается человек. Каждый человек обладает системой различных материальных, духовных и душевных потребностей, которые структурированы определенным образом. Ситуативные изменения среды также могут вести к изменению иерархии потребностей.

Факторы — это обусловленная природой явления совокупность условий жизни населения, состав которых и, что важно подчеркнуть, приоритетность входящих в него компонентов зависят от структуры потребностей. Поэтому, по нашему мнению, существующее в жизни многообразие наборов факторов с их разделением по значимости объясняется исключительно различиями в иерархии потребностей разных совокупностей людей или отдельных индивидов. Отсюда очередность и мера изменения территориальных или поселенных различий тех или иных условий жизни всецело должны определяться отношением к ним населения, структурой его потребностей.

Концепция причины миграции зиждется на понимании взаимосвязи объективных и субъективных факторов.

Различия между потребностями личности в тех или иных благах и возможностью их получения имеются всегда. Это противоречие определенного уровня остроты, как бы «момент истины». Формой отношений между совокупностью факторов, т.е. возможностями для удовлетворения потребностей людей, и этими потребностями могут быть не только острые противоречия, но и своего рода гармония, когда в своей основе потребности удовлетворены. Но чтобы население мигрировало из районов выхода, нужны достаточно сильные противоречия между потребностями населения и теми условиями, в которых оно живет, т.е. противоречие определенной остроты. Противоречие возникает либо в том случае, когда базовые потребности личности возвышаются в результате дальнейшей социализации, например, получения образования в населенном пункте более высокого ранга, либо когда ухудшаются условия жизни, например, вследствие житейских катастроф. Однако устранить противоречие и удовлетворить эти потребности можно и без миграции, в рамках того населенного пункта, где проживает индивид. Большая часть населения так и поступает. Имеется какая-то часть населения, которая, не имея возможностей удовлетворить свои потребности на месте, тем, не менее и не мигрирует, потому что миграционное поведение — это поведение, предполагающее чрезвычайные условия, чрезвычайную деятельность, редкую в общем контексте жизнедеятельности населения. Переезд остается событием исключительным, требующим особых

обстоятельств, а миграция — лишь один специфический способ удовлетворения потребностей.

Причина выступает как особая форма отношений между объективными факторами и субъективными характеристиками, в частности, потребностями. В контексте поведения факторы выступают как объективное, а причины — объективно-субъективное явление. Именно потому, что причина носит объективно-субъективный характер, она может не сопровождаться действием, несмотря на достижение необходимой остроты противоречия между факторами и потребностями.

Итак, воздействие общества на миграционные процессы может осуществляться с помощью следующих регуляторов миграционного поведения. Первым, наиболее гибким регулятором является изменение территориальных и поселенных различий в уровнях объективных компонентов условий жизни, удовлетворяющих различные, прежде всего базовые, потребности людей. Это изменение может являться объектом государственного регулирования. Различия в условиях жизни ситуационно влияют на миграцию как объективные факторы, но они и воздействуют постепенно на потребности и ценностные ориентации, т.е. имеют перспективную направленность.

Другим направлением регуляции поведения является воздействие на потребности и ценностные ориентации потенциальных мигрантов, т.е. объектов управления. В этом отношении должны быть выделены три разных уровня воздействия на миграционное поведение. На индивидуальном уровне, бесспорно, должны учитываться психические и иные особенности субъектов. На групповом уровне важным регулятором могут служить социальные нормы, в частности, направленные на нейтрализацию обычаев, традиций, мешающих реализации общественно необходимого миграционного поведения. Наконец, на массовом уровне, т.е. по отношению к населению в целом, речь должна идти о мерах, с помощью которых личность воспринимала бы ценностные ориентации, равнозначные долгу перед Родиной.

Литература

- Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири. Новосибирск.1961.
Новые диаспоры. Государственная политика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам. М. 2002.
Рыбаковский Л.Л. (1987) Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.
Численность и миграция населения Российской Федерации в 2005 г. Статистический бюллетень. М. 2006.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ,
ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ И РАЗВИТИЕ
В РЕСПУБЛИКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ПРОЦЕСС РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ИЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?**

Аннотация

Статья посвящена проблемам международной трудовой миграции, денежных переводов и развития в республиках Центральной Азии — Казахстане, Киргизстане, Таджикистане и Узбекистане. Численность трудовых мигрантов в таких странах как Кыргызстан и Таджикистан составляет 25–35% экономически активного населения. Доля денежных переводов составляет значительную часть (до 25% и выше) ВВП этих стран. Денежные переводы в странах исхода используются в основном для повышения уровня жизни мигрантских домохозяйствах, что актуализирует проблему использования переводов в целях развития.

Цели и методология исследования

В статье предлагаются результаты исследований автора (в том числе прикладных социологических) проведенных в 2000–2007 гг. в Казахстане и Центральной Азии, которые позволили выявить несколько важных трендов в развитии международных миграций в регионе:

(1) В Центральной Азии в 2000-е годы формируется *региональная миграционная подсистема*, часть постсоветской миграционной системы (СНГ), в которой *Казахстан — страна, принимающая трудовых мигрантов*, а *другие страны региона — Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан — «посылающие» страны*.

(2). Одновременно с процессом *регионализации*, современные трудовые миграции в Центральной Азии все более *подвержены влиянию глобальных тенденций*. Международные трудовые миграции из региона диверсифицируются по направлениям, включаются в мировые рынки труда, приобретают другие универсальные характеристики.

(3). Увеличение денежных переводов (*remittances*) трудовых мигрантов в республики Центральной Азии, усиление их роли в повышении уровня жизни домохозяйств — одна тенденций глобализации. Общие объемы денежных переводов в некоторых республиках Центральной Азии эквивалентны значительной части ВВП, но используются в основном в целях потребления. Это ставит перед государствами задачу разработки программ по использованию переводов в целях развития местных сообществ и национальных экономик.

Многие положения полученные автором в результате исследования и анализа является пионерными — например, о формировании региональной миграционной субсистемы в Центральной Азии, характере современных

трудовых миграций в Казахстане, объемах и способах денежных переводов, их роли в мигрантских хозяйствах, и представляют собой вклад в анализ миграционных и шире — социально-экономических процессов на постсоветском пространстве.

Методология исследования

Масштабность миграционных потоков на постсоветском пространстве, сложные взаимодействия субъектов миграционного процесса на всех этапах и уровнях привели к тому, что миграция оказалась фактором серьезных социальных изменений на макро- и микроуровне как в принимающих, так и посылающих странах. Поэтому в современный период миграция становится объектом и предметом исследования многих социально-гуманитарных дисциплин. В данной статье для анализа международных миграций мы используем некоторые западные теории и концепции, получившие развитие в последние десятилетия. Анализ построен на работах известных западных ученых, внесших значительный вклад в развитие теории международных миграций, которые обобщены группой авторов в книге «Мир в движении». (Massey Douglas S., Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino, and J. Edward Taylor, 1998) В статье использованы материалы, переведенные самим автором. (Садовская, 2006с)

Современные исследования международных миграций развиваются как междисциплинарное направление на стыке экономических и политических наук, социологии, демографии, географии, антропологии, международных отношений и т.д. Поскольку каждая из научных дисциплин имеет свои школы, парадигмы, теории, методы, то и в исследованиях миграций используются различные подходы, теории и концепции. Как отмечает в связи с этим Д. Массей, на современном этапе не существует единой широко принятой социологами теории, объясняющей возникновение и развитие международной миграции в мире, существует только «фрагментированный набор теорий, которые развиваются как правило, независимо друг от друга». (Massey et al., 1998: 17) Однако инструментов только одной дисциплины недостаточно для понимания процессов современной миграции и требуется разработать комплексную теорию международной миграции, базируясь на междисциплинарном подходе.

Миграции это не только статистика перемещений, и даже не направления этих передвижений, концептуализация происходит вокруг вопроса о причинах возникновения миграций, и в частности принятия решения о миграции, а также вокруг развития, или «увечивания» миграций. При этом различают решения (процессы) микроуровня и макроуровня. Среди наиболее распространенных современных теоретических и концептуальных схем такие как: историческая структурная теория и теория мировых систем, теория сегментированного рынка труда,

теории макро- и микроуровня неоклассической экономики, новая экономическая теория, теория социального капитала, концепции мигрантских сетей, совокупной причинности и другие.

Одной из первых объяснительных теорий была *теория «выталкивающих» и «притягивающих» факторов* миграций. Под «притягивающими» факторами понимаются благоприятные факторы, которые привлекают мигрантов в другую страну; более высокие зарплаты, более высокий уровень и качество жизни и т.д. Под «выталкивающими» – бедность, безработица, низкие зарплаты и т.д. которые вынуждают людей мигрировать в страны с лучшими условиями. В настоящее время признано, что эта теория не исчерпывает понимание причин миграции. (Томас, Сингер, Лоуэлл, цит по: Massey et al., 1998: 12–14).

В то же время эта концепция не потеряла своей эвристической ценности для анализа миграций из таких стран, как, например, Таджикистан. В этой стране гражданская война 1991–1997 гг., разрушение производственной инфраструктуры, падение производства, безработица стали мощными «выталкивающими» факторами.

Согласно *теории мировых систем*, международная миграция соответствует политической и экономической организации расширяющегося глобального рынка, и поэтому международная миграция является естественным следствием глобализации рынка в развивающемся мире: проникновение глобальной экономики в периферийные регионы является катализатором международного передвижения.

Вероятность международной миграции особенно велика между бывшими колониальными державами и их бывшими колониями. Причина этого в том, что в эпоху колонизации были установлены административные и транспортные, коммуникационные и инвестиционные, культурные и языковые и другие связи, которые развивались независимо от внешней конкуренции. Это привело к формированию специфических транснациональных рынков и культурных систем, которые продолжали функционировать даже после распада империй или колониальных держав. Таким образом, сторонники теории мировых систем полагают, что международная миграция, в конечном счете, имеет мало общего с различиями в размерах заработной платы и уровне занятости между странами. Миграция проистекает из динамики создания рынков и политической структуры глобальной экономики, она фиксирует неравномерность социального изменения и развития. (Портес, Уолтон, Петрас, Сассен, Моравска, цит по: Massey et al., 1998: 36–41)

Эта теория может быть применима к анализу постсоветских миграций. В настоящее время страны СНГ представляют собой единую миграционную систему, сложившуюся после распада СССР. В этой миграционной системе страны по-прежнему связаны общей инфраструктурой, коммуникациями, экономическими, финансовыми, социально-культурными и гуманитарными связями. (МОМ 2005, Садовская, 2005, 2006е)

Бывшие республики Советского Союза имели единую экономическую систему, унифицированные стандарты организации производственной и непроизводственной деятельности, стандарты контроля качества и т.д. Существовала единая система среднего и высшего профессионального образования и переквалификации.

Современные торговые и экономические связи, безвизовое пространство между новыми независимыми государствами активизируют мобильность рабочей силы, и, используя накопленные знания и профессиональный опыт, трудовые мигранты — рабочие и специалисты свободно перемещаются между странами и секторами/отраслями экономики — туда, где их труд наиболее востребован. Общее языковое пространство (знание русского языка было обязательным в советской школе) делает мигрантов из бывших стран Союза «русифонами», по аналогии с «англофонами» и «франкофонами» из других стран, и облегчает их выезд, поиск работы, адаптацию и интеграцию в схожей социокультурной среде (Садовская, 2006е)

Характер, объемы и направления миграционных перемещений на постсоветском пространстве изменились в последние 15 лет. В предыдущее десятилетие преобладающим миграционным потоком была вынужденная эмиграция в Россию из стран СНГ. В конце 1990-х — начале 2000-х годов благоприятная экономическая конъюнктура (в первую очередь высокие цены на нефть) и наиболее динамичные рыночные реформы способствовали тому, что социально-экономическая ситуация в России и Казахстане изменилась, и трудовая иммиграция в эти страны стала преобладающей. Обе эти страны являются также странами транзита мигрантов и странами, посылающими мигрантов.

Россия — центр постсоветской миграционной системы. Россия как наиболее экономически развитая страна привлекает мигрантов из всех стран СНГ, прежде всего стран Закавказья, Кыргызстана, Молдавии, Таджикистана, Украины, Узбекистана. Например, по экспертным оценкам, из Таджикистана — 85–90% потока трудовых мигрантов направлены в Россию, 10–15% — в Казахстан; из Кыргызстана — соответственно, 2/3 и 1/3. Таким образом, положения теории мировых систем находят свое подтверждение в миграционных перемещениях на постсоветском пространстве.

Международная миграция — сложное многоаспектное явление, поэтому современные теории изучают миграцию как многоуровневый процесс. Например, *теории макро- и микроуровня неоклассической экономики* концептуализируют причины миграций на различных уровнях. Сторонники макроуровневой теории, так же как и теории мировых систем фокусируют внимание на процессах макроуровня, свывая миграцию с экономическим развитием и делая акцент на географических различиях в спросе и предложении рабочей силы. Создателями и разработчиками этих теорий были Льюис, Ранис, Фей, Харрис, Тодаро, Маруцко, цит по: Massey et al.: 18-19).

В Казахстане последствия масштабных миграционных процессов 1990-х гг. оказывают влияние на рынок труда. За 1992–2006 гг. из республики выбыло 3,1 млн. человек (из общего населения — 16,5 млн.), около 2,0 млн человек — безвозвратно. Среди выбывшего населения 63–65 % составили группы трудоспособного возраста; около 45% населения (старше 15 лет) — люди с высшим и средним специальным образованием. В связи с эмиграцией большого числа работников и «утечкой умов» на рынке труда наблюдается нехватка трудовых ресурсов в промышленности, сельском хозяйстве, сфере образования и других секторах экономики. (Садовская 2001a, 2005, 2006f)

В 2000–2006 гг. в период экономического роста, потребность в квалифицированных специалистах и рабочих многократно возросла. При сохранении благоприятной экономической конъюнктуры, относительно высоких темпах экономического развития, сохранении нынешней структуры производства потребность в рабочей силе будет возрастать.

Высокий уровень рождаемости и избыток рабочей силы в таких странах как Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан выталкивает рабочую силу из страны, где к тому же низкие зарплаты, в ту страну, где зарплата выше, и где на рынке труда ощущается нехватка рабочей силы, т.е., в Казахстан. Россия также испытывает растущую потребность в рабочей силе, численность которой снижается с 2006 г. на фоне продолжающейся около 15 лет депопуляции населения, что и является фактором притяжения для мигрантов из Азии. В определенном смысле (хотя и по разным причинам) этот фактор — потребность в иностранной рабочей силе делает Россию и Казахстан конкурентами в борьбе за привлечение трудовых ресурсов.

В отличие от макроуровневой теории, сторонники *микроуровневой теории* неоклассической экономики и *новой экономической теории* миграции фокусируют внимание на процессах микроуровня: решениях, принимаемых индивидуально, либо в семье, домохозяйстве или иной производственной единице. Индивиды решают мигрировать, потому что в результате расчета затрат и прибыли они ожидают получить чистый доход, как правило, в денежной форме. Неоклассические экономисты фокусируют внимание на различиях в заработной плате и условиях занятости между странами и на стоимости миграции; миграция обычно рассматривается как индивидуальное решение для максимизации дохода. Потенциальный мигрант должен сделать определенные инвестиции в «человеческий капитал» (вложения в образование, изучение языка, приобретение опыта, транспортные расходы и т.д.), чтобы увеличить доход от миграции. (Сиястад, Тодаро, Маруцко, Борджас, цит. по: Massey et al.: 19–20)

В отличие от этой теории неоклассической экономики, *новая экономическая теория миграции* рассматривает миграцию не как решение индивида, а как решение домашнего хозяйства максимизировать доходы и уменьшить риски миграции. При этом она рассматривает условия на рынках труда, рынках капитала, финансовых рынках. (Старк, Левхари

Блум, Кац, Тейлор, Лауби, цит. по: Massey et.al.: 21–22). Таким образом, различными объектами анализа в обеих теориях являются единицы, которые принимают решения (индивид или домашнее хозяйство), а также экономический контекст и социальные условия, в которых принимаются решения.

Анализ теорий показывает, что они являются не альтернативными, а комплементарными, то есть взаимодополняющими друг друга в понимании процессов миграции. Причины миграций анализируются как на национальном и международном уровнях, так и на индивидуальном уровне, уровне домашнего хозяйства, но они взаимно дополняют друг друга. Отдельные лица, принимая решение о миграции, стремятся увеличить доход, а семьи организуются для уменьшения рисков; одновременно при принятии решения учитываются структурные факторы, действующие как в посылающей, так и принимающей стране.

Другая теория — *сегментированного рынка труда* утверждает, что истоки международной миграции заключены в действительном спросе на рабочую силу в современных промышленных обществах. Иммиграция обусловлена не выталкивающими факторами в отправляющих странах (низкая заработная плата или высокая безработица), а факторами притяжения в принимающих странах (хроническая потребность в иностранных рабочих). Поскольку экономика, включая рынок труда в Центральной Азии, еще не имеет характеристик развитых индустриальных стран, а международная трудовая миграция только начинается, теория сегментированного рынка труда может использоваться в будущем для анализа миграционных процессов в регионе.

Наряду с вопросом о причинах миграции, другой основной проблемой в концепциях международной миграции являются механизмы саморазвития и самоподдержания миграционных передвижений. Наиболее распространенными среди них являются теории социального капитала, концепции мигрантских сетей, концепции увековечения международного движения, совокупной причинности, этнических анклавов и анклавных рынков труда и др. Многие из этих концепции могут применяться для анализа международной миграции в Центральной Азии и СНГ.

В последние годы растет число публикаций теоретического и прикладного характера в области денежных переводов. За рубежом активно проводятся исследования по денежным переводам и их роли в жизни мигрантских домохозяйств и сообществ. (Adams 2003, Adams and Page, 2003, Newland 2004, etc.). Глобальные отчеты и региональные исследования международных организаций (МОМ, МОТ, Всемирного банка и др.) последних лет имеют разделы, посвященные денежным переводам, в которых подчеркивается роль мигрантских переводов в национальных экономиках. (Adams 2003; ИОМ 2003, 2005; Ratha 2003; Ratha and Riedberg 2004; Roberts and Banaian 2004; World Bank 2006, etc).

Проблемы международной миграции широко изучались в странах СНГ (Ионцев 1999, Ивахнюк 2005, Красинец 1997, Ушкалов, Малаха 1999 и др.) В различных странах СНГ в 2000-е гг. исследовалась роль трудовых миграций и мигрантских заработков, Несколько прикладных исследований было проведено в рамках Независимого исследовательского совета по миграции в СНГ и Балтии ИНИ РАН (Арутюнян 2003, Зайончковская 2003, Мошняга 2001, Садовская 2001а, Юнусов 2003). В последние годы стало уделяться больше внимания изучению денежных переводов в связи с ростом трудовых миграций (МОМ 2003, 2005; Тюрюканова 2005), и в частности, проведено исследование, посвященное денежным переводам *per se* в Казахстане и республиках Центральной Азии (Садовская 2006, 2006а, 2006b, Sadovskaya, 2006, 2006а).

Как показывают исследования, роль денежных переводов возрастает. Согласно исследованию, проведенному Всемирным банком, заработки трудовых мигрантов, их денежные переводы, определяемые как доля переводов в валовом национальном продукте (ВНП) развивающихся стран, играют большую, статистически значимую роль в сокращении бедности. В среднем, увеличение доли международных денежных переводов в ВНП на 10 % приводит к сокращению на 1,6 % доли живущего в бедности населения. По заключению ученых, увеличение на 10 % международных мигрантов, определяемых как доля населения страны, живущего за рубежом, приводит к 1,9 % уменьшению доли населения, живущего в бедности. (Adams and Page, 2003)

(1) Факторный анализ формирования миграционной подсистемы в Центральной Азии

Республики Центральной Азии — это миграционная подсистема в СНГ и в глобальных перемещениях. Казахстан — страна «иммиграции», или страна приема. Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан — это страны «эмиграции», или посылающие страны. В данном разделе анализируются причины формирования региональной миграционной системы в Центральной Азии. (Садовская 2005, 2006е, 2006f, Трансформация постсоветского пространства..., 2006)

Формирование миграционной подсистемы обусловлено неравномерностью экономического развития в республиках Центральной Азии, разницей демографических потенциалов стран региона, дисбалансом на региональном рынке труда, который приводит к стихийному регулированию спроса на рабочую силу в трудонедостаточных странах / регионах (Казахстан) с предложением в трудоизбыточных странах региона. Важную роль играет либерализация миграционных режимов, географическая близость, благоприятные природно-климатические условия и другие факторы.

Важным фактором формирования региональной системы является этнокультурное сходство (при всем его национальном многообразии),

общность языкового пространства. Во всех пяти странах региона население исповедует ислам суннитского толка и говорит на различных вариантах тюркского языка (кроме Таджикистана). Русский язык также является объединяющим языком межнационального и межгосударственного общения.

Ориентацию на региональный рынок труда подтверждают и ответы трудовых иммигрантов из республик Центральной Азии в Казахстане. По данным социологического опроса, проведенного автором в 2005 г. в Южном Казахстане, самым важным фактором для респондентов является оплата их труда*. 40% трудовых мигрантов отметили, что им предложили в Казахстане более выгодные условия оплаты труда. На втором месте — причина скорее не экономического характера — мигранты отмечают, что, работая в нынешнем месте, им проще добираться до дома для того, чтобы посетить родственников в стране/регионе, из которого они прибыли (25,2%), к тому же и проезд до дома дешевле (23,8%). Отметили респонденты некоторые факторы психологического характера: хорошее отношение местных жителей (14%) и местных властей (5,6%), наличие друзей и знакомых (4,2%).

Показательна корреляция ответов на вопрос о причинах приезда трудовых мигрантов и страны исхода. Так, для выходцев из Киргизстана и Таджикистана основной причиной является то обстоятельство, что в Казахстане им предложили выгодные условия оплаты труда. Так ответили 57% респондентов из Киргизии и 41,2% мигрантов из Таджикистана. Для узбекских мигрантов на первом месте — дешевый проезд до места работы и обратно (49,2%), на втором — то обстоятельство, что Казахстан близко к месту их проживания и они имеют возможность посещать семью (44,4%).

Согласно данным исследования, среди опрошенных трудовых мигрантов в южных регионах Казахстана большая доля тех, кто выехал в первый раз — 41%, они прибыли в основном из Кыргызстана и Узбекистана. Из тех, кто выезжает на заработки не в первый раз, 40,6% — выезжают 2-3 года, 25,9% — 4-5 лет, 32,2%, занимаются трудовой деятельностью на выезде более 5 лет. Все опрошенные граждане Таджикистана — это трудовые мигранты «со стажем»: 70,6% опрошенных выезжают на заработки более 5 лет, все — в Казахстан и раньше, и треть из них — еще в Россию. 41,4% респондентов из Киргизии и до 49,2% — из Узбекистана выезжают на заработки в течение 2-3 последних лет, 25-31% — в течение 4-5 лет и около 25% — более 5 лет. На основе данных опроса и

* Опрос трудовых мигрантов проведен в апреле-мае 2005 г. Опрошено 255 респондентов методом личного стандартизированного интервью. Респонденты отобраны методом «снежного кома». Выборка — целевая, гомогенная. География исследования: г. Алма-Ата; г. Чилик и населенные пункты Чиликского района Алма-Атинской области; г. Чимкент и населенные пункты Джетысайского района Южно-Казахстанской области. Опрос проведен в рамках исследования по гранту Фонда Д. и К. МакАртуров N 04-81339-000-GSS в 2005-2006 гг.

изучения регионального контекста можно сделать вывод, что трудовая миграция в Центральной Азии «молодеет», и в ближайшие годы ожидается «миграционная волна» из Узбекистана в Казахстан и Россию.

Другой важной характеристикой трудовых миграций в Центральной Азии является *временный и возвратный характер* трудовых миграций, преобладание *сезонных* трудовых миграций. Основной поток трудовых мигрантов на юге республики — 56,9% — прибывает в Казахстан на срок от 3 до 9 месяцев, из них: 27,1% мигрантов проживают в месте временного трудоустройства в течение 3–6 месяцев, 29,8% — 6–9 месяцев. Вместе с теми, кто работает в республике менее 3 месяцев, они составляют 64,4%, то есть почти две трети трудовых иммигрантов. Это, как правило, прибывающие на сезонные сельскохозяйственные работы (с марта по ноябрь), либо в летние месяцы для работы в строительстве и сфере услуг. 31,4% мигрантов проживают в месте трудоустройства более года или постоянно.

Коренное население посылающих стран (киргизы, таджики, узбеки) преобладает в потоках трудовых миграций. Многие из них впервые вышли на рынок труда и не обладают ни профессиональным образованием, ни навыками. Многие не знают русского языка (особенно в Узбекистане, где в 1990-е годы система образования была переведена на латинскую графику, и в сельских школах не хватает учителей русского языка). Мигранты плохо осведомлены о законах страны пребывания, их адаптация в местных сообществах затруднена, а права нарушаются в массовом порядке. Пока не было зарегистрировано «специализированных» НПО, защищающих права трудовых мигрантов, а международные организации только начинают программы по правовой защите трудовых мигрантов.

Международная трудовая миграция в странах региона: основные характеристики

Для международных трудовых миграций в республиках Центральной Азии характерны общие закономерности при сохранении некоторых страновых особенностей. К этим закономерностям относятся: нерегулируемый характер трудовых миграций, большая доля коммерческих (челночных) миграций, преобладание временных над постоянными миграциями и т.д.

Некоторое противоречие в понимании законного и незаконного характера миграций заключается в том, что почти между всеми странами СНГ (за исключением Туркменистана — со всеми странами, России — с Грузией, Узбекистана — с Киргизстаном и Таджикистаном) существует *безвизовый режим*, и таким образом, мигранты пребывают в другие страны на законных основаниях. Иностранец прибывает в страну законно, но затем трудоустраивается, не имея оформленного в установленном порядке трудового договора или контракта, что и делает его незаконно занятым или имеющим «нерегулированный статус» (МБТ, 2004: 11).

Другой общей характеристикой трудовых миграций в странах Центральной Азии и СНГ в целом является характер занятости, а именно: вовлеченность в коммерческие миграции («челночные», торговые). Сравнительные исследования, проведенные в некоторых странах СНГ в 2000 г. показали, что коммерческие миграции это наиболее массовидный тип трудовых миграций, распространенный в странах б. СССР в 1990-е гг. (Садовская 2001а, Трудовая миграция в СНГ... (2003) Коммерческие мигранты ведут на выезде торговый бизнес, закупаая товары в других городах и странах и привозя его на перепродажу с целью получения прибыли. Характерная черта коммерческих мигрантов — это «неформальный» характер их деятельности: нередко они занимаются торговым бизнесом без регистрации в государственных органах в качестве индивидуальных предпринимателей. (Садовская 2001а)

Исследования, проведенные в 2005 г. в Казахстане показали, что 15,8% от общего числа опрошенных в городских домохозяйствах имелись главы или члены домохозяйств, которые в течение последних 14 лет (с 1992 по 2005 гг.) выезжали на заработки внутри или за пределы страны. Самая большая доля граждан — 32,6% участвовала в «коммерческих» (челночных) поездках*. В 2000-е годы доля вовлеченных в коммерческие миграции сокращается в связи с институционализацией этого вида бизнеса, увеличивается число работающих по найму (Садовская, 2007).

Численность трудовых мигрантов в странах региона

Трудовая нерегулируемая иммиграция в Казахстане в 2004–2005 гг. по различным экспертным оценкам составляла от 300–500 тыс. до 1 млн человек ежегодно. (Садовская, 2006, Sadovskaya, 2005, 2006). Численность трудовых мигрантов из Киргизстана в 2004–2005 гг. оценивается киргизскими экспертами в 400–700 тыс. до 1 млн человек. Официальная оценка органов МВД КР: около 500 тыс. человек, из них: 350 тыс. — в России, 120 тыс. — в Казахстане. (<http://www.irinnews.org>) В Узбекистане во внешние трудовые миграции вовлечено, по экспертным оценкам, от 600–700 тыс. до 1 млн человек (2003–2005 гг.). (Максакова, 2003: 148; Садовская, 2006f).

По сообщению министра труда и социальной защиты Таджикистана, количество таджикских мигрантов в России составляет 496 тыс. человек, в Казахстане — 36 тыс. человек в 2005 г. (<http://www.regnum.ru>) Экспертная оценка численности трудовых мигрантов в Таджикистане - от 632 тыс.

*Телефонный опрос методом *Омнибус*. Выборка многоступенчатая, стратифицированная, с использованием случайного выбора респондента на последних этапах; репрезентативна по полу, возрасту, месту жительства, размеру и типу населенного пункта. Охватывает все города Казахстана с населением более 50 тыс. человек (27 городов). Объем выборки: 2000 респондентов. Ошибка выборки не более 5,0%. Проведено GfK Kazakhstan в феврале 2005 г. Опрос проведен в рамках исследования по гранту Фонда Д. и К. МакАртуров N 04-81339-000-GSS в 2005–2006 гг.

человек в 2002 г. (МОМ 2003), до 1 млн. человек в 2005 г., примерно 85–90 % из них направляются в Россию, остальные в Казахстан, незначительное число мигрантов — в другие страны СНГ. Численность трудовых мигрантов в Кыргызстане и Таджикистане составляет 25–35% экономически активного населения этих стран (Садовская 2006f, Sadovskaya 2005)

(2) Тенденции глобализации международных миграций в Центральной Азии

В 2000-е годы в Центральной Азии усиливаются глобализационные тренды: ускоряется проникновение капитала и транснациональных корпораций, технологий, товаров и услуг в самые отдаленные уголки региона. Это стимулирует развитие транспортной системы, распространение системы коммуникаций, например, развитие международной электронной системы денежных переводов. С другой стороны, увеличивается международная миграция рабочей силы из Центральной Азии, растет *число стран региона, мигранты из которых выезжают на заработки за рубеж.*

Сами международные миграции также все более подвержены влиянию глобальных тенденций: меняют направления, активнее направляя вектор миграций не только в СНГ, но и в развитые западные страны, включаются в мировые рынки труда, формируют вторичные рынки труда в странах достижения, приобретают другие общие характеристики.

Увеличивается мобильность рабочей силы, как с точки зрения количества мигрантов, так с точки зрения количества стран достижения. Например, по данным Комитета по миграции Киргизии, в 2005 г. в странах вне СНГ находилось 30 тыс. граждан Киргизстана и по некоторым сообщениям СМИ, только в Великобритании 2004 г. незаконно работали 10 тыс. граждан Киргизстана (<http://www.iwpr.org>). (МОМ, 2005) Растет число трудовых эмигрантов из Узбекистана в США, Канаду, Западную Европу, Южную Корею, ОАЭ, Турцию. (Максакова, 2003)

В международной трудовой миграции все активнее участвуют не имеющие специальности неквалифицированные работники, впервые выходящие на рынок труда. Наиболее бедное население, *неквалифицированная рабочая сила перемещается в соседние, как правило, пограничные страны*, квалифицированные специалисты и рабочие едут в Россию, страны СНГ и вне СНГ, чтобы таким образом увеличить вложения и отдачу от «человеческого капитала» и максимизировать доход от миграции.

Для принимающих стран, в первую очередь России и Казахстана, характерно формирование *анклавных рынков труда*. Такие рынки формируются на определенных территориях концентрации иммигрантов. На этих территориях располагаются предприятия и обслуживающая их инфраструктура, собственниками или арендаторами которых являются иммигранты «первой волны». Они, как правило, нанимают иностранных

рабочих (в том числе незаконных мигрантов) из числа соотечественников и преимущественно той же этнической принадлежности, что позволяет говорить о формировании *этнических анклавов* в местах компактного проживания иммигрантов. (Massey et al., 1998)

Примером такого анклавного рынка (как по сферам занятости, так и в территориальном плане) является занятость киргизских рабочих на табачных плантациях Алматинской и Джамбульской областей Казахстана. Численность незаконно занятых здесь в несколько раз превышает официальную, «квотированную» занятость. Те, кто 5–6 и более лет тому назад стали приезжать на заработки в Казахстан (некоторые из них женились, приобрели казахстанское гражданство), теперь сами используют труд своих земляков или родственников из Кыргызстана без официального разрешения и оформления.

Поскольку на рынках труда используется неквалифицированный труд, и как правило, незаконный, это дает основание говорить о формировании *«вторичного» рынка труда*, где почти не работают граждане принимающей страны, а в основном заняты трудовые иммигранты. Незаконная занятость на таких вторичных рынках возможна не с помощью открытых, легальных механизмов, а через «мигрантские сети», неформальные связи в мигрантских сообществах.

В строительстве на физически тяжелых, «черных» работах в Алма-Ате, Алма-Атинской области, Астане, занято много рабочих из Кыргызстана и Узбекистана. Строительство, сфера обслуживания, мелкое производство и торговля — основные сферы, где заняты неквалифицированные работники из этих стран.

Другой глобальный тренд, проявляющийся в регионе, это увеличивающаяся роль «мигрантских сетей». *«Мигрантские сети»* — это неформальные связи в мигрантских сообществах в принимающих и посылающих странах. Формирование неформальной миграционной сети между районами в странах исхода и регионами в странах достижения — это не просто «общее информационное пространство», но еще и «социальный капитал», который облегчает последующую миграцию киргизских граждан в Казахстан. Это явление, типичное для миграционных процессов во многих странах мира и в этом смысле в Казахстане проявляются общие тенденции глобализации.

Как показали данные исследования автора, большинство мигрантов 31% — находят работу через друзей и знакомых, 22% — через родственников — 20% самостоятельно (см. диаграмму 1). Незаконная занятость становится возможна через стихийные рынки труда, «черные» биржи, посредников, Институциональные механизмы легального трудоустройства мигрантов слабы: лишь 5–7% находят работу через агентства занятости (см. диаграмму).

Большая роль земляческих отношений среди мигрантов видна и в ответах на вопрос о том, кто поддерживает их на выезде: на первом месте —

родственники, так ответили 43,1% опрошенных, далее — мигранты в месте проживания (34,9%), затем — земляки (32,5%). Работодателей упомянули лишь 10,2% респондентов, представителей агентства по трудоустройству — 0,4%.

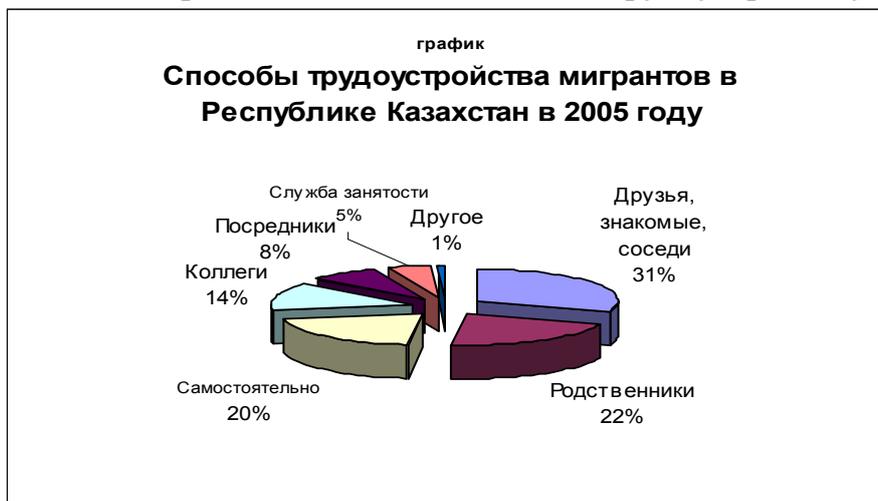

Диаграмма 1. Способы трудоустройства трудовых мигрантов в Казахстане

Табл. 1

Кто вас поддерживает на выезде?	Абс	%
Родственники	110	43,1
Мигранты в месте проживания	89	34,9
Выходцы из одного аула (кишлака)	83	32,5
Работодатель	26	10,2
Местные жители	25	9,8
Друзья, знакомые	6	2,4
Представители агентства по трудоустройству	1	0,4
Никто	23	9
Нет ответа	5	2
Выборка	255	100

Примечание: респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма ответов больше 100%.

Среди таджикских мигрантов большую роль в принятии решения и организации миграции, поиске работы на выезде и т.д. играет *авлод* — *родовая кровнородственная община*, отношения внутри которой чрезвычайно сильны до сих пор и сохраняются и тогда когда мигранты выезжают в другой город и другую страну на заработки. (МОМ 2003: 51). Другой пример — это национальные диаспоры в странах достижения. Например, узбекская диаспора, 90% которой проживает в южной регионе Казахстана, становится ареалом приема для трудовых иммигрантов из соседнего Узбекистана. Опора на неформальные отношения в мигрантских сообществах способствует сохранению и развитию миграций из Центральной Азии. (Садовская 2006е)

Большая роль «мигрантских» (неформальных) сетей, а не формальных государственных или коммерческих организаций в развитии и «самоподдержании» миграций — это лишь одно, хотя и не самое сильное свидетельство *слабой управляемости (регулируемости) миграционных*

потоков, и, следовательно, существования угроз безопасности не только на национальном, но и на глобальном уровне.

Новой угрозой в управлении миграционными движениями является увеличение *нелегальной транзитной миграции*. Государства Центральной Азии, и в первую очередь Казахстан, являются странами транзита для мигрантов из стран юго-востока Азии. Все более серьезной становится проблема организованной деятельности транснациональных групп по вывозу мигрантов, которые формируют каналы нелегального ввоза и вывоза мигрантов из / в /через Казахстан.

Транзитная трудовая миграция и незаконная миграция в/через страны региона, торговля людьми, оружием, трафик наркотиков, другие криминальные проявления, такие как использование международных систем денежных переводов для «отмывания» нелегальных доходов и финансирования терроризма, создают *угрозу национальной и региональной безопасности*, которая становится предметом озабоченности не только в странах Центральной Азии, но и во всем мире.

Новым фактором формирования системы региональной безопасности стала растущая геополитическая и экономическая роль Китая. Динамичный экономический рост, торговая экспансия, гигантский демографический потенциал Китая привлекают внимание всего мира. В качестве члена ВТО, Китай быстро наращивает экономическое присутствие в регионе, и, в частности в Казахстане, увеличивается китайская иммиграция. Это происходит на фоне безработицы (8,1% в 2005 г.), что вызывает опасения по поводу «китайской экспансии», увеличивается количество публикаций в СМИ об «угрозе китаизации» Казахстана. Достаточно отметить, что согласно только что проведенному исследованию автора 24% респондентов считает, что китайская миграция отрицательно влияет на рынок труда в Казахстане, так как создает серьезную конкуренцию на внутреннем рынке труда. (Sadovskaya 2007a)

Миграционная система предполагает наличие международно-правовой, национальной, институциональной и т.д. системы, которая регулирует миграционные процессы и обеспечивает безопасность внутри систем. Пока система национальной и региональной безопасности в странах Центральной Азии не создана, даже объективно востребованные соглашения по перемещению рабочей силы, визового режима, гражданства и т.д. между странами региона не подписаны, либо не ратифицированы, либо не выполняются. В рамках СНГ подписано несколько сотен соглашений, однако проблемой является их имплементация. Слабое институциональное обеспечение и международное дву- и многостороннее сотрудничество затрудняют регулирование международной миграции, препятствуют формированию единого миграционного и правового пространства в СНГ.

Происходит «секьюритизация» проблем миграции с искусственной акцентуацией на негативных сторонах и последствиях миграций, с

отвлечением внимания от внутренних проблем государства, от которых зависит и решение проблем миграции.

Лишь две страны региона — Киргизстан и Таджикистан ратифицировали Международную конвенцию ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, лишь некоторые страны присоединились к международной конвенции по предупреждению транснациональной преступности. В Казахстане, который является центром ежегодного приема сотен тысяч трудовых иммигрантов, этот вид международных миграций слабо регулируется законодательно и институционально, на протяжении 15 лет основным направлением миграционной политики республики является репатриация этнических казахов.

Существуют и так называемые «мягкие угрозы» безопасности. Упомянем лишь одну, а именно средне- и долгосрочные последствия масштабной утечки умов из стран региона, и в частности, из Казахстана. Ее негативные последствия для *развития человеческих ресурсов* будут скоро и длительное время сказываться в странах Центрально-Азиатского региона.

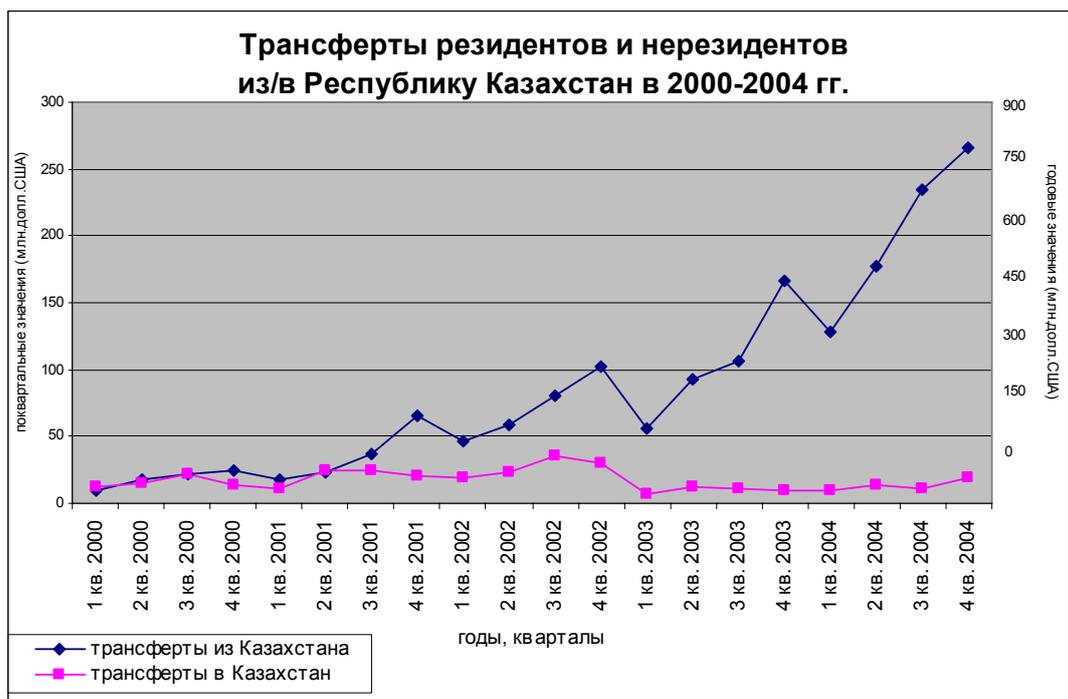
Увеличение денежных переводов трудовых мигрантов в республики Центральной Азии, усиление их роли в повышении уровня жизни домохозяйств — одна из тенденций глобализации, которая открывает новые возможности к взаимодействию всех акторов в регионе, что и будет рассмотрено в следующем разделе.

(3) Динамика и объемы денежных переводов мигрантов в республиках Центральной Азии

Денежные переводы мигрантов (migrant remittances) в широком смысле — по определению Международной организации по миграции, это переводы наличных денежных средств, которые трудящийся-мигрант или иммигрант (в стране достижения) осуществляет родственникам страну исхода. Переводы могут также включать инвестиции, депозиты или благотворительные взносы мигрантов в стране исхода, то есть, охватывать в целом финансовые потоки, связанные с миграцией. (IOM and Remittances: <http://www.iom.int>)

Оценки объемов денежных переводов в *Республике Казахстан* проводятся с 2000–2001 гг. По данным Национального Банка республики, объемы денежных переводов резидентов/нерезидентов из-за рубежа в Казахстан были незначительными и кумулятивно за период 2000–2004 гг. составили \$ 344,5 млн.

Объем денежных переводов из Казахстана в 2000 г. составил \$74,3 млн. и на протяжении пяти лет возрастал в 1,5–2 раза по сравнению с предыдущим годом. В 2004 г. объем переводов составил \$ 805,8 млн., то есть увеличился за период 2000–2004 гг. в 10,8 раз (см. диаг. 2). (<http://www.nationalbank.kz>)

**Диаг. Динамика денежных переводов резидентов / нерезидентов
из/в Республику Казахстан в 2000-2004 гг. (в млн долларов США)**

Примечание: данные на графике по левой оси выстроены по квартальным значениям, на правой оси — по годовым значениям

Значительная часть переводов отправляется физическими лицами из Казахстана в Китай, Россию и Германию, на них приходится около 58% всех переводов. По мнению экспертов Национального банка, часть переводов в Китай, Германию может быть связана с отправкой средств для оплаты товаров ввозимых в Казахстан по каналам неорганизованной торговли, хотя согласно законодательству, валютные операции, связанные с осуществлением инвестиций, предпринимательской деятельностью и подобные цели запрещены. Согласно данным исследования по трудовой иммиграции в Казахстане в 2005 г., мигранты используют различные способы отправки денег домой (см. табл. 2).

Табл. 2

Как вы отправляете заработанные деньги?	Абс	%
самостоятельно везу	105	41,2
отправляю с друзьями	61	23,9
отправляю с родственниками	38	14,9
денежный перевод по Вестерн Юнион	24	9,4
денежный перевод по почте	21	8,2
Не отправляю	12	4,7
На деньги покупаю товары и везу их сам	4	1,6
Еще не отправлял, т.к приехал в первый раз	4	1,6
Отправляю со специальным человеком	3	1,2
Затрудняюсь ответить / нет ответа	37	14,5
Выборка	255	100

Примечание: респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма ответов больше 100%.

Значительная часть трудовых мигрантов — 41,2% привозят заработанные деньги сами, либо отправляют с друзьями (23,9%), или родственниками (14,9%). Лишь 17,6%, то есть менее одной пятой периодически или постоянно посылают деньги почтой. Это свидетельствует о большом потенциале системы денежных переводов в Казахстане.

По данным Национального банка Казахстана в 2005 г. из республики физическими лицами–резидентами и нерезидентами было переведено \$ 1,158 млрд. Осторожная предварительная оценка объемов ежегодных переводов трудовых мигрантов из Казахстана в 2004–2005 гг. может быть сделана в пределах около \$ 0,5–1,0 млрд. Однако необходимо продолжать исследования по уточнению данных об объемах денежных переводов трудовых мигрантов из/в Казахстан.

В *Киргизской Республике*, по оценкам около \$500 млн было отправлено мигрантами из России, Казахстана, других стран в 2005 г. Для сравнения: ВВП страны составлял в 2004–2005 гг. около \$2,0 млрд. Таким образом, денежные переводы мигрантов могут составить около 25% ВВП Киргизстана. Динамика роста денежных переводов в республику в последние годы значительно превышала динамику ежегодных прямых иностранных инвестиций и официальной международной помощи для развития в Киргизстане (см. диаг. 3) Как показывают исследования, большинство мигрантов передают деньги по «неофициальным» каналам, используя знакомых, родственников, проводников, привозя деньги самостоятельно.

Диаг. 3. Динамика ВВП, прямых иностранных инвестиций и денежных переводов в Республике Киргизстан в 1999-2005 гг. (в % к предыдущему году)

Денежные переводы в *Таджикистан* в 2003 г. составили — \$ 256 млн. (МОМ 2003). По подсчетам автора, объем денежных переводов, присланных в РТ только по официальным каналам в 2003 г., был равен

23,2% объема ВВП. (Sadovskaya 2006: 118) В то же время, общие оценки поступлений от миграции оценивались экспертами в значительно большие суммы чем официальные переводы, что включало денежные переводы, самостоятельный привоз валюты, привоз товаров: дорогостоящей бытовой техники, одежды. (МОМ 2003: 86)

По данным Центрального банка *Республики Узбекистан*, в 2006 г. в страну было переведено более \$1 млрд. Памятуя, что по данным ООН доля «неофициальных» переводов составляет более 40% от всего объема переводов мигрантов, реальный объем доходов от миграции составляет гораздо более значительную сумму и эквивалентно растущей доли в ВВП Узбекистана (Садовская, 2006f).

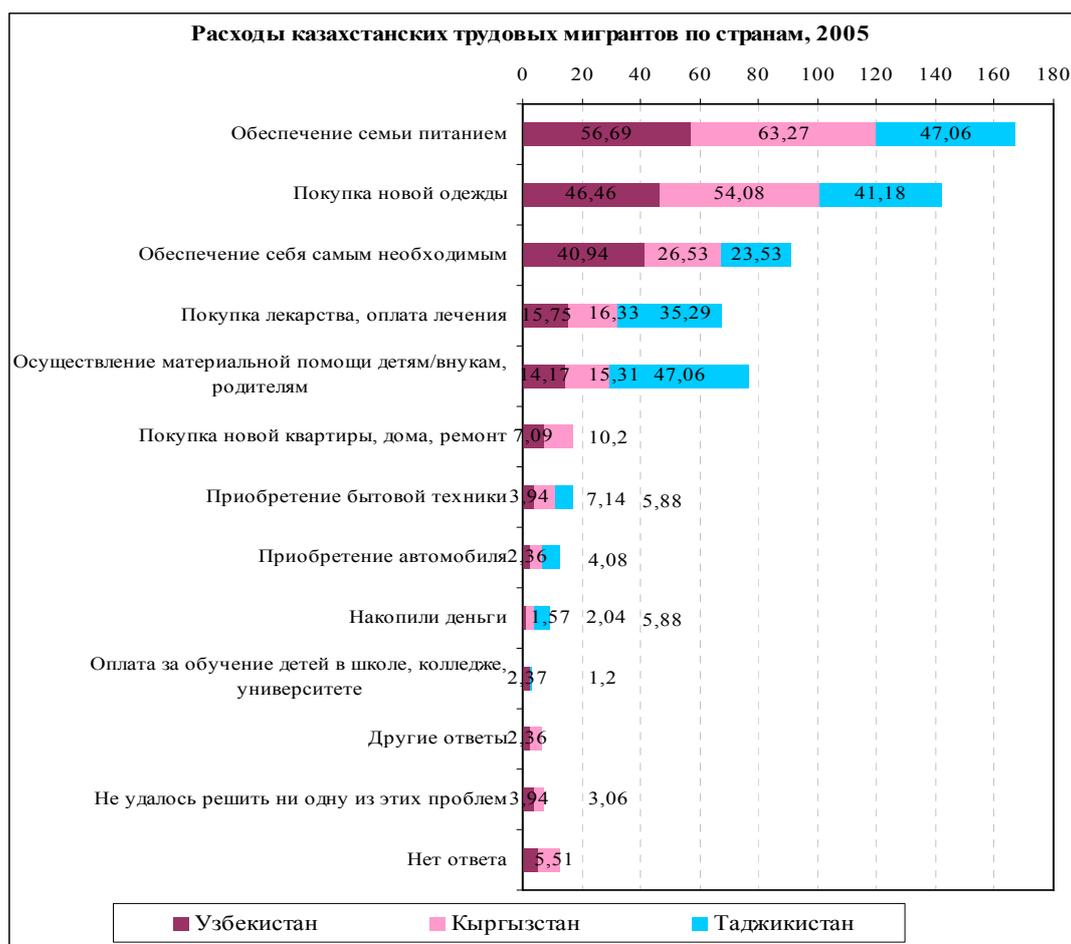
Трудовые миграции и денежные переводы – стратегия выживания мигрантских домохозяйств Центральной Азии

Результаты исследования 2005 г., свидетельствуют о том, что трудовые миграции и денежные переводы стали стратегией выживания мигрантских домохозяйств в республиках Центральной Азии.

Согласно данным опроса, «миградоллары» заработанные в Казахстане идут в основном на питание — 55,7% и приобретение новой одежды — 47,2% респондентов, 30,3% респондентов считают, что заработанные на выезде деньги позволяют им лишь обеспечивать себя самым необходимым. 22,5% респондентам мигрантские заработки позволяют оплачивать лечение, покупать лекарства. 25,5% респондентов помогают материально своим родителям и детям (см. диаг. 4).

Использование денежных переводов имеет страновую специфику. Например, более бедные мигрантские хозяйства из Узбекистана и Киргизии тратят заработки в основном на первоочередные повседневные нужды: питание — 56,7 и 63,3%, соответственно и покупку одежды — 46,5 и 54,1%, соответственно. Мигранты из Таджикистана, которые уже много лет работают в Казахстане, делают переводы для оказания материальной помощи родственникам (47,1%), оплаты лечения (35,3%) и более дорогостоящих покупок. Доля трудовых мигрантов из Таджикистана, материально помогающим своим родственникам на родине значительно выше, чем доля таковых из Узбекистана — 14,2% респондентов и из Киргизии — 15,3% респондентов.

Переводы помогают накопить деньги для проведения свадьбы. В сельской местности по традиции на свадьбу дарят дорогие подарки и приглашают всех родственников и соседей, и свадьба нередко обходится родителям в несколько годовых зарплат. В случае накопления более крупных сумм, переводы мигрантов используются для покупки дома, квартиры или ремонта, приобретения электробытовой техники, оплаты обучения в вузе, колледже, школе, однако, доля таких инвестиций очень мала.

Диаг. 3 . Как используются денежные переводы трудовых иммигрантов в Казахстане, по странам исхода, 2005 г.

В целом, трудовая миграция и денежные переводы в *Киргизстане* имеют многочисленные положительные экономические и социальные последствия. Благодаря эмиграции своих граждан Киргизстан частично решает проблему избытка рабочей силы, смягчения безработицы, особенно на юге республики, откуда в основном выезжают мигранты. Мигрантские семьи получают денежные переводы, которые повышают уровень жизни домохозяйств; накапливают стартовый капитал для начала собственного бизнеса; повышают квалификацию и формируют новые навыки работы в рыночных условиях, которые могут быть использованы после возвращения в Киргизию.

Трудовые миграции стали «стратегией выживания» общества и сыграли стабилизирующую роль в прошедшем гражданскую войну Таджикистане. Как следствие долгого отсутствия мужчины — главы домохозяйства, увеличивается роль женщин в семейной экономике (МОМ, 2003, 93, 97).

Изменение гендерных ролей в процессе вовлечения женщин в трудовые миграции характерно и для других стран региона, например, *Узбекистана*. По данным исследования, в 1999 г. менее 2% женщин-трудовых мигрантов в Узбекистане считали себя главами семейств, а в 2004 г. 57,6% женщин ответили, что именно они «кормят своих родственников» и поэтому являются главными в семьях. (МОМ 2005а: 50)

Трудовые миграции в Узбекистане играют положительную стабилизирующую роль, смягчая напряжение в местных рынках труда, однако, решение вопросов предупреждения массовой трудовой эмиграции лежит в создании рабочих мест, развитии малого и среднего бизнеса в самом Узбекистане.

Трудовая миграция имеет и отрицательные последствия для страны приема и стран исхода. Например, работодателям в Казахстане «выгодно» использовать дешевую рабочую силу, не требующую социальных издержек, а трудовым иммигрантам даже небольшие заработки позволяют поддерживать приемлемый уровень жизни в странах исхода. Однако, неуплата налогов в республиканский бюджет Казахстана (если принять в расчет всю численность трудящихся-мигрантов, то это значительные отчисления), наносит экономический ущерб на макроуровне, происходит перетекание капиталов и рабочей силы в сферу теневой экономики. Происходят массовые нарушения прав трудящихся-мигрантов.

Из стран региона увеличивается выезд на заработки высококвалифицированных специалистов, который имеет тенденцию к превращению в безвозвратную интеллектуальную эмиграцию. «Утечка умов» всегда имеет негативные средне- и долгосрочные последствия для национальных экономик посылающих стран. Они же испытывают негативные демографические последствия в связи с тем, что мужчины-мигранты надолго покидают семьи в период выездных заработков.

Сохраняется криминальная составляющая в трудовых миграциях: по экспертным оценкам, около 10% доходов от выездной деятельности в Таджикистане идет в наркобизнес. (МОМ 2003: 97) Использование систем переводов для финансирования террористической деятельности и отмывания нелегальных доходов стало привлекать все больше внимания в последние годы. (<http://www.euroasiangroup.org>) Однако, необходимо различать криминальную составляющую и перевод заработанных мигрантами денег из принимающей страны в страну происхождения мигранта, где переводы играют все возрастающую роль в национальных экономиках и нуждаются в специальном регулировании.

Денежные переводы трудовых мигрантов: использование в целях развития

Исследование автора показало, что пока в республиках Центральной Азии трудовая миграция и денежные переводы – это преимущественно стратегия выживания индивидуальных домашних хозяйств, а не развития местных сообществ и тем более, национальных экономик. «Миградоллары» пока редко используются развития мигрантских сообществ (для строительства или ремонта местных школ, дорог, мостов, коммуникационной инфраструктуры). Правительства стран региона пока не разработали практических механизмов использования переводов в целях развития.

Тем не менее, денежные переводы — серьезный фактор снижения бедности в странах исхода, особенно в таких странах как Киргизстан и Таджикистан, где по данным ПРООН, они составляли в начале 2000-х гг., соответственно, 44,4% и 60% всего населения. Это играет положительную социально-политическую роль, влияя на стабильность в отдельных странах и регионе в целом.

Общие объемы денежных переводов в некоторых республиках Центральной Азии таких как Киргизстан и Таджикистан, эквивалентны значительной доле ВВП (25% и выше), и по некоторым оценкам, в последние годы превышали ежегодные объемы официальной международной помощи для развития и иностранные инвестиции в страны Центральной Азии.

Поскольку объемы переводов увеличиваются, правительства стран исхода должны регулировать трудовые миграции, разрабатывая систему эффективного использования денежных переводов в целях развития. Одной из мер стимулирования инвестиций для целей развития могла быть организация перевода не наличными деньгами, а на банковский счет мигранта и поощрение взносов на медицинское страхование, образование, ипотеку, проекты местного сообщества. (ИОМ 2005: 273). Необходимо поощрять инвестиции в местный бизнес, выдавать кредиты на развитие производства, предоставлять более низкие проценты для осуществления социальных и экономических проектов в местных сообществах.

Разработка нормативно-правовой базы и практических механизмов, направленных на поощрение использования денежных переводов мигрантов в целях развития — новое и важное направление деятельности законодательных и исполнительных органов в республиках Центральной Азии.

Важно помнить, что, как ни парадоксально, кардинальное решение вопросов *международной или внешней* трудовой миграции лежит в решении *внутренних проблем* в каждой из республик Центральной Азии. В странах исхода — это создание рабочих мест и развитие национальных экономик. В стране достижения, т.е., Казахстане — это решение сложнейшего блока социально-экономических проблем, которые включают: безработицу, «самостоятельную занятость» населения, развитие малого и среднего бизнеса, совершенствование системы образования и переквалификации, национальной политики в целом и кадровой политики в частности и других.

Библиография

- Арутюнян Л.А. (2003) Трудовая миграция населения Армении: средство, предотвращающее бедность в: Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / Отв. ред.: Ж.А. Зайончковская.
- Билсборроу Р.Е., Хьюго Грэм, Обераи А.С., Злотник Хания. (1999) Статистика международной миграции: рекомендации по совершенствованию систем сбора данных. Academia, Москва.
- Зайончковская Ж.А. (2001) Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности / Миграция населения. Вып. 2. Трудовая миграция в России. / Под ред. О.Д. Воробьевой. Москва.
- Ионцев В.А. (1999) Международная миграция населения: теория и история изучения. М., Диалог-МГУ.
- Ивахнюк И.В. (2005) Международная трудовая миграция. Московский Государственный Университет. МГУ, ТЕИС: Москва.
- Красинец Е. (1997) Международная миграция населения в России в переходный период к рыночной экономике. Москва.
- Максакова Л.П. (2003) Экспорт рабочей силы из Узбекистана // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. Под ред. Ж.А. Зайончковской. Москва.
- МБТ (2004) За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Международная конференция труда, 92 сессия, МБТ, Женева
- Международная организация по миграции (МОМ)
- МОМ (2003) Labor migration from Georgia. International Organization on Migration and Association for Economic Education, Tbilisi <http://www.iom.ge>
- МОМ (2003а) Олимова С., Боск И., Трудовая миграция из Таджикистана. МОМ, Научно-исследовательский центр «Шарк». Душанбе.
- МОМ (2005) Садовская Е., Олимова С., Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. Аналитический обзор. Европейская Комиссия, МОМ. – Алматы. <http://www.iom.kz>
- МОМ (2005а) Трудовые мигранты из Узбекистана в южных регионах Казахстана. Алматы.
- Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы (2001) / Сост. В.Г. Мошняга. Кишинев.
- Садовская Е.Ю. (2001) Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: новые тенденции и перспективы. Алматы, Галым.
- Садовская Е.Ю. (2001а) Трудовая миграция как средство адаптации к экономическому кризису в Казахстане. Алматы, Галым.
- Садовская Е.Ю. (2004) Трудовые миграции в Казахстане: фактор социального развития или социальной дестабилизации? Конфликтология - теория и практика. 2004. - № 3. СС.103-107.
- Садовская Е.Ю. (2005) Трудовые миграции в Казахстане в 2000-е годы: новейшие тенденции. Алматы. в: Миграция в Центральной Азии: проблемы и перспективы / Материалы международной конференции. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
- Садовская Е.Ю. (2006) Денежные переводы трудовых мигрантов и их роль в мигрантских домохозяйствах Центральной Азии // Центральная Азии и Кавказ. - 2006 - № 3. (на англ. яз. и на рус. яз.)
- Садовская Е.Ю. (2006а). Международная трудовая миграция и денежные переводы в республиках Центральной Азии: стратегия выживания или стратегия развития? Международная миграция. Сб. статей Московского государственного университета, Москва, 2006 (на рус. и англ. яз.)

- Садовская Е.Ю. (2006b) Денежные переводы трудовых мигрантов: роль в мигрантских домохозяйствах и сообществах Центральной Азии в: Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2005. Институт этнологии и антропологии РАН. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. Москва, 2006. СС. 48-60.
- Садовская Е.Ю. (2006с) Новые тенденции в миграционных процессах в Центральной Азии и подходы в их концептуализации в: Глобализация и вопросы социокультурной адаптации. II Конгресс социологов Казахстана, 2005. Сб. материалов (часть 1). Астана, 2006. СС. 220-224.
- Садовская Е. Ю. (2006d) Денежные переводы трудовых мигрантов в Республике Казахстан // Труд в Казахстане.- 2006. -№ 4. СС. 6-13.
- Садовская Е.Ю. (2006е) Трудовые миграции в Центральной Азии: формирование региональной миграционной системы или процесс глобализации? в: Трансформация постсоветского пространства: отражение в миграциях. (2006) Под ред. Ж.А. Зайончковской. Москва
- Садовская Е.Ю. (2006f) Трудовая миграция в Казахстане в 2000-е годы: новые вызовы, новые решения. Алма-Ата (находится в производстве)
- Садовская Е.Ю. (2007) Трудовые миграции казахстанских граждан в период суверенитета // Труд в Казахстане. 2007.- № 5.
- Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. (2003) Под ред. Ж.А. Зайончковской. Москва.
- Трансформация постсоветского пространства: отражение в миграциях. (2006) Под ред. Ж.А. Зайончковской. Москва. (находится в производстве)
- Тюрюканова Е. (2005) Денежные переводы мигрантов // Pro & Contra. – N 5.
- Ушкалов И.Г., Малаха И.А. (1999) «Утечка умов»: причины, масштабы, последствия. Эдиториал УРСС: Москва.
- Узбекистан: проблемы трудовой миграции и возможные подходы к формированию политики. (2004) Аналитический документ. Центр развития человеческих ресурсов, Ташкент
- Юнусов А. (2003) Трудовая миграция из Азербайджана: стратегии интеграции в рынки труда и риски в: Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.
- Adams, R.H. (2003) International Migration, remittances and the brain drain: A study of the 24 labour-exporting countries, World Bank Policy research Working Paper 3069, World Bank, Washington D.C.
- Adams, R H. Jr., and Page John. (2003) International Migration, Remittances, and Poverty in Developing Countries. World bank Working Paper No.: 3179 , December 19
- <http://www.cbr.ru>
- <http://www.euroasiangroup.org>
- The hawala alternative remittance system and its role in money laundering. Interpol General Secretariat, Lyon, January 2000.
- <http://www.interpol.int/Public/FinancialCrime/MoneyLaundering/hawala/>
- International Organization on Migration (IOM)
- IOM and Remittances. Definition, Scale and Importance of Remittances. <http://www.iom.int>
- IOM (2005) World Migration 2005. Costs and Benefits of International Migration. IOM, Geneva, Vol.3. IOM World Migration Report Series
- <http://www.irinnews.org> 17.09.2004, quoted from IOM TCC bulletin, 17 September 2004.
- <http://www.iwpr.org>
- Massey Douglas S., Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino, and J. Edward Taylor (1998) Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium / Oxford: Clarendon Press.

<http://www.nationalbank.kz>

- Newland, K. (2004) "Beyond Remittances: The Role of Diaspora in Poverty Reduction in their Countries of Origin, a study for the UK Department for International Development (DFID)". MPI, Washington.
- Ratha, D. (2003) "Workers' Remittances: An Important and Stable Source of External Development Finance" in global development Finance World Bank
- Ratha, D. and J. Riedberg. (2004) "How to lower remittance costs: conversations with remittance service providers", World Bank, Washington, D.C.
- <http://www.regnum.ru/news/637825.html> 11.05.2006.
- Roberts, B and K. Banaian. (2004) Remittances in Armenia: Size, Impacts, and Measures to enhance their Contribution to Development", special study for USAID/Armenia, Bearing Point, October.
- Sadovskaya, Yelena (2005) Labor Migration and Its Impact on Social Stability in Central Asia in Towards Social Stability and Democratic Governance in Central Eurasia. Challenges to Regional Security / Ed. By I. Morozova. NATO Science Series. IIAS, Leiden, the Netherlands, PP. 206-228.
- Sadovskaya, Yelena. (2006) Remittances and their role for labor migrants' households in the Republics of Central Asia // Central Asia and the Caucasus. – 2006. – No 3(39). – PP.109-123. (in English and Russian).
- Sadovskaya Yelena (2006a). International Labor Migration and Remittances in Central Asian Republics: Strategy for Survival or Development? In: International Migration. Proceedings of Moscow State University. Moscow. (in English and Russian).
- Sadovskaya, Elena (2007) Chinese Migration to Kazakhstan. 'Conflict, Citizenship and Civil Society', Collection of articles and thesis devoted to European Sociological Association 8th Conference. Glasgow, 3-6th September 2007. Russian Society of Sociologists, Moscow.
- Sadovskaya, Elena (2007a) Chinese Migration to Kazakhstan: a Silk Way of Cooperation or a Thorny Road of Prejudice? Washington DC. (forthcoming).
- World Bank (2006) Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union Eds., Ali Mansoor and Bryce Quillin. Washington DC.

ИММИГРАЦИЯ В США¹

Обзор иммиграции в США

Движение мигрантов во многом зависит от принимающей их страны, от ее рецептивности, и одного желания индивида покинуть родину ради лучшей жизни за рубежом порой недостаточно. Сегодня правительства многих стран вводят строгие законы, регулирующие иммиграцию. История иммиграции в США, начиная с середины XVIII века, в значительной степени оказалась следствием ряда законов, определивших картину иммиграции в эту страну на два с половиной столетия вперед. Поток желающих со всего мира начать в Новом Свете новую жизнь не иссякает по сей день. Очереди на получение визы тянутся годами. Нелегальных иммигрантов — как попавших в страну без необходимых документов, так и лиц с просроченными визами — великое множество. Рекордные массы беженцев продолжают прибывать из стран, охваченных войнами и беспорядками. В последние годы львиная доля прибывших в страну — иммигранты из Азии, Африки, Латинской Америки, подавляющее большинство которых, невзирая на наличие различных препятствий, остается, избрав США постоянным местом жительства.

Влияние законодательных изменений последних десятилетий

В середине XIX века въезд в США был свободным. С тех пор американское иммиграционное законодательство все время изменялось — как правило, в сторону ужесточения мер по приему иммигрантов. В 1965 году, при президенте Л.Джонсоне, был принят Закон об иммиграции (*The Immigration and Nationality Act*), отменивший некоторые барьеры для въезда и ознаменовавший начало «периода либерализации» в истории иммиграции в США. Ниже вкратце в хронологическом порядке приводятся изменения законодательной базы, касающиеся иммиграции и повлиявшие на ход этого процесса².

1965: Закон об иммиграции (*Immigration and Nationality Act*), наконец, исключил дискриминацию по расовому, половому, национальному признакам, месту рождения или месту проживания — произошла либерализация иммиграции. Система учета национальности мигрантов по происхождению была заменена системой квотирования для

¹ В несколько измененном виде эта статья будет опубликована в «Энциклопедии социальных исследований»: *Encyclopedia of Social Work*, 20th Edition, New York, NY: Oxford University Press, 2008.

² С текстом этих законов можно ознакомиться на сайте Службы гражданства и иммиграции США -
<http://www.uscis.gov/graphics/shared/aboutus/statistics/legishist/index.htm>

- Восточного и Западного полушарий (170 тыс. и 120 тыс. иммигрантов в год соответственно). При этом максимально возможная квота для выходцев из одной страны составляла 20 тыс. чел. Эта квота не включала в себя супругов иммигрантов и детей граждан США.
- 1978: Были отменены «потолки» для обоих полушарий и установлен общемировой «потолок» в 290 тыс. иммигрантов.
- 1980: Закон о беженцах (*the Refugee Act*) исключил беженцев из льготных категорий. Исходя из изменений мирового политического климата, президент, совместно с Конгрессом, определяет ежегодную квоту для беженцев из определенных стран (квоты варьируют от 50 тыс. до 90 тыс. чел.)
- 1986: Закон об иммиграционной реформе и контроле (*the Immigration Reform and Control Act (IRCA)*) стал комплексной реформой, легализовавшей иммигрантов, находящихся в стране без надлежащих документов с 1982 года. Однако наем рабочих-нелегалов был объявлен незаконным.
- 1990: Иммиграционный закон 1990 г. (*the Immigration Act of 1990*) повысил годовой «потолок» для иммигрантов до 700 тыс. чел. Были установлены лимиты для некоторых категорий иммигрантов, в целях привлечения квалифицированных рабочих и специалистов. Введена Программа для мигрантов-инвесторов, в соответствии с которой предоставляется вид на жительство 10 тыс. иностранным гражданам, пожелавшим инвестировать не менее \$1 млн. в города США или \$500 тыс. в сельскую местность.
- 1996: Реформа системы социального обеспечения (*Welfare Reform*) отменила многие денежные выплаты и программы медицинской помощи для многих легальных иммигрантов (как и других лиц с низкими доходами).
- 1996: Закон о нелегальной иммиграции и ответственности иммигрантов (*the Illegal Immigration Reform and Immigrant Responsibility Act - IIRIRA*) узаконил проведение оперативных действий правоохранительных органов – Службы иммиграции и натурализации, особенно в приграничных районах, а также процедуры депортации нелегально въехавших мигрантов.
- 2001: Патриотический Закон (*the USA Patriot Act*) был принят Конгрессом США в ответ на террористические атаки 11 сентября 2001 г. Он предоставляет федеральным службам большие полномочия в контроле национальных и международных систем связи и в пресечение въезда в США иностранных террористов, а также выявлении и высылке тех, кто находится на территории США.
- 2006: Закон о всесторонней иммиграционной реформе 2006 г. (*Comprehensive Immigration Reform Act of 2006*), направленный на борьбу с незаконными мигрантами.

Закон 1965 г. оказал очень большое влияние на иммиграцию в США, в корне изменив структуру стран, откуда прибывали иммигранты в США. До принятия Закона 1965 г. и поправок от 3 октября 1965 г. к Иммиграционному закону 1924 г. и Закону 1952 г., которые имели своим результатом либерализацию иммиграционного законодательства в целом, большинство иммигрантов въезжали в США из стран Европы. Поправки 1965 г. (1) отменили систему квот по национальному признаку, (2) ввели систему преференций для родственников граждан и постоянных жителей США, (3) гарантировали льготы ближайшим родственникам граждан США и некоторым особым категориям лиц (религиозным деятелям, бывшим сотрудникам Правительства США за рубежом и т.д.), (4) увеличили число стран мира, к которым применялся 20-тысячный лимит иммигрантов. В результате приток мигрантов из не-европейских стран резко возрос, последствия чего ощущаются и поныне. Несмотря на небольшие изменения, которые вносились и вносятся до сих пор в Закон об иммиграции 1965 года, он остается основным в миграционном законодательстве США.

Число допускаемых в страну иммигрантов, во-первых, лимитируется законодательством, во-вторых, ограничивается потребностью страны, в-третьих, жестко регламентируется правоприменительной практикой (Gordon, 2005). Ежегодные числа допустимого количества иммигрантов размещаются на сайте Государственного Департамента США по трем категориям: иммигранты, обеспечение которых берет на себя их семья, находящаяся в США (480 тыс. в 2006 г.), иммигранты, приезжающие для трудоустройства (140 тыс.) и иммигранты, обеспечивающие «этническое разнообразие» (55 тыс.)³. Кроме того, значительное число легальных иммигрантов не подпадают под количественные ограничения, это – родственники граждан США и дети постоянных жителей США, родившиеся за рубежом. В 2004 г. таких насчитывалось примерно 407 тыс. (U.S. Census, 2004a). Помимо этого, по «программе инвесторов» ежегодно выдается примерно 10 тыс. виз тем, кто готов сделать крупные инвестиции в экономику США.

Демографические тенденции

Иммигранты въезжают в США на разных основаниях. Прежде, в XIX – начале XX веках, люди приезжали как иммигранты-добровольцы, рабочие по контракту или в качестве рабов. Большинство из них при этом считались «легальными иммигрантами», в том числе и по причине отсутствия какой бы-то ни было регистрации. Современные иммигранты могут быть разделены на две основные категории: добровольные иммигранты (легальные или нет) и беженцы. Некоторые из легальных иммигрантов, прожив минимальный срок в США, подают документы на гражданство.

Американское Бюро Переписи (the U.S. Bureau of the Census) указывает, что по состоянию на 2004 год из примерно 288 млн. жителей

³ См сайт: http://travel.state.gov/visa/frvi/bulletin/bulletin_2924.html

страны, 34 млн. (12%) родились за пределами США, а еще 30 млн. (10%) являются детьми родившихся за рубежом (Таблица 1). 17 октября 2006 года население США превысило 300-миллионную отметку, и этот рост объясняется не только рождаемостью, но и высокими темпами иммиграции. Из тех, кто родился в других странах: 5 млн. из Европы, 18 млн. из Латинской Америки и 3 млн. из других регионов, включая Африку.

На Таблицах 2 и 3 представлены иммигранты (1981–2004) и беженцы (1991–2003) соответственно, по регионам и странам рождения (U.S. Census Bureau, 2006). На протяжении этих лет самое большое количество иммигрантов прибывало из Мексики. Однако, из распределения по странам происхождения видно, что хотя число иммигрантов из Мексики в США в период с 1981 по 2004 годы было наибольшим (4,621,800), это все равно меньше четверти общего количества иммигрантов въехавших в страну за этот период (22,86%); эта доля окажется еще меньше, если включить в общее число прибывших 1,4 млн. беженцев. Таким образом, несмотря на значительное присутствие мексиканцев в структуре миграционных потоков, необходимо отметить чрезвычайное этническое многообразие въезжающих в страну людей.

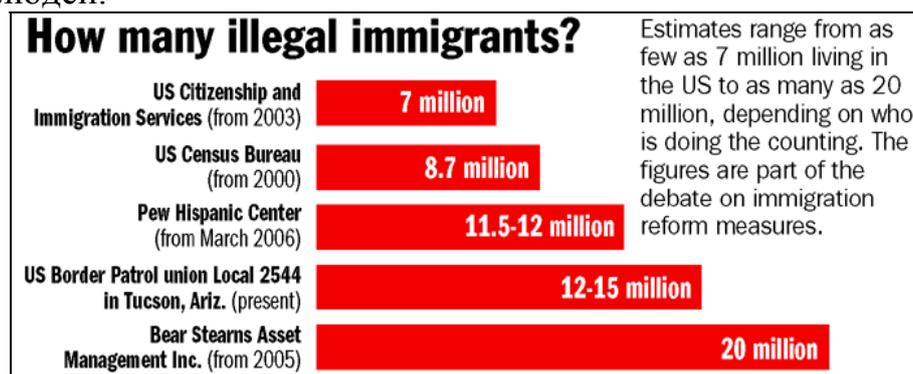

Рис.1. Число нелегальных иммигрантов в США, по разным оценкам⁴

Среди тех, кто добровольно въезжает в США, присутствуют лица без необходимых документов. Пока не существует надежного метода подсчета нелегальных иммигрантов, а по оценкам экспертов, их может быть на территории страны до 20 млн. (рис. 1, Knickerbocker, 2006). Это лица, находящиеся в США без правительственного разрешения и иногда называемые «экономическими беженцами», но ВКПБ ООН не признает этот термин. Незаконные иммигранты не имеют нужных документов для того, чтобы жить в США легально, при том, что они могли въехать в страну легально или нелегально. Вопреки представлению о том, что нелегальный иммигрант — это тот, кто перелезает границу без надлежащих документов, большая часть (41%) всех нелегалов, в особенности, из азиатских стран, это не кто иные, как т.н. «visa overstays» — лица, с просроченными визами (INS, 2000).

⁴ Воспроизводится с разрешения газеты *Christian Science Monitor*, опубликовано 16 мая 2006 (www.csmonitor.com)

Табл. 1: Население США по полу, возрасту и поколениям: 2004 (тыс. чел.)

Возраст	Всего		Поколение ¹					
			Первое		Второе		Третье и далее	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Всего	288,280	100.0	34,244	100.0	30,430	100.0	223,606	100.0
До 16 лет	64,859	22.5	2,421	7.1	12,515	41.1	49,923	22.3
16 - 65 лет	188,762	65.5	27,116	82.1	12,798	42.1	147,838	66.1
65 и более	34,659	12.0	3,697	10.8	5,117	16.8	25,845	11.6
Медианный возраст (лет)	35.9	(X)	38.4	(X)	21.4	(X)	36.6	(X)

(X) = нет определения

Источник: U.S. Census Bureau. (2004). *Current population survey, annual social and economic supplement.*, Retrieved May 30, 2006, from <http://www.bls.census.gov/cps/asec/2004/sdata.htm>.

Табл. 2. Иммигранты по странам рождения, 1981- 2004 (тыс. чел.)

Регион и страна рождения	1981- 1990 всего	1991-2000 всего	2001-2003 всего	2004
Все страны	7,338.1	9,095.4	2,833.9	946.1
Европа	705.6	1,311.4	450.3	127.7
Азия	2,817.4	2,892.2	936.6	330.0
Африка	192.3	383.0	163.0	66.3
Океания	(NA)	48.0	16.0	6.0
Северная Америка	3,125.0	3,917.4	1,063.1	341.2
Канада	119.2	137.6	52.9	15.6
Мексика	1,653.3	2,251.4	541.7	175.4
Страны Карибского бассейна	892.7	996.1	268.9	88.9
Центральная Америка	458.7	531.8	199.5	61.3
Южная Америка	455.9	539.9	198.6	71.8

Источник: U.S. Department of Homeland Security. Office of Immigration Statistics. (2006). *2004 yearbook of immigration statistics.*

См. также <<http://uscis.gov/graphics/shared/statistics/yearbook/index.htm>>.

Табл. 3: Иммигранты, имеющие статус постоянных жителей в США в соответствии с Законом о беженцах, по странам рождения: 1991 - 2004

Регион или страна рождения	1991 - 2000, всего	2001 - 2002, всего	2003	2004
Всего	1,021,266	234,590	44,927	71,230
Европа	426,565	118,736	17,290	24,854
Азия	351,347	41,406	9,885	14,335
Африка	51,649	20,360	7,723	12,443
Океания	291	52	18	28
Северная Америка	185,333	51,503	8,454	18,323
Куба	144,612	47,580	7,047	16,678
Гаити	9,364	1,504	472	536
Эль-Сальвадор	4,073	382	194	263
Гватемала	2,033	809	294	387
Никарагуа	22,486	631	169	137
Южная Америка	5,857	2,158	1,518	1,150

Источник: U.S. Department of Homeland Security. Office of Immigration Statistics. (2006).
2004 yearbook of immigration statistics.

См. также <<http://uscis.gov/graphics/shared/statistics/yearbook/index.htm>>.

Беженцы и лица, ищущие убежище, в отличие от добровольных иммигрантов, обычно бывают вынуждены сменить место жительства. США всегда были убежищем для всех, спасающихся от преследований и подвергающихся гонениям; по числу беженцев США давно занимает 1-е место в мире (Mayadas & Segal, 2000). Президент, по согласованию с Конгрессом, устанавливает ежегодные квоты и список стран, откуда могут прибывать беженцы в США, основываясь на анализе политической ситуации в мире (Таблица. 4). Лица, ищущие убежище («asylees»), отличаются от беженцев тем, что обычно они въезжают в страну по собственному желанию без предварительного разрешения. Оказавшись на территории США, они просят убежища и содержатся под стражей, дожидаясь либо юридического подтверждения статуса беженцев, либо, в противном случае, отправки на родину.

Таблица 4: Лица, получившие статус беженца в 2005 и 2006 фискальных годах, прогноз на 2007 фискальный год

Регион	ФГ 2005 фактический въезд	ФГ 2006 квоты	ФГ 2006 прогнозируемый въезд	прогноз ФГ 2007 квоты
Африка	20,749	20,000	17,200	22,000
Восточная Азия	12,071	15,000	5,800	11,000
Европа и Центральная Азия	11,316	15,000	11,500	6,500
Латинская Америка и Карибский бассейн	6,700	5,000	3,000	5,000
Ближний Восток/Южная Азия	2,977	5,000	4,000	5,500
Всего – по субрегионам	53,813	60,000	41,500	50,000
Резерв		10,000		20,000
Всего	53,813	70,000	41,500	70,000

Источник: U.S. Department of State. Retrieved December 8, 2006 from <http://www.state.gov/g/prm/rls/rpt/2006/73619.htm#proposed>

Возвращаясь к более ранним периодам иммиграции начала XX века, мы можем выделить еще три группы мигрантов – жертвы контрабанды людей, жертвы торговли людьми и т.н. «почтовые» невесты. Те, кого нелегально провозят в страну, платят солидные деньги за нелегальный въезд и, оказавшись в США, находят, что обременены долгами и ограничены в возможностях трудоустройства. Жертв торговли людьми эксплуатируют на незаконных основаниях, и они становятся фактическими рабами тех, кто ввозит их в страну (U.S. Department of State, 2004). Наконец, растет рынок заключения браков по интернету: более 590 тыс. Web-сайтов обслуживают интересы все возрастающего числа пользователей (Sexuality Information and Education Council of the United States, 2004). Обычно в развивающихся странах «почтовые» невесты регистрируют в каталоге или на Web-сайте свое намерение выйти замуж за иностранца. Как правило, период ухаживания пропускается, и браки заключаются заочно с мужчиной, заплатившим за жену, которая устраивает его во всех отношениях. Такие женщины затем въезжают в страну легально в качестве жен граждан США.

Рис. 2 и 3 показывают происхождение, соответственно, легальных и незаконных иммигрантов, прибывших в США с 1991 по 2000 гг. (Massey, 2005).

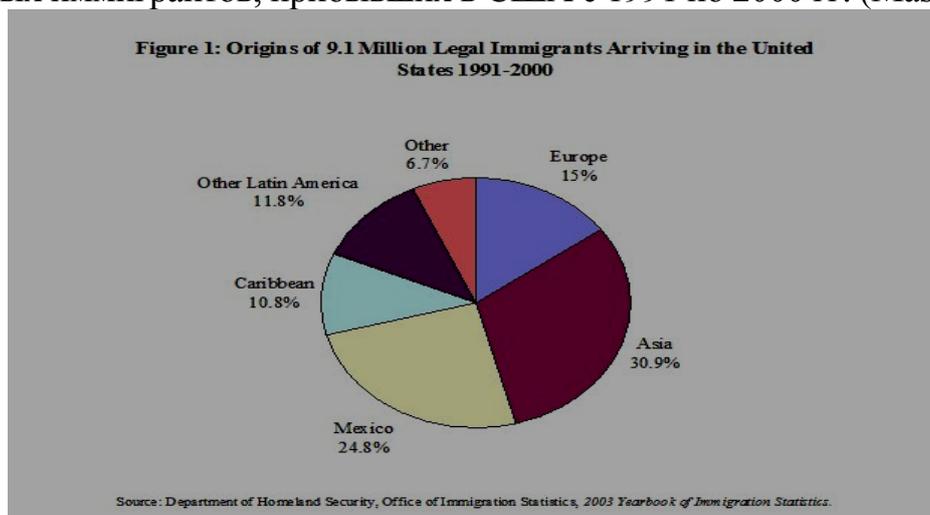

Рис. 2. Легальные иммигранты, 1991-2000

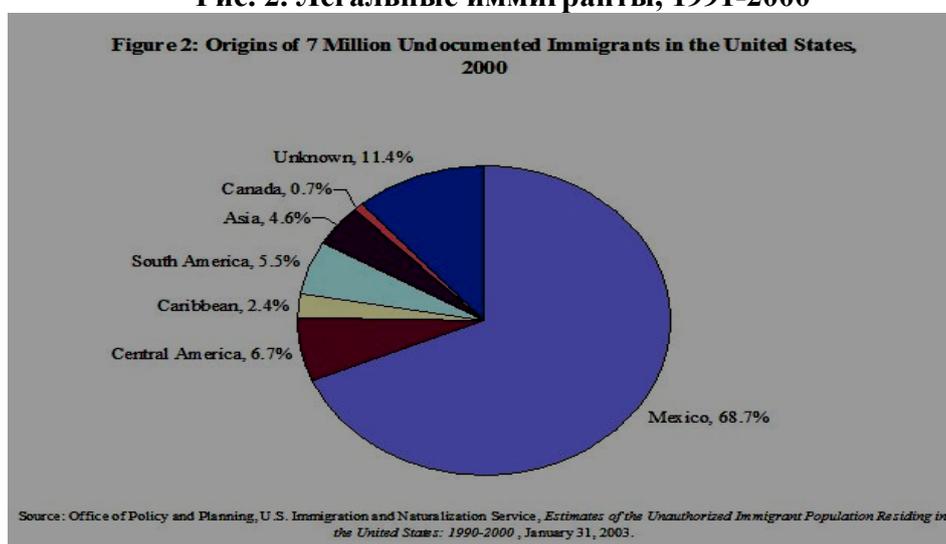

Рис. 3. Нелегальные иммигранты, 2000¹

В настоящее время обсуждается Законопроект об Иммиграционной Реформе, содержащий программу для гастарбайтеров, которая разрешила бы временным работникам въезжать в страну на период до шести лет и брать на себя работу, для выполнения которой работодатели США не могут найти желающих среди местного населения. Это может показаться новшеством, но долгое время мексиканские рабочие, пересекая границу, приезжали в США на сезонные работы и в конце сезона возвращались домой. Известная как циркулярная миграция, данная схема постоянно и все в большей мере наблюдается как в США, так и во всем мире (Hugo, 2003; Zuniga, 2006). Однако на сегодняшний день значительное число рабочих, въезжающих в страну нелегально, но традиционно следовавших схеме циркулярной миграции, предпочитают остаться в США, так как пересечение границы США с Мексикой становится все более опасным (Zuniga, 2006). Иммигранты, по мнению исследователей процессов миграции, в

¹ Copyright of the American Immigration Law Foundation, Washington, DC

дальнейшем либо возвращаются навсегда на родину после нескольких лет или десятилетий проживания в чужой стране (return migrants), либо живут «на два дома» — в родной стране и США (transnationals).

Вне зависимости от причин, по которым иммигранты въезжают в страну, ясно, что для значительной их доли первоначальным стимулом являются новые экономические возможности. Более того, очень немногие полностью разрывают связь с родиной, в большинстве своем они отсылают туда деньги, чтобы оказать поддержку членам семьи, организациям или общинам в стране их происхождения.

Экономическое влияние иммиграции

Немало споров в США развернулось вокруг вопроса об экономическом влиянии иммиграции. В дебатах на тему иммиграции, доводы о ее пользе в виде положительного вклада мигрантов в экономику государства противопоставляются доводам о ее вреде из-за увеличившейся нагрузки на инфраструктуру страны. Мнения об истинном значении иммиграции в XXI веке разделились.

Трудовые ресурсы иммиграции

Недавнее средоточие на иммиграционной реформе и программе для иностранных рабочих (гастарбайтеров) приковало внимание к рабочим-нелегалам. Следует иметь в виду, что среди 34 миллионов легальных иммигрантов в США более 27 миллионов — в возрасте от 16 до 65 лет и большинство из них работает (см. табл. 5), а состав профессиональной структуры показан в табл. 6. Основная доля трудовых ресурсов — легальные мигранты, имеющие соответствующие документы и играющие важную роль в функционировании страны. Если в 2004 году иммигранты составляли 11% населения страны, при этом на них приходилось 14% всей рабочей силы и 20% всех низкооплачиваемых рабочих (Nightingale & Fix, 2004). Как это ни парадоксально, уровень безработицы среди иммигрантов снизился быстрее, чем среди местных жителей, хотя их заработная плата росла вдвое медленнее, чем у американцев. Таким образом, несмотря на то, что, в большинстве случаев, среди иммигрантов уровень занятости выше и в их семьях двое родителей, проблема бедности для них более актуальна, нежели для коренных американцев (Nightingale & Fix, 2004).

Представители крупнейших корпораций, строительных компаний, работодатели в сфере сельского хозяйства и многих отраслей сферы услуг в один голос утверждают, что отсутствие рабочей силы в лице иммигрантов нанесло бы огромный урон экономике США. Именно для этих отраслей типично использование нелегальной рабочей силы. В результате опроса приблизительно 800 строительных подрядчиков выяснилось, что половина из них допускает сотрудничество с работниками без документов, а некоторые подчеркнули, что найм работников только из числа местных жителей приводит к снижению конкурентоспособности их компаний (Caulfield, 2006).

Таблица 5. Статус занятости населения, родившегося за рубежом, в возрасте старше 16 лет по полу и по региону рождения: 2004, (тыс. чел..)

Пол и статус занятости	Родившиеся за рубежом		Регион рождения							
			Европа		Азия		Латинская Америка		Другие регионы	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Всего рабочая сила	21,168	100.0	2,424	100.0	5,470	100.0	11,641	100.0	1,633	100.0
Занятые	19,857	93.8	2,294	94.6	5,178	94.7	10,844	93.2	1,542	94.4
Безработные	1,310	6.2	130	5.4	292	5.3	797	6.8	91	5.6
Мужская рабочая сила	12,736	100.0	1,295	100.0	3,010	100.0	7,469	100.0	962	100.0
Занятые	12,001	94.2	1,223	94.4	2,851	94.7	7,002	93.7	925	96.2
Безработные	735	5.8	72	5.6	159	5.3	468	6.3	36	3.8
Женская рабочая сила	8,432	100.0	1,129	100.0	2,460	100.0	4,172	100.0	671	100.0
Занятые	7,857	93.2	1,071	94.9	2,327	94.6	3,843	92.1	616	91.9
Безработные	575	6.8	58	5.1	133	5.4	329	7.9	55	8.1

¹ Большинство рожденных в регионе «Латинская Америка» происходят из Мексики; рожденные в «других частях света» — из Африки, Океании и Северной Америки.

² Статус «занятости» относится к неделе проведения исследования.

Источник: Census Bureau, Current Population Survey, Annual Social and Economic Supplement, 2004.

Immigration Statistics Staff, Population Division,

Internet Release Date: February 22, 2005.

Таблица 6. Сферы занятости лиц, родившихся за рубежом старше 16 лет по регионам рождения: 2004 (тыс. чел.)

Пол и сфера занятости	Родившиеся за рубежом		Регион рождения							
			Европа		Азия		Латинская Америка		Другие регионы	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Всего	19,857	100.0	2,294	100.0	5,178	100.0	10,844	100.0	1,542	100.0
<i>Менеджмент, и высококвалифицированные профессии</i>	5,225	26.3	953	41.6	2,332	45.0	1,340	12.4	601	39.0
Менеджмент в бизнесе и финансовой сфере	1,958	9.9	404	17.6	784	15.1	561	5.2	210	13.6
Высококвалифицированные профессии	3,267	16.5	550	24.0	1,548	29.9	779	7.2	391	25.4
<i>Сфера услуг</i>	4,631	23.3	315	13.7	830	16.0	3,175	29.3	311	20.2
<i>Торговля и офисные работники</i>	3,737	18.8	556	24.2	1,221	23.6	1,666	15.4	294	19.1
Торговля	1,870	9.4	240	10.5	687	13.3	784	7.2	160	10.3
Офисные работники и администраторы	1,867	9.4	316	13.8	535	10.3	882	8.1	135	8.7
<i>Сельское, лесное хозяйство и рыбная ловля</i>	309	1.6	1	0.1	15	0.3	289	2.7	4	0.3
<i>Строительство, ремонт и добывающие отрасли</i>	2,556	12.9	214	9.3	173	3.4	2,047	18.9	122	7.9
Строительство и добывающие отрасли	1,925	9.7	156	6.8	61	1.2	1,625	15.0	83	5.4
Монтаж и ремонт	632	3.2	58	2.5	112	2.2	423	3.9	38	2.5
<i>Производство и транспорт</i>	3,398	17.1	254	11.1	606	11.7	2,327	21.5	210	13.6
Производство	2,108	10.6	149	6.5	474	9.2	1,388	12.8	96	6.2
транспорт	1,290	6.5	105	4.6	132	2.5	939	8.7	114	7.4

Прочерк означает, что численность занятых, родившихся за рубежом, в этом секторе равны нулю или близка к нулю.

¹ Большинство рожденных в регионе «Латинская Америка» происходят из Мексики; рожденные в «других частях света» — из Африки, Океании и Северной Америки.

² Статус «занятости» относится к неделе проведения исследования.

Источник: U.S. Census Bureau, Current Population Survey, Annual Social and Economic Supplement, 2004, Immigration Statistics Staff, Population Division

Другие высказывались по поводу недостатка легальных работников и, если сократить число нелегальных, их компании не смогут поддерживать производство на должном уровне. Таким образом, продолжает существовать острая и постоянная необходимость в мигрантах в сельскохозяйственном производстве, строительстве, обрабатывающей промышленности и гостиничном бизнесе (Kochhar, 2005). До 25% нелегальной рабочей силы занято в сельскохозяйственном производстве, 17% — в уборке офисов и жилых домов, 14% — в строительстве и 12% — в ресторанном бизнесе.

По оценкам, на территорию США ежегодно въезжают примерно 850.000 нелегалов, начиная с 1990 года, и их общая численность за это время составила около 12 миллионов человек (Passel, 2006). Считается, что большинство (78%) из них приехали из Латинской Америки (56% — из Мексики (около 7 миллионов) и 22% — из других стран Центральной и Южной Америки). Согласно подсчетам Pew Hispanic Center, в Калифорнии и Техасе наибольшее число нелегальных мигрантов — 2.7 миллиона и 1.6 миллион соответственно, но во Флориде и Нью-Йорке их количество также весьма существенно. В то время как существует распространенное мнение, что все иммигранты без документов пересекают границу нелегально, Служба внутренней безопасности США (Office of Homeland Security) обнаружила, что приблизительно половина нелегальных иммигрантов остаются в стране после истечения срока действия визы (Grieco, 2005); получается, что, въезжая в страну, они имели при себе все соответствующие документы. Несмотря на обязательные постановления, нелегальная иммиграция вряд ли пойдет на спад, так как это может повредить американской экономике (Portes, 2006), а при современной иммиграционной политике США, с ее вялыми и нерегулярными попытками репатриации, заманчивые перспективы трудоустройства и лучшей жизни будут продолжать привлекать нелегальных мигрантов.

«Приток умов» или «утечка умов»

Несмотря на выгравированные на статуе Свободы трогательные строки Эммы Лазарус:

«Отдайте мне ваших усталых, ваших бедных,
Отдайте из глубин бездонных
Своих изгоев, люд забитый свой,
Пошлите мне отверженных, бездомных,
Я зажигаю факел у двери золотой...»

важно осознавать, что люди, которые идут на риск, мигрируя в чужие страны с чужой культурой, обычно обладают некоторым набором навыков, называемых также человеческим капиталом. Человеческий капитал измеряется не только и не столько материальными средствами, сколько выражается в психологических, интеллектуальных и физических

способностях личности. Большинство иммигрантов меняют место жительства, чтобы иметь больше возможностей для развития, привозя с собой «ресурсы», которые могут быть полезны США. Многие приезжают в качестве студентов, продолжают учиться и, в конечном счете, получают статус иммигранта. Этот процесс долгое время был известен как «утечка умов» (“brain drain”) за рубеж, когда люди с высшим образованием, часто представители развивающихся стран, покидают родину в поисках лучших возможностей. В последнее время это явление все чаще называют “brain gain” («прилив умов») в страны, которые привлекают таких иммигрантов. Если обратиться к списку лауреатов Нобелевских Премий за последние годы, то окажется, что подавляющее их большинство родились в других странах, хотя проживают в США.

Число высокообразованных людей, которые остаются в развивающихся странах, невелико, так как эта социальная группа склонна к миграции (главным образом в США, Канаду и Западную Европу). Каждый десятый, получивший университетское образование и родившийся в развивающейся стране, проживает в одной из развитых стран (Sriskandarajah, 2005). В январе 2007 года в своей статье выпускник одного из ведущих медицинских университетов Филиппин подробно исследовал причины, заставившие его покинуть родную страну, чтобы работать санитаром в США (Geller, 2007). Масштабы легальной иммиграции в США людей, не имеющих даже начального образования, очень невелики. Наибольшая группа иммигрантов — это жители североамериканских стран, и большинство из них имеют высшее образование. Вторая по величине группа — из Азии, и ее представители, главным образом, также имеют высшее образование. Наконец, количество иммигрантов из Южной Америки и Африки относительно небольшое, однако, иммигранты из Африки также высоко образованны (Carrington, & Detragiache, 1999). Таким образом, «утечка умов» из развивающихся стран приводит к приливу интеллектуальных ресурсов в такие страны, как США, и для образованных и талантливых США становится новой родиной.

Новый феномен «обратной утечки мозгов» напоминает выведение производственных мощностей за пределы страны. Компании не только стремятся к переносу производства товаров и услуг в другие страны, но также увеличивается число американцев (как коренных, так и иммигрантов в первом поколении), предпочитающих жить вне США, где они видят для себя больше возможностей (Weber, 2004).

Напротив, процесс «утечки умов» может пойти на пользу странам, из которых мигранты выезжают на заработки. Всемирный Банк сообщает, что большинство экспатриантов переводит деньги, чтобы поддержать членов семьи, а экономика получающей переводы страны явно выигрывает за счет этих дополнительных средств. Так, экспатрианты обеспечивают доход и помогают справиться с бедностью более бедным и менее образованным членам семьи и в некоторой степени нейтрализуют эффекты потери

человеческого капитала (Ozden & Schiff, 2006). Поэтому, хотя это явление и не несет прямой выгоды странам, из которых мигранты выезжают в поисках трудоустройства, косвенные преимущества могут способствовать развитию возможностей в странах, откуда происходит миграция (Asian Development Bank, 2005). Более того, такие переводы могут быть довольно существенными. Экспатрианты из одной из общин в Мексике, проживающие в США, отправили в 1999 году домой в виде денежных переводов 16% их доходов, что составило в общей сложности 6.8 миллиарда долларов (Drake, 2006).

Влияние миграционной политики

По мере того как иммигранты адаптируются к жизни на новой для них родине, они привносят с собой разнообразие культур и норм поведения. США гордятся тем, что являются многонациональной страной, нацией иммигрантов и очевидно, что в то время как Америка изменяет «новых американцев», то и они изменяют страну. Иммигранты оказывают влияние на культуру и общество США — ведь у них иные общественные нормы, модели семьи, искусство, музыка, танцы, кухня и стиль ведения бизнеса. Они демонстрируют коренным американцам отличные от их собственных модели поведения и социальных взаимоотношений, различия в суждениях, жизненных установках и мировосприятии в целом. Они могут подвергнуть сомнению традиционные американские нормы и потребовать от американцев, чтобы те произвели переоценку или отстояли их.

С открытием границ США после принятия либерального Закона об Иммиграции 1965 года, в страну хлынул небывалый поток иммигрантов из Азии и, в несколько меньшей степени, из стран Южной Америки. Вначале эти иммигранты приезжали в страну, будучи квалифицированными рабочими, затем их приток продолжался посредством воссоединения семей, и их количество продолжает расти в геометрической прогрессии. Такое поведение мигрантов наблюдается на территории США повсюду, начиная с больших агломераций и кончая мало заселенными сельскими районами. Особенно появляется воздействие мексиканских мигрантов, по мере того, как что мигранты из Мексики осваивают нетрадиционные для них районы назначения (Donato, Stainback, & Bankston, 2005).

Готовность США принять иммигрантов – социальный капитал

Должно быть проведено различие между собственно иммиграционной политикой (законами, определяющими, кто имеет право на въезд в страну) и политикой в отношении иммигрантов (имеются в виду законы и программы, относящиеся к иммигрантам, когда они уже в стране). Первая регулируется государством и применяется на федеральном уровне, тогда как цели и задачи последней во многом зависят от местных иммиграционных программ и могут сильно различаться от штата к штату. Некоторые разновидности политики в отношении иммигрантов играют важную роль в оценке человеческого капитала.

Непросто оценить готовность принимающей страны адаптировать иммигрантов в целом или определенных групп иммигрантов. В том случае, если иммиграция рассматривается как важный фактор политического, экономического и социального благосостояния нации, а также интересов ее безопасности, она приветствуется. Тем не менее, иммиграционная политика многих стран является временной и направлена на то, что считается выгодным в настоящий момент. Конечно, правительства многих государств следуют условиям международных соглашений по предоставлению убежища большому количеству беженцев и их трудоустройству из гуманных соображений. Но при этом политика, приветствующая иммиграцию, сочетается с мерами, допускающими депортации иностранных граждан.

Социальный капитал, т.е. «внутренняя социальная и культурная сплоченность общества, нормы и ценности, которые управляют взаимоотношениями между людьми и институтами, их объединяющими» (Serageldin, 1999:i), является исключительно важным для того, чтобы обеспечить рост возможностей нации. Это необходимо для формирования человеческого капитала (Coleman, 1988), а адаптация иммигрантов часто связана с доступным им общественным капиталом. Программы социального обеспечения нации должны гарантировать, что все иммигранты получают доступ к соответствующим государственным социальным услугам и субсидиям и, в случае необходимости, будут иметь доступ также к частным социальным программам.

Доступность социального капитала имеет первостепенное значение для успешной интеграции иммигрантов в их новой родине. Осуществление проектов устойчивого развития может гарантировать, что иммигранты получают социальные и экономические инструменты для того, чтобы преуспеть в новых странах. Кроме обеспечения вновь прибывших экономическими субсидиями, жильем и медицинской помощью, образовательные программы и тренинги для членов диаспоры могут избавить вновь прибывших иммигрантов от зависимости от социальных программ (Lobo & Mayadas, 1997). Следовательно, знание того, как избежать неприятностей, возможность действовать через общественные институты, способность приносить доход легальной экономике страны являются предпосылками экономической самодостаточности. Общественные системы здравоохранения и психиатрические службы, осознают трудности, с которыми сталкиваются переселенцы и могут оказать помощь иммигрантам в процессе их интеграции. Коммуникационные барьеры, социальное происхождение и автобиография, этническое самосознание диаспоры (Lum, 2004), а также негативный опыт доверия властям и притеснений в прошлом многих иммигрантов и большинства беженцев приводят к тому, что последние тщательно скрывают информацию под страхом (часто необоснованным) разоблачения.

Некоторые иммигранты и беженцы приезжают из стран, где царят беспорядки, где отсутствует свобода слова или выбора, и многие из них продолжают бояться, теперь уже депортации из США.

В дополнение к некоторым этическим вопросам, с которыми постоянно сталкиваются специалисты, главным для них остается вопрос их отношения к иммигрантам-нелегалам. Ожидается, что специалисты поддержат законы США, а также иммиграционную политику и политику в отношении иммигрантов. Собственно, они должны отказать в услугах нелегальным иммигрантам, они просто обязаны докладывать о них и вмешиваться, когда кто-то предоставляет им доступ к ресурсам. С другой стороны, многих из этих специалистов уделяют большое внимание таким ценностям, как уважение личности, обеспечение ей возможностей для развития, обеспечение социальной и экономической справедливости. В какой мере должна страна, которая приглашает и принимает приезжих, адаптироваться к ним и до какой степени должна происходить адаптация самих новых жителей Америки? С чем следует считаться, а что отменить? Данные вопросы постоянно возникают перед теоретиками и практиками новой политики, когда они концентрируют свое внимание на иммиграции и иммигрантах.

Роль социального капитала

Можно с уверенностью утверждать, что приток иммигрантов может подорвать систему социального обеспечения принимающей страны. Из этого следует, что политики и поставщики услуг должны быть осведомлены об опыте иммигрантов с той целью, чтобы должным образом отвечать их высказанным или невысказанным требованиям и гарантировать, что социальный капитал нации доступен для данной группы в их стремлении к улучшению человеческого капитала. Принимающие страны должны признавать, что миграционный процесс через их границы будет усиливаться вместе с улучшением транспортной инфраструктуры. Принимая иммигрантов, США берут на себя и обязательства перед ними. Если США не помогут им в промежуточный период адаптации, неудовлетворенные экономические и социальные потребности мигрантов могут рано или поздно негативно отразиться на экономике всего государства. И наоборот, своевременное внимание к новоприбывшим иммигрантам приведет к их скорейшему вкладу в общество (Mayadas & Elliott, 2003).

Рис. 4 поможет лучше понять причины и цели, движущие иммигрантами при смене места жительства, и может предоставить основания для интерпретации опыта конкретных групп в контексте готовности страны принять их. Поскольку иммиграция как явление набирает обороты, законодателям и поставщикам услуг следует стать более восприимчивыми к исключительным потребностям приезжих и оценить степень, до которой программы и услуги для иммигрантов обеспечивают и включение в общество или, напротив, провоцируют ксенофобию и дискриминацию. Подобные оценки дают уверенность в том, что эти

программы действуют таким образом, чтобы обеспечить обоюдную адаптацию иммигрантов и принимающей их страны.

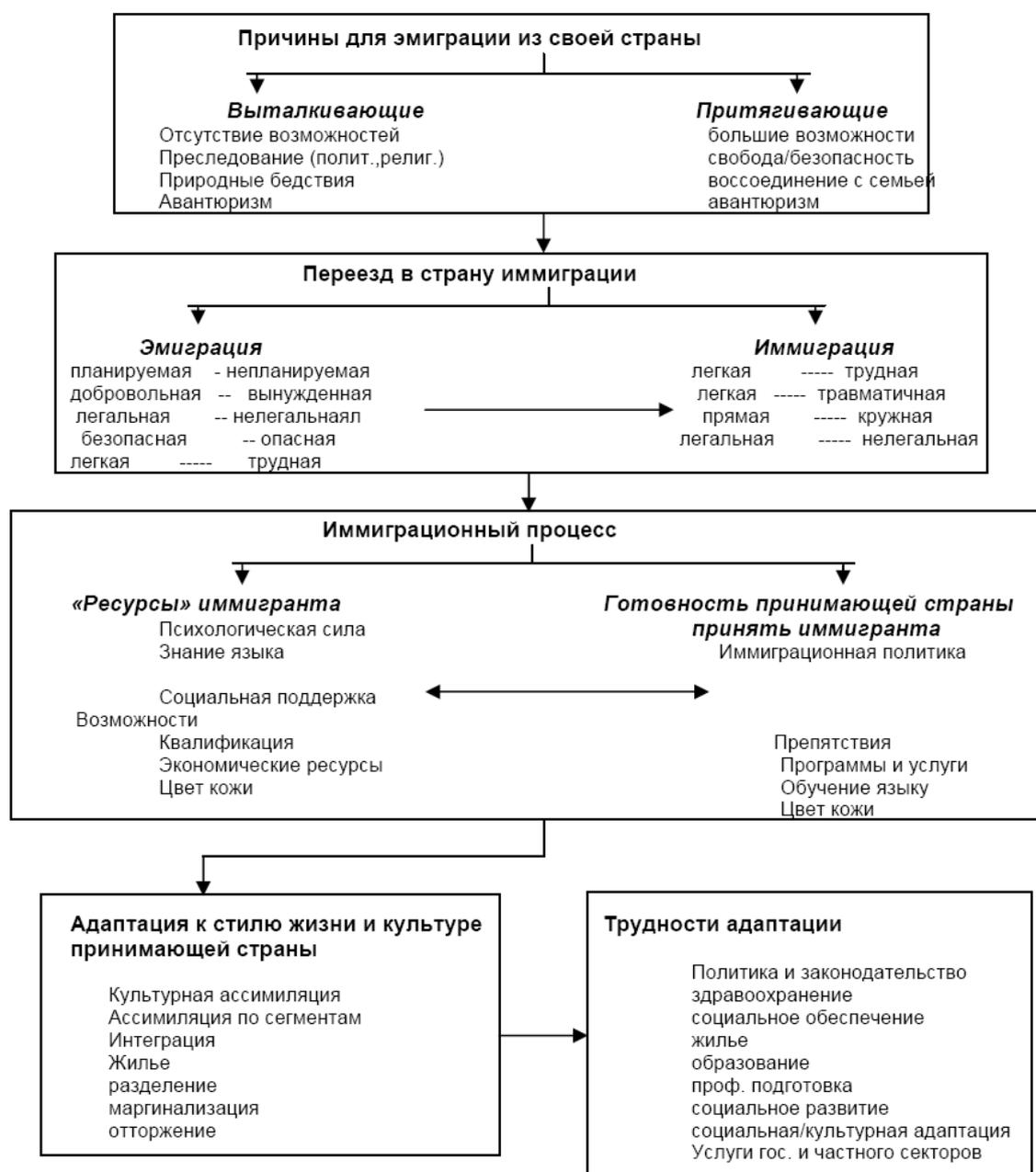

Рис. 4. Модель иммиграционного опыта

Источник: Segal, U. A. (2002). *A framework for immigration: Asians in the United States*, New York: Columbia University Press, p. 4.

Резюме

Изменения в области иммиграции, как и иммиграционной политики США медленно, но происходят. Что важно – на иммиграционную политику оказывают влияние изменения в политической и социальной ситуации на национальном уровне, на уровне штатов и на местном уровне. В этой статье

представлен самый общий обзор некоторых характеристик иммигрантов и беженцев, с которыми они приезжают в США, а также трудностей, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты в связи с их приездом. Жизнь мигрантов серьезно меняется в связи с миграцией, но они начинают в новой стране не с нуля. На их решение об иммиграции влияют многие факторы, в том числе иммиграционная политика США. Все иммигранты приезжают с одинаковым ощущением, что эта страна откроет для них новые возможности по сравнению с тем, что были у них на родине. Но на этом сходство между ними заканчивается. Анализ данных переписи населения¹ дает ясную картину того, что нет единого «типажа» иммигрантов в США. Они разнятся по возрасту от младенцев до глубоких стариков. Они могут быть неженатыми, состоять в браке или быть разведены. Они могут приезжать с семьями или по одиночке. Они могут быть белыми, черными, коричневыми, желтыми, красными по цвету кожи. Они могут находиться в США легально или нелегально. Они могут быть высококвалифицированными или неквалифицированными вовсе и соответственно, трудно адаптироваться к американской экономике. Они могут быть очень богаты или совсем бедны. Они могут свободно владеть английским языком, а также несколькими другими языками, или не знать никаких языков, кроме своего родного диалекта и при этом быть неграмотными. Они могут происходить из авторитарных стран с жесткой иерархией или из стран, где более типично равенство.

Если заикливаться на трудностях, с которыми сталкиваются иммигранты, можно погрязнуть в ксенофобии — это относится и к иммигрантам, и к коренным жителям. Должны ли «хозяин» и «гость» сами отвечать за то, как они уживаются? Политика США предусматривает ежегодный приезд сотен тысяч иммигрантов в качестве беженцев, а в целом — до 1 миллиона. Значит, страна ответственна за их размещение и интеграцию. Со своей стороны, иммигранты (включая беженцев) подают заявление, чтобы въехать в США. То есть, их решение добровольно. Значит, они должны предпринять усилия, чтобы адаптироваться. На ком лежит большая ответственность?

Для иммигранта, как, впрочем, и для любого человека, многое зависит от его персональных «ресурсов». Однако более важна готовность страны принять новых членов. Иммиграционная политика и программы отражают интересы страны в привлечении определенных групп людей, однако, на деле иммигранты ежедневно встречаются с возможностями и трудностями на пути интеграции. Иммигранты, с одной стороны, и принимающее общество, с другой стороны, должны найти взаимоприемлемую форму взаимной адаптации, поскольку этот процесс не является прерогативой исключительно принимающей страны или исключительно иммигранта.

¹ См.: www.census.gov.

Литература

- Asian Development Bank. (2005). *Brain drain versus brain gain: The study of remittances in Southeast Asia and promoting knowledge exchange through Diasporas*. Fourth Coordination Meeting on International Migration, New York, NY: U.N. Secretariat. http://www.un.org/esa/population/publications/fourthcoord2005/P13_ADB.pdf#search=%22Brain%20gain%22
- Camarota, S. A. (2001). *Immigration from Mexico: Assessing the impact on the United States*. Center for Immigration Studies. Retrieved May 29, 2006, from <http://www.cis.org/articles/2001/mexico/toc.html>
- Carrington, W. J., & Detragiache, E. (1999). How extensive is the brain drain? *Finance & Development*, 36(2). <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/1999/06/carringt.htm>
- Caulfield, J. (2006). Line in the sand. *Builder*, 29(9), 90–97. Retrieved October 7, 2006, from <http://proquest.umi.com/pqdweb?did=1088536281&sid=2&Fmt=4&clientId=45249&RQT=309&VName=PQD>
- Chiswick, B. R., & DebBurman, N. (2004). Educational attainment: Analysis by immigrant generation. *Economics of Education Review*, 23(4), 361–379.
- Clarke, V. (2004). Impact of the 1996 Welfare Reform and Illegal Immigration Reform and Immigrant Responsibility Acts on Caribbean immigrants. *Journal of Immigrant & Refugee Services*, 2(3/4), 147–166.
- Coleman, J. S. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94(supplement), S95–S120.
- Donato, K. M., Stainback, M., & Bankston III, C. L. (2005). In V. Zuniga & R. Hernandez-Leon (eds), *New destinations: Mexican immigration in the United States* (pp. 76-102). New York, NY: Russell Sage Foundation.
- Hugo, G. (2003). Circular migration: Keeping development rolling? *Migration Information Source*. <http://www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?ID=129>
- Immigration and Nationality Act. Retrieved October 25, 2006, from http://www.immigration-usa.com/ina_96_title_2.html.
- Immigration and Naturalization Service (INS). (2000). *Illegal alien resident population*. Retrieved January 25, 2006, from http://www.cestim.it/14clandestino_usa.htm
- Knickerbocker, B. (May 16, 2006). Illegal immigrants in the US: How many are there? *Christian Science Monitor*. Retrieved October 4, 2006, from <http://www.csmonitor.com/2006/0516/p01/02-ussc.htm#>
- Kochhar, R. (2005). *Survey of Mexican migrants, part three*. Pew Hispanic Center, Washington, DC. Retrieved May 31, 2006, from <http://pewhispanic.org/reports/report.php?ReportID=58>
- Lobo, M., & Mayadas, N. S. (1997). International social work practice: A refugee perspective. In N. S. Mayadas, T. D. Watts, & D. Elliott (eds.), *International Handbook on Social Work Theory and Practice*. Westport, CT: Greenwood Press, 411-428.
- Massey, D. S. (2005). Five Myths About Immigration: Common Misconceptions Underlying U.S. Border-Enforcement Policy. *Immigration Policy in Focus*, 4(6). Retrieved June 4, 2006, from http://www.aifl.org/ipc/policy_reports_2005_fivemyths.shtml/
- Mayadas, N. S., & Elliott, D. (2003) Social work's response to refugee issues. In. Madras School of Social Work's 50th Anniversary publication, Tamil Nadu, India.
- Mayadas, N. S., & Segal, U. (2000). A. Refugees in the 1990s: A U.S. perspective. In B. Pallassana (ed), *Social work practice with immigrants and refugees* (pp. 167–197). New York: Columbia University Press.
- Mooney, M. (2004). Migrants' social capital and investing remittances in Mexico. In J. Durand & D. S. Massey (eds.), *Crossing the border: Research from the Mexican Migration Project* (pp. 45–62). New York, NY: Russell Sage Foundation.

- Nightingale, D. S., & Fix, M. (2004). Economic and labor market trends. *Future of Children*, 14(2), 49–59. Retrieved October 7, 2006, from http://www.futureofchildren.org/usr_doc/fixnightingale.pdf
- Ohlemacher, S. (2006, March 7). Number of illegal immigrants hits 12M. *Associated Press*. Retrieved March 8, 2006, from <http://www.breitbart.com/news/2006/03/07/D8G6U2KO8.html>
- Orum, A. (2005). Circles of influence and chains of command: The social processes whereby ethnic communities influence host societies. *Social Forces*, 84(2), 921–939.
- Ozden, C., & Schiff, M. (eds). (2006). *International migration, remittances, and the brain drain*, Washington, DC: The World Bank & Palgrave Macmillan.
- Passel, J. S. (2006). *Size and characteristics of the unauthorized migrant population in the U.S.: Estimates based on the 2005 Current Population Survey*. Washington, DC: Pew Hispanic Center. Retrieved May 26, 2006, from <http://pewhispanic.org/reports/report.php?ReportID=61>
- Portes, A. (2006, April 18). *Alejandro Portes Advocates Enlightened Programs for Immigrants*. UNC School of Education: SOC News. Retrieved October 7, 2006, from http://soe.unc.edu/news_events/news/2006/portes_alejandro.php
- Serageldin, I. (1999). Foreword. In T. R. Feldman & S. Assaf (eds), *Social capital: Conceptual frameworks and empirical evidence* (working paper #5). Social Capital Initiative, The World Bank.
- Segal, U. A. (2002). *A framework for immigration: Asians in the United States*, New York, NY: Columbia University Press.
- Sexuality Information and Education Council of the United States. (2004). The international mail-order bride industry: An increasing threat to women, *Making the connection—news and views on sexuality: Education, health and rights*, 3(2). Retrieved January 22, 2006, from <http://www.siecus.org/inter/connection/conn0048.htm>
- Sriskandarajah, D. (2005). *Reassessing the impacts of brain drain on developing countries*, Migration Information Source. Retrieved October 7, 2006, from <http://www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?ID=324>
- United Nations High Commissioner for Refugees. www.unhcr.org.
- U.S. Census Bureau. (2004). *Current population survey, annual social and economic supplement.*, Retrieved May 30, 2006, from <http://www.bls.census.gov/cps/asec/2004/sdata.htm>
- U.S. Census. (2004a). *Immigrants admitted by major class of admission and selected demographic characteristics: Fiscal year 2004*. Retrieved January 25, 2006, from <http://www.uscis.gov/graphics/shared/statistics/yearbook/2004/table7.xls>
- U.S. Department of Homeland Security, Office of Immigration Statistics. (2006). *2004 yearbook of immigration statistics*. Retrieved May 30, 2006, from <http://uscis.gov/graphics/shared/statistics/yearbook/index.htm>
- U.S. Department of State. (2006). Immigrant numbers for June 2006. *Visa Bulletin*, 94(8). Retrieved October 25, 2006, from http://travel.state.gov/visa/frvi/bulletin/bulletin_2924.html
- U.S. Department of State. (2005). *Proposed refugee admissions for fiscal year 2006 report to the Congress*. <http://www.state.gov/g/prm/refadm/rls/rpts/52366.htm#proposed>
- U.S. Department of State. (2004). Smuggling? Trafficking? What's the difference. *East Asia and the Pacific*. Retrieved January 26, 2006, from http://usinfo.state.gov/eap/east_asia_pacific/chinese_human_smuggling/difference.html
- Weber, A. M. (2004, February 23). Reverse brain drain threatens U.S. economy. *USAToday*. Retrieved October 7, 2006, from http://www.usatoday.com/news/opinion/editorials/2004-02-23-economy-edit_x.htm
- Zohlbeg, A. R. (2006). *A nation by design: Immigration policy in the fashioning of America*. Cambridge MA: Harvard University Press.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ: ДИСКУССИИ О ВЗАИМОСВЯЗИ МИГРАЦИИ И РАЗВИТИЯ

Дискуссии о социально-экономических аспектах миграции полны противоречий и тупиков. Вносят ли мигранты какой-либо вклад в развитие общества, или же они существуют исключительно на социальные пособия; ассимилируются ли они, становясь полноправными членами общества, либо же остаются «опасным» меньшинством, создающим проблемы. Противоречивые результаты исследований прекрасно изложены в работе Лукаса (Lucas, 2005). Обобщение этих противоречий все еще труднодостижимо, но очевидно, что полученные результаты должны рассматриваться в пространственно-временных рамках. Одно и то же явление может проявлять себя абсолютно по-разному в разные временные отрезки. К примеру, «первому» мигранту гораздо легче устроится на месте (получить образование, найти хорошую работу и стать полноценным экономически активным членом общества). Но развитие самой системы миграции приводит к тому, что каждый последующий мигрант пополняет собой армию иждивенцев, живущих на социальные пособия. Каждый вновь прибывший уменьшает шансы на получение достойного образования, осложняет социально-экономическую ассимиляцию остальных мигрантов. В случае, если рассматривать определенное миграционное направление, посмотреть на эволюцию миграционного процесса в том или ином регионе, то можно проследить, какое влияние оказывалось на регион на каждом миграционном этапе. Если учитывать, что, как правило, миграционные потоки пересекаются между собой, то картина становится еще запутаннее. Таким образом, оценка экономико-социальных последствий миграции должна происходить в пространственно-временных рамках.

Еще одним препятствием является то, что сами понятия *миграция* и *развитие* являются «черными ящиками». Каждый из нас, естественно, знает, что есть миграция и развитие, но при попытке дать точное определение значения этих понятий ускользают. Включает ли миграция в себя только однократные события, либо же она также затрагивает циклические передвижения? Сколько человек должен находиться за пределами своей страны на территории другой страны, что бы считаться мигрантом, или как далеко он должен уехать, что бы стать мигрантом? Эти основные понятия и методические аспекты лежат в основе оценки объемов миграции и дают ответ, учитывая временные и пространственные рамки. Что касается понятия *развитие* то оно, конечно же, шире чем просто экономический рост, несмотря на то, что экономический рост является основой прогресса. Это понятие должно включать в себя социальные и политические улучшения. Ну так как же все-таки дать определения?

Как будет видно дальше, я не решаюсь разделить «миграцию» и «развитие» на две независимые категории: миграция не может быть отделена от развития. По большому счету, развитие невозможно без подвижек в структуре населения. Очень сложно представить масштабные миграционные явления, которые бы не повлияли на темпы процветания (будь-то положительная тенденция или отрицательная). «Развитие» представляет собой желаемый процесс: как во внутренних делах страны, так и на международной арене. Миграция же, до недавнего времени, представлялась как нежелательное явление, и даже отрицательное, мешающее развитию. Такой подход лег в основу обсуждения современных миграционных процессов в ООН — 90 из 123 участников обсуждения говорили о необходимости снижать уровень миграции в крупные города (United Nations, 2006b). Последний же материал Программы Развития ООН обозначен лозунгом «Миграция — путь к выживанию. Мигрантам — человеческие условия». Но идея того, что возможно развитие моделирует миграцию, все же не принимается, несмотря на то, что большинство развитых экономик мира имеет очень высокую мобильность населения: мобильность обуславливается высокой степенью развития.

Тем не менее, большинство современных дискуссий о миграции, особенно о международной миграции, все же движутся к предположению о том, что перемещение людей несет в себе некоторые положительные аспекты, и может служить одним из составляющих развития. В докладе Глобальной Комиссии по международной миграции содержатся результаты недавних исследований, подтверждающих недооценку потенциала миграции для развития (GCIM 2005; см. также Tamas and Palme 2006). Аналогично в докладе Британского правительства указывается, что миграция может в большей степени сокращать бедность, чем распространять ее (IDC 2004).

Новые идеи о связи между бедностью и развитием только зарождаются. Тем не менее, независимо от того, приносит передвижение людей положительные результаты или отрицательные, возникает серьезная опасность. Миграция рассматривается как практически независимая переменная: она якобы существует на благо бедных людей, как будто это некая вещь, отдельная от самих людей. Таким образом, возникает опасность «материализации» миграции. Это открывает дверь для теоретической путаницы. Если обратиться к демографическому толковому словарю, становится очевидной опасность, связанная с путаницей между поверхностными причинами миграции и коренными причинами, а также между индивидуальным поведением и структурными факторами.

Для начала я бы хотел вернуться назад, обратиться к работам двух людей, которые внесли существенный вклад в развитие идей о связи миграции и развития. Первый, это, конечно же Эрнст Георг Равенштэйн (Ravenstein 1885; 1889; также Grigg 1977), если можно так выразиться отец современной демографии. Следующие три «закона» Равенштэйна, как раз имеют отношение к взаимосвязи развития и миграции:

- Размеры миграции растут по мере развития торговли, транспортных систем и экономики в целом. Таким образом, Равенштейн позитивно оценивал связь миграции и развития. Исходя из этого «закона» имеем:
- Основное направление миграции есть движение от аграрного сектора к промышленности и торговле, и
- Основные причины миграции – экономические. Можно сказать даже, что именно «экономическое развитие» является основной причиной миграции.

Таким образом, явная связь между развитием и миграцией была замечена еще на раннем этапе демографических исследований.

Вторая личность, о ком стоит упомянуть, не так известен занимающимся демографией. Это Фредрик Джэксон Тернер, чьи оригинальные работы были опубликованы в 1893 году и совершенно независимы от работ Равенштэйна, которые вышли в свет на десять лет раньше (Turner 1961). Ядром его работ является идея о существовании свободной земли, ее дальнейшего упадка, о переселениях на запад, которые, в сущности, и объясняют развитие Америки, которая впоследствии станет называться Соединенными Штатами. Тот факт, что Тернер был не всегда последователен в своих исследованиях, не особо важен. Важна идея того, что, по сути, миграция лежит в основе создания нации или государства. Я бы сказал, что этот «иконный» образ миграции, исключительно важный для политического развития, не нашел должного отражения в работах двух последних десятилетий, связывающих миграцию и развитие. Примеры многих стран свидетельствуют о том, что передвижения людей не только способствовали развитию неосвоенных территорий, но несли с собой распространение идей, культуры, передачу опыта и т.д. (см. Turner and Turner, 1978).

То, что мы можем назвать «иконным образом» миграции и развития народов и государств, было изучено намного меньшим чем сугубо экономические аспекты, о которых уже упоминалось в законах Равенштейна. Причина этого во многом связана с тем, что большее внимание уделялось внешней миграции и ее последствиям, нежели внутренней миграции. Понятие «миграция» стало включать в себя факт неперемещения границы, несмотря на то, что количество лиц, пересекающих государственные границы, составляет всего лишь 3% мирового населения, что в 2005 году равнялось 190 миллионам человек (United Nations 2006a). Подавляющее большинство тех, кто переселяется, делают это в пределах своей страны. В Китае таких людей насчитывается 100-200 млн., примерно столько же их и в Индии. Поэтому нет смысла, говоря о миграции, подразумевать исключительно межстрановую миграцию. Тем не менее, это меньшинство может и делает определенный вклад в жизнь своей «новой» страны, и остальная часть данной работы будет сосредоточена именно на этом меньшинстве.

Миграция чаще всего рассматривается как следствие недостаточного развития: люди бегут от нищеты в поисках лучшей доли. На протяжении последних 20 лет результаты исследований показывают, что ситуация гораздо более сложная, и уже опубликованы аналитические работы на этот счет (Lucas 2005; Nyberg-Sørensen, Van Hear and Engberg-Pedersen 2002; Tamas and Palme 2006). Учитывая ограничения во времени и пространстве, эта работа будет сконцентрирована на трех основных моментах, связанных между собой, которые представляли собой основу миграционных исследований в течение последних 20 лет:

1. Денежные переводы
2. Диаспоры
3. Квалифицированные мигранты и «утечка мозгов»

Денежные переводы. Величина денежных переводов, отправляемых на родину мигрантами, лишь в последнее время признана важным моментом в структуре международных институтов, несмотря на обращавшие на них внимание работы ученых, например, Рассела в самом начале рассматриваемого нами периода (Russell, 1986). Сегодня Всемирный Банк, Международный Валютный фонд, многие специализированные международные организации, такие как Международная организация труда, Международная организация по миграции и ОБСЕ, так же активно как и национальные организации (к примеру, Департамент международного развития Великобритании) обратились к системе денежных переводов и ее роли в развитии. Легко догадаться почему. По недавним оценкам, объем переводов в развивающиеся страны составил 199 миллиардов долларов США в 2006 году, в то время как в 2005 году этот показатель был равен 188 миллиардов долларов США, а в 2000 году этот показатель был вообще в два раза меньше чем в 2006 году (Mohapatra et al 2006). Денежные переводы на сегодняшний день значительно превышают объемы официальной помощи (Maimbo and Ratha 2005).

При этом речь идет только о переводах, осуществленных через официальные банковские каналы. Если к официальным потокам прибавить неофициальные, то общая величина существенно увеличится. Исследования в Бангладеш показали, что только 46% все переводов на родину приходится на официальные каналы (Siddiqui 2005, С. 84–85). На Филиппинах, где попытки расширить каналы для официальных денежных переводов увенчались успехом, доля протекающих через официальные каналы также составляет примерно половину всех потоков. Однако, что важно: в целом доля денег, пересылаемых как официальные переводы, выросла с 65% в 1995 году до 76% в 2002 году. Сдвиг в сторону увеличения объема переводов, проходящих через официальные каналы, также наблюдается в Бангладеш и Пакистане. Причина этого может заключаться в ужесточении контроля над денежными потоками после событий 11 сентября.

Другая тенденция — увеличение доли денежных переводов, приходящихся на долю развитых стран, особенно на США. Однако это может быть иллюзией. Возьмем для примера Филиппины. Объем переводов из США в Филиппины вырос на целых 20% с 2003 года по 2004 год, достигнув 2,6 миллиардов долларов США. Но не факт, что источником денежного перевода является именно США. Филиппинский работник в Гонконге, Сингапуре или стране Персидского залива все чаще используют американские банки для перевода денег домой, поэтому внешне транзакция «США — Филиппины» может на самом деле быть переводом «страна пребывания мигранта — американский банк — Филиппины». Такая же ситуация наблюдается и в других странах. Так, в Пакистане в 1999–2000 гг. на долю переводов из США приходилось 1/10 всех переводов, а в 2001–2002 гг. — 1/3 (Skeldon 2005b). Поэтому тут следует быть осторожным и точно определять источник и конечный пункт назначения перевода.

Другим немаловажным вопросом является то, как же денежный перевод отличается от других форм денежных потоков. К примеру, в чем разница между денежным переводом и прямыми иностранными инвестициями. Денежные переводы в Китай в период с 1991 по 1998 гг., достигшие 8 миллиардов долларов США, едва ли могут сравниться с семикратно превышающим это значение аналогичным показателем в Индии. Зато инвестиции в экономику Китая в 2002 году по оценкам составили 48 миллиардов долларов США, половина которых пришлась на китайские диаспоры за рубежом (см.: Newland and Patrick 2004, С. 4–5). Необходим более точный анализ, разделяющий переводы нынешних и прежних мигрантов.

Однозначно возникают вопросы относительно точных сумм денег, приходящихся на денежные переводы мигрантов, и каналов перевода. На фоне того, что не вызывает сомнения роль мигрантских переводов для сокращения бедности семей мигрантов, оставшихся на родине, вопрос о воздействии денежных переводов на развитие в более широком плане остается гораздо менее ясным. Нынешняя дискуссия о денежных переводах не учитывает ряд важных аспектов процесса, а именно:

1. Правительство развивающейся страны может попытаться управлять или более эффективно использовать денежные переводы.
2. Чаще всего подразумевается, что денежный перевод происходит из одной страны в другую, но это далеко не всегда так.
3. Объем денежных переводов может повлиять на будущее направление помощи, ориентированной на развитие.

В большинстве случаев дискуссия о денежных переводах сводится к тому, используются ли полученные деньги в качестве инвестиций или для потребления, и может ли государство достойно распорядиться этими деньгами на благо населения. Однако здесь возникает вопрос. Во-первых, различия в пути использования перевода в качестве источника

инвестирования или потребления во многом нечетки. Например, расходы на постройку дома, которые вроде бы выступают как потребление, могут привести к эффекту мультипликатора, создавая новые рабочие места и стимулируя местную деловую активность. Конечно, если расходы приходится преимущественно на импортную продукцию, то возникают негативные моменты, тем не менее, расходы, направленные на потребление местной продукции, могут привести к развитию. Даже бесполезные свадебные расходы могут считаться инвестициями в улучшение демографических показателей. Таким образом, четкое различие между инвестициями и потреблением, достаточно эфемерно. Будем исходить из того, что «средний работающий мигрант тратит свои деньги разумно» (Gunatilleke 1986, С. 15). Во-вторых, нынешняя дискуссия об управлении денежными переводами государством и международными организациями упускает один важный момент. Денежный перевод по сути своей есть перевод от человека человеку или от семьи семье: деньги идут прямо в карман. Любые попытки государства каким-то образом повлиять на использование этих денег приводят к контрпродуктивным последствиям, к тому, что используются неофициальные каналы для перевода или же вообще объем переводов просто падает. Таким образом, попытки регулирования или иначе управлять денежными потоками, приводит к обратным результатам, нежели ожидается. Требуется особая осторожность в выстраивании политики, касающейся данного вопроса.

Вторая область, которая, как представляется, не привлекает достаточного внимания в дискуссиях по денежным переводам, касается мест происхождения мигрантов. Предполагается, что денежные переводы возвращаются в страны происхождения в целом. Это предположение упускает из виду весьма локализованный характер миграции. Миграция — это не случайное событие, происходящее с сообществами, распределенными равномерно по всей стране. Точно так же мигранты не распространяются равномерно в странах назначения, но имеют тенденцию концентрироваться в больших, часто «глобальных», городах в развитом мире и в центрах коммерческого сельского хозяйства или добывающих производствах в развивающемся мире. С точки зрения денежных переводов, однако, места происхождения мигрантов, возможно, имеют большее значение, места назначения. Приблизительно 95% мигрантов из Бангладеш в Великобритании к концу 1980-х гг., например, приехали из единственного района в Бангладеш — Силет (Sylhet) (Gardner 1995, С. 2), а большинство пакистанских мигрантов в Великобритании прибыли из района Мирпур (Mirpur) на севере этой страны (Ballard 1987, С. 24). Большая часть миграций из Индии в страны Ближнего Востока была из южного штата Керала (Zachariah, Kannan and Rajan, 2002), а в миграции из Китая доминировали жители трех южных прибрежных провинций — Гуандуна, Фуцзяни и Чжэцзяна, причем только определенных частей этих областей. Таким образом, огромные объемы денежных переводов текут назад к очень

небольшому количеству деревень и районов в странах происхождения. В то время как эта концентрация богатства, вероятно, будет иметь воздействие на внутренние миграции в соответствующих странах, непосредственный эффект должен увеличить неравенство. Таким образом, в отличие от официальной помощи развитию, которая может быть нацелена на особые группы и определена на сокращение бедности, денежные переводы обретают совершенно другой характер. Они сосредоточены на конкретных местах или районах происхождения мигрантов, при том что ни самые бедные области, ни самые бедные жители в пределах этих областей в миграцию не вовлекаются.

Концентрация денежных переводов в определенных областях касается непосредственно третьего «предостерегающего пункта», упомянутого выше: страны-доноры смотрят на объемы денежных переводов, текущих назад в некоторые страны, и сравнивают их с возможной помощью. Не исключено (хотя это заключение несколько умозрительно), что у стран-доноров возникнет желание перераспределить их официальную помощь развитию на основе наблюдаемых потоков. Как было подчеркнуто выше, денежные переводы представляют собой совсем другой тип финансовых потоков по сравнению с помощью, и это было бы опасное движение, чтобы влиять на распределение помощи на основе масштабов потоков мигрантских денежных переводов. Некоторые области и особенно уязвимые группы, которые не участвуют в миграции, могут быть совсем лишены помощи в тех странах, которые являются получателем значительных денежных переводов, если официальные потоки помощи развитию будут сокращены.

Диаспора. Диаспора стала одним из самых видных терминов в словаре международной миграции в начале XXI столетия. В прошлом слово диаспора упоминалось как определенные места изгнания людей, в которых мигранты жили с идеей попасть домой. Еврейская диаспора была классическим примером, но есть и другие примеры, типа армянской диаспоры, которые соответствовали этой модели. Сегодня мы говорим о китайской диаспоре (Ma and Cartier 2003; Wang and Wang 1998), индийской диаспоре (Jayaram, 2004; см. также Wong 2004), африканской диаспоре (Hamilton 2007) и даже шотландской диаспоре (Kay 2006) среди прочих. Слово «диаспора» появилось, чтобы охватить все передвижения населения, добровольные и принудительные, независимо от числа мигрантов и их происхождения. Возможно, понятие «диаспора» появилась, чтобы заменить понятие «международная миграция», и мы теперь говорим о диаспорах, так легко, как мы хотели бы говорить о международной миграции любой страны происхождения. В этих дискуссиях важную роль сыграли французские социологи (см., например, Chaliand and Rageau 1991; Ma Mung 2000; Bordes-Benayoun and Schnapper 2006).

Нетрудно понять, почему диаспора заняла столь выдающееся положение. Слово «миграция» дает впечатление категорического движения:

движение к месту назначения, где мигрант останется, и в конечном счете станет гражданином другой страны. Диаспора, напротив, привлекает внимание к сохраняющейся связи между страной происхождения и страной назначения и к факту, что мигранты могут вернуться или, по крайней мере, сохранить причастность с их странами происхождения. Диаспора становится близко связанной с другим термином, который приобрел выдающееся положение в литературе о миграции — «транснациональное сообщество»: мигранты поддерживают близкие связи с местами их происхождения и могут даже работать или жить и работать в двух или более государствах. Диаспора также объединяет под одной крышей мигрантов и соотечественников кто, возможно, родился в стране назначения.

Это всего лишь маленький скачок к идее, что развитие может быть связано с диаспорой. В любой миграционной системе наиболее передовые и образованные люди имеют тенденцию уезжать первыми. Следовательно, в зарубежных диаспорах оказываются многие из лучших и самых ярких представителей своей страны. Если страна происхождения может «использовать» свое население, находящееся за рубежом, эти люди смогут внести свой вклад в ее «развитие».

Роль диаспоры была существенна в развитии Восточной Азии. Проживающие за рубежом китайцы в течение многих десятилетий поддерживают строительство инфраструктуры в южном Китае. И во Вьетнаме сегодня вьетнамские китайцы играют существенную роль в текущем развитии страны. Их инвестиции существенно превышают денежные переводы; это иностранные прямые инвестиции, хотя как говорилось выше, ясного различия между этими двумя понятиями нет. Роль диаспоры существенно больше, чем только финансовые инвестиции. На примере Восточной Азии мы видим массовое возвращение представителей зарубежной диаспоры. Если говорить о высококвалифицированных людях, то лишь очень немногие из них возвращались в Тайваньскую Область Китая в 1960-х гг., не более 5%. Однако к 1970-м гг. та пропорция заметно увеличилась. Сегодня Тайваньская Область Китая, так же как Республика Корея и многие другие быстро развивающиеся страны, включая Китай, превратились в центры применения высококвалифицированных кадров. Возвратившиеся после обучения студенты играют большую роль в азиатских экономических системах. Отец современного Сингапура Ли Кван Ю в конце 1940-х гг. написал статью относительно роли возвратившегося студента. Если посмотреть на состав парламентариев в быстро развивающихся государствах Азии, так называемых «азиатских тиграх», или на высших управляющих в администрациях в этих странах, становится ясно, что многие, а возможно даже большинство из них обучались или работали за границей. Возвратная миграция и демократизация политических систем в Восточной Азии тесно связаны. Эти идеи были уже высказаны в одной из моих прежних работ (Skeldon 1997, С. 108–112).

Два важных момента должны быть приняты во внимание, когда мы рассматриваем роль диаспоры в развитии стран Восточной Азии. Во-первых, есть нечто привлекающее для мигрантов, чтобы возвратиться на родину. Было бы упрощением, если не ошибкой, приписывать успехи в развитии Восточной Азии возвратной миграции или роли диаспоры. Возвратившиеся мигранты конечно внесли свой вклад в развитие, но не они не стали причиной его. Наивно думать, что если на родину вернуться получившие образование за рубежом граждане, то развитие Ганы, Чада или Буркина-Фасо автоматически ускорится. Для того, чтобы потенциал высококвалифицированных мигрантов мог быть применен на родине, там должны сформироваться соответствующие структуры. Там, где таких структур нет или они слабо развиты, возвращение высококвалифицированных кадров, вероятно, будет неэффективно. Развитие управляет миграцией, а не наоборот, хотя ясно, что миграция может содействовать развитию.

Во-вторых, возвращение части диаспоры назад в страны Восточной Азии было частью более широкого процесса миграции высококвалифицированных кадров из развитого мира. Диаспора не действовала в изоляции от других миграционных потоков. Квалифицированные люди из Европы, Австралии и Европы были также вовлечены в этот процесс. Однако это соображение приводит меня к другому пониманию диаспоры, хотя и неоднозначному. Ведь речь идет не только о мигрантах, но представителях данной этнической группы, включая потомков мигрантов, второе или более поздние поколения детей мигрантов, которые могут возвратиться на родину. Например, наибольшая концентрация этнических корейских международных мигрантов в мире наблюдается в Сеуле. Это главным образом американские корейцы, которые возвратились к земле их родителей, чтобы участвовать в экономическом развитии той страны, экономика которой испытывает нехватку кадров. Есть также китайцы, родившиеся в Великобритании, китайцы, родившиеся в США, китайцы, родившиеся в Канаде, вьетнамцы, родившиеся в США, которые возвращаются на землю предков, чтобы там жить и работать. Кто они — корейцы, китайцы, вьетнамцы? Или они американцы, канадцы, британцы? В связи с понятием диаспоры встает множество трудных вопросов идентичности и лояльности.

Диаспора является очень неоднородной в смысле квалификации и образования, но также она неоднородна в смысле происхождения и политических предпочтений. Что из себя представляет китайская диаспора например? Единая транснациональная культурная группировка или ряд субнациональных китайских этнических землячеств? (см. Skeldon 2003), О диаспоре нельзя думать просто как о ресурсе, который можно легко получить. Многих в диаспоре могут не устраивать позиции нынешних политических лидеров на родине — фактически они могут противостоять им, открыто или тайно. Следовательно, диаспора становится связанной с безопасностью и геополитическими проблемами.

В конечном счете, когда мы рассуждаем о развитии и тех путях, через которые могут быть достигнуты Цели развития тысячелетия, акцент должен быть сделан на структурах, на создании таких учреждений, которые бы способствовали улучшению человеческого благополучия. Как только они возникают, мигранты или диаспора будут участвовать в развитии страны и могут играть в нем существенную роль. Попытка полагаться только на диаспору без ликвидации первопричин отсутствия развития вряд ли принесет успех.

Квалифицированные мигранты и утечка умов. Вышеупомянутая проблема создания структур обращает нас к проблеме миграции квалифицированных кадров и утечки мозгов. Эмиграция квалифицированных кадров была и в значительной степени все еще остается серьезной проблемой для стран происхождения, так как они теряют тех людей, которые с наибольшей вероятностью могли бы способствовать их развитию (см. например, Schiff, 2006; также Кариг и McNale, 2005). В последние годы появилось мнение о том, что утечка умов может иметь позитивное значение для стран происхождения. Возможно, лучше всего эта точка зрения выражена у Маунтфорда (Mountford, 1997) и Старка (Stark, 2003), которые обращают внимание на «относительных выгодах» международной миграции, которые достаются населению потенциальной страны происхождения в развивающемся мире. Люди в этих странах рассматривают карьеру в определенной профессии как потенциальную возможность уехать за рубеж, поэтому выбирают те профессии, которые востребованы в странах назначения. Все большее число людей выбирают этот путь, однако, существующие ограничения на иммиграцию приводят к тому, что не всем им удастся осуществить переезд. Следовательно, в стране останется больше квалифицированных специалистов на конец каждого периода по сравнению с его началом. Однако существует возможность, что не все эти специалисты смогут найти эффективное применение на родине и на деле эта ситуация приведет к росту числа образованных безработных (Stark and Fan, 2006).

Представляется, что нет достаточных подтверждений гипотезы о том, что вероятность эмиграции может повлиять на выбор профессий в развивающихся странах (Kangasniemi, Winters and Commander, 2004; Lucas, 2005). Тем не менее, квалифицированные кадры, проживающие за рубежом, переводят денежные средства свои семьям на родину, а некоторые из них возвращаются, чтобы внести свой вклад в развитие. Таким образом, можно создавать стимулы для их возвращения, и, согласно исследованию, проведенному Всемирным Банком, страны происхождения могут использовать для этого свои зарубежные диаспоры (Kuznetsov, 2006). Таким образом, циркуляция мозгов и возвращение на родину высококвалифицированных кадров стали важными темами недавних исследований по проблеме утечки умов. Говоря в более общем плане, анализ миграции высококвалифицированных кадров стал проводиться в

тесной связи с анализом денежных переводов мигрантов и диаспор, о чем говорилось выше.

Однако здесь снова возникает опасность, что первостепенное значение отдается решению человека, а не структурам, в которых он действует, т.е. что высококвалифицированные люди сами по себе могут «продвигать» развитие, независимо от экономических, социальных и, что наиболее важно, политических структур у себя на родине. На самом деле квалифицированные мигранты возвратятся домой только в том случае, если там будут существовать условия для того, чтобы они могли работать, реализоваться и получать достойный доход. Недавние исследования миграции высококвалифицированных кадров позволили нам взглянуть на определенные группы мигрантов, которые, возможно, недооценивались в предыдущих исследованиях, в частности, студентов. За последние 20 лет исследования проблемы утечки умов отошли от доминировавшей прежде идеи потерь квалифицированного персонала и компенсации затрат на обучение. Где проходило обучение? Не всегда оно проходило в странах происхождения; часть оно осуществлялось или продолжалось уже за рубежом. Кто платит за обучение? Правительство страны происхождения; или страны назначения; частный фонд; или сам мигрант? Какое образование нужно дать, особенно в стране происхождения? Образование, которое обеспечивает знания, которые могут быть применены в глобальном масштабе или востребованы только на местном рынке? Или, быть может, необходимы двухуровневые или даже многоуровневые системы обучения с возможностью перехода от одного уровня к другому? Это непростые вопросы, которые подчеркивают сложность проблемы утечки умов. В этом вопросе сходятся возможные потери развивающихся стран и преимущества развитых. Попытки ограничивать право квалифицированных людей на миграцию почти наверняка вынудит их искать альтернативные каналы, чтобы все-таки уехать. Эти каналы могут быть нелегальными, что означает, что мигранты выступают незаконно на трудовых рынках стран назначения и фактически не могут использовать те знания и навыки, которые они имеют — это приводит к потере интеллектуального потенциала.

Большинство квалифицированных мигрантов происходит из относительно небольшого числа стран, среди которых основное место занимают Индия и Китай. Однако это не означает, что небольшое число квалифицированных эмигрантов не оказывают воздействия на экономику своих стран, особенно если это малые страны. Малые островные страны — это хороший пример в этом контексте. Однако их потери квалифицированных граждан относительно малы, поскольку всегда стоит вопрос, могли ли они быть эффективно использованы в местной экономике. Это возвращает нас к вопросу структур, т.е. экономических и политических институтов, которые должны существовать в экономических системах стран происхождения прежде, чем квалифицированные кадры могут быть

там продуктивно поглощены, а этого часто и нет. Как только эти структуры созданы, мигранты возвратятся, что мы наблюдали в странах Восточной Азии, из которой прежде эмигрировано значительное количество высококвалифицированных кадров. А если бы эти экономические системы развились раньше, остались бы эти квалифицированные специалисты дома? Наша гипотеза заключается в том, что это не так и что это был их открытый выбор, а что касается эмиграции в развитые страны, так она скорее способствовала, а не замедляла их развитие.

Что дальше? В каком направлении пойдет исследование взаимосвязи между миграцией и развитием? Всегда трудно точно предсказать, что произойдет на самом деле. Однако некоторые моменты несомненны. Как говорилось выше, больше внимания должно уделяться внутренней миграции. То есть исследование урбанизации и развития снова приобретает актуальность. Однако скорее всего суть всей дискуссии относительно миграции и развития сместится. В начале этой дискуссии указывалось, что существует опасность, если миграция изучается в отрыве от развития. В действительности опасность заключается в том, если миграция рассматривается как хвост, который управляет собакой, т.е. развитием. Например, миграция не является одной из Целей Развития Тысячелетия (MDG), хотя наблюдается движение в сторону того, чтобы придать миграции больше значения — через продолжающийся Диалог Высокого уровня и через Глобальный Форум. Понимание большой роли миграции может только приветствоваться, однако, мы должны понимать и ограничения. Где бы то ни было я не устаю повторять, что сама по себе миграция не может быть MDG, поскольку в силу своей природы она не предназначена для жесткого регулирования (Skeldon 2005a).

Миграция — это по существу ответ населения на изменяющиеся условия развития, и что должны сделать правительства, так это утратить свой страх перед миграцией людей. Миграция должна восприниматься как неотъемлемая часть процесса развития, а не нечто опасное и необычное. Миграция — это не новый процесс, но если наше время действительно является «Веком миграции» (Castles and Miller, 2003), то это так главным образом из-за ускорения, хотя неравномерного, развития во всем мире. Повышающееся процветание приносит увеличение мобильности населения и миграции, которое возвращает нас к оригинальным суждениям Равенштейна. Филиппины часто рассматривают как страну эмиграции, 8.1 миллионов населения которой проживали за границей в 2005 году (Go, 2006), что составляет около 10 процентов населения Филиппин. Недавнее исследование показало, что приблизительно 5.5 миллионов мигрантов из Великобритании в настоящее время проживают за границей, это — 9.2 процентов населения Великобритании (IPPR 2006). Ясно, типы мигрантов из этих двух стран сильно различаются. Тем не менее, основная идея заключается в том, что миграция не прекращается с развитием, и будущие исследования будут частично посвящены тому, как меняются типы,

масштаб и направления миграции населения по мере развития миграционного перехода (Zelinsky, 1971; Skeldon, 1997).

Озабоченность в связи с международной миграцией привела к тому, что миграция рассматривалась в изоляции от вопросов развития, а не как его часть. Миграция лишь частично может способствовать развитию, но нам нужно быть готовыми к тому, что по мере развития миграция модифицируется. Таким образом, более разумной может оказаться политика, реагирующая на существование тех или иных типов миграции в соответствии с определенными сценариями развития, а не та, которая стремится формировать миграционные каналы с тем, чтобы продвинуть развитие. Важным направлением прикладных исследований в области миграции должно стать изучение того, какие изменения с миграцией могут происходить в результате различной стратегии развития. Следовательно, попытки повлиять на масштаб и направления миграции населения должны начинаться с развития, а не с миграции или прямых попыток ее контролировать. История контроля над миграцией, вне зависимости от того, шла ли речь о внутренних или международных миграциях, была обычно историей непредвиденных последствий в лучшем случае (Castels, 2004) или очевидных неудач в худшем.

Проведенное нами недавно исследование привлекло внимание к двум важным аспектам миграции и развития. Во-первых, миграция не обязательно отрицательно сказывается на развитии. Однако, с другой стороны, не следует слишком уж вдохновляться положительными аспектами и, следуя этой идее, ратовать за то, что, облегчая определенные типы миграции, можно содействовать развитию. Во-вторых, попытки замедлять миграцию посредством содействия развитию в странах происхождения почти наверняка обречены на неудачу (см., например, de Haas 2006). Миграция – это неотъемлемая часть всех обществ, причем те, где уровень миграции населения низок, почти наверняка стагнируют экономически. Развитые общества базируются на высокой мобильности населения, что отличает их от развивающегося мира. В том, что касается теории, мы, вероятно, будем наблюдать изменение в акцентах исследования от «миграция и развития» к «миграция в развитии», небольшое, но важное изменение фокуса.

Литература

- Ballard, R. 1987, "The political economy of migration: Pakistan, Britain, and the Middle East", in J. Eades (ed.), *Migrants, Workers, and the Social Order*, London, Tavistock, pp. 17-41.
- Bordes-Benayoun, C. and D. Schnapper 2006, *Diasporas et nations*, Paris, Odile Jacob.
- Castles, S. 2004, "The factors that make and unmake migration policies", *International Migration Review*, vol. 37(3): 852-884.
- Castles, S. and M. Miller 2003, *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*, London, Macmillan, third edition.
- Chaliand, G. and J-P Rageau 1991, *Atlas des diasporas*, Paris, Odile Jacob (translated into English as *The Penguin Atlas of Diasporas*, New York, Viking, 1995).
- De Haas, H. 2006, Turning the tide? Why 'development instead of migration' policies are bound to fail, Oxford, International Migration Institute, Working Paper No. 2.
- Gardner, K. 1995, *Global Migrants, Local Lives: Travel and Information in Rural Bangladesh*, Oxford, Clarendon Press.
- GCIM 2005, *Migration in an Interconnected World: New Directions for Action*, Geneva, Global Commission on International Migration.
- Go, S. P. 2006, Recent trends in international movements and policies: the Philippines 2005, Country report presented at the *Workshop on International Migration and Labour Market in Asia*, Tokyo, Japan Institute for Labor Policy and Training and OECD, 17 February.
- Grigg, D. 1977, "E G Ravenstein and the 'laws of migration'", *Journal of Historical Geography*, vol. 3(1): 41-54.
- Gunatilleke, 1986, *Migration of Asian Workers to the Arab World*, Tokyo, United Nations University.
- Hamilton, R. S. (ed.) 2007, *Routes of Passage: Rethinking the African Diaspora*, East Lansing, Michigan State University Press, volume 1, part 1.
- IDC 2004, *Migration and Development: How to Make Migration Work for Poverty Reduction*, London, House of Commons, International Development Committee.
- IPPR 2006, *Brits Abroad: Mapping the Scale and Nature of British Emigration*, London, Institute for Public Policy Research.
- Jayaram, N. 2004, *The Indian Diaspora: Dynamics of Migration*, New Delhi, Sage.
- Kangasniemi, M., L. A. Winters and S. Commander 2004, Is the medical brain drain beneficial? Evidence from overseas doctors in the UK, Centre for Economic Performance Discussion Paper No. 618.
- Kapur, D. and J. McHale 2005, *Give Us Your Best and Brightest: The Global Hunt for Talent and Its Impact on the Developing World*, Washington, Center for Global Development.
- Kay, B. 2006, *The Scottish World: A Journey into the Scottish Diaspora*, Edinburgh, Mainstream Publishing.
- Kuznetsov, Y. 2006, *International Migration of Skills and Diaspora Networks: How Countries Can Draw on their Talent Abroad*, Washington, World Bank.
- Lucas, R. E. 2005, *International Migration and Development: Lessons from Low-income Countries*, Cheltenham, Elgar.
- Ma, L. J. C. and C. Cartier (eds.) 2003, *The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity*, Lanham, Rowman and Littlefield.
- Ma Mung, E. 2000, *La diaspora chinoise: géographie d'une migration*, Paris, Editions Ophrys.
- Maimbo, S. M. and D. Ratha (eds.) 2005, *Remittances: Development Impact and Future Prospects*, Washington, World Bank.
- Mohapatra, S. et al. 2006, Remittance trends 2006, *Migration and Development Brief 2*, Washington, World Bank.
- Mountford, A. 1997, "Can a brain drain be good for growth in the source economy?" *Journal of Development Economics*, vol. 52(2): 287-303.

- Newland, K. and E. Patrick 2004, *Beyond remittances: the role of diaspora in poverty reduction in their countries of origin*, Washington, Migration Policy Institute.
- Nyberg-Sørensen, N., N. Van Hear and P. Engberg-Pedersen 2002, "The migration-development nexus: evidence and policy options. State-of-the-art review", *International Migration*, vol. 40(5), special issue.
- Ravenstein, E. G. 1885, "The laws of migration", *Journal of the Statistical Society*, vol. 48: 167-227.
- Ravenstein, E. 1889, "The laws of migration", *Journal of the Statistical Society*, vol. 52: 214-301.
- Russell, S. S. 1986, "Remittances from international migration: a review in perspective", *World Development*, vol. 14(6): 677-696.
- Schiff, M. 2006, "Brain gain: claims about its size and impact on welfare and growth are greatly exaggerated", in Ç. Özden and M. Schiff (eds.), *International Migration, Remittances and the Brain Drain*, Washington, World Bank, pp. 201-225.
- Siddiqui, T. 2005, "International migration as a livelihood strategy of the poor: the Bangladesh case", in T. Siddiqui (ed.), *Migration and Development: Pro-poor Policy Choices*, Dacca, The University Press, pp. 71-107.
- Skeldon, R. 1997, *Migration and Development: A Global Perspective*, London, Longman.
- Skeldon, R. 2005a, "Linkages between migration and poverty: the Millennium Development Goals and population mobility", in *International Migration and the Millennium Development Goals*, New York, United Nations Population Fund, pp. 55-63.
- Skeldon, R. 2005b, "Migration and migration policy in Asia: a synthesis of selected cases", in T. Siddiqui (ed.), *Migration and Development: Pro-poor Policy Choices*, Dacca, The University Press, pp. 15-37.
- Skeldon, R. 2003, "The Chinese diaspora or the migration of Chinese peoples?" in L. J. C. Ma, and C. Cartier (eds.), *The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity*, Lanham, Rowman and Littlefield, pp. 51-66.
- Stark, O. 2003, "Rethinking the brain drain", *World Development*, 32(1): 15-22.
- Stark, O. and C. S. Fan 2006, *International migration and the "educated unemployed"*, Bonn, Zentrum für Entwicklungsforschung, Discussion Papers on Development Policy No. 110.
- Tamas, K. and J. Palme (eds.) 2006, *How Migration Can Benefit Development: Bridging the Research and Policy Gap*, Stockholm, Institute for Future Studies.
- Turner, F. J. 1961, "The significance of the frontier in American history", in R. A. Billington (ed.), *Frontier and Section: Selected Essays of Frederick Jackson Turner*, Englewood Cliffs, Prentice Hall, pp. 37-62.
- Turner, V. and E. Turner 1978, *Image and Pilgrimage in Christian Culture: Anthropological Perspectives*, New York, Columbia University Press.
- United Nations 2006a, *International Migration 2006*, New York, Population Division, Department of Economic and Social Affairs.
- United Nations 2006b, *World Urbanization Prospects: the 2005 Revision*, New York, Population Division, Department of Economic and Social Affairs.
- Wang, Ling-chi and Wang Gungwu (eds.) 1998, *The Chinese Diaspora: Selected Essays*, Singapore, Times Academic Press, 2 volumes.
- Wong, S-L (ed.) 2004, *Chinese and Indian Diasporas: Comparative Perspectives*, Hong Kong, University of Hong Kong, Centre of Asian Studies.
- Zachariah, K. C., K. P. Kannan and S. I. Rajan (eds.) 2002, *Kerala's Gulf Connection: CDS Studies on International labour migration from Kerala State in India*, Thiruvananthapuram, Centre for Development Studies.
- Zelinsky, W. 1971, "The hypothesis of the mobility transition", *Geographical Review*, vol. 61(2): 219-249.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иван Алешковский — ассистент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Пол Демени — эксперт Совета по народонаселения (США)

Ирина Ивахнюк — доцент, заместитель заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ (Россия)

Владимир Ионцев — профессор, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Дэвид А. Коулмен — профессор Оксфордского Университета (Великобритания)

Янеш Малачич — профессор Университета Любляны (Словения)

Филип Мартин — профессор Калифорнийского Университета (США)

Дуглас Массей — профессор Пристонского университета (США)

Ирина Прибыткова — главный научный сотрудник Института социологии НАН Украины (Украина)

Леонид Рыбаковский — главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (Россия)

Елена Садовская — президент Конфликтологического центра (Казахстан); эксперт Независимого исследовательского Совета по миграции стран СНГ и Балтии при ИНП РАН (Россия)

Ума А. Сегал — профессор Университета Миссури – Сан-Льюис (США)

Рональд Скелдон — профессор Университета Сассекс (Великобритания); почетный профессор Университета Гонконга

Жан-Клод Шенэ — профессор Национального Института демографических исследований (INED) (Франция)

ИНФОРМАЦИЯ О СЕРИИ

Научная серия «**Международная миграция населения: Россия и современный мир**» была основана в 1998 г. на кафедре народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Идея создания серии была связана с резко возросшим масштабом и значением международной миграции в современной России, активизацией теоретических и прикладных исследований российских демографов и экономистов в этой области, в то время как в стране не существовало ни одного научного периодического издания по международной миграции. Главный редактор серии — В.А. Ионцев, профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ. Ответственный секретарь — заместитель заведующего кафедрой народонаселения, доцент, к.э.н. И.В. Ивахнюк.

Выпуски серии выходят два раза в год; они представляют собой как сборники статей, так и индивидуальные монографии. Фактически на страницах серии происходит активный обмен мнениями российских и зарубежных ученых по различным теоретическим и прикладным аспектам участия России в международной миграции населения, его причин и последствий.

Первый выпуск (1998 г.) был составлен преимущественно на основе докладов, представленных российскими учеными на Генеральной Конференции IUSSP в Пекине, Китай, в октябре 1997 г. (Подробная информация о Конференции представлена в данном выпуске.) Это статья *В.А. Ионцева и А.Н. Каменского — Россия и международная миграция населения*, раскрывающая проблемы, связанные с участием России в мировых миграционных процессах на новом этапе своего развития. Статья *А. Островского — Миграция рабочей силы из Китая на российский Дальний Восток: возможности иммиграции сегодня и в будущем*, касается превращения трудовой миграции в постоянную иммиграцию в конкретном российском регионе.

Другие статьи первого выпуска посвящены исключительно актуальному для России аспекту международной миграции — «утечке умов»: *И.Г. Ушкалов — Интеллектуальная эмиграция из России: факторы, масштабы, последствия, возможности регулирования*; *И.А. Малаха — «Утечка умов» в странах Центральной и Восточной Европы: состояние, политика регулирования*. Кроме того, первый выпуск серии включает рецензию на знаменитую книгу Джулиана Саймона «Экономические последствия иммиграции». Рецензии на заметные публикации российских и иностранных специалистов по международной миграции являются обязательным разделом каждого из выпусков серии.

Второй выпуск (1999 г.) представлен широким диапазоном тем, связанных с международной миграцией населения в России и в мире:

В.А. Ионцев, А.Г. Магомедова — «Внешняя» миграция между Россией и странами ближнего зарубежья (Исторический обзор); И.В. Ивахнюк — Опыт государственного регулирования международной трудовой миграции (на примере Турции); А.Н. Каменский — Экспорт рабочей силы и влияние переводов трудящихся мигрантов на платежные балансы стран выезда; И.Г. Ушкалов — Эмиграция и иммиграция: российский феномен. Помимо статей российских ученых, в сборник включена работа профессора *Янеша Малачича* (Университет Любляны, Словения) — *Ситуация на рынке труда и в сфере международной миграции в центрально-европейских странах с переходной экономикой.* Начиная с этого выпуска, приглашение зарубежных коллег, работы которых нечасто можно прочесть на русском языке, стало традицией серии: каждый выпуск серии включает, по крайней мере, одну статью иностранного ученого, специализирующегося по проблемам международной миграции.

Третий выпуск (1999 г.) представлен монографией *В.А. Ионцева — Международная миграция населения: теория и история изучения.* В книге рассмотрены современные теоретические направления в объяснении международной миграции населения, дана классификация основных научных подходов в ее изучении. Работа содержит подробный анализ участия России в международных миграционных потоках, начиная с XVIII века до современного этапа развития, а также прогноз развития миграционной ситуации в стране и регионе. Монография дополнена кратким терминологическим словарем по миграции. Заслуживает внимания также обширная библиография, включающая более 1200 названий работ российских и зарубежных авторов по миграционной тематике.

Четвертый выпуск (2000 г.) включает статьи российских и зарубежных ученых, отображающих как современные глобальные тенденции в международной миграции населения, так и специфику миграционных потоков в Россию и из нее. Статья профессора *Семы Эрдер* (Университет Мармара, Турция) — *Новые тенденции международной миграции и опыт Турции* представляет точку зрения автора на миграционную картину в современной Европе и меняющееся место в ней Турции. Появление нового миграционного пространства в Восточной Европе привело к появлению качественно новых миграционных потоков в регионе. Это стало объектом двух других статей выпуска: *И.В. Ивахнюк — Взаимодействие России и Турции в области международной трудовой миграции; Е.С. Красинец, Е.В. Тюрюканова — Миграция Россия — Италия как модель этнонейтральной экономической миграции.* Этнический аспект международной миграции представлен в статье израильского демографа *Марка Тольца* (Иерусалимский Университет) — *Миграция российских евреев в 90-е гг.*

Среди рецензий, помещенных в четвертом выпуске, одна заслуживает особого внимания. Это последняя книга *И.Г. Ушкалова и И.А. Малахи —*

«Утечка умов»: масштаб, причины, последствия. Это не просто хорошая книга, но последняя прижизненная публикация Игоря Георгиевича Ушкалова, безвременно ушедшего из жизни в ноябре 1999 г. Он, безусловно, был одним из лучших специалистов по международной интеллектуальной миграции.

Пятый выпуск (2000 г.) объединен одной общей темой — влияние международной миграции населения на демографическое развитие. Ситуация в трех бывших республиках СССР — России, Украине и Армении — анализируется в статьях демографов из соответствующих стран: *В.А. Ионцев — Международная миграция населения и демографическое развитие России; А.У. Хомра — Международная миграция и демографическое развитие Украины; Р.С. Еганян — Демографические реалии и перспективы Республики Армения на пороге XXI века.* Показательно сравнение опыта этих трех стран, в которых международная миграция играет прямо противоположную роль на протяжении последнего десятилетия. Статья *М.Б. Денисенко — Замещающая миграция* представляет собой анализ Отчета по Научному проекту ООН по замещающей миграции, участником которого был автор. В статье делается попытка дать ответ на вопрос, может ли замещающая миграция решить проблему старения и сокращения населения в развитых странах. Статья профессора Лувэнского католического университета (Бельгия) *Мишеля Пулэна — Источники данных для измерения международной миграции в странах Центральной Европы* является серьезным вкладом в разработку единой методологии исследований международной миграции населения.

Шестой выпуск (2001 г.) полностью посвящен вынужденной миграции населения и приурочен к 50-летнему юбилею деятельности Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и принятия Конвенции 1951 г., касающейся статуса беженцев. Региональное представительство УВКБ ООН в РФ поддержало издание этого выпуска, и обзорная информация о его деятельности в России за последние пять лет представлена на страницах книги. Естественно, все статьи шестого выпуска посвящены вынужденной миграции населения: *В.И. Мукомель — Вынужденная миграция в контексте миграционных процессов и миграционной политики стран СНГ: этапы развития; Марек Окодьски (Польша) — Миграционное давление на Европу; С.В. Рязанцев — Вынужденная миграция в Европе: современные тенденции и проблемы управления; Филипп Ваннер (Швейцария) — Ищущие убежища в Швейцарии: социально-демографические характеристики; М.Н. Куница — Вынужденная миграция населения в региональном развитии: особенности и проблемы в Брянской области; С.А. Ганнушкина — Право и политика России в области миграции; Я. Нисанов — Тоталитарные традиции и свободное предпринимательство в России: коллизии права, вынуждающие мигрировать.*

Седьмой выпуск (2002 г.) несколько нарушил хронологию серии, поскольку приурочен к юбилею Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в структуру которого входит кафедра народонаселения. Он представляет собой аннотированную библиографию трудов по миграции сотрудников Центра за все годы его существования и называется *Миграция населения: 35 лет исследований в Центре по изучению проблем народонаселения (1967–2002 гг.)* (Составитель — *И.В. Ивахнюк*). Библиография дает представление о масштабе и традициях миграционных исследований, создавших хорошую теоретическую основу для формирования современного подхода к изучению нынешнего, качественно нового этапа в миграционной истории России

Восьмой выпуск (2001 г.) посвящен вопросам статистики и учета международной миграции населения, имеющих своеобразные национальные особенности и значительные различия, что зачастую затрудняет глубокий сравнительный анализ мировых миграционных потоков. Статья *О.С. Чудиновских* — *Состояние и перспективы текущего учета миграции в России* анализирует недостатки существующей в настоящее время в России системы первичной регистрации мигрантов, которые выступают препятствием для получения достоверных статистических данных по миграции и научного исследования миграционных процессов в стране. Статья *М.Б. Денисенко* — *Эмиграция из России по данным зарубежной статистики* представляет национальную иммиграционную статистику иностранных государств как альтернативный, более точный источник оценки эмиграционных потоков из России. Небольшая статья *Жоржа Тапиноса* — *Международная миграция населения как фактор экономического развития* содержит некоторые ценные методологические замечания и ориентиры, весьма актуальные для нынешней миграционной ситуации в России и других государствах бывшего СССР. Статья *А.Е. Слуки* — *Международная миграция населения и демографические проблемы Западной Европы* продолжает важную для нас тему — о роли международной миграции в демографическом развитии, — заявленную в третьем и пятом выпусках.

Девятый выпуск (2002 г.) также имеет единую тему, исключительно актуальную и для России, и для многих других стран мира, — нелегальная, незаконная миграция. Анализ незаконной миграции представлен в широком географическом и тематическом разрезе. В ряде статей рассмотрена ситуация с незаконной миграцией в России: *Г.С. Витковская* — *Незаконная миграция в России: ситуация и политика противодействия*; *Е.С. Красинец* — *Незаконная иммиграция и латентная занятость в приграничных территориях Российской Федерации*; *Т.И. Куценко* — *Нелегальная миграция и незаконная занятость иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ*. Другие статьи посвящены анализу аналогичных проблем в других странах СНГ: *Е.Ю. Садовская* — *Предупреждение*

незаконной миграции в Республике Казахстан; Л.П. Шахотько (Беларусь) — Нелегальная миграция: факторы роста и пути решения. Специфика геополитического положения государств бывшего СССР и относительная «прозрачность» границ между нами привела к формированию особого евроазиатского миграционного пространства, используемого как транзитный коридор для переправки нелегальных мигрантов из Азии в Европу. Авторы указывают на неразрывность проблем нелегальной миграции и незаконной занятости и на значимость мер государственного контроля за незаконным использованием иностранной рабочей силы в контексте борьбы с незаконной международной миграцией.

Десятый, юбилейный выпуск (2002 г.) составлен из статей признанных специалистов в области международной миграции из разных стран мира. В них представлены как теоретические аспекты изучения миграции населения, так и анализ тенденций развития миграционной ситуации в отдельных странах и регионах. В статье *Дугласа Массея* (США) *Синтетическая теория международной миграции* делается попытка сформулировать универсальную, обобщающую теорию миграции на основе существующих концепций. *Дирк ван де Каа* (Нидерланды) в статье *О международной миграции и концепции второго демографического перехода* убедительно доказывает важность включения миграции населения в анализ демографического развития, делая значительный теоретический шаг в понимании классической теории демографического перехода. По-разному, но одинаково интересно предлагают взглянуть на проблемы миграции высококвалифицированных кадров в современном мире *Реджинальд Эпплгард* (Австралия) — *Миграция квалифицированных кадров в глобализованном мире* и *Ирина Малаха* (Россия) — *К вопросу об «утечке умов» в России во второй половине 1990-х гг.* Новый теоретический подход к пониманию современных тенденций международных миграционных потоков предлагает *Мэри Критц* (США) в статье *Международная миграция: развитые страны как «экспортеры» населения.* Особого интереса заслуживает статья *Марека Окольского* (Польша) — *Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XX века. Взгляд с точки зрения демографии,* где автор показывает роль демографических процессов и, прежде всего, миграции в смене человеческих цивилизаций, в частности, в грядущей смене европейской цивилизации (при условии сохранения современных демографических тенденций в Европе) азиатской цивилизацией, что, по существу, уже происходит в результате китайской иммиграции. Статья *Вили Гельбраса* (Россия) *Китайская миграция и китайские землячества в России* удачно развивает и конкретизирует эту тему. Изменения в миграционных тенденциях в странах восточноевропейского региона и бывшего СССР находятся в центре внимания целого ряда статей: *Янеш Малачич* (Словения) *Тенденции международной миграции в Центральной и Восточной Европе в конце 1990-х гг. и начале XXI века;* *Марк Тольц* (Израиль) —

Статистический анализ алии и эмиграции евреев из России; Андрей Каменский (Россия) — Современное участие России в международной трудовой миграции; Владимир Ионцев, Ирина Ивахнюк (Россия) — Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.).

Одиннадцатый выпуск (2003 г.) озаглавлен «Миграция и национальная безопасность», что отражает активизировавшуюся в российском обществе, в научных и правительственных кругах, а также в средствах массовой информации полемику относительно именно тех аспектов международной миграции, которые имеют непосредственное отношение к вопросам обеспечения национальной безопасности. Статья *Л. Рыбаковского — Демографическая безопасность: геополитические аспекты и миграция*, — оценивает роль международной миграции и целенаправленной миграционной политики в преодолении демографического кризиса в России, который сам по себе представляет угрозу национальной безопасности и суверенитету России. Этой же теме, но с точки зрения иностранных исследователей, посвящена статья *Грэма Херда и Росарио Пуглиси (Великобритания) — Национальная безопасность и миграционная политика времен В.Путина: взгляд извне*. Анализ роли миграции в противодействии депопуляционным тенденциям актуален как для России (статья *Д. Эдиева — Международная миграция как фактор преодоления депопуляции России*), так и для Украины (статья *А. Хомры — Миграция населения Украины в 1989–2001 гг.: вклад в изменение численности и этнической структуры населения*). Статья *И. Ивахнюк и Р. Даурова — Незаконная миграция и безопасность России: угрозы, вызовы, риски*, — обращает внимание на «многослойность» проблемы, выделяя политический, экономический, криминальный, социальный аспекты. В контексте угроз экономической и этнокультурной безопасности написана статья *С. Соболевой и О. Чудаевой — Иностранцы мигранты на российском рынке труда*, основанная на результатах обследования миграции в восточных регионах России.

Двенадцатый выпуск (2004 г.) посвящен 10-летию Всемирной конференции ООН по народонаселению и развитию в Каире и предварительным итогам осуществления принятой там 20-летней Программы действий в той ее части, которая касается международной миграции. Выпуск специально приурочен к Всероссийскому Национальному Форуму «Настоящее и будущее народонаселения России». Статья *Владимира. Ионцева и Андрея Каменского (Россия) — Международная миграция населения в России: уроки Каира* основывается не только на анализе Программы действий Каирской конференции, но и на личных впечатлениях авторов, принимавших участие в работе этой конференции. Статья *Дэвида Коулмана (Великобритания) — Европа на перекрестке дорог: должны ли население Европы и ее рабочая сила зависеть от новой иммиграции?* не только подвергает критике возможность

достижения отдельных целей, поставленных на Каирской конференции в области миграции, но и затрагивает важную проблему долгосрочных последствий (не всегда положительных) массовой миграции в развитые страны Европы. Статья *Ирины Прибытковой* (Украина) — *Современные миграционные исследования: в поисках новых теорий и концепций* представляет собой попытку обобщить некоторые теоретические положения и методологические принципы изучения миграции, в том числе на пути междисциплинарных исследований. В статье *Сергея Рязанцева* (Россия) — *Вынужденная миграция в России: 10 лет после Каира* рассматривается наиболее актуальная для России в 1990-е гг. форма миграции. Статьи *Людмилы Пократовой* (Россия) — *Международная миграция населения на Дальнем Востоке России: трансформация потоков и основные тенденции* и *Светланы Грибовой* (Россия) — *Миграция как элемент механизма интеграции восточных регионов России с экономикой КНР* — касаются актуальных для России вопросов взаимовыгодных отношений с Китаем в области привлечения китайских мигрантов. Статья *Елены Тюрюкановой* (Россия) — *Трудовая миграция из стран СНГ и новые практики эксплуатации труда*, — основанная на конкретных исследованиях, затрагивает очень болезненную тему прав трудящихся-мигрантов, которая занимает заметное положение в Программе действий Каирской конференции.

Тринадцатый выпуск (2005 г.) «Международная миграция: молодежный выпуск» полностью состоит из статей студентов, аспирантов и молодых научных сотрудников из России и государств СНГ, специализирующихся на изучении проблем международной миграции.

В **четырнадцатый выпуск** (2005 г.) включены доклады, которые были представлены на двух семинарах, организованных совместно Департаментом по миграции Совета Европы и кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: “Экономическая миграция в России — правовая защита мигрантов” (Москва, 18-19 декабря 2003 г.) и “Перспективы трудовой миграции в России и ее регионах: права мигрантов в контексте экономического и демографического развития” (Санкт-Петербург, 1–2 июля 2004 г.). В более чем 20 статьях анализируются наиболее актуальные проблемы трудовой миграции в России с позиции представителей государственных структур, занимающихся осуществлением миграционной политики, и ученых с разных точек зрения: политический, экономической, юридической, социальной, региональной, этнической. Доклады экспертов из европейских стран делятся опытом своих государств с управлением процессами международной трудовой миграции, в частности, какие преимущества несет в себе присоединение к Европейской Конвенции о правовом статусе трудовых мигрантов 1977 г.

Пятнадцатый выпуск (2005 г.) представляет собой сборник докладов, представленных на секцию по международной миграции XXV Конференции по народонаселению, организованной Международным

Союзом по научному изучению народонаселения (IUSSP) 18–23 июля 2005 г. в г. Туре (Франция). В докладах отображены наиболее типичные современные закономерности международной миграции, такие как глобализация миграционных потоков, возрастающая роль международной миграции в демографическом развитии принимающих стран, качественные сдвиги в мировых миграционных потоках, растущие масштабы и значение трудовой миграции, распространение незаконных форм миграции, феминизация миграционных потоков, двойственная роль миграционной политики. Книга опубликована на английском языке и распространялась среди участников конференции.

Шестнадцатый выпуск (2006 г.) представляет собой русскоязычную версию 15-того выпуска.

Семнадцатый выпуск (2006 г.) представлен монографией *Аминат Магомедовой «Экономико-демографические аспекты внешней миграции в России»*, Воздействие международной миграции на экономическое и демографическое развитие России рассматривается в книге как в историческом плане, так и с точки зрения современной теории миграции.

В восемнадцатом выпуске (2006 г.) представлены статьи российских и зарубежных исследователей, в которых исследуются теоретические и прикладные вопросы взаимосвязи между миграционными проблемами, с одной стороны, и экономическими и политическими процессами, с другой.

Девятнадцатый выпуск (2007 г.) представляет собой аннотированный библиографический указатель работ по миграции научных сотрудников и преподавателей Центра за 1967–2007 гг. Библиография дает представление о масштабе и традициях миграционных исследований, создавших основу для формирования современного подхода к изучению нынешнего, качественно нового этапа в миграционной истории России. Составитель – И.В. Ивахнюк.

Более подробную информацию о научной серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир», о тематике планируемых выпусков, об условиях участия в выпусках серии, а также об их приобретении можно узнать по адресу:

Москва, 119992, Ленинские горы, ГСП-2, Экономический факультет МГУ, кафедра народонаселения, к. 442 и 458.

Тел: (7 495) 939 29 28. Факс: (7 495) 939 08 77.

E-mail: iontsev@econ.msu.ru, ivakhniouk@econ.msu.ru.

Учитывая, что выпуски серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» выходят небольшими тиражами и редакция не может удовлетворить спрос всех желающих в их приобретении, выпуски серии размещаются на сайте кафедры народонаселения www.demostudy.ru и доступны для ознакомления.